

ДАЙНА ДЖЕФФРИС

Жена
чайного
плантатора

Еще один великолепный
исторический роман Дайны
Джеффрис...

Goodreads

Колоритная, историчная, атмосферная, богатая
сюжетными изломами и поворотами, роскошная книга.

Sunday Express

Annotation

1920-е годы. Девятнадцатилетняя англичанка Гвен выходит замуж за Лоуренса, обаятельного владельца огромной чайной плантации на Цейлоне. Гвен приезжает к мужу, полная надежд и планов на будущее. Но жизнь на Цейлоне, вопреки ожиданиям, оказывается не столь радужной. Недовольство рабочих. Злопыхательство соседей. Козни невестки. Но самое главное – покрытая мраком история смерти первой жены Лоуренса. Почему все так старательно скрывают обстоятельства ее гибели? Кто похоронен в безымянной могиле в лесу? Столкнувшись с тайнами прошлого своего мужа, Гвен оказывается перед трудным выбором...

Запоминающийся, нежный портрет женщины, вынужденной выбирать между супружеским долгом и материнским инстинктом...

Впервые на русском языке!

- [Дайна Джеффрис](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
    - [Глава 19](#)
    - [Глава 20](#)
    - [Глава 21](#)
    - [Глава 22](#)
    - [Глава 23](#)
    - [Глава 24](#)
    - [Глава 25](#)
    - [Глава 26](#)
  - [Часть четвертая](#)
    - [Глава 27](#)
    - [Глава 28](#)
    - [Глава 29](#)
    - [Глава 30](#)
    - [Глава 31](#)
    - [Глава 32](#)
    - [Глава 33](#)
    - [Глава 34](#)
    - [Глава 35](#)
  - [От автора](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Дайна Джеффрис

Жена чайного плантатора

*Памяти моего
сына Джейми*

Dinah Jefferies
THE TEA PLANTER'S WIFE

Original English language edition first published by Penguin Books
Ltd, London

Copyright © Dinah Jefferies 2015
The author has asserted her moral rights
All rights reserved

Перевод с английского Евгении Бутенко

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа «Азбука-Аттикус», 2021 Издательство Иностранка®

Пролог

Цейлон, 1913 год

Женщина поднесла к губам тонкий белый конверт. Она немного помедлила, прислушиваясь к мучительно сладким звукам играющей где-то вдалеке сингальской флейты. Повертела в голове свое решение, как перебирают гладкие камушки на ладони, потом запечатала конверт и приставила его к вазе с поникшими красными розами.

В ногах кровати с пологом стояла древняя оттоманка из темного дерева – боковины обтянуты атласом, мягкое кожаное сиденье. Женщина приподняла его, вынула из бельевого ящика свое свадебное платье цвета слоновой кости и накинула его на спинку стула, сморщив при этом нос от тошнотворного запаха нафталина.

Она выбрала розу, отломил цветок и взглянула на младенца, радуясь, что он все еще спит. Перед туалетным столиком она подняла цветок и приложила его к своим светлым волосам – он всегда говорил, что это такие тонкие шелковые нити, – потом встряхнула головой и отложила розу. Не сегодня.

На кровати беспорядочными кучками лежали детские вещи.

Кончиками пальцев женщина прикоснулась к свежeweыстиранной кофточке, вспомнив, как вязала ее много часов, до рези в глазах. Рядом с одежками лежали листы белой папиросной бумаги. Не откладывая дольше, она свернула голубую кофточку, положила ее между двумя листами, отнесла к оттоманке и опустила на дно обитого цинком ящика.

Каждая вещь была аккуратно сложена, помещена между слоями бумаги и добавлена к остальным шерстяным шапочкам, пинеткам, распашонкам и комбинезончикам. Голубой. Белый. Голубой. Белый. Последними ей под руку попались пеленки и махровые подгузники. Убрав все, она удовлетворенно посмотрела на проделанную работу и, отменяя в сторону таящийся за ней смысл, не побледнела.

Еще один взгляд на трепещущие ресницы ребенка подсказал, что малыш скоро проснется. Нужно спешить. Для себя она выбрала платье из восточного шелка живых сине-зеленых оттенков, длиной чуть выше лодыжек, с завышенной талией. Это был ее любимый наряд, присланный из Парижа. Она была в нем на той вечеринке, после

которой был зачат ребенок. Она помедлила. Не будет ли это расценено как попытка уязвить? Кто знает. Мне нравится цвет. Вот что она сказала себе. Прежде всего цвет.

Младенец захныкал и шевельнулся. Женщина взглянула на часы, вынула ребенка из кроватки и села в кресло для кормления у окна, чувствуя, как легкий ветерок холодит кожу. Солнце стояло высоко, скоро наступит жара. Где-то в доме лаяла собака, с кухни несся упоительный запах стряпни.

Она распахнула халат, обнажив беломраморную грудь. Малыш потыкался носом и присосался к ней. Крепкие же у него челюсти, такие крепкие, что соски у нее потрескались и, чтобы выносить боль, приходилось закусывать губу. Желая как-то отвлечься, она оглядела комнату. В каждом углу застыли воспоминания в форме каких-нибудь вещей: резной стульчик для ног был привезен с севера; абажур лампы у кровати она расшила сама; ковер купили в Индокитае.

Она погладила малыша по щеке, он перестал сосать, поднял ручку и на один бесконечно прекрасный миг коснулся нежными пальчиками ее лица. Тут можно было бы и расплакаться.

Спеленутого младенца она положила на постель, завернула в мягкую вязаную шаль, потом оделась сама, взяла его на одну руку и огляделась. Опустила свободной рукой сиденье оттоманки, бросила непригодившуюся розу в лакированную корзину для бумаг и провела ладонью по оставшимся в вазе цветам. С них посыпались лепестки, пролетели мимо белого конверта и упали, как брызги крови, на полированный пол красного дерева.

Она открыла французское окно и, окинув взглядом сад, трижды глубоко вдохнула напоенный ароматом жасмина воздух. Ветер стих, флейта умолкла. Она думала, что ей будет страшно, но вместо этого почувствовала долгожданное облегчение. Все, довольно. Она двинулась вперед, делая один за другим уверенные, твердые шаги, и, когда дом остался позади, представила себе самый нежный оттенок сиреневого – цвет спокойствия.

Часть первая

Новая жизнь

Глава 1

Двенадцать лет спустя. Цейлон, 1925 год

Держа в одной руке соломенную шляпку, Гвен прислонилась к просоленным перилам и снова глянула вниз. Она уже целый час следила за изменением цвета моря и проплывавшими мимо обрывками бумаги, апельсиновыми корками и листьями. Теперь вода из темно-бирюзовой стала грязно-серой, ясно, что осталось недолго. Она высунулась еще немного дальше за перила, чтобы проводить взглядом клочок серебристой обертки.

Когда зазвучал пароходный гудок – громкий, долгий и как будто прямо над ухом, – Гвен вздрогнула и от неожиданности выпустила поручни, за которые держалась. Маленькая атласная сумочка с изящным бисерным шнурком – прощальный подарок матери – выскользнула у нее из пальцев. Она ахнула и попыталась подхватить ее, но было поздно – сумочка полетела в океан, закружилась в мутной воде и пошла ко дну. А вместе с ней и деньги, и аккуратно сложенное письмо Лоуренса с инструкциями.

Гвен растерянно огляделась и ощутила очередной приступ беспокойства, от которого не могла избавиться с тех пор, как покинула Англию. «Из Глостершира дальше Цейлона не уедешь», – говорил отец. Его голос еще звучал в голове у Гвен, а она уже с испугом слышала другой, явно мужской, но необычайно ласковый:

– Впервые на Востоке?

Привыкшая к тому, что ее фиалковые глаза и светлая кожа всегда привлекают внимание, Гвен обернулась и была вынуждена прищуриться от яркого солнечного света.

– Я... Да. Я еду к мужу. Мы только недавно поженились. – Она сделала вдох, чтобы остановиться и не выболтать сразу всю историю.

Широкоплечий мужчина среднего роста с крупным носом и блестящими глазами карамельного цвета смотрел прямо на нее. Его черные брови, курчавые волосы и темная гладкая кожа приковали к себе взгляд Гвен. Трепеща внутри, она не сводила глаз с незнакомца, пока тот не улыбнулся ей приветливо.

– Вам повезло. К маю на море обычно начинает штормить. Чайный плантатор, полагаю, – сказал мужчина, – ваш муж.

– Откуда вы знаете?

Он развел руками:

– Есть такой особый тип. – (Гвен посмотрела на свое бежевое платье с заниженной талией, высоким воротником и длинным рукавом. Ей не хотелось относиться ни к какому «типу», однако она поняла, что если бы не повязанный на шею шифоновый шарф, то вообще выглядела бы блекло.) – Я видел, что случилось. И сожалею о вашей сумочке.

– Да уж, такая глупость, – сказала Гвен, надеясь, что не краснеет.

Будь она немного больше похожа на свою кузину Фрэн, могла бы завести с незнакомцем беседу, но вместо этого, подумав, что их краткий разговор закончен, отвернулась и стала следить за приближением корабля к Коломбо.

Над мерцающим городом распростерлось кобальтовое небо, отчеркнутое от земли фиолетовыми холмами, под деревьями лежала густая тень, воздух звенел от криков чаек, круживших над скопищем маленьких лодок на воде. Возбуждение бурлило в Гвен – все было так необычно. Она скучала по Лоуренсу и на мгновение позволила себе предаться мечтам о нем. Мечтать было легко, но реальность была такой захватывающей, что в животе у нее запорхали бабочки. Гвен сделала глубокий вдох, надеясь наполнить грудь соленым морским воздухом, и удивилась, ощутив запах чего-то более душистого, чем соль.

– Что это? – спросила она, повернувшись к незнакомцу, который – чувства ее не обманули – так и не сдвинулся с места.

Мужчина помедлил, принохаясь.

– Корица и, вероятно, сандаловое дерево.

– Тут есть что-то сладкое.

– Цветы жасмина. На Цейлоне много цветов.

– Как мило, – произнесла Гвен, тем не менее понимая, что это не все.

Сквозь соблазнительные ароматы пробивался запах какой-то тухлятины.

– Боюсь, еще пахнет канализацией.

Гвен кивнула. Вероятно, так и было.

– Я не представился. Меня зовут Сави Равасингхе.

– О... – Она помолчала. – Вы... то есть я не видела вас за обедом.

Он состроил гримасу:

– Вы имели в виду – не пассажир первого класса? Да. Я сингал.

До сих пор Гвен не замечала, что мужчина стоял по другую сторону каната, разделявшего классы.

– Что ж, очень приятно с вами познакомиться, – произнесла она, стягивая с одной руки белую перчатку. – Я Гвендолин Хупер.

– Значит, вы новая жена Лоуренса Хупера.

Гвен потрогала крупный цейлонский сапфир на своем перстне и кивнула, слегка удивившись:

– Вы знаете моего мужа?

Сави наклонил голову:

– Я с ним встречался, да, а теперь, боюсь, мне пора идти. – (Она протянула руку, радуясь новому знакомству.) – Надеюсь, вы будете очень счастливы на Цейлоне, миссис Хупер. – Он будто не заметил ее протянутой руки, сложил ладони перед грудью пальцами вверх и слегка поклонился. – Пусть сбудутся ваши мечты... – Мгновение постоял с закрытыми глазами и ушел.

Гвен немного смутили его слова и странный прощальный жест, но, отягощенная более насущными проблемами, она лишь пожалала плечами. Ей нужно постараться вспомнить указания Лоуренса из потерянного письма.

К счастью, пассажиры первого класса, а значит, и Гвен сходили на берег прежде других. Она подумала о своем новом знакомом и невольно почувствовала себя очарованной. Никогда еще не встречались ей столь экзотические люди. Было бы гораздо веселее, если бы он остался, чтобы составить ей компанию, хотя, конечно, это было невозможно.

Гвен оказалась совершенно не готовой к шоку от жгучей цейлонской жары, звенящих красок и контраста между яркостью света и глубиной теней. Шум обрушился на нее: колокольчики, гудки, людские голоса и жужжание насекомых – все это охватило ее, стало вертеться и кружиться вокруг, пока она не почувствовала себя одним из кусочков болтающегося на волнах плавучего мусора, за которыми наблюдала недавно с борта корабля. Вдруг общий гул перекрыл громкий трубный глас. Гвен обернулась и как зачарованная уставилась

на деревянную пристань, где, задрав вверх хобот, стоял и мощно трубил слон.

Привыкнув к виду слона, Гвен отважилась зайти в здание администрации порта. Она договорилась насчет своего дорожного сундука и села на деревянную скамью на улице. Влажно, жарко и душно. Кроме шляпки, защититься от солнца было нечем, да и ту приходилось время от времени использовать, чтобы смахивать со лба прилипчивых мошек. Лоуренс обещал приехать в порт, но пока его что-то было не видно. Гвен попыталась вспомнить, как он велел ей поступить в случае какой-нибудь непредвиденной ситуации, и тут снова увидела мистера Равасингхе, который появился из предназначенного для пассажиров второго класса выхода в борту судна. Избегая глядеть на него, она надеялась скрыть смущение: надо же было оказаться в таком глупом положении! Повернув голову в другую сторону, Гвен стала наблюдать за неуклюжей погрузкой ящиков с чаем на баржу в другом конце причала.

Запах канализации давно уже перекрыл пряный аромат корицы и теперь смешался с прочей мерзкой вонью: канатной смазкой, навозом, гниющей рыбой. И по мере того как причал заполнялся раздраженными пассажирами, которых осаждали торговцы и разносчики, предлагавшие самоцветы и шелка, Гвен начало подташнивать от нервного напряжения. Что она будет делать, если Лоуренс не приедет? Он обещал. Ей всего девятнадцать, и он знает, что она никуда не выезжала из поместья Оул-Три, разве что пару раз добиралась с Фрэн до Лондона. Чувствуя себя совсем одинокой, Гвен пала духом. Плохо было уже то, что Фрэн не смогла отправиться в путь вместе с ней: сразу после свадьбы Гвен ее кузину вызвал к себе адвокат. И хотя Гвен доверила бы Лоуренсу свою жизнь, она не могла не чувствовать себя немного расстроенной из-за сложившейся ситуации.

В толпе сновал целый рой полуголых смуглых ребятишек, которые совали пассажирам связки коричневых палочек и, глядя на них огромными молящими глазами, выпрашивали рупии. Мальчуган лет пяти протянул пучок корицы Гвен. Она поднесла его к носу и понюхала. Ребенок заговорил, но для Гвен это была какая-то тарабарщина, и, к несчастью, у нее не было ни рупий, чтобы дать ему, ни английских денег.

Гвен встала и немного прошлась вокруг. Налетел короткий порыв ветра, и откуда-то издалека донесся тревожный звук: бум, бум, бум. «Барабаны», – подумала она. Били они громко, но не настолько, чтобы можно было отчетливо расслышать ритм. Гвен еще не успела далеко отойти от оставленного рядом со скамьей чемоданчика, как вдруг услышала оклик – ее звал мистер Равасингхе – и почувствовала, что на лбу у нее выступают капельки пота.

– Миссис Хупер, не оставляйте свои вещи без присмотра.

Она вытерла пот тыльной стороной ладони:

– Я слежу за ними.

– Люди бедны и готовы на все. Пойдемте, я отнесу ваш чемодан и найду вам более прохладное место для ожидания.

– Вы очень добры.

– Вовсе нет. – Он поддерживал ее за локоть только кончиками пальцев и прокладывал им путь по зданию портовой администрации. – Это Черч-стрит. А теперь взгляните вон туда – на самом краю Гордон-гарден растет *сурия*, или тюльпанное дерево, как его еще называют.

Гвен посмотрела. Толстый ствол был весь в глубоких складках, как женская юбка, а крона, усыпанная ярко-оранжевыми цветами в форме колокольчиков, давала какую-то странную огненную тень.

– Там будет немного прохладнее, хотя послеполуденная жара очень сильная и муссон еще не пришел, так что особого облегчения вы не получите.

– Вам и правда ни к чему оставаться со мной, – сказала Гвен.

Сави улыбнулся и прищурил глаза:

– Я не могу оставить вас здесь одну, без денег и совсем чужую в нашем городе.

Радуюсь его компании, Гвен улыбнулась.

Они прошли к указанному им месту, и она провела еще час, прислонившись к дереву, обливаясь потом, который струйками стекал по ее телу под одеждой, и размышляя, во что она ввязалась, согласившись жить на Цейлоне. Шум усилился, и хотя ее спутник, окруженный толпой людей, стоял близко, ему приходилось кричать, чтобы она его расслышала.

– Если ваш муж не появится к трем часам, надеюсь, вы не откажетесь от моего предложения перебраться в отель «Галле-Фейс».

Там свежо, есть вентиляторы и прохладительные напитки, вам будет гораздо комфортнее.

Гвен заколебалась: ей не хотелось покидать ставшее уже привычным место.

– Но как Лоуренс узнает, что я там?

– Он поймет. Любой британец, кто бы он ни был, отправляется в «Галле-Фейс».

Она взглянула на внушительный фасад отеля «Гранд Ориентал»:

– Не туда?

– Определенно нет. Поверьте мне.

Ранний вечер пылал огненным светом, ветер дунул ей в лицо облаком песка, и по щекам ее заструились слезы. Гвен быстро заморгала, потом протерла глаза, решая про себя, можно ли доверять новому знакомому. Вероятно, он прав. На такой жаре и умереть недолго.

Неподалеку от того места, где она стояла, под рядами трепещущих белых лент, натянутых поперек улицы, сформировалась плотная толпа людей; мужчина в коричневой хламиде стоял среди группы женщин в цветастых одеждах и издавал какие-то повторяющиеся высокие звуки. Мистер Равасингхе заметил, что Гвен смотрит на эту сцену.

– Монах произносит *пиритху*, – сказал он. – Это делают, когда кто-нибудь умирает, чтобы обеспечить хороший уход. Тут, думаю, свершилось какое-то великое зло или, по крайней мере, смерть. Монах пытается очистить место от всякой оставшейся скверны, призывая милость богов. На Цейлоне мы верим в духов.

– Вы все буддисты?

– Я – да, но тут есть индусы и мусульмане.

– А христиане?

Сави медленно кивнул.

Когда и к трем часам Лоуренс не появился, мистер Равасингхе протянул ей руку и спросил:

– Ну что?

Гвен кивнула, и он кликнул рикшу, на котором были лишь тюрбан и грязная набедренная повязка. Взглянув на его худую спину, она содрогнулась:

– Я ни за что не поеду на этом.

– Вы предпочитаете повозку с волами? – (Посмотрев на кучу овальных оранжевых плодов, наваленных на телегу с огромными деревянными колесами и убогим навесом, Гвен почувствовала, что краснеет.) – Прошу простить меня, миссис Хупер, мне не следовало шутить над вами. Ваш муж использует повозки вроде этой для транспортировки ящиков с чаем. Мы поедем в маленькой коляске. Всего один вол и крыша из пальмовых листьев.

Гвен указала на оранжевые фрукты:

– Что это?

– Королевские кокосы. Только для сока. Хотите пить?

Хоть она и хотела, но все равно покачала головой. На стене прямо за спиной мистера Равасингхе висел большой плакат, на котором была изображена темнокожая женщина в красно-желтом сари, босоногая, с золотыми браслетами на лодыжках и желтым шарфом на голове. «Вкуснейший чай», – гласила надпись. Пальцы у Гвен стали липкими, и ее омыло волной тошнотворной паники. Как же далеко она от дома!

– Вы сами видите, – говорил между тем мистер Равасингхе, – машин тут совсем мало, и рикша, определенно, довезет быстрее. Если вам это не нравится, мы можем подождать и я попытаюсь найти коляску с лошадьё. Или, если вам так будет удобнее, могу поехать вместе с вами на рикше.

В этот момент откуда ни возьмись появилась большая черная машина, она гудками прокладывала себе путь, разгоняя пешеходов, велосипедистов, повозки, тележки и едва не наезжая на бесчисленных спящих собак. «Лоуренс», – с облегчением подумала Гвен, однако, бросив взгляд в проезжавшее мимо авто, увидела внутри только двух европейского вида женщин средних лет. Одна из них повернула голову и посмотрела на Гвен с выражением неодобрения на лице.

«Ладно, – мысленно сказала себе Гвен, решившись наконец, – рикша так рикша».

Несколько тощих пальм качались на ветру перед отелем «Галле-Фейс», а само здание смотрело в сторону океана очень по-британски. Когда мистер Равасингхе попрощался с Гвен изящным восточным жестом и теплой улыбкой, она с грустью посмотрела ему вслед, однако после этого бодро прошла мимо двух изогнутых лестниц и уселась ждать в относительной прохладе Пальмового фойе. Она мигом

почувствовала себя как дома и закрыла глаза, радуясь, что можно хоть немного отдохнуть после мощной атаки на все ее органы чувств. Однако передышка едва ли продлится долго. Скоро, наверное, придет Лоуренс, а она сейчас далеко не в лучшей форме, ей хотелось бы произвести на мужа совсем другое впечатление. Не спеша выпив чашку цейлонского чая, Гвен окинула взглядом уставленный столиками и стульями зал с полированным тиковым полом. Присмотрелась в углу скромную табличку, обозначающую, где находится дамская комната. В помещении с приятным запахом и множеством зеркал она умыла многократно отраженное в них лицо и протерла его туалетной водой «Après L'Ondée», флакон которой, к счастью, лежал в ее маленьком чемоданчике, а не в сумочке-утопленнице. Гвен чувствовала себя липкой от пота, текшего из-под мышек, но что поделаешь. Она аккуратно заколола волосы, свернув их в узел на затылке. Волосы, говорил Лоуренс, ее главное украшение, венец славы – длинные, черные, завивавшиеся кольцами, когда распущены. Один раз она обмолвилась, что собирается коротко подстричься, как Фрэн, в стиле эмансипе. Лоуренс ужаснулся, вытянул из ее прически завиток волос, а потом наклонился к ней и потерся подбородком о макушку. Затем поднес ладони к вискам Гвен, запустил пальцы в ее волосы, приподнимая их, и посмотрел ей в глаза:

– Никогда не обрезай их. Обещай мне.

Она молча кивнула, не в силах произнести ни слова. Щекотное прикосновение его пальцев пробудило в ней массу доселе не испытанных ощущений.

Их брачная ночь была бесподобной, так же как и вся следующая неделя. В последнюю ночь оба они не спали. Лоуренсу пришлось подняться с постели до зари, чтобы успеть вовремя добраться до Саутгемптона и сесть на корабль, шедший на Цейлон. Хотя он и жалел, что она не едет с ним, у него были дела, и они посчитали, что время разлуки пройдет незаметно. Он не возражал, чтобы Гвен осталась и подождала сестру, но сама она пожалела об этом, стоило Лоуренсу уйти, и с трудом представляла себе, как будет жить без него. Потом, когда Фрэн задержалась в Лондоне – она сдавала внаем какую-то недвижимость, – Гвен решила, что поедет одна.

Девушка весьма привлекательная, Гвен не испытывала недостатка в поклонниках, однако в Лоуренса влюбилась с первого взгляда, как

только увидела его на музыкальном вечере в Лондоне, куда ее привезла Фрэн. Стоило ему улыбнуться и подойти к ней с намерением представиться, как она пропала. После этого они встречались каждый день, и когда он сделал ей предложение, она подняла к нему пылающее лицо и без колебаний ответила: «Да». Ее родители не слишком обрадовались, что тридцатисемилетний вдовец захотел жениться на их дочери. Отца пришлось даже немного поугovarивать, однако его впечатлило предложение Лоуренса оставить вместо себя на плантации управляющего и вернуться жить в Англию. Гвен и слушать не хотела об этом. Если сердце Лоуренса принадлежало Цейлону, значит и ее сердце приютится там же.

Закрыв за собой дверь дамской комнаты, Гвен увидела Лоуренса – он стоял к ней спиной в просторном холле, – и у нее перехватило дыхание. Она потрогала ожерелье на шее, поправила центральную бусину в форме капли, чтобы висела прямо посередине, и, ошеломленная наплывом чувств, замерла на месте, впитывая в себя образ мужа – высокого, широкоплечего; волосы короткие, светло-каштановые, с легкой проседью на висках. Выпускник Винчестерской школы, Лоуренс Хупер выглядел так, будто уверенность текла у него по венам. Это был человек, которого обожали женщины и уважали мужчины. Тем не менее он читал Роберта Фроста и Уильяма Батлера Йейтса. Гвен любила его за это и за то, что он уже знал: она была далеко не той скромной девушкой, какой ее считали посторонние.

Лоуренс словно почувствовал на себе взгляд жены и обернулся. В его огненных карих глазах промелькнуло облегчение, а лицо расплылось в улыбке, и он размашистым шагом направился к ней. Гвен находила особенно неотразимыми его точеные скулы и подбородок с ложбинкой, так же как и волосы, которые двумя пышными волнами были зачесаны назад и завихрялись на сдвоенной макушке. Так как Лоуренс был в шортах, Гвен увидела его загорелые ноги, в целом он выглядел гораздо более запыленным и потрепанным, чем в прохладе английского загородного дома.

Загоревшись энергией, Гвен бросилась навстречу мужу. Он мгновенно подержал ее на расстоянии вытянутых рук, а потом помедвежьим образом обнял, обнял так крепко, что она едва могла дышать, и закружил. Сердце у Гвен продолжало колотиться, даже когда он наконец отпустил ее.

– Ты не представляешь, как я скучал по тебе, – хрипловатым низким голосом сказал Лоуренс.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Спросил управляющего портом, куда отправилась самая красивая на Цейлоне женщина.

– Это очень мило, – улыбнулась Гвен, – но, конечно, не про меня.

– Одна из самых восхитительных черт в тебе – та, что ты даже не представляешь, как хороша. – Он взял ее руки в свои. – Прости, что опоздал.

– Это не беда. Обо мне позаботился один человек. Он сказал, что знает тебя. Мистер Равасингхе – так, кажется, его зовут.

– Сави Равасингхе?

– Да. – Гвен ощутила покалывание сзади на шее.

Лоуренс нахмурился и прищурился, отчего стали глубже преждевременные морщины, веером расходившиеся по его лбу. Гвен захотелось прикоснуться к ним. Ее супруг успел пожить, и от этого ее влекло к нему еще сильнее.

– Ну ничего, – сказал Лоуренс, быстро возвращаясь к хорошему настроению. – Теперь я здесь. Проклятая машина сломалась. К счастью, Нику Макгрегору удалось ее починить. Назад ехать уже поздно, так что я закажу нам номер.

Они направились к стойке регистрации. Закончив переговоры с клерком, Лоуренс наклонился к Гвен, и, когда его губы коснулись ее щеки, у нее вырвался легкий вздох.

– Твой сундук доставят поездом, – сказал он. – По крайней мере, до Хаттона.

– Знаю. Я говорила с одним человеком в администрации порта.

– Хорошо. Макгрегор организует, чтобы какой-нибудь кули привез его со станции на воловьей повозке. Тебе хватит вещей в этом чемоданчике до завтра?

– Вполне.

– Хочешь чая?

– А ты?

– Сама как думаешь?

Гвен искоса глянула на него и улыбнулась, подавив невольный порыв рассмеяться во весь голос, а Лоуренс попросил клерка, чтобы их багаж быстро отнесли в номер.

Взявшись за руки, они стали подниматься по лестнице, но на повороте Гвен вдруг оробела. Лоуренс оставил ее и пошел вперед, отпер и распахнул дверь.

Гвен преодолела последние ступеньки и заглянула внутрь.

В высокие окна лился свет вечернего солнца, придавая стенам нежно-розовый оттенок; по обеим сторонам от кровати уже горели две лампы с расписными подставками в виде ваз; в комнате пахло апельсинами. Глядя на эту столь явно интимную обстановку, Гвен почувствовала прилив тепла на затылке и помассировала там кожу. Момент, столько раз рисовавшийся ей в воображении, наконец настал, а она нерешительно застыла на пороге.

– Тебе не нравится? – спросил Лоуренс, при этом глаза его сияли; Гвен ощутила биение пульса в горле. – Дорогая?

– Мне очень нравится, – выдавила она.

Он подошел и распустил ее скелотые шпильками волосы:

– Вот. Так лучше. – (Гвен кивнула.) – Сейчас принесут наши вещи. Думаю, у нас есть немного времени, – сказал Лоуренс и прикоснулся кончиком пальца к ее нижней губе, но тут как по команде раздался стук в дверь.

– Я открою окно, – пролепетала Гвен и отступила назад, радуясь, что подвернулся предлог не выказывать перед коридорным своего глупого волнения.

Окно выходило на океан, и Гвен, открыв его, увидела серебристо-золотую рябь – солнце цепляло лучами верхушки волн. Да, именно этого она хотела, но неужели они с Лоуренсом провели вместе неделю в Англии? И дом остался так далеко. Эта мысль привела Гвен на грань слез. Она с закрытыми глазами слушала, что происходит в номере: коридорный внес багаж и ушел. Тогда Гвен оглянулась через плечо на Лоуренса.

Он криво улыбнулся ей:

– Что-нибудь не так? – (Понурич плечи, она уставилась в пол.) – Гвен, посмотри на меня.

Она часто заморгала, и в комнате воцарилась тишина. Мысли роились у нее в голове, она подыскивала слова, чтобы объяснить свое ощущение, будто ее катапультной забросили в совершенно незнакомый мир, хотя дело было не только в этом – чувство, что она стоит перед

ним голой, тоже нервировало. Пытаясь побороть смущение, Гвен подняла глаза и очень медленно сделала несколько шагов к мужу.

Он вздохнул с облегчением:

– Я уже стал беспокоиться.

Ноги у нее задрожали.

– Я веду себя глупо. Все так ново... Ты такой новый.

Лоуренс улыбнулся и подошел к ней:

– Ну, если дело лишь в этом, то мы все легко поправим.

Гвен прильнула к нему, чувствуя головокружение, а он стал возиться с застежкой на спинке платья.

– Давай я, – сказала она и, запустив руку назад, сняла с пуговицы петельку. – Тут нужна сноровка.

– Придется мне поучиться, – засмеялся Лоуренс.

Час спустя Лоуренс уже спал. Подпитанная долгим ожиданием, их любовная близость была еще более пылкой, чем в брачную ночь. Гвен вспомнила свое прибытие на Цейлон: казалось, жаркое солнце Коломбо высосало из ее тела всю энергию. Она ошиблась. Энергии у нее осталось в избытке, хотя сейчас, лежа и прислушиваясь к ниточкам звуков, тянувшихся из внешнего мира, Гвен ощутила тяжесть в руках и ногах и готова была провалиться в сон. Она начала сознавать, как естественно ей лежать рядом с Лоуренсом, и, улыбнувшись при мысли о своей прежней нервозности, устроилась поудобнее, чтобы смотреть на мужа и ощущать тепло его тела в тех местах, где он словно приклеился к ней. Очищенная от всех прочих эмоций, ее любовь целиком перетекла в этот прекрасный момент. Все будет хорошо. Еще минуту или две она вдыхала мускусный запах Лоуренса, следя за тем, как тени в комнате удлиняются. Затем они быстро растворились в темноте; Гвен глубоко вдохнула и закрыла глаза.

Глава 2

Два дня спустя Гвен на заре разбудил солнечный свет, бивший в комнату сквозь муслиновые занавески. Она сразу подумала о завтраке с Лоуренсом, после которого должен состояться грандиозный тур по поместью. Сев на краю постели, она расплела косы, потом спустила ноги на пол, и они утонули в мягком меховом ковре. Она глянула вниз и пошевелила пальцами в пушистой белизне: интересно, какому зверю принадлежала эта шкура? Встав с постели, она накинула бледно-розовый халат, заботливо повешенный кем-то на спинку стула.

Они прибыли на плантацию рядом с горной деревушкой накануне вечером, как раз перед заходом солнца. С раскалывавшейся от усталости головой, ослепленная яростными пурпурно-красными красками заката, Гвен рухнула в постель.

Теперь она по дощатому полу подошла к окну и раздвинула шторы. Глубоко вдохнула, глядя в первое утро своего нового мира, и прищурилась от его яркости, оглушенная шквалом жужжания, свиста и чириканья.

Перед ней тремя террасами спускался вниз по склону холма к озеру цветущий сад с дорожками, лесенками и притулившимися под деревьями скамьями. Такого прекрасного, сверкавшего серебром озера Гвен никогда еще не видела. Все воспоминания о вчерашней автомобильной поездке с ужасающе крутыми, как изгиб шпильки для волос, поворотами, глубокими ущельями и тошнотворными толчками на ухабах моментально смыло. За озером поднимались вверх по склону и окружали зеркало воды ковром зеленого бархата длинные ряды чайных кустов, такие ровные и симметричные, будто их простегали нитью. Среди них сборщицы чая в ярких сари уже занимались своим кропотливым делом. Издали они напоминали вытканых на ковре разноцветных птиц, застывших на миг, прежде чем схватить что-нибудь в клюв.

Под окном спальни росло грейпфрутовое дерево, а рядом с ним еще одно, которое Гвен не могла опознать, но на нем висели ягоды вроде вишен. Надо бы нарвать их к завтраку, решила она. На столике внизу сидело какое-то маленькое создание – не то мартышка, не то сова – и смотрело на нее круглыми как блюдца глазами. Гвен

оглянулась на огромную кровать с пологом, завешенную mosquito net. Атласное покрывало на одной стороне постели было едва смято, и она подумала: странно, что Лоуренс не присоединился к ней. Вероятно, он хотел дать ей спокойно выспаться после поездки и ушел в свою комнату. Услышав скрип открываемой двери, Гвен повернула голову:

– О, Лоуренс, я...

– Леди. Вы должны знать. Я Навина. Здесь, чтобы служить вам.

Гвен уставилась на низенькую коренастую женщину, одетую в длинную сине-желтую юбку с запахом и белую блузу, и отметила про себя, что она немолода: сидящая коса до самого пояса, круглое лицо, сплошь покрытое морщинами, и бесстрастные глаза с темными кругами под ними.

– Где Лоуренс?

– Хозяин на работе. Два часа, как ушел.

Гвен, расстроенная, отошла от окна и села на постель.

– Вы хотите завтрак там? – Служанка указала на маленький столик за окном. Последовала пауза, в продолжение которой женщины смотрели друг на друга. – На веранде?

– Я бы хотела сперва умыться. Где тут ванная?

Навина пересекла комнату, от ее волос и одежды на Гвен пахнуло каким-то необычным пряным ароматом.

– Вот, леди, – сказала она. – За ширмой ваша купальная комната, но туалетный кули еще не пришел.

– Туалетный кули?

– Да, леди. Скоро будет.

– Вода горячая?

Женщина покачала головой, будто описывая в воздухе узкие восьмерки. Гвен не поняла, означало это «да» или «нет», и решила, что служанка, должно быть, так выразила неуверенность.

– Тут есть дровяной котел, леди. Дерево альбиция. Горячая вода приходит утром и вечером, один час.

Гвен вскинула голову и постаралась произнести с уверенностью, какой на самом деле не ощущала:

– Отлично. Я умоюсь, а потом позавтракаю на улице.

– Очень хорошо, леди. – Навина указала на французские окна. – Они открываются на веранду. Я буду приходить и уходить. Носить вам

чай.

– Что там за зверь?

Служанка повернулась посмотреть, но на столике уже никого не было.

В полном контрасте с удушающей, влажной жарой Коломбо утро здесь было хотя и солнечным, но немного прохладным. После завтрака Гвен сорвала с дерева вишню; ягода была красивая, темно-красная, но, когда она ее надкусила, вкус оказался кислый, пришлось ее выплюнуть. Накинув на плечи шаль, Гвен отправилась осматривать дом.

Прежде всего она исследовала широкий коридор с высоким потолком, тянувшийся вдоль всего дома. Темный деревянный пол поблескивал, на стенах по всей длине висели масляные лампы. Гвен принюхалась. Она ожидала, что здесь будет пахнуть сигарным дымом, как и было на самом деле, но ощущался также сильный запах кокосового масла и душистой мастики. Лоуренс называл этот дом бунгало, но Гвен заметила широкую тиковую лестницу, которая вела из просторного холла на второй этаж. По другую сторону лестницы у стены стоял красивый, инкрустированный перламутром шифоньер, а рядом с ним находилась дверь. Гвен открыла ее и вошла в большую гостиную.

Удивленная ее размерами, она глубоко вдохнула, открыла ставни на одном из расположенных вдоль всей стены окон и увидела, что эта комната тоже выходит на озеро. Внутрь хлынул свет. Гвен огляделась. Стены гостиной были окрашены в самый нежный голубовато-зеленый цвет, какой только можно представить, и это придавало ей весьма свежий вид. Дополняли обстановку уютные кресла и два светлых дивана, заваленные вышитыми подушками с изображениями птиц, слонов и экзотических цветов. На спинке одного дивана лежала шкура леопарда.

Гвен ступила на сине-кремовый персидский ковер – их тут было два – и закружилась, раскинув руки. Да, здесь очень мило. Действительно мило.

Ее испугало глухое рычание. Она глянула вниз и увидела, что отдала лапу спящей собаке – черной, с гладкой шерстью. Похоже, это был лабрадор, очень ухоженный, но не совсем обычный. Гвен

шарахнулась назад, опасаясь, как бы пес ее не укусил. В этот момент в комнату почти беззвучно вошел мужчина средних лет. Узкоплечий, с мелкими чертами лица и шафраново-коричневой кожей, он был одет в белый *саронг*, белый пиджак и белый же тюрбан.

– Старого пса зовут Таппер, леди. Любимая собака хозяина. Я дворецкий, а это – второй завтрак. – Он приподнял поднос, который держал в руках, после чего поставил его на маленький столик. – Наш собственный листовой оранж пекое.

– Правда? Я только что позавтракала.

– Хозяин вернется после двенадцати. Вы услышите гудок для работников, и потом он появится здесь. Там журналы для вас. – Он указал на деревянную стойку у камина. – Можете почитать.

– Благодарю.

Камин был большой, обложенный камнем, с медными щипцами, совком и кочергой, обычными атрибутами очага, по соседству с ними стояла гигантская корзина, доверху набитая поленьями. Гвен улыбнулась. Впереди уютный вечер – они вдвоем, обнявшись, будут сидеть перед огнем.

До возвращения Лоуренса оставался всего час, поэтому, не притронувшись к чаю, Гвен решила осмотреть дом снаружи. Вчера они подъехали к нему на новом «даймлере» Лоуренса уже в сумерках, и она не смогла разглядеть фасад. Отыскав обратный путь по коридору в главный холл, Гвен открыла одну створку темных двойных дверей с симпатичным веерообразным окошком наверху и оказалась на крыльце под тенистым навесом. Гравийная дорожка, обсаженная цветущими тюльпанными деревьями вперемежку с пальмами, зигзагами уходила от дома вверх, в горы. Несколько опавших цветков лежали на краю газона, будто там сами по себе выросли тюльпаны.

Гвен хотелось прогуляться в горы, но сперва она завернула за угол, где находилась крытая терраса. Из нее тоже открывался вид на озеро, но немного под другим углом, чем в ее комнате. Крышу террасы, своеобразный портик, поддерживали восемь колонн из темного дерева, пол был мраморный, мебель из ротанга, а стол уже накрыт к обеду. Вверх по одной из колонн проскакала и скрылась за балкой шустряя белка. Это вызвало у Гвен улыбку.

Вернувшись к входу в дом, она пошла по гравийной дорожке, пересчитывая деревья. Чем выше она поднималась, тем сильнее

покрывалась потом, но решила не оглядываться, пока не досчитает до двадцати. Гвен считала и вдыхала аромат персидских роз, а жара тем временем усиливалась, хотя, к счастью, не доходила до точки кипения, как в Коломбо. По обеим сторонам дорожки росли кусты с крупными листьями в форме сердца и персиково-белыми цветами.

На двадцатом дереве Гвен скинула с себя шаль и обернулась. Все сверкало: озеро, красная крыша дома, даже сам воздух. Она сделала глубокий вдох, как будто так хотела впитать в себя каждую частичку этой красоты: душистые цветы, ошеломляющий пейзаж, светящуюся зелень покрытых чайными кустами склонов, пение птиц. Голова кружилась. Все пребывало в движении, и воздух, наполненный кипучей жизнью, звенел от беспрестанной суеты.

С этой выгодной точки обзора дом был как на ладони. Высокая задняя часть его шла параллельно озеру, справа к ней примыкала терраса, и с одной стороны была сделана пристройка, так что в плане дом представлял собой букву «Г». Рядом с пристройкой имелся двор, от которого шла дорожка, исчезающая за стеной из высоких деревьев. Гвен сделала еще несколько живительных глотков чистейшего воздуха.

Тишину нарушил отвратительный звук полуденного гудка. Она потеряла счет времени, но сердце у нее на миг замерло, когда она заметила Лоуренса, шагавшего к дому вместе с каким-то незнакомым мужчиной. Ее муж явно был в своей стихии, энергичный и деловитый. Гвен закинула шаль на плечо и припустила к дому. Однако спуск по склону оказался не таким удобным, как подъем. Через пару минут она поскользнулась на гравии, зацепилась носком туфли за торчавший из земли корень, потеряла равновесие и упала лицом вперед, так сильно ударившись о землю, что у нее перехватило дыхание.

Когда она обрела способность нормально дышать и попыталась встать на ноги, левая лодыжка у нее подкосилась. Гвен потеряла сознание на лбу, у нее закружилась голова, она села на землю и ощутила начало приступа головной боли, причиной которого стал солнцепек. Утром было так свежо, что она и не подумала надеть шляпу. Из-за деревьев раздался какой-то страшный визг. Так мог кричать от боли кот или ребенок, а может, шакал. Ей не хотелось ждать, чтобы узнать, кто это был. Она заставила себя подняться, на этот раз сжав зубы, чтобы не спасовать перед болью, и заковыляла вниз, к дому.

Как только Гвен показалась на дорожке против входа, Лоуренс вышел из дому и заторопился к ней.

– Как я рада тебя видеть! – крикнула она, и дыхание у нее участилось. – Я пошла наверх, чтобы полюбоваться видом, но упала.

– Дорогая, это небезопасно. Там встречаются змеи. Травяные, древесные. Змеи, которые избавляют сад от крыс. Всякие кусачие муравьи и жуки. Лучше не ходи никуда одна. Пока что.

Гвен указала рукой туда, где женщины собирали чай:

– Я не такая неженка, какой выгляжу, и там были те женщины.

– Тамилы знают эту землю, – сказал Лоуренс, подойдя к жене. – Ну ничего, держись за мою руку, и мы доберемся до дому. Я попрошу Навину перевязать тебе лодыжку. И могу вызвать из Хаттона местного доктора, если хочешь.

– Навину?

– *Айю.*

– Ах да.

– Она ухаживала за мной, когда я был ребенком, и я очень привязан к ней. Когда у нас появятся дети... – Гвен подняла брови и медленно улыбнулась ему; Лоуренс усмехнулся, а потом закончил фразу: – Она будет нянчить их.

Гвен погладила его по руке:

– А чем буду заниматься я?

– Тут много дел. Ты скоро узнаешь.

По пути к дому Гвен ощущала тепло его тела. Несмотря на боль в лодыжке, она испытала знакомый трепет и подняла руку, чтобы потрогать глубокую ложбинку на подбородке Лоуренса.

Как только ее нога была перевязана, они уселись на террасе.

– Ну, – произнес Лоуренс, и глаза у него заискрились. – Тебе нравится то, что ты видишь?

– Это прекрасно, дорогой. Я буду счастлива здесь с тобой.

– Я виноват, что ты упала. Хотел поговорить с тобой вчера вечером, но у тебя болела голова, и я решил подождать. Мне нужно объяснить тебе некоторые мелочи.

Гвен подняла на него глаза:

– О?

Морщины на лбу Лоуренса залегли глубже, и когда он прищурился, стала ясна причина этого – жгучее солнце.

– Для своего же блага не встревай в дела работников. Тебе не нужно беспокоиться о том, что происходит в рабочих линиях.

– А что это такое?

– Место, где живут работники плантаций и их семьи.

– Но это, должно быть, очень интересно.

– Честно говоря, смотреть там особо не на что.

Гвен пожала плечами:

– Что-нибудь еще?

– Лучше не ходи по округе одна. – (Она фыркнула.) – Пока не освоишься здесь.

– Хорошо.

– Позволяй Навине видеть тебя в ночной сорочке. Она будет приходить в восемь утра и приносить тебе «постельный чай» – так они это называют.

Гвен улыбнулась:

– А ты будешь пить со мной постельный чай?

– При любой возможности.

Она послала ему через стол воздушный поцелуй:

– Не могу дождаться.

– Я тоже. И вот еще: ни о чем не волнуйся. Ты скоро поймешь, как тут и что. Завтра познакомишься с женами других плантаторов. Флоранс Шуботэм – забавная старая птичка, но она может быть тебе очень полезна.

– Мне больше нечего надеть.

– Моя девочка, – улыбнулся Лоуренс. – Макгрегор уже послал кого-то с воловьей упряжкой забрать твой сундук со станции в Хаттоне. Позже я представлю тебе слуг. Но по-моему, какой-то ящик от «Селфриджеса» уже дожидается внимания хозяйки. Полагаю, в нем вещи, которые ты заказала перед отъездом?

Гвен в восторге раскинула руки. Ей вдруг стало веселее при мысли об уотерфордском хрустале и восхитительном новом вечернем наряде. Платье было что надо – короткое, с несколькими слоями серебристо-розовых оборок. Она вспомнила тот день в Лондоне, когда Фрэн настояла, чтобы его сшили. Всего полторы недели – и Фрэн тоже будет здесь. Над столом порхнула галка и в мгновение ока стащила хлебец из корзины. Гвен захохотала, и Лоуренс подхватил ее смех.

– Тут много разных животных. Я видела полосатую белку, она забежала под крышу веранды.

– Их две. Они устроили там гнездо. От них никакого вреда.

– Мне это нравится.

Гвен прикоснулась к руке мужа, а он, взяв ее пальцы, поднес их к губам и поцеловал:

– Одна последняя вещь. Я почти забыл, но, вероятно, это самое важное. Домашние дела полностью на тебе. Я не стану ни во что вмешиваться. Прислуга отвечает перед тобой, и только перед тобой. – Он помолчал. – Вероятно, ты обнаружишь, что тут все немного запущено. Люди слишком долго были предоставлены самим себе. Не исключено, что тебе предстоит борьба, но, я уверен, ты вернешь им форму.

– Это развлечет меня, Лоуренс. Но ты так и не рассказал мне почти ничего о самом имении.

– Ну, трудятся здесь в основном тамилы. Они прекрасные работники, в отличие от большинства сингалов. У нас тут их живет по крайней мере тысячи полторы. Для них организовано нечто вроде школы, бесплатная аптека, им оказывают первичную медицинскую помощь. У них много разных льгот, есть магазин, им дают субсидии на рис.

– А само производство чая?

– Это делают на нашей чайной фабрике. Процесс трудоемкий и длительный, но я тебе как-нибудь покажу, если хочешь.

– Хочу.

– Хорошо. Значит, мы со всем разобрались, и я предлагаю тебе отдохнуть после обеда, – сказал Лоуренс, вставая.

Гвен посмотрела на остатки трапезы и обхватила себя руками. Потом глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Ну вот, время пришло. Когда Лоуренс наклонился поцеловать ее в лоб, она закрыла глаза и не могла сдержать радостной улыбки, однако, открыв их, поняла, что он собрался уходить.

– Увидимся вечером. Мне очень жаль, дорогая, но я должен встретиться с Макгрегором. В четыре часа дадут гудок на чайной фабрике, и тогда я буду далеко от дома, а ты спи.

Гвен почувствовала тепло слез под веками и утерла глаза столовой салфеткой. Она знала, какой занятой человек Лоуренс, и, конечно,

плантация стояла для него на первом месте, но ей показалось или ее милый, нежный супруг немного отдалился от нее?

Глава 3

На следующий вечер Гвен стояла у окна и любовалась закатом. Небо и водная гладь стали почти одинаково золотистыми, озеро обрамляли холмы разных оттенков сепии. Она отошла от окна и оделась очень тщательно, потом придирчиво взглянула на свое отражение в зеркале. Служанка помогла ей украсить серебряными бусинами волосы, скрученные в тяжелый узел на затылке, однако Гвен вытащила из него один завиток. Лоуренс устроил небольшую вечеринку, чтобы представить ее в качестве новой хозяйки плантации Хупера, и она хотела выглядеть наилучшим образом, хотя свое новое платье решила поберечь до приезда Фрэн. Тогда они будут вместе учиться танцевать чарльстон.

Сегодня Гвен надела платье из светло-зеленого шелка с кружевной оборкой вдоль выреза, более низкого, чем она привыкла. Разумеется, оно было с заниженной талией и шифоновой юбкой годе, остроконечные клинья которой образовывали опасно короткий подол. В дверь постучали.

– Войдите.

Лоуренс толкнул дверь и остановился на пороге, слегка расставив ноги. Они посмотрели друг на друга.

Он был в черном костюме с белой рубашкой, белым жилетом и белым же галстуком-бабочкой, волосы попытался разделить пробором. Под долгим взглядом мужа Гвен ощутила дрожь и задержала дыхание.

– Я... Ты... Боже мой, Гвендолин! – Он сглотнул.

– Ты сам выглядишь превосходно, Лоуренс. Я уже почти привыкла видеть тебя в шортах.

Он подошел, обнял ее и поцеловал в шею сзади за ухом:

– Ты выглядишь умопомрачительно!

Гвен обожала ощущение его теплого дыхания на коже и предвкушала восхитительную ночь. Кто мог сомневаться в таком мужчине, как Лоуренс? Он дышал энергией и был полон сил, достаточно всего лишь оказаться рядом с ним, чтобы почувствовать себя желанной и защищенной, ничего плохого с тобой просто не может произойти там, где он.

– Я не шучу. В этом платье ты посрамишь остальных дам.

Гвен посмотрела на свое мерцающее платье:

– Оно довольно короткое.

– Нам всем иногда нужно немного встряхнуться. Не забудь свое боа. Даже при зажженном камине после захода солнца тут бывает прохладно. Ты, наверное, уже сама это заметила.

Вчера Лоуренс был занят делами поместья, так что уютный вечер вдвоем перед камином не состоялся. Около девяти по одному, в порядке старшинства, начали появляться слуги. Сперва отвечавший за весь дом дворецкий в белом тюрбане, потом главный повар, или *анну*, как его называли, который то ли был лыс, то ли сбрасывал волосы до макушки, а оставшиеся скручивал в затейливый узел. В чертах его лица проглядывало что-то восточноазиатское, будто он имел предков в Индокитае, и обычно поверх синего с золотом *саронга* повар носил длинный белый передник. Навина пришла с кружкой горячего козьего молока, подслащенного медом вместо *джаггери* – патоки из пальмового сахара; она посчитала нужным упомянуть об этом и с очаровательной улыбкой пожелала хозяйке доброй ночи. За ней последовали пятеро мальчиков-слуг, которые выстроились в ряд и хором сказали: «Спокойной ночи»; наконец настала очередь кухонных кули – те лишь молча опустили глаза на босые ступни и поклонились. Вскоре после завершения этого отработанного ритуала прощания на ночь Гвен легла спать одна, сославшись на большую лодыжку. Сейчас она улыбнулась при мысли о том, как странно все это было.

– Что тебя развеселило? – спросил Лоуренс.

– Я подумала о слугах.

– Ты скоро к ним привыкнешь.

Лоуренс поцеловал ее в губы, и она почувствовала запах мыла и лимона на его коже. Рука об руку они вышли из комнаты и направились в гостиную выпить по коктейлю перед ужином.

– Чем пахнет от женщины-служанки? – спросила Гвен.

– Ты говоришь о Навине?

– Да.

– Не знаю. Вероятно, это смесь кардамона и мускатного ореха. Сколько себя помню, от нее всегда так пахло.

– Давно она здесь работает?

– С тех пор, как мать отыскала ее и сделала моей *айей*.

– Бедная Навина. Могу представить, как ты мальчишкой с диким топотом носился по дому.

Лоуренс засмеялся:

– Мать собирала что-то вроде семейного архива: письма, фотографии, свидетельства о рождении, записи о браках, ну, знаешь, всякое такое. Думаю, там могут найтись фотографии Навины в молодости.

– Я бы с удовольствием взглянула. Мне хочется знать о тебе все.

– Я и сам не видел этого архива целиком. Верити хранит коробку с ним в Англии. Мне так не терпится познакомиться тебя с ней, ну да что там.

– Жаль, что она пропустила нашу свадьбу. Может, твоя сестра привезет с собой этот семейный архив, когда приедет в гости?

– Конечно, – кивнул Лоуренс.

– А Навина была и *айей* Верити?

– Нет, у Верити до отъезда в пансион няней была женщина помоложе. Когда умерли наши родители, Верити сильно переживала, бедная девочка. Ей было всего десять.

– А что случится, когда Навина состарится и больше не сможет работать?

– Мы позаботимся о ней, – сказал Лоуренс и открыл высокое французское окно. – Пройдем через веранду.

Гвен шагнула вперед и засмеялась. На улице стоял оглушительный гомон: *рат-та-та, тви-тви, тап-тап*. Птичьи крики, свист и утробное кваканье доходили до крещендо, смолкали и начинались заново. Слышались журчание бегущей воды и громкое *скри-скри-скри* — влажный воздух наполнился пением цикад. Гвен невольно улыбнулась, не в силах скрыть удовольствия от этого многозвучного концерта.

Над темными кустами метались светящиеся огоньки.

– Светлячки, – сказал Лоуренс; Гвен заметила у озера горящие факелы. – Я думал, мы потом совершим ночную прогулку. Озеро великолепно, когда его освещают только факелы и луна... И ночью меньше вероятность наткнуться на водяных быков. У них плохое зрение, поэтому они предпочитают заходить в воду посреди дня, когда светло и жарко.

– Боже, правда?

– Не сомневайся, они опасны и могут забодать или затоптать, если находятся в особенно агрессивном настроении. Но беспокоиться не стоит, у нас тут водяные быки редкость. Это наверху, в долине Хортон, их множество.

Первой в гостиной появилась Флоранс Шуботэм со своим мужем Грегори, и пока Лоуренс и мистер Шуботэм разговаривали у буфета с напитками, Гвен пила шерри и беседовала с его супругой. Женщина эта, одетая в бледно-желтое с цветочным рисунком платье длиной почти до лодыжек, была в теле, имела характерные для англичанок широкие бедра при довольно узких плечах и обладала высоким скрипучим голосом, который звучал странно из уст такой корпулентной особы.

– Так вы совсем молоденькая? – произнесла Флоранс, и ее двойной подбородок заходил ходуном. – Надеюсь, вы сможете освоиться здесь.

Гвен силилась не рассмеяться:

– Освоиться?

Флоранс надавила рукой на диванную подушку, которая была у нее за спиной, потом вытащила ее, положила себе на колени и придвинулась к Гвен. У миссис Шуботэм были низкий лоб и почти совсем седые волосы, кудрявые и, судя по всему, довольно непокорные. На Гвен пахло джином и не слишком тщательно вымытым телом.

– Я уверена, вы скоро обвыкнетесь с нашими порядками. Послушайтесь моего совета, деточка, и, чем бы вы ни занимались, не сходите слишком близко со слугами. Это не годится. Они этого не оценят и перестанут уважать вас.

– В Англии я всегда относилась по-дружески к нашей горничной.

– Здесь все иначе. Темные расы другие, понимаете? Доброта не приносит им ничего хорошего. Совсем ничего. А метисы и того хуже. – (Прибывали новые пары. Гвен забеспокоилась. Она знала слово «метис», но ей неприятно было слышать, как его используют в таком смысле.) – Относитесь к ним как к детям и присматривайте за своим *дхоби*. Только на прошлой неделе я заметила, что мою китайскую шелковую пижаму подменили на какое-то старье, которое, наверное, раздобыли на уличном базаре в Хаттоне.

Гвен совершенно смешалась и начала паниковать. Как могла она присматривать за *дхоби*, когда вообще не знала, кто или что это такое?

Она окинула глазами комнату. Предполагалось, что это будет скромный ужин с несколькими гостями, но в гостиной собралось уже не меньше дюжины пар, и оставалось еще много мест для других. Гвен попыталась поймать взгляд мужа, но едва не рассмеялась, увидев, что Лоуренс увлечен разговором с лысым и чрезвычайно лопоухим мужчиной: уши у него торчали буквально под прямым углом к голове. Человек-чайник.

– Вероятно, обсуждают цены на чай, – сказала Флоранс, проследив за ее взглядом.

– Есть какие-то проблемы?

– О нет, дорогая. Совсем наоборот. У всех тут дела идут превосходно. Новый «даймлер» вашего мужа – прекрасное тому подтверждение.

– Так это здорово, – улыбнулась Гвен.

Стоявший у дверей мальчик-слуга в белом кителе ударил в медный гонг.

– Но вы не волнуйтесь, если что, спросите меня. Я рада помочь. Сама хорошо помню, каково это – быть молоденькой и только что выйти замуж. Столько всего нового.

Флоранс отложила в сторону подушку и протянула руку. Гвен сообразила, что это сигнал ей встать и помочь старой даме подняться.

При зажженных серебряных канделябрах столовая выглядела очень уютно. Все блестело и сверкало, в воздухе пахло душистым горошком – цветы в невысоких вазах расставили в разных местах. Гвен заметила ухоженную моложавую женщину, широко улыбающуюся Лоуренсу. У нее были зеленые глаза, выдающиеся скулы и длинная шея. Светлые волосы спереди обрамляли лицо, как при стрижке «волнистый боб», но когда женщина отвернулась, Гвен увидела, что волосы у нее длинные и скручены в элегантный узел. Она была буквально увешана рубинами, а одета довольно просто, в черное. Гвен попыталась встретиться с ней взглядом, надеясь, что они скоро смогут стать приятельницами.

Кроткий с виду мужчина в очках, сидевший слева от Гвен, представился как Партридж. Она отметила про себя его слегка выступающий подбородок, маленькие щетинистые усики и добрые

серые глаза. Он выразил надежду, что она постепенно обживется здесь, и попросил называть его Джоном.

Они поболтали о том о сем еще немного, глаза всех гостей были прикованы к Гвен, но вскоре разговор перешел на последние слухи из Нуvara-Элии – зазвучали незнакомые имена и слова о том, кто что кому сделал и почему. Большая часть этих фраз была для Гвен полной бессмыслицей. Людей, о которых шла речь, она не знала, а потому едва ли могла всерьез заинтересоваться беседой. Только когда чаеоторговец стукнул кулаком по столу и в комнате вдруг воцарилась тишина, она включилась и стала внимательно слушать.

– Это позор, если вы позволите мне выразить свое мнение. Надо было перестрелять большую часть из них.

Послышалось несколько негромких возгласов: «Слушайте, слушайте!», а оратор тем временем продолжил свою обличительную речь.

– О чем они говорят, Джон? – прошептала Гвен.

– Недавно в Канди^[1] произошла стычка. Кажется, британское правительство обошлось с ее виновниками довольно сурово. И это вызвало бунт. Ходят слухи, что это был протест не против британцев вообще, но что-то связанное с памятными цветами^[2].

– Значит, мы в безопасности?

– Да, – кивнул Партридж. – Но это дает повод старым служакам поораторствовать. Все началось лет десять назад, когда британцы расстреляли сходку мусульман. Это было ошибкой.

– Звучит не очень приятно.

– Да. Видите ли, Цейлонский национальный конгресс пока не требует независимости, только большей автономии. – Он покачал головой. – Но если вы спросите меня, нам нужно действовать осторожнее. Учитывая, какие события происходят в Индии, пройдет совсем немного времени, и Цейлон последует ее примеру. Это еще только начало, помяните мои слова, проблемы назревают.

– Скажите, вы социалист?

– Нет, моя дорогая, я врач.

Гвен улыбнулась, заметив веселые искорки в глазах своего собеседника, но потом взгляд Партриджа посерьезнел.

– Проблема в том, что только трое кандийцев были избраны в совет, поэтому в нынешнем году некоторые из них покинули

Цейлонский национальный конгресс и создали вместо него Кандийскую национальную ассамблею. Вот за чем нам нужно проследить, да еще за Молодой ланкийской лигой, которая начинает создавать оппозицию британцам.

Гвен взглянула на сидевшего на другом конце стола Лоуренса, надеясь, что он подаст ей знак, мол, мужчины не против, чтобы дамы удалились, но тот, прищутив глаза, смотрел куда-то вдаль.

– Мы кормим их, – говорил другой мужчина, – заботимся о них, даем им крышу над головой. Все это более чем удовлетворяет требуемым стандартам. Чего еще они хотят? Лично я...

– Но мы можем сделать гораздо больше, – перебивая его, спокойно заговорил Лоуренс, он не горячился, держал эмоции под контролем. – Я построил школу, но дети туда почти не ходят. Пора найти какое-то решение.

Волосы вздыбились у него надо лбом – верный знак, что он ерошил их руками, и Гвен поняла, что ее супруг привык делать так, когда испытывал нервное напряжение. Это придавало Лоуренсу моложавый вид, и ей отчаянно захотелось обнять его.

Доктор похлопал ее по руке:

– Цейлон – это... ну... Цейлон – это Цейлон. Вы скоро составите о нем собственное мнение, – сказал он. – До перемен еще далеко, но мы не останемся глухими к призыву Ганди о *сварадже* для всех.

– Сварадже?

– Самоуправлении.

– Понимаю. Это будет плохо?

– На данном этапе никто не знает.

После ухода гостей Лоуренс вошел в комнату Гвен и, раскинув руки, упал на постель. Она разволновалась. В камине горели поленья, и в комнате было очень тепло. Как же их прогулка к озеру?

– Иди сюда, дорогая, – сказал он. – Иди ко мне. – Гвен подошла и, не раздеваясь, легла рядом с ним поверх покрывала. Лоуренс приподнялся на локтях и улыбнулся. – Боже, как же ты хороша!

– Лоуренс, а кто такая эта блондинка в черном? Мне не удалось поговорить с ней.

– В черном?

– Да. Такая была всего одна.

Он сдвинул брови:

– Ты, должно быть, имеешь в виду Кристину Брэдшоу. Она вдова, американка. Ее мужем был банкир Эрнест Брэдшоу. Вот откуда у нее столько украшений.

– Она не похожа на скорбящую вдову. – Гвен помолчала, глядя на умное, красиво очерченное лицо мужа. – Лоуренс, ты меня любишь?

Он удивился:

– К чему этот вопрос?

Гвен закусил губу, размышляя, как лучше выразить свою мысль.

– Но ты не... Я хочу сказать, что чувствовала себя немного одиноко с момента приезда на плантацию. Я хочу чаще бывать с тобой.

– Ты со мной сейчас.

– Я не о том. – Последовала недолгая пауза, Гвен мялась, чувствуя неуверенность в себе. – Что за дерево растет под моим окном? – спросила она. – Оно похоже на вишню.

– О боже, ты ведь не пробовала с него ягоды, а? – (Гвен кивнула.) – Они горькие. Из них тут готовят *чатни*. Я никогда их в рот не беру.

Вдруг Лоуренс закатился на нее, придавливая к постели, и поцеловал в губы. Ей понравился слабый запах алкоголя в его дыхании, и, возбужденная предвкушением, она приоткрыла рот. Он обвел его пальцем, и она почувствовала, как все ее мышцы расслабились, но затем случилось нечто странное. Лоуренс затаил дыхание и весь напрягся. Гвен уловила в его глазах тревогу. Она погладила мужа по щеке, чтобы это выражение пропало, но Лоуренс молча посмотрел на нее – почти что сквозь нее, словно не знал, кто она такая, и вдруг быстро сглотнул, встал и вышел из комнаты.

На мгновение Гвен застыла в неподвижности, потом выскочила за дверь, чтобы позвать его, однако, сделав несколько шагов по коридору, увидела, что Лоуренс уже поднимается по лестнице. Не желая, чтобы кто-нибудь из слуг увидел, как она гоняется за мужем, Гвен вернулась в свою комнату, а оказавшись внутри, прислонилась спиной к стене, чтобы выровнять дыхание. Она закрыла глаза и отдалась ощущению пустоты и одиночества. Видение освещенного факелами озера больше не манило ее. Что такое с Лоуренсом?

Гвен разделась и забралась в постель. Привыкшая к открытому выражению эмоций, она чувствовала смятение и очень хотела, чтобы

Лоуренс заключил ее в объятия; тоска по дому волной накатила на нее. Отец похлопал бы ее по руке и сказал: «Выше голову», а мать, вероятно, бросила бы на нее сочувственный взгляд и принесла кружку какао. Кузина Фрэн, изобразив на лице напускную строгость, велела бы ей не вешать нос. Гвен хотелось больше походить на сестру. Никто не одобрял Фрэн, когда та отправилась к медиуму, мадам Состаржински, но она все равно пошла, и кто стал бы винить бедняжку после того, как ее родители трагически погибли при крушении «Титаника».

Беспокойство из-за Лоуренса не давало Гвен уснуть, и, чувствуя, что ей, вероятно, предстоит провести бессонную ночь, она лежала на спине и таращилась в темноту. У него, наверное, есть причины так вести себя, размышляла она, но как объяснить это странное выражение его глаз?

Глава 4

Прошла целая неделя. Гвен сидела в гостиной и ждала слуг, которых вызвала к себе. Теперь она уже привыкла к ненавязчивости домашней прислуги, почти неслышно приходившей и уходившей. Гвен понаблюдала, как идут дела в доме, и сделала заметки об увиденном. Но Лоуренс так и не приходил к ней в постель. Всегда-то у него была какая-нибудь важная причина, которой Гвен ничего не могла противопоставить. Она завела себе привычку не смотреть в глаза Навине, когда та приносила ей постельный чай на серебряном подносе. Для этой женщины было очевидно, что хозяйка спала одна, и Гвен, морщась при мысли, что станет объектом жалости, сознавала необходимость разобраться с этой проблемой самостоятельно.

Хотя холодность мужа ее огорчала, но она, расправив плечи, решила отбросить мысли об этом, по крайней мере на какое-то время. Лоуренса, вероятно, тревожили дела на плантации. Ну ничего, скоро все у них изменится к лучшему, уверяла себя Гвен. А она тем временем займется хозяйством и станет самой лучшей женой, какой только можно быть. Конечно, Гвен не собиралась конкурировать с Кэролайн, первой женой Лоуренса, просто хотела, чтобы муж гордился ею.

Услышав стук в дверь, Гвен вытерла об юбку слегка влажные ладони. Вошли Навина, *анну*, дворецкий и двое мальчиков-слуг.

– Все здесь? – с улыбкой спросила Гвен и сцепила руки, чтобы скрыть нервозность.

– Кухонные кули заняты, – сообщила Навина. – И другие мальчики тоже. Все, кто мог, пришли.

Дворецкий и Навина были сингалы. Остальные – тамилы. Гвен надеялась, что они все понимают английский и ладят друг с другом.

– Ну вот что, я позвала вас на это маленькое собрание, чтобы вы узнали о моих планах. – Она обвела спокойным взглядом стоявших перед ней слуг. – Я составила список того, что каждый из вас делает, и у меня есть несколько вопросов.

Все молча слушали.

– Во-первых, откуда в доме берется молоко? Я не видела здесь коров.

Анну поднял руку:

– Молоко доставляют каждый день от буйволицы из долины.

– Понятно. И его достаточно?

Повар кивнул и добавил:

– У нас тут есть еще две козы.

– Отлично. Мой второй вопрос: в какой день приходит *дохоби*?

– Вы с ним договариваетесь, леди.

– Он говорит по-английски?

– По-английски тоже говорит, не очень хорошо.

– Но достаточно?

Анна покачал головой.

Гвен до сих пор не понимала, означает это движение «да» или «нет», но по крайней мере она выяснила, что *дохоби* – это мужчина, который занимается стиркой. Кроме того, ей стало известно, что он работает в нескольких поместьях, и хотелось узнать, можно ли нанять его, чтобы он работал только здесь.

Она посмотрела на выжидающие лица слуг:

– Следующее, что я запланировала, – это небольшой огород при кухне.

Они неуверенно переглянулись.

– Огород, который заходит на кухню? – уточнил *анну*.

Гвен улыбнулась:

– Нет, огород, где растут овощи для кухни. У нас столько земли, что это вполне разумно. Но мне понадобятся рабочие, которые займутся этим.

Дворецкий пожал плечами:

– Мы не садовники, леди. У нас есть садовник.

– Да, но это слишком большая работа для одного человека.

Гвен видела этого садовника, необыкновенно толстого мужчину с маленькой головой в обрамлении черных кучерявых волос и шеей такой же ширины, как голова.

– Он приходит постоянно, но, леди, вы спросите мистера Макгрегора, – посоветовала Навина. – Пусть даст людей из рабочих линий.

Гвен улыбнулась. Она до сих пор так и не познакомилась официально с Ником Макгрегором, и это будет идеальная возможность наладить с ним отношения. Гвен встала:

– Хорошо, спасибо всем. На сегодня достаточно. Я поговорю с каждым из вас в отдельности об изменениях в ваших ежедневных обязанностях.

Слуги поклонились, и Гвен покинула комнату, очень довольная тем, как прошла встреча.

Помимо лабрадора, она обнаружила в доме двух молодых спаниелей Боббинс и Спью, с которыми сразу подружилась, часами бросала им палку и гуляла с ними по округе. Сейчас обе собаки семенили за ней по коридору, и Гвен вернулась мыслями к Лоуренсу. Она втянула ноздрями воздух и сжала губы. Что сказать Фрэн, которая могла появиться в любой день? Ей с трудом удастся вынудить мужа заняться с ней любовью, несмотря на все старания. До свадьбы, когда они рассуждали о детях, Лоуренс говорил: чем больше, тем веселее, по крайней мере пять. И, вспоминая восхитительное время, проведенное в Англии и в отеле по приезде, она не могла понять, что пошло не так.

Приближалось время обеда, и Гвен решила сразу после еды заманить Лоуренса в свою комнату и потребовать объяснений. Сегодня у него выходной, так что он не сможет отговориться, ссылаясь на работу.

И вот после обеда, как только они вытерли рты вышитыми льняными салфетками, Гвен встала и протянула руку к мужу – ей до боли в пальцах хотелось прикоснуться к нему. Он взял ее руку, и Гвен потянула его к себе, заметив, что ладони у него холодные. Потом она склонила набок голову и захлопала ресницами:

– Пойдем.

В комнате она закрыла ставни, оставив окно открытым, чтобы оттуда шел воздух. Лоуренс стоял абсолютно неподвижно спиной к окну, они молча смотрели друг на друга.

– Я на минуточку, – сказала Гвен.

Лицо Лоуренса ничуть не изменилось.

Она вошла в ванную, скинула с себя платье, отстегнула шелковые чулки и спустила их – в цейлонской жаре корсет Гвен перестала носить еще до того, как сошла с корабля, – потом сняла кружевную французскую сорочку и такие же трусики, за ними – подвязки и серьги, только нитка жемчуга осталась висеть у нее на шее. Совершенно голая, если не считать жемчуга, она посмотрелась в зеркало. Щеки ее покраснелись от трех бокалов вина, а губам она

добавила цвета, чуть коснувшись их помадой «Персидский румянец». Глядя на себя в зеркало, она размазала помаду пальцем, а потом немного потерла шею. Амуниция – вот как называла Фрэн косметику.

Лоуренс сидел на постели с закрытыми глазами. Гвен подошла на цыпочках и остановилась перед ним. Он не шевельнулся. Она слегка наклонилась к нему:

– Лоуренс?

Когда ее грудь приблизилась к его лицу, он взял Гвен руками за талию и мгновение держал на расстоянии вытянутых рук, потом открыл глаза и посмотрел вверх. Она наблюдала, как он берет в рот ее сосок, чувствовала, что у нее сейчас подкосятся колени, и едва не лишилась чувств от охватившего ее трепета, который усиливался тем, что Лоуренс следил за всеми переменами чувств, отражавшимися на ее лице.

Они постояли так некоторое время, потом он отпустил ее. Когда он скинул обувь, отстегнул подтяжки, снял брюки и нижнее белье, у Гвен захолонуло сердце. Лоуренс толкнул ее спиной на постель, взгромоздился сверху и пристроился поудобнее. Волоски на затылке Гвен встали дыбом. А когда он вошел в нее, она ахнула от ощущения, которое заставило сердце колотиться о ребра и, казалось, лишило ее способности дышать. Возбужденная до полной потери сдержанности, Гвен впилась пальцами в спину мужа. Но вдруг что-то изменилось; глаза Лоуренса остекленели, и он задвигался очень быстро. Она добивалась этого, но теперь не могла поспеть за ним, связь между ними внезапно оборвалась, и это ощущалось как нечто неправильное. Почему он внезапно впал в это странное состояние, словно отрешился от нее и то, что он делает, не имеет к ней никакого отношения? Гвен попросила его сбавить темп, но он ее не слышал, а через несколько секунд застонал – и все кончилось.

Лоуренс приподнялся на руках и отвернул от нее голову, восстанавливая дыхание.

Пару мгновений они молчали, пока Гвен боролась со своими чувствами.

– Лоуренс?

– Прости, если я сделал тебе больно.

– Ты не сделал. Лоуренс, посмотри на меня. – Она повернула его голову к себе. По правде говоря, он причинил ей боль, немного, но все

же, и, шокированная пустотой, заполнившей его глаза, Гвен едва не расплакалась. – Дорогой, объясни мне, в чем дело. Прошу тебя.

Она хотела, чтобы он сказал что-нибудь, все равно что, лишь бы это вернуло его к ней.

– Я чувствую себя так... – (Гвен ждала.) – Из-за того что мы здесь, – наконец продолжил Лоуренс и посмотрел на нее с таким убитым видом, что ей захотелось его утешить. Он взял ее руку, повернул ладонью вверх и поцеловал в самую серединку. – Дело не в тебе. Ты очень дорога мне. Прошу тебя, поверь.

– Тогда в чем?

Лоуренс отпустил ее руку и покачал головой:

– Прости. Я не могу этого сказать. – Он быстро натянул на себя одежду и ушел.

Совершенно ошеломленная, Гвен, чувствуя, что сердце у нее вот-вот разорвется от такой перемены в муже, рванула нитку жемчуга на шее. Застежка сломалась, и жемчужины со звонким стуком раскатились по полу. Почему он не может? Она так хотела его и, уверенная во взаимности их любви, поставила все на роль верной жены и матери. Гвен знала, что Лоуренс хотел ее, правда хотел, – достаточно вспомнить, каким он был в Колombo! Но, пройдя весь этот путь, она теперь не знала, куда повернуть.

Должно быть, Гвен уснула, потому что не слышала, как в комнату вошла Навина, и, открыв глаза, подскочила, увидев сидевшую на стуле у ее постели сингалку. Мягкое округлое лицо старой *айи* было спокойно, на коленях она держала кружку, а все жемчужины были собраны в стоявшее на прикроватной тумбочке блюдце.

– У меня есть лимонад, леди.

Выражение темных глаз *айи* было таким добрым, что Гвен залилась слезами. Навина протянула к ней руку и легонько коснулась кончиками пальцев ее предплечья. Гвен уставилась на морщинистую руку старухи, она выглядела такой темной на фоне белизны ее собственной кожи. Навина смотрела на свою госпожу глазами, полными извечной мудрости, и Гвен была тронута невозмутимым спокойствием этой женщины. Ей хотелось, чтобы Навина обняла ее и нежно погладила по волосам, но она вспомнила совет Флоранс Шуботэм: «Лучше не сближаться слишком сильно со слугами» – и отвернулась.

Немного позже Гвен захотелось выбраться из дому, чтобы спасти хотя бы часть дня. Она быстро оделась, хотя это не помогло ей унять сумятицу мыслей. Не забыв на этот раз шляпу, она решила узнать, что находится за высокими деревьями сбоку от дома. Было тихо. Уплотнившийся в густом предвечернем зное воздух застыл в ленивой неподвижности. Даже птицы задремали и смолкли, слышалось только монотонное гудение насекомых. Гвен вышла через заднюю дверь и прогулялась вдоль озера. Насколько хватало глаз, его накрыло бледно-лиловым туманом. Лоуренс разрешил ей купаться, но только под присмотром, поэтому Гвен подавила в себе желание скинуть одежду и окунуться в воду.

Обычно зеленые холмы по другую сторону озера теперь казались голубыми, и было трудно разглядеть разноцветные фигурки сборщиц чая. Правда, первое впечатление от этой картины никуда не делось. Женщины с корзинами за плечами и в сари всевозможных оттенков так и остались для Гвен экзотическими птицами. Она уже знала, что все работники на плантации – тамилы; сингалы считали унижительным для себя работать за плату, хотя некоторые с удовольствием трудились в домах, поэтому владельцы плантаций и обратились к Индии. Некоторые семьи тамилы жили на плантациях поколениями, говорил Лоуренс. И хотя Гвен от этого отговаривали, ей хотелось увидеть, как выглядят рабочие линии. Она представляла себе уютные домишки и пузатых малышей, спящих в подвешенных между деревьями гамаках.

Тем временем Гвен дошла до двора, с одной стороны которого располагалась кухня. Сбоку росли деревья, дом и терраса тянулись вдоль озера, образуя длинную палочку буквы «Г». Гвен как раз собиралась пересечь засыпанную гравием площадку, когда к двери кухни подошел мужчина, одетый в какие-то отрепья. Он протянул вперед обе руки и затряс головой. Из кухни вышел мальчик, закричал и вытолкал чужака с крыльца. Тот упал на землю. Мальчик пнул его ногой и ушел в дом, захлопнув за собой дверь.

Гвен немного поколебалась, но мужчина продолжал лежать на земле и стонать, тогда она собралась с духом и подошла к нему:

– С вами все в порядке?

Мужчина взглянул на нее черными глазами. Волосы у него были грязные и спутанные, лицо широкое, с очень темной кожей, а когда он

заговорил, Гвен не поняла ни слова. Бедняга указал на свои босые ступни, и она увидела на одной гноящуюся рану.

– Боже милостивый, да на таких ногах далеко не уйдешь. Вот, возьмитесь за мою руку. – Мужчина безучастно взглянул на нее, тогда она наклонилась к нему, намереваясь помочь, и он крепко ухватился за ее предплечье. Гвен знаками показала, чтобы он шел обратно к кухне. Мужчина покачал головой и попытался улизнуть. – Но вы должны. Нужно промыть эту рану и обработать. – Она указала на его ноги.

Он снова попробовал вырваться, но, учитывая его состояние, Гвен оказалась сильнее. Им удалось кое-как доковылять до кухни. Гвен повернула дверную ручку и толчком открыла дверь. Три пары глаз следили, как они входят. Ни один из находившихся внутри не шелохнулся. Гвен довела своего спутника до стола, выдвинула свободной рукой стул и усадила на него раненого мужчину.

Кухонные мальчишки бормотали что-то себе под нос, вероятно на тамильском, потому что усаженный на стул мужчина, похоже, понял их и попытался встать. Гвен надавила рукой на его плечо, потом огляделась. В кухне пахло керосином, под ножки двух емкостей для мяса и нескольких буфетов были подставлены миски, вероятно от насекомых, подумала Гвен. Тут имелась пара низких раковин и плита, которую подкармливали дровами, аккуратно сложенными у стены. Воздух был пропитан смесью запахов пота, кокосового масла и карри, которое подадут на обед. Ее первого карри.

– А теперь, – сказала Гвен, указывая на два больших чана рядом с раковинами, – мне нужна миска теплой воды и кусок ткани.

Кухонные мальчишки молча уставились на нее. Она повторила свою просьбу, добавив «пожалуйста». Никто не сдвинулся с места. Гвен размышляла, что ей предпринять, когда на кухню вошел *анну*. Она улыбнулась, думая, что от него-то добьется толку; все-таки он регулярно желал ей доброй ночи и был очень мил на их собрании. Одного взгляда на лицо повара хватило, чтобы понять: он крайне недоволен.

– Что это?

– Я хочу, чтобы они принесли воды и я могла промыть рану этого человека, – объяснила Гвен.

Annu оскалил зубы и издал сквозь них какой-то странный свистящий звук.

– Вы не можете.

У Гвен поползли мурашки по коже.

– Как это – я не могу? Я хозяйка Хупера и требую, чтобы вы заставили их выполнить мою просьбу.

Повар сперва как будто не хотел уступать, но потом, казалось, вспомнил свое место, повернулся к кухонным кули и, хмуро пробурчав что-то, указал на раковину. Мальчик куда-то убежал и через минуту вернулся с миской воды и обрывками муслина. Гвен убедилась, что Лоуренс не ошибся в своих оценках. Некоторые из слуг действительно слишком долго были предоставлены самим себе.

Гвен окунула кусок ткани в воду и стала промывать рану. Она занималась этим столько времени, сколько смог вынести несчастный.

– У этого мужчины инфицирована нога, – сказала она. – Без лечения он может ее потерять.

Anny пожал плечами, и она увидела в его глазах молчаливый протест.

– Работники с полей и фабрики не должны заходить в дом.

– Вы знаете, что с ним случилось? – спросила Гвен.

– Гвоздь, леди.

– Где йод? – (Кухонный мальчик посмотрел на *anny*, а тот снова пожал плечами.) – Йод, я говорю, да поживее! – приказала Гвен; напряжение узлом завязалось у нее между лопатками. Повар подошел к настенному шкафчику и вынул оттуда маленький пузырек. Гвен видела, что он буквально пышет едва скрываемым возмущением. «Мне дела нет, что там думает повар, – сказала она себе. – Главное – помочь этому бедняге». – И бинты, – добавила Гвен.

Повар достал моток бинта, передал его вместе с йодом мальчику, а тот – хозяйке.

– Он сам себя поранил, леди, – сказал повар. – Очень ленивый человек. Делает проблемы.

– Мне все равно. И пока вы здесь, дайте ему мешок риса. У него есть семья?

– Шесть детей, леди.

– Тогда дайте ему два мешка риса.

Повар открыл было рот, чтобы возразить, но, видимо, передумал, пожал плечами и приказал кухонному кули принести рис.

Закончив перевязку, Гвен под неодобрительными взглядами *анну* и кухонных кули помогла своему пациенту подняться. Нелегко было протащить бедолагу через дверь, и помощь ей не помешала бы. Тем не менее она не стала просить. Совместными усилиями им удалось наконец покинуть дом, и они направились в сторону больших деревьев. Гвен слышала, что на кухне поднялась суматоха, однако высоко подняла голову и гордо зашагала по плотно утопанной дорожке между деревьями. Мужчина опирался на ее руку и скакал на одной ноге. Когда он попытался освободиться от нее и поставить перевязанную ногу на землю, Гвен покачала головой.

Деревья густо росли вдоль дорожки, пересеченной множеством узловатых корней. Гвен приходилось не только волочить на себе мужчину, цеплявшегося за ее руку, но еще и отбиваться другой рукой от мириад насекомых. Они прошли, вероятно, всего полмили в водянисто-зеленом сумраке, на котором подвижными заплатками сияли пятна пробивавшегося сквозь листву света; сильно пахло зеленью, землей и перегноем. Продвигались они так медленно, что Гвен перестала понимать, какое расстояние пройдено.

Через некоторое время лес поредел, они вышли на поляну, и Гвен услышала крики детей. Дальше вдоль грязной дорожки стояло около дюжины деревянных хижин с жестяными крышами, соединенных одна с другой наподобие длинной крытой террасы. Среди деревьев виднелись другие такие же ряды хижин с крышами, крытыми жестью или пальмовыми листьями, они тянулись во все стороны. Вонь от нужников поднималась до небес. На веревках сушились яркие сари – красные, зеленые, фиолетовые. Подхваченный ветром мусор порхал над утопанной землей. Несколько стариков в одних набедренных повязках сидели, скрестив ноги, перед своими лачугами и курили дурной табак, вокруг них ходили и что-то клевали тощие куры.

Из одной хижины вышла женщина. Увидев Гвен, она громко крикнула что-то мужчине и позвала к себе троих детей. Остальные собрались вокруг Гвен, возбужденно болтая и указывая на разные части ее одежды. Один, что посмелее, даже отважился прикоснуться к ее юбке.

– Привет, – сказала Гвен и протянула руку, однако малыш отступил, будто вдруг оробев.

Она сделала в уме заметку: в следующий раз нужно захватить с собой конфет.

Дети были все как один – с темной блестящей кожей, черными курчавыми волосами, худющие и с большими животами. Они смотрели на нее прекрасными карими глазами, не похожими на глаза маленьких детей. Один или двое выглядели нездоровыми, и все явно недоедали.

– Это ваши дети? – спросила Гвен своего спутника.

Не понимая ее, он пожал плечами.

Внимание Гвен привлекла крупная птица, искавшая в земле червяков и насекомых. Пока она наблюдала за ней, окликавшая мужчину женщина подошла и поклонилась, не поднимая глаз. Волосы у нее были разделены на прямой пробор, нос с широкими ноздрями, ярко выраженные скулы и длинные мочки ушей. Мужчина передал ей два мешка риса. Женщина взяла их и на этот раз взглянула на Гвен с каким-то непостижимым выражением в глазах – то ли неприязни, то ли страха. Возможно, это была даже жалость, а если так, то понять ее было гораздо труднее: женщина не имела почти ничего, а у Гвен было все. Даже из украшений у тамилки на шее висели одни только бусы из каких-то высушенных красных ягод. Женщина снова поклонилась, потом отодвинула в сторону рваную занавеску, закрывавшую вход в лачугу, и скрылась внутри. Каждая хижина была размером примерно десять на двенадцать футов, меньше обувной кладовки в доме Лоуренса, и, наверное, по ночам там было холодно.

Небо мгновенно стал красным. Гвен услышала стрекот кузнечиков, а со стороны озера раздался лягушачий хор. Она отпустила руку мужчины и сделала шаг в сторону, потом развернулась и побежала обратно к деревьям – ночь, как всегда на Цейлоне, наступала внезапно и решительно.

Дорожка потонула во тьме, высокий полог деревьев перекрывал скудный свет уходящего дня. Гвен задрожала от испуга. Лес был полон звуков: шорохи, треск, топот, тяжелое сопение. Лоуренс говорил, что тут водятся дикие кабаны и они иногда нападают на людей. Она в страхе думала: кто еще там может быть? Вероятно, олени, наверняка змеи. Древесные змеи, травяные. Это не так уж страшно. А как насчет кобры с раздувающимся капюшоном? Гвен ускорила шаг. Лоуренс предупреждал ее, а она не послушалась. О чем она только думала? Ей

стало трудно дышать в удушающей тьме, а дорожка совсем растворилась во мраке. Нужно было искать путь на ощупь. Зацепившись ногой за стелющуюся по земле лиану, Гвен споткнулась и оцарапала руку и лоб о шершавый ствол какого-то дерева.

Сердце у нее уже выпрыгивало из груди, когда она увидела сквозь заросли мерцающие огни дома, и, только выйдя наконец из-под сени деревьев и ступив на двор, она задышала свободнее.

Но тут раздался повелительный оклик. И это был не ночной сторож.

Проклятье, подумала Гвен, распознав шотландский акцент. Именно он, не кто-нибудь. А она-то хотела произвести хорошее впечатление.

– Это я, Гвендолин! – крикнула она, пересекла двор и, подойдя к управляющему, повернулась лицом к свету.

– Какого дьявола вы там делали, в темноте среди деревьев?

– Простите, мистер Макгрегор.

– Вы, может быть, отвечаете за дом, но, думаю, вам известно, что все происходящее в поместье – это мое дело. Вам, миссис Хупер, совершенно нечего делать рядом с рабочими линиями. Я так понимаю, вы именно отсюда возвращаетесь?

Уязвленная такой несправедливостью, Гвен заговорила:

– Я всего лишь пыталась помочь.

Она посмотрела на его щеки, испещренные красными жилками лопнувших сосудов. Это был мужчина, напоминавший быка, с редящими на висках рыжеватыми волосами и широченной шеей, плавно переходящей в челюсти. У него были песочного цвета усы, тонкие губы и голубые глаза стального оттенка. Макгрегор довольно грубо схватил Гвен за ободранное предплечье.

– Вы делаете мне больно, – сказала она. – Я была бы вам признательна, если бы вы убрали свою руку, мистер Макгрегор.

Он бросил на нее недовольный взгляд:

– Ваш муж узнает об этом, миссис Хупер.

– Вы совершенно правы, – отрезала Гвен с уверенностью, которой на самом деле не испытывала. – Он узнает.

И тут, к огромному ее облегчению, из дома вышел Лоуренс. Он улыбнулся, однако на несколько мгновений они молча сцепились с

Макгрегором напряженными взглядами. Этот момент прошел, и Лоуренс протянул Гвен руку:

– Давай-ка приведем тебя в порядок. – Гвен чувствовала себя потрясенной, но слабо улыбнулась и взяла его руку, а Лоуренс повернулся к Макгрегору. – Ладно, Ник, ничего плохого не случилось. Гвен скоро ко всему привыкнет. – (Макгрегор, казалось, готов был взорваться, но смолчал.) – Она здесь еще новичок. Мы должны делать скидку на это. – Лоуренс обнял Гвен одной рукой. – Давай прислонись ко мне.

Пробежка опрометью по темному лесу заставила Гвен почувствовать свою уязвимость, и она поняла, что поставила Макгрегора в неудобное положение на глазах у Лоуренса. Что-то в этом человеке настораживало ее, хотя дело было не только в нем. Нищета, которую она увидела в рабочих линиях, тоже ее встревожила. И, не чувствуя себя так уютно рядом с Лоуренсом, как до инцидента в спальне, Гвен все же очень радовалась, что на плече у нее лежит его крепкая рука, и надеялась, что ей представится шанс обсудить произошедшее между ними.

На следующее утро, набросав новый план по организации уборки в доме и потратив больше двух часов на попытки разобраться со счетами, Гвен задвинула все это в дальний угол сознания. Так же легко отмахнуться от мыслей о вчерашней стычке с Макгрегором было сложнее, тем более что ей нужна была его помощь с поиском садовников.

Гвен принялась обдумывать конструкцию увитой зеленью беседки. «Может, посадить жасмин, а его побеги зацепить за ажурные металлические решетки», – подумала она, выходя из дому через французское окно.

Озеро блестело под ярко-голубым небом, синевой отражавшимся в зеркале воды, по которой, подсвеченная солнцем, бежала серебристая рябь с мелкими зелеными крапинками. Гвен прошла мимо дерева жакаранда и уловила в воздухе какой-то незнакомый цветочный запах. Пара сорок вспорхнула с лужайки, заросшей травой более жесткой, чем в Англии, но тем не менее ухоженной и аккуратно подстриженной. Гвен хотелось внести в устройство сада что-то свое, но в то же время неприятно было огорчать старого садовника-тамила, который

относился к лужайкам и цветочным клумбам как к собственным. Она посоветуется с Лоуренсом о том, где лучше разбить кухонный огород, а пока подыщет подходящее место для своей беседки.

Боббинс и Спью, как обычно, вертелись у нее под ногами. Она с силой бросила им мяч, и он исчез в кустах, рядом с которыми сороки искали червяков.

– Там, – сказала Гвен. – Ищите!

Спью был отважный пес и пробирался всюду, куда бы ни залетел мяч. Гвен смотрела, как он ползком протискивается в лаз, который вел в неухоженную часть сада.

Она была раздражена. Утром пошла искать Лоуренса и столкнулась с Навиной, которая сказала ей, что только что оставила записку на ее туалетном столике – записку от хозяина.

Разорвав конверт, Гвен прочла написанное быстрым почерком Лоуренса сообщение, что она не увидит его в ближайшие два дня. Поговорить им так и не удалось. Теперь он уехал в Коломбо встречать Фрэн и еще, как мировой и неофициальный полицейский судья, должен сдать дело в суд в Хаттоне. В одной деревне разгорелся конфликт, ему пришлось утихомиривать местных жителей и решать, кто виноват.

Гвен охватил новый приступ тоски по дому. Она отругала себя, но невольно испытала раздражение: ну почему он не сказал ей об отъезде сам, почему не поинтересовался, не хочет ли она составить ему компанию? Хотя Лоуренс обмолвился, что муссон запаздывает и в Коломбо сейчас чертовски жарко. По крайней мере, здесь, в горах центральной части округа Дикойя, сохранялась относительная прохлада, и Гвен, собиравшаяся провести остаток дня вне дома, радовалась этому.

Когда она кликнула Спью, ей снова пришел на ум мистер Равасингхе. Она поняла, что уже несколько раз невольно в разных ситуациях вспоминала их встречу. Он часто оказывался в поле ее размышлений, и она ощущала намек на то, что ее интерес к нему вызван чем-то более важным, чем его орехово-коричневая кожа, длинные волнистые волосы или блестящие темные глаза.

Спаниель не появлялся.

Боббинс рылась в земле, выставив вверх зад, ровно в том месте, где исчез погнавшийся за мячом Спью, рядом с клумбой, где росли

антуриумы с сердцевидными листьями и персиковыми цветами, которые Гвен заметила в первое утро по приезде. Она подошла к собаке и погладила ее.

– Куда он пропал, а, Боббинс?

Гвен услышала лай и заглянула в лаз под сенью большого дерева, однако там было темно, ничего толком не разглядеть. Она потянула за побег какого-то ползучего растения. Он отодвинулся на удивление легко, и когда она убрала в сторону и другие ветки, то обнаружила нечто вроде заросшего растительностью туннеля между деревьями. Туннель должен куда-то вести. Гвен как могла расчистила вход и кое-как протиснулась в него, оцарапав предплечье о какие-то злющие шипы, но, оказавшись внутри, смогла встать почти в полный рост.

– Спью, я иду за тобой! – крикнула она.

Туннель изогнулся и привел ее к поросшим мхом ступеням, которые вели куда-то вниз. Гвен оглянулась на свет, лившийся от входа. Тут достаточно безопасно, решила она, хотя могут быть змеи. Она замерла на месте и оглядела землю вокруг себя – никакого движения, дуновения ветра сюда не проникали, так что ни один листок не шевелился.

Гвен двинулась дальше, слыша только собственные шаги, комариный писк и дыхание Боббинс.

Спустившись по скользким ступеням, она оказалась на маленькой полянке, которая когда-то наверняка была большего размера. Кусты и ползучие растения так разрослись здесь, что не захваченной ими осталась только каменная плита, положенная на два пня, куда Гвен и села. Почти как в лесном логове, которое они с Фрэн детьми устраивали для себя в Оул-Три. Свет тут был тусклый, звуки окружающего мира заглушали деревья. Обстановка вполне умиротворяющая. Боббинс тихо улеглась у ее ног. Гвен принялась и уловила аромат жимолости и еще горьковатый запах листвы.

Тишину нарушил Спью, проползший сквозь заросли на полянку, его розовый нос был испачкан землей, в зубах пес что-то держал.

– Брось это, Спью! – приказала Гвен; собака зарычала и не послушалась. – Иди сюда, непослушный ты пес, и брось это!

Спью стоял на месте.

Гвен встала, поймала его за ошейник и взялась за конец торчавшей у него из пасти штуки. Потянув за него, она поняла, что это

часть деревянной игрушки. «Лодочка, – подумала Гвен, – лодочка без паруса».

Пес перестал упираться, вильнул хвостом и бросил свою добычу к ногам хозяйки.

– Интересно, кому она принадлежала? – вслух проговорила Гвен и улыбнулась собакам. – Вас спрашивать бессмысленно, верно?

Оба спаниеля пошли туда, откуда вылез Спью. Гвен двинулась за ними, размышляя, что, если расчистить это место, тут можно прекрасно разместить ее беседку, и, чтобы получше осмотреться, потянула за ветку, усыпанную какими-то ягодами. Потом стала разгребать ползучие растения, обламывать сучки и сухие ветки. Надо бы вооружиться секатором да надеть садовые перчатки.

Гвен села на пятки. Руки горели от укусов о шипы и царапин, и она уже была готова сдаться, решив, что вернется сюда позже с необходимым инвентарем. Но тут Спью опять принялся рыть землю, а потом залаял. Гвен уловила в его лае нотку собачьего восторга – пес что-то нашел. Она отвела в сторону еще один слой нависавшей над землей листвы, наклонилась посмотреть и увидела стоявший вертикально и немного завалившийся влево покрытый мхом плоский камень. Перед ним виднелся осевший земляной холмик, поросший бледными лесными цветами. Гвен вдохнула влажный лесной воздух и застыла в нерешительности. Похоже, это маленькая могила. Она огляделась и вдруг услышала какое-то шепуршание в листве, потом, не в силах сдержать любопытство, стала соскребать с камня мох, обломав при этом ноготь.

Покончив с этим, Гвен обвела указательным пальцем буквы. Там было выгравировано только имя: «ТОМАС БЕНДЖАМИН», и больше ничего. Ни даты, ни объяснения, кто он такой. Может, брат Лоуренса? Или ребенок кого-то из родственников, хотя Лоуренс не упоминал ни о каких умерших детях. Кроме как спросить у него, другого способа узнать, почему Томас Бенджамин упрятан в это недоступное место, а не похоронен, как полагается, на кладбище при церкви, не было. А тот факт, что Лоуренс ни разу не обмолвился ни о чем подобном, вызвал у Гвен опасение, что ее муж, вероятно, не обрадуется, узнав, что она нашла эту могилу.

Глава 5

Через два дня, услышав звук подъезжающей машины Лоуренса, Гвен, несмотря на легкую тревогу, испытала приятное ощущение от предвкушения встречи. День был прохладный, туманный, и она снова занималась домашними счетами. Они не сходились, и она никак не могла разобраться, в чем дело. Бросив возиться с ними, она договорилась, чтобы *дхоби* передали, что она хочет завтра его видеть. Помимо этого, Гвен ничего больше не успела – она не закончила обход сада, и озеро оставалось скрытым за пеленой тумана, что вызывало досаду.

Гвен накинула на плечи широкий шарф с бахромой, чтобы скрыть царапины на руках, и побежала по коридору к входной двери.

Фрэн вылезала из «даймлера» с широчайшей улыбкой на лице. Гвен кинулась к ней и крепко-крепко обняла. Потом отстранилась, чтобы получше рассмотреть кузину:

– Боже, Фрэн, какая же ты!

Сорвав с головы желтую шляпку в форме колокольчика, украшенную красным фетровым цветком, Фрэн закружилась, указывая на свою прическу:

– Как тебе?

Ее каштановые волосы были подстрижены в еще более короткий боб, чем раньше, но с длинной челкой. При солнечном свете более светлые пряди отливали золотом. Глаза она подвела черной тушью, а губы накрасила ярко-красной помадой, из-под челки искристо сверкали голубые глаза.

Фрэн засмеялась и еще раз обернулась вокруг себя.

Вращение продемонстрировало ее точеную фигурку, которую свободно облегал платье из тонкого муслина без рукава. Кружевная кайма на подоле и нитка черных бус до пояса довершали ее туалет. Перчатки, закрывавшие руки чуть выше локтя, прекрасно подходили к желтому платью и шляпке.

– Тут довольно прохладно, – сказала она. – Я думала, будет жара.

– У меня много теплых шалей, ты сможешь их взять. С приходом муссона станет еще немного прохладнее. Говорят, это случится со дня на день. Как там в Коломбо?

– Мерзко. Чертовски влажно. И все такие сердитые. Но что за прекрасная поездка. Я никогда не видела ничего подобного. Мы забрались вверх, наверное, футов на тысячу. А что за виды с этих железных мостов!

– Виды прелестные, но у меня от них разболелась голова, – сказала Гвен и повернулась к мужу. – На какой мы здесь высоте, Лоуренс?

– Привет, дорогая. – Его счастливой улыбкой и очевидного удовольствия при виде ее хватило, чтобы мигом стереть из памяти воспоминания об их последней встрече в постели. Лоуренс немного помолчал, а потом наклонился к дверце машины, чтобы помочь выбраться наружу другой женщине, сидевшей спереди. – А ответ на твой вопрос, – сказал он, выпрямляясь, – около пяти тысяч футов.

– Это его сестра, – шепнула Фрэн и скривилась. – Она уже была в Коломбо, остановилась в отеле «Галле-Фейс». Мы забрали ее. Она со мной едва ли парой слов перемолвилась за всю поездку.

Высокая женщина, стоявшая с другой стороны машины, откинула голову и рассмеялась чему-то сказанному Лоуренсом.

– Гвендолин! – окликнул он жену. – Поздоровайся с моей любимой сестрой Верити.

Они вдвоем подошли к Гвен, и Верити протянула ей руку. У сестры Лоуренса были темно-карие глаза и такая же ямочка на подбородке, как у брата, лицо вытянутое, желтоватое. Гвен невольно подумала, что фамильные черты Хуперов женщинам идут гораздо меньше, чем мужчинам. Когда Верити наклонилась и поцеловала Гвен в щеку, от нее пахло немытым телом.

– Откуда эти царапины? – спросил Лоуренс и прикоснулся к руке Гвен.

Она улыбнулась:

– Задела за дерево. Ты меня знаешь.

– Милая Гвендолин, я так хотела познакомиться с тобой! Лоуренс рассказал мне все. – (Гвен снова улыбнулась. Она знала о близости мужа с сестрой, но искренне надеялась, что он не стал рассказывать ей *все*.) – Мне так жаль, что я пропустила вашу свадьбу. Это непростительно, знаю, но я застряла в чернейшей Африке. – Верити коротко рассмеялась, выпятила свои тонкие губы и повернулась к Лоуренсу. – Я буду в своей старой комнате?

Он с улыбкой взял ее за руку:

– А где же еще?

Она дважды чмокнула его в щеку:

– Мой дорогой, дорогой брат, как я по тебе скучала! – (И они, взявшись за руки, поднялись по ступенькам в дом.) – О, Гвендолин! – обернувшись, окликнула ее Верити. – Пусть кто-нибудь из слуг принесет наверх мою сумку. Сундук привезут только завтра.

– Конечно, – сказала Гвен, глядя им вслед.

Сундук. Сколько же времени собирается провести здесь сестра Лоуренса? Фрэн следила за выражением лица Гвен.

– Все в порядке?

– Абсолютно прекрасно, – с улыбкой ответила Гвен, а про себя подумала: «Ну, будет прекрасно». – Но я так рада, что ты наконец здесь.

– Я хочу услышать обо всем, – сказала Фрэн и подтолкнула Гвен локтем. – Я имею в виду *все*.

Они обе засмеялись.

На следующее утро Гвен встала рано, чтобы успеть поймать Лоуренса за завтраком. Полная радостного ожидания, что удивит его и наконец получит возможность поговорить, она с улыбкой распахнула дверь столовой.

– Ох! – вырвалось у нее при виде Верити, с аппетитом уплетавшей *кеджери*; от запаха рыбы у Гвен скрутило живот.

– Дорогая, – сказала та и похлопала по сиденью соседнего с ней стула. – Лоуренс только что ушел, но это к лучшему: мы проведем вместе утро и получше узнаем друг друга.

– Это будет мило. Ты хорошо спала?

– Не так чтобы очень, но я сплю хуже всех на свете. Хотя, как я вижу, того же не скажешь о твоей кухне Фрэн.

Гвен засмеялась, но заметила темные круги под глазами Верити, которые вчера не были так видны.

– Верно, – сказала она. – Фрэн любит понежиться в постели.

– Думаю, утренняя прогулка доставит нам удовольствие. Что скажешь?

– Мне нужно встретиться с *дохоби* в половине двенадцатого. Кажется, пара лучших рубашек Лоуренса не вернулась из стирки.

– О, у нас до этого уйма времени, дорогая. Так ты пойдешь? Я очень расстроюсь, если ты откажешься.

Гвен взглянула на Верити. Сестра Лоуренса не была непривлекательной, но ее лицу не хватало теплоты; вероятно, виной тому были залегшие между бровями морщины. Должно быть, она сама понимала это, потому как то и дело намеренно приподнимала брови, чтобы разгладить кожу. От этого глаза ее делались круглыми и она становилась немного похожей на сову. Но если не брать в расчет круги под глазами, сегодня Верити выглядела свежее, не такой желтой. «Горный воздух должен пойти ей на пользу», – подумала Гвен и ответила:

– Хорошо. Нельзя допустить, чтобы ты расстраивалась. Но я пойду только при условии, что вернусь вовремя и встречу с *дохоби* перед обедом. И мне нужно переобуться.

– Обещаю. А теперь подойди сюда и сядь. *Кеджери* божествен. Или попробуй буйволиный творог с *джаггери*. Этот сироп добывают из дерева *китхул*.

– Я знаю.

– Конечно знаешь.

Гвен посмотрела на миску с творогом. Он был похож на комковатые сливки, политые коричневой патокой.

– Не сегодня. Мне хватит тоста.

– Ну, неудивительно, что ты такая худенькая, если это все, что ты ешь.

Гвен улыбнулась, но немного напряглась, потому что ее золовка начала довольно нервно барабанить пальцами по столу. Она вообще не планировала посвящать утро прогулке, особенно притом, что сразу после обеда они собирались все вместе поехать в Нувара-Элию, а чемодан еще не собран.

Вернувшись в свою комнату, чтобы надеть прогулочные туфли, Гвен застала там занятую уборкой Навину.

– Вы пойдете гулять с сестрой, леди?

– Да.

Мгновение казалось, будто Навина собирается что-то сказать, но этого не произошло, сингалка молча подала Гвен обувь.

Выйдя на утреннее солнышко, Гвен ощутила большой энтузиазм относительно прогулки. Утро стояло великолепное и все еще прохладное, хотя туман быстро таял. Видно было вдаль на многие мили, на небе – только редкие облачка. В зарослях деревьев пели птицы, а воздух был напоен сладким ароматом.

– Мы спустимся к озеру, а потом немного прогуляемся вдоль него. Я покажу дорогу. Ты не против? – спросила Верити.

– Абсолютно. Я до сих пор не знаю толком, где тут можно гулять. Верити улыбнулась и взяла ее под руку.

Гвен посмотрела на ближайший покрытый чайными кустами склон, блестящий на солнце яркой зеленью. Сборщицы чая уже принялись за дело, их пальцы, срывавшие листья, маленькими птичками порхали над кустами. Гвен указала на дорожки, зигзагами пересекавшие плантацию и поднимающиеся вверх:

– Я бы не отказалась пойти туда. Мне интересно посмотреть на сборщиц вблизи.

Верити нахмурилась:

– Щипальщиц, дорогая, не сборщиц. Но нет, не сегодня. Ты можешь упасть в оросительную канаву. У меня есть идея получше. Мы свернем с дорожки у озера и пойдем в мой любимый лес. Там просто волшебно. Мы с Лоуренсом на каникулах играли там в прятки.

– Вы оба уезжали в Англию в пансион?

– О да, хотя в разное время. Я училась в Малверне. Лоуренс намного старше меня. Ты, конечно, это знаешь.

Гвен кивнула, и они направились к озеру. Шли вдоль него около получаса. Озеро было очень темным и спокойным в центре, ближе к краям – покрыто рябью, а у скалистых берегов пенилось. Серые птицы с белыми грудками и коричневыми брюшками, стоя на валунах, расправляли крылья и прихорашивались.

– Водяные курочки, – объяснила Верити. – Здесь мы свернем. – Она указала на тропинку.

Лес сперва был редкий, но, по мере того как они углублялись в него, становился гуще и воздух наполнялся запахами и звуками, которые издавали снующие вокруг существа. Гвен остановилась и прислушалась.

– Это всего лишь ящерицы, – сказала Верити, – и птицы, конечно, и еще какие-нибудь древесные змейки. Беспокоиться не о чем, поверь.

Тут диковато, лес прямо-таки дремучий, но ты не отставай от меня, и все будет в порядке. Теперь пойдем друг за дружкой. Ты сзади.

Гвен протянула руку, чтобы потрогать ветку низкого дерева с толстым стволом, но тут же укололась о листья и отдернула руку. Лес и правда был совсем дикий, ей еще не доводилось бывать в таких, хотя страшно не было. Скорее ее приятно волновала эта атмосфера первозданности. Под ногами трещали сухие ветки, а воздух в самых влажных и темных местах, куда не проникал солнечный свет, казалось, был подкрашен зеленой краской.

Верити улыбнулась:

– Если хочешь что-нибудь узнать, просто спроси. Я уверена, ты здесь прекрасно освоишься.

– Спасибо, – отозвалась Гвен. – Кое-какие вопросы есть. Я думала про ключи от кладовой. Их два. Мне нужно держать у себя оба?

– Нет, это будет для тебя ужасной морокой. Отдай один *анну*. Тогда ему не придется беспокоить тебя по каждому мельчайшему поводу. – Верити указала на фиолетовые цветы у края тропы. – Ну разве не прелесть! Жаль, что я не взяла корзинку.

– Может, в следующий раз.

– Укрась волосы, – предложила Верити и наклонилась сорвать цветок. – Вот, давай я помогу. – Она продела стебелек сквозь завиток волос Гвен и отстранилась, чтобы оценить результат. – Ну вот. Очень мило. Он подходит к твоим глазам. Пошли дальше?

Они пошли. Верити болтала без умолку и, казалось, очень радовалась этой прогулке с невесткой, так что Гвен расслабилась и совсем потеряла счет времени. Запах озера уже давно перестал долетать до них, когда она вдруг вспомнила о намеченной встрече с *дохоби*.

– О боже! Я совсем забыла. Верити, нам нужно возвращаться.

– Конечно, но не иди назад той же дорогой. Это займет целую вечность. Есть короткий путь. Мы с Лоуренсом всегда им пользовались. Так ты вернешься гораздо быстрее. – Верити указала ей на тропинку, а сама сделала шаг в обратном направлении.

– А ты не пойдешь?

– Я, пожалуй, вернусь длинным путем, если ты не против. Такое прекрасное утро, и время меня не поджимает. Видишь эту тропу? Пройдешь по ней ярдов пятьдесят, потом поверни направо, там

небольшой перекресток. В центре растет фиговое дерево. Ты его не пропустишь.

– Спасибо.

Верити лучисто улыбнулась:

– Тропа приведет тебя прямо к дому. Держи нос по ветру. Увидимся дома.

Гвен пошла в направлении, указанном Верити, затем повернула туда, где на небольшой полянке росло фиговое дерево. Она по-настоящему наслаждалась утром и пришла к заключению, что ее золовка гораздо дружелюбнее, чем ей показалось вначале. Гвен была рада. Хорошо, если они подружатся. Она шла и шла, ожидая вскоре увидеть сверкающую гладь озера, но через некоторое время заметила, что тропа уводит ее все глубже в чащу леса. Путь ей преградили огромные валуны, и даже птичье пение смолкло. Гвен огляделась, но умение ориентироваться в пространстве никогда не было ее сильной чертой.

Еще немного дальше тропа круто уходила вниз. Это явно был неверный путь. Гвен обернулась и увидела, что уже довольно давно идет под уклон, тогда как для возвращения к дому нужно было подниматься вверх, в этом она не сомневалась.

Гвен села на поросший мхом валун, провела рукой по волосам и утерла со лба пот, немного подумала и решила вернуться назад по своим следам. Она не испугалась, только разозлилась на себя за то, что заблудилась. Проблема состояла в том, что чем дальше она шла, тем меньше узнавала путь. Упавшая с дерева ветка запуталась в волосах. Пока Гвен ее вытаскивала, всю прическу растрепала. Пройдя еще немного, она споткнулась, упала на задницу, поцарапала руки и порвала новое вуалевое платье.

Поднявшись на ноги, Гвен стала стряхивать листья и грязь с одежды и почувствовала, что бедро у нее горит. Подняв юбку, она извернулась посмотреть, что там, и увидела: обычно бледная кожа стала ярко-красной. Кто-то ее укусил. Гвен огляделась и заметила на земле в том месте, где она упала, множество муравьев.

Хорошо хоть день солнечный. Гвен двинулась дальше, несколько раз свернув неудачно, она наконец нашла фиговое дерево. Значит, ее ждет впереди длинный кружной путь, но иного выбора, кроме как

воспользоваться той же дорогой, какой они с Верити пришли сюда, не оставалось. Она опоздает, сильно опоздает.

Когда Гвен добралась до озера и увидела вдалеке свой новый дом, у нее отлегло от сердца. Она не стала приводить в порядок ни волосы, ни одежду, а бросилась бежать. Подбегая к дому, увидела Лоуренса, он ходил взад-вперед у кромки воды и заслонял рукой глаза от полуденного солнца. Заметив ее, он остановился и смотрел, как она несется к нему.

Гвен так обрадовалась неожиданной встрече с Лоуренсом, что сердце ее едва не разорвалось от счастья.

– Хорошо прогулялась? – спросил он с серьезным видом, потом один из уголков его губ пополз вверх, а брови едва заметно приподнялись; он заулыбался.

– Не смейся, я заблудилась.

– Что мне с тобой делать?

– Я не нарочно. – Гвен почесала бедро. – И меня жутко укусили.

– Кто?

Гвен поморщилась:

– Да какие-то муравьи.

– На Цейлоне нет просто «каких-то муравьев». Но, серьезно, я никогда не простил бы себя, если бы с тобой что-то случилось. Обещай, что будешь осторожнее.

Гвен постаралась придать лицу торжественное выражение, но не смогла и расплылась в улыбке. Кончилось тем, что оба прыснули со смеху.

– Ты говоришь, как мой отец.

– Иногда я себя им и чувствую. – Лоуренс привлек ее к себе. – Только не в таких случаях.

Поцелуй был долгим и глубоким.

В этот момент появилась Верити.

– О, вот ты где! – беспечно воскликнула она. – Простите, что прерываю. Я уже давно вернулась. Мы ужасно волновались.

– Но я пошла по тропе, которую ты показала. Меня укусили муравьи.

– Ты повернула направо? Не забыла? У фигового дерева.

Гвен нахмурилась.

– Ну да ладно. Теперь ты здесь. – Лоуренс обнял жену одной рукой и, вынув платок, стал стирать грязь с ее щек. – Ты пропустила обед, естественно, но можешь поблагодарить Верити. Она вместо тебя поговорила с *дхоби*.

Верити с улыбкой кивнула:

– Благодарности ни к чему. Сказать *анпу*, чтобы приготовил для тебя пару сэндвичей? И я поищу какой-нибудь лосьон, чтобы снять зуд от муравьиных укусов.

– Спасибо.

Верити направилась к дому, а Лоуренс взял Гвен за руку:

– А теперь, дорогая, нам пора готовиться к поездке на бал.

– Лоуренс, – начала она, сжимая его руку, – я хотела сказать... о том дне.

Лицо его помрачнело.

– Прости, я был резок.

Гвен мгновение смотрела в землю. Она хотела этого разговора, но не сейчас, когда его сестра находилась рядом и могла их услышать. Может быть, после бала им удастся остаться наедине и все обсудить.

– Давай пока забудем об этом, – предложила она. – Но я хотела объяснить, почему отправилась в рабочие линии.

Лоуренс не дал ей договорить:

– Макгрегор уже сказал мне.

– Ты знаешь, что один мужчина пострадал?

– Ты добра, Гвен, и очень заботлива, но этот человек вечно создает проблемы. Кое-кто считает, что он сам себя поранил.

– Зачем ему это?

– Чтобы вынудить нас оплатить его лечение.

– Ну, если люди получили травмы, мы в любом случае должны им помогать.

– Только не в том случае, если эту травму они нанесли себе сами.

Гвен задумалась.

– Мне не понравилось, как разговаривал со мной мистер Макгрегор.

– Просто у него такая манера общения. Ничего личного. – Гвен вздохнула, вспоминая стальные глаза и поджатые губы Макгрегора, и засомневалась. – Предоставь ему разбираться с рабочими. Боюсь, он

не приходит в восторг, когда его авторитету бросают вызов, особенно женщины. Он стойкий приверженец старых традиций.

– Кажется, тут полно таких.

Лоуренс пожал плечами:

– Нам еще многое предстоит сделать, но, поскольку на Цейлоне существуют различные фракции, мы не можем позволить себе отталкивать людей, торопясь с переменами. Нам нужен консенсус, чтобы внести хоть какие-то существенные изменения в жизнь страны в целом.

– А если консенсуса нет?

Лоуренс ответил очень серьезно:

– Должен быть, Гвен.

Последовала пауза.

– Тебе нравится Макгрегор.

– Думаю, да. Я оставил его здесь управляющим на время войны всего с двумя помощниками. Он не мог сражаться, понимаешь.

– О?

– Ты, вероятно, заметила, что он прихрамывает. Но Ник прекрасно справился с тысячей рабочих, и я бы доверил ему свою жизнь.

– Придется и мне научиться любить его.

– Строго говоря, теперь под его командой полторы тысячи работников, так как я вступил во владение еще одним поместьем. Возникли проблемы с некоторыми кули, которых перевели на новое место. Тут много чего происходит, помимо ощипывания листьев.

– А почему сборщицы всегда женщины?

– Чуткие пальцы. Мы называем сбор листьев щипанием.

– Верити говорила. А мужчины?

– Есть много работ, где нужна мускульная сила: копание, посадка, внесение удобрений, прочистка канав и, конечно, обрезка. У нас целые команды обрезчиков, а их дети носятся вокруг и собирают ветки, чтобы отнести их домой на растопку. Не забывай, что ты действуешь из чистой порядочности, а задача Макгрегора – обеспечить твою безопасность. – (Гвен кивнула.) – Ты, вероятно, заметила, что домашние слуги считают себя на голову выше слуг в поместье. Их мы тоже не хотим огорчать. Как ты вообще справляешься? Ничто не доставляет особых проблем?

Гвен подумала, не сказать ли ему о счетах, но решила не делать этого. За дом отвечала она, так что как-нибудь разберется, в чем тут дело.

Лоуренс поцеловал ее в губы, и она снова уловила знакомый запах мыла и лимона.

– А теперь пойдём, моя прекрасная супруга, – сказал он. – Не пора ли нам немного развлечься?

Ежегодный бал гольф-клуба должен был состояться в «Гранд-отеле» городка Нувара-Элия. Точь-в-точь как особняк Елизаветинской эпохи, отель был окружен содержавшимися в идеальном порядке садами с травяными лужайками, поросшими маргаритками. Гвен давно ждала этого события. Теперь у нее появился повод надеть новое серебристо-розовое платье с юбкой годе, и они с Фрэн наконец-то станцуют чарльстон.

Поездка до Нувара-Элии заняла три часа, все по горным дорогам, и Гвен слегка затошнило. Но когда они добрались до места и она вылезла из машины, то довольно быстро пришла в себя на свежем воздухе, напоенном запахом мяты. Городок выглядел так, будто они не на Цейлоне, а в Глостершире: башня с часами, лестница к величественному военному мемориалу и совершенно английская на вид церковь.

В момент отъезда Гвен, выйдя из дому, была удивлена тем, что Верити уселась на переднее сиденье машины рядом с Лоуренсом. На его лице промелькнуло раздражение, но он не попросил ее убраться назад. Туда отправилась Гвен.

Верити повернула голову и спросила:

– Ты ведь не против? Я не видела брата целую вечность.

Гордость Гвен была немного уязвлена – на переднем сиденье полагалось ехать ей, но она понимала, что Лоуренс и Верити, вероятно, хотят наверстать упущенное.

Комнаты в отеле для всех были заказаны заранее.

– Я забронировал вам с Фрэн номер на двоих, – обращаясь к Гвен, сказал Лоуренс, когда они вошли в холл. – Вы прекрасно проведете время вместе. – (Гвен посмотрела на сновавших вокруг людей и попыталась проглотить готовые сорваться с языка слова.) – Это будет

как в старые добрые времена, – продолжил Лоуренс, словно оправдываясь, и повернулся к клерку.

– Дело не в этом, – прошипела Гвен. – Ради бога, Лоуренс...

– Не сейчас, Гвен, прошу тебя. Вот ключи.

Она схватила его за рукав:

– Мы так не договаривались!

Он не ответил. Гвен прикусила язык, подавив внезапно нахлынувшие эмоции, и, не желая, чтобы ее видели плачущей в холле гостиницы, отвернулась.

Лоуренс протянул к ней руку:

– Прости, я знаю, нам нужно поговорить. Боюсь, я был не совсем...

Оборвав фразу, он резко вздохнул – к ним подошла Верити. Дружелюбно взглянув на Гвен, она прильнула к брату и положила голову ему на плечо. Лоуренс бросил на Гвен извиняющийся взгляд. Она, покраснев от гнева, развернулась и пошла искать Фрэн.

Их номер оказался просторным и комфортабельным, с диваном, двумя кроватями под пологом с москитными сетками, двумя маленькими прикроватными тумбочками и подходящим к ним туалетным столиком, на котором стояла со вкусом подобранная композиция из трех бледных орхидей.

Фрэн скинула с плеч теплый шерстяной плед, который дала ей Гвен, сняла платье и мигом забралась под хрустящую от крахмала простыню на одну из кроватей. Она вытянула руку, на запястье тихо звякнул браслет.

– Смотри, это буддийский храм. Я купила его на базаре в Коломбо. – (Гвен рассмотрела новый амулет на браслете кухни.) – Так как тебе нравится замужняя жизнь? – спросила Фрэн, игриво приподняв брови и широко улыбаясь.

– Да, это очень приятно.

– Приятно? Это должно быть гораздо более захватывающим. – (Гвен изобразила непонимание и пожалала плечами.) – Давай рассказывай. Ты знаешь, о чем я говорю. – Лицо Гвен помрачнело, и она опустила глаза; Фрэн мигом села. – О Гвенни, что с тобой?

Последовала недолгая пауза – Гвен боролась с собой, ей хотелось выложить все начистоту, но как при этом не нарушить верности

Лоуренсу?

– Ты меня пугаешь. Он обидел тебя? – Сестра протянула к ней руку.

Гвен замотала головой и подняла глаза:

– Он не нарочно.

– Ты вся в царапинах.

– Это я сама, по глупости.

– Хорошо. Лоуренс как будто очень мил, едва ли он на такое способен.

Гвен нахмурилась:

– Да, он мил.

– Тогда почему у тебя такой несчастный вид? – Фрэн помолчала. – Так дело в этом? Он действительно мил, даже слишком. Ты не получаешь никакого удовольствия?

Гвен сглотнула стоявший в горле ком и ощутила, как по шее у нее расползается жар.

– Сперва все было. Потом...

– О, это совсем нехорошо. Какой смысл быть связанной с одним мужчиной, если тебе с ним невесело. Он вообще знает, что делать?

– Он был женат. Конечно знает.

Фрэн покачала головой:

– Одно не всегда следует из другого. Некоторые мужчины просто не созданы для этого.

– В Англии наши отношения складывались восхитительно. – Гвен чувствовала, что краска смущения заливает ее все сильнее. – И в Коломбо.

– Значит, у него есть какая-то проблема.

– Вообще, я думаю, его что-то беспокоит, но он не говорит.

– Разговорами тут не поможешь. Давай-ка сделаем так, чтобы ты выглядела совершенно неотразимой и у него руки сами тянулись к тебе. Вот путь к сердцу мужчины!

Гвен улыбнулась. После отъезда Фрэн в Лондон, еще до брака с Лоуренсом, Гвен пыталась поговорить с матерью об интимных вещах. Попытка закончилась беспомощным заиканием. Мать, похоже, слыхом не слыхивала об оргазмах, а от мысли о том, что ее отец, всю жизнь носивший усы в форме дверных ручек, доводит мать до такого состояния, можно было только скривиться или умереть со смеху. От

матери Гвен никогда не слышала даже пустых фраз вроде: «У мужчин есть свои потребности», над которыми девчонки потешались в пансионе.

Фрэн прервала ее раздумья:

– Забыла тебе сказать. Думаю, я могу получить работу, когда вернусь домой.

– Тебе не нужна работа. У тебя есть недвижимость для сдачи внаем.

– Мне она нужна не ради денег, просто наскучили вечеринки и шампанское. У тебя всегда была твоя старая сыроварня, так почему бы и мне не обзавестись чем-нибудь?

Эти слова всколыхнули воспоминания. Гвен ощутила болезненную тоску по родителям и старому, ветхому поместью, где они жили. После того как мать превратила старый амбар в сыроварню, все вокруг напиталось своеобразными запахами. Гвен встряхнула головой. Она сейчас была здесь, в стране корицы и жасмина, какой смысл оглядываться на прошлое.

– Ну что, начнем готовиться? – предложила Фрэн.

После того как они обе приняли ванну, Гвен повязала голову лентой, расшитой жемчугом, а Фрэн помогла ей убрать волосы так, чтобы ее темные кудри свободно свисали сзади вдоль тонкой шеи. Короткие каштановые волосы самой Фрэн, убранные под красную повязку с пером, блестели и красиво подчеркивали абрис головы.

Фрэн окинула сестру оценивающим взглядом.

– Ну как? – спросила та.

– Операция по соблазнению начинается! – с усмешкой ответила ей кузина.

К одиннадцати часам бал был в полном разгаре. Оркестр сделал перерыв, и Гвен принялась рассматривать людей вокруг. Большинство женщин были одеты в старомодные платья пастельных тонов длиной чуть выше лодыжек, даже девушки не отличались в этом от матерей.

Лоуренс, очень красивый в белом смокинге, не мог глаз оторвать от жены, и они с наслаждением кружились в вальсе, но потом им завладела сестра. Когда Гвен отошла, Лоуренс криво улыбнулся ей. Нигде не находя Фрэн, она совсем потерялась. Прислонилась к колонне недалеко от входа и стояла, прислушиваясь к обрывкам

разговоров и кивая смутно знакомым лицам, но вдруг рядом прозвучал мужской голос:

– Миссис Хупер, как приятно видеть вас.

Гвен обернулась и увидела его – облаченный в темный вечерний костюм с каким-то невообразимым жилетом, украшенным вышивкой в красно-золотистых тонах, он выглядел великолепно. Его взгляд задержался на ее лице чуть дольше, чем допускала обычная вежливость. Гвен вспомнила эти блестящие глаза цвета карамели, и теперь, как тогда, стоило ему улыбнуться, они сразу потеплели, отчего изменилось выражение всего лица. Гвен встрепенулась и стала подыскивать слова, подходящие для описания этого человека. Экзотический, так она подумала при первой их встрече, но не только. Может быть, лишающий покоя? Гвен попыталась улыбнуться, но не преуспела в этом, потом, вспомнив о правилах приличия, протянула руку, и он едва заметно коснулся губами шелковой перчатки, которая тянулась до самой подмышки.

– Мистер Равасингхе! Как у вас дела?

– Вы сегодня выглядите прелестно. Не танцуете?

– Благодарю вас, нет, в данный момент не танцую. – На этот раз, польщенная комплиментом, Гвен засияла улыбкой, но тут же смутилась. – Лоуренс где-то здесь со своей сестрой.

– Ах да. Верити Хупер, – кивнул мистер Равасингхе.

– Вы знакомы с ней?

Он склонил голову:

– Наши пути пересекались.

– Я только недавно встретила с ней. Кажется, она очень любит Лоуренса.

– Да, я это помню. – Он помолчал и улыбнулся Гвен. – Не хотите ли потанцевать, миссис Хупер, когда оркестр вернется?

– Прошу вас, зовите меня Гвен. Но я не уверена, стоит ли мне. – Она огляделась и увидела входившую в зал Фрэн – та несла что-то, зажав под мышкой. Как обычно, она выглядела эффектно и в полном соответствии с обстановкой: на ней было приталенное красное платье с расклешенной юбкой и красные туфли на пуговках. – О, послушайте! Я должна познакомить вас со своей кухней и лучшей подругой Фрэнсис Майнт.

Как только та подошла, Гвен почувствовала, что между ней и Сави сразу возникла симпатия. Они долго смотрели друг на друга, и он, казалось, никак не мог заговорить. Фрэн сияла здоровой красотой и была просто очаровательна. Никогда еще она не выглядела лучше, подумала Гвен, хотя главным, что ее выделяло, было жизнелюбие. Уверенность в себе влекла к ней людей, будто они хотели напитаться энергией от близости с ней, чтобы часть ее сияния отразилась в них. Либо восторг, либо неодобрение – иначе к Фрэн не относились.

Гвен ощутила мимолетный укол ревности. Хотя при обеих встречах с ней Сави Равасингхе явно выглядел восхищенным, но никогда он не смотрел на нее так. Да и сказать по правде, стоило ему обратить на нее внимание, как она сразу робела и ощущала, что заливается краской. Теперь же просто чувствовала себя глупо. Сави заботился о ней, как старший брат о сестре, взял под свое крыло, и даже его предложение потанцевать, сделанное только что, Гвен расценила как проявление доброты, не более.

– Смотрите, что я принесла, – сказала Фрэн и показала им две пластинки, записанные каким-то новым способом с применением электричества и микрофонов. – Я попрошу вон того парня прокрутить их. – Она указала на мужчину в костюме, который отвечал за граммофон. – Вы танцуете чарльстон, мистер Равасингхе? – Он покачал головой и изобразил на лице смятение; Фрэн с улыбкой взяла его за руку. – Ну ничего, я научу вас обоих.

Глянув поверх плеча сестры, Гвен заметила Лоуренса, которому преградила путь американская вдовушка Кристина. Это была одна из тех дам, вокруг которых роятся мужчины. Скроенное по косой, изящное черное платье, облегавшее ее фигуру в нужных местах, обеспечивало это. Гвен посмотрела на взбившиеся волной надо лбом Лоуренса волосы, и ей захотелось подойти к мужу и забрать его. Она подняла руку, подавая ему знак, но он вовсе не замечал ее, свою жену, и не переставал улыбаться чужой женщине! Гвен подавила жгучие уколы ревности, глядя, как американка подняла руку и погладила Лоуренса по щеке. Когда тот наконец отвел от нее взгляд и увидел, что Гвен смотрит на него, он кивнул Кристине и подошел к жене:

– Гвендолин, вот ты где.

– О чем ты говорил с той женщиной? – Она понимала, что ее голос звучит обиженно.

Лоуренс слегка скривился:

– О кое-каких делах.

Гвен прищурилась и втянула ноздрями воздух:

– Лоуренс, я видела, как она прикасалась к твоему лицу. – (Он засмеялся.) – Это не смешно...

Лоуренс обхватил ее рукой за талию, притянул к себе и усмехнулся:

– Я готов смотреть только на тебя. Но она вроде как владеет банком. – Можно подумать, это все объясняло! Потом лицо его помрачнело, и он стал серьезным. – Важнее то, что я видел, как ты разговаривала с Сави Равасингхе. Пожалуйста, развлекайся, танцуй чарльстон с Фрэн, делай что хочешь, но я бы предпочел, чтобы ты не общалась с этим человеком.

Гвен убрала с талии его руку:

– Тебе он не нравится?

– Не имеет значения, нравится он мне или нет.

– Тогда в чем причина? Неужели дело в том, что он сингал?

– Надеюсь, ты не считаешь меня настолько ничтожным?

– Вообще-то, нет. Но, по-моему, мистер Равасингхе – очаровательный человек.

Лоуренс с сомнением посмотрел на нее:

– Очаровательный? Тебе так кажется?

– Да. – Она немного помолчала. – Твои знакомые сингалы когда-нибудь приходят к тебе в гости?

– Изредка.

– А мы пойдем к ним?

– Я знаю, тебе это покажется странным, но нет, даже к таким относительно преуспевающим, как Равасингхе. – Лоуренс покачал головой, а когда заговорил снова, тон его изменился. – Вообще-то, он сейчас пишет портрет Кристины.

– Он художник? А я и не знала. Ты как будто не одобряешь это.

– С чего мне не одобрять? – возразил Лоуренс. – Ну ладно, тут есть несколько человек, с которыми я хочу тебя познакомить.

– О нет! Фрэн сейчас будет учить нас с Сави танцевать чарльстон. – И, чувствуя, что сердится на мужа, Гвен повернулась к нему спиной и направилась вслед за сестрой и мистером Равасингхе к граммофону.

После этого Лоуренс к ней не подходил. Делая вид, что не интересуется им, Гвен исподтишка поглядывала в его сторону, заметила, что он не раз танцевал с Кристиной, и попыталась отнестись к этому по-взрослому, но, видя их вместе, переживала до тошноты. Как он смел указывать ей, с кем общаться, когда эта женщина прижималась к нему и трогала его лицо, как будто он был ее собственностью! Это зрелище возбудило в Гвен сатанинскую веселость, и она выпила подряд несколько бокалов шампанского.

Около часа Фрэн, Сави Равасингхе и Гвен разучивали чарльстон под неодобрительными взглядами окружающих. Зрительницам постарше, без сомнения, хотелось, чтобы поскорее вернулся оркестр и продолжились вальсы и фокстроты. Одна или две молоденькие девушки присоединились к танцующим, и на какое-то время компанию им составила даже Верити. Она так много смеялась, что Гвен невольно потеплела к ней.

Потом Фрэн куда-то исчезла, и Верити нигде не было видно, так что Гвен сникла и ее бравада улетучилась. Она взяла еще бокал шампанского с подноса у проходившего мимо официанта, покинула бальный зал и вышла в холл, где прислонилась к стене за лестницей, чувствуя себя нетрезвой и размышляя, как же ей вырвать Лоуренса из когтей американки.

Когда к ней подошел Сави Равасингхе, глаза у нее были на мокром месте.

– Ждите здесь, – сказал он. – Я найду вашего мужа.

– Мне плохо. Прошу вас, не оставляйте меня.

– Хорошо. Вы в каком номере? Я помогу вам подняться по лестнице.

Гвен захихикала:

– Кажется, я немного пьяна.

Сави взял из ее руки бокал и поставил на стол:

– Ничего, стакан воды и крепкий сон это легко исправят. Пойдемте. Обопритесь на меня.

Он поцеловал ее обтянутые перчаткой пальцы и взял ее под локоть. Сквозь тонкий шелк платья Гвен чувствовала, как прохладна его рука по сравнению с ее разгоряченным телом. В глубине сознания маячила мысль: нехорошо, что она позволяет постороннему мужчине

проводить ее в номер, но, после того как Лоуренс танцевал с Кристиной, она решила отбросить прочь осторожность.

– У вас есть ключ?

– В сумочке. – Она остановилась и посмотрела на Сави. – Вы всегда помогаете мне выпутываться из неприятностей.

– Ну, если вы намерены и дальше в них попадать, – засмеялся он.

– Вообще-то, мне немного не по себе.

– Понятно. А теперь мы с вами пойдем наверх, миссис Хупер. – Он утешительно пожал ей руку, и у Гвен ослабли колени. – Держитесь за меня, я доведу вас и сразу пойду искать вашу кухню.

Они успели преодолеть всего несколько ступеней, как вдруг Гвен услышала звук шагов. Взглянув вверх, она увидела спускавшуюся Флоранс Шуботэм, нос у нее блестел, многочисленные подбородки подрагивали. «И как только эти подбородки не мешают разговаривать», – подумала Гвен, ожидая услышать какое-нибудь едкое замечание, но, к ее удивлению, Флоранс прошаркала мимо, ничего не сказав.

– Черт! Она наверняка скажет Лоуренсу.

– Скажет – что?

Гвен неопределенно махнула рукой и ощутила сильное головокружение.

– А, ничего. Просто что я напилась.

Мистер Равасингхе довел ее до номера, и они вместе вошли внутрь. Когда Гвен ощутила прикосновение его пальцев к своим лодыжкам – он снимал с нее туфли, – то слегка возбудилась и закусил губу, пытаясь не выдать чувств, которых ей не следовало испытывать. Сави помог ей улечься на кровать. Гвен закрыла глаза, и он нежно погладил ее по виску. Было приятно, и ей хотелось, чтобы он продолжал, однако, чувствуя легкий стыд, она немного отодвинулась и пробормотала заплетающимся языком:

– Я люблю Лоуренса.

– Конечно любите. Вас еще тошнит?

– Немного. Комната качается.

– Тогда я побуду здесь, пока вы не уснете. Мне бы не хотелось оставлять вас в таком состоянии.

«Он такой милый», – думала Гвен между приступами головокружения, потом произнесла это вслух, икнула, и рука ее

подлетела ко рту.

– Упс!

Сави продолжал нежно гладить ее лицо.

Краем сознания Гвен понимала, что нужно попросить его уйти, но чувствовала себя такой одинокой, так тосковала по дому и нуждалась в человеческом участии, к тому же с последним бокалом шампанского из ее головы испарилась и последняя мысль об осмотрительности. Перед мысленным взором то и дело всплывал образ Кристины в черном платье, флиртующей с Лоуренсом, отчего глаза у нее защипало, и она пробормотала себе под нос что-то невнятное.

– Я могу помочь вам устроиться поудобнее, если хотите.

– Благодарю.

Сави поддерживал стакан, пока она пила, подложил ей под голову еще одну подушку. Гвен стянула с себя шаль, ей было жарко, а потом, то погружаясь в лихорадочный сон, то выплывая из него, как будто распалаясь еще сильнее. Иногда Сави был все еще здесь, или это ей только казалось, а иногда пропадал. И Гвен снился очень тревожный сон, будто мистер Равасингхе трогает ее, а она тянет к нему руки, только он вдруг превращался в Лоуренса – и все становилось нормально. Ей ведь можно заниматься любовью с мужем. Когда она очнулась по-настоящему, то увидела, что, должно быть, во сне растянула ворот платья и спустила чулки – она помнила, что ей было очень жарко, – а ее новые французские трусики валялись на полу. Когда посреди ночи появилась Фрэн, она велела Гвен залезть под одеяло.

– Посмотри, в каком ты состоянии, Гвен, – полуодета и вся какая-то растрепанная. Чем ты тут вообще занималась?

– Я не помню.

– От тебя разит алкоголем.

– Я пила, Фрэнни, – подтвердила Гвен, все еще чувствуя себя пьяной, – пила шампанское.

Фрэн задула газовый рожок, забралась в постель к Гвен и прижалась к ней, как в детстве.

На следующее утро за завтраком Фрэн не появилась, а Верити ушла на прогулку. Лоуренс был в приподнятом настроении и спросил, понравился ли Гвен вчерашний вечер. Она ответила, что да, но только

произошел перебор с шампанским и у нее разболелась голова, а потому пришлось рано уйти спать.

– Я искал тебя, но не смог найти. Верити сказала, что тебя, кажется, увела наверх Фрэн.

– Верити сама была изрядно навеселе. Почему ты не пришел меня проведать?

– Не хотел тебя будить. – Лоуренс помолчал и улыбнулся. – Думаю, вы с Фрэн хорошенько встряхнули наше солидное общество.

У Гвен запылало лицо. Воспоминания о вчерашнем вечере были довольно смутные. Она помнила, что чувствовала головокружение, а потом мистер Равасингхе помогал ей подняться по лестнице. Взглянув на мужа, Гвен подумала: что же ему сказать?

– Тебе понравилось танцевать с Кристиной? – спросила она, намереваясь пошутить, но фраза прозвучала укоризненно.

Лоуренс пожал плечами и намазал маслом тост, потом положил сверху джем.

– Мы с ней давно дружим.

– И это все?

Он посмотрел на нее и улыбнулся:

– Теперь все.

– А раньше было не так?

– Нет, до тебя было не так.

Гвен закусила губу. Она понимала, что это глупо, но невольно почувствовала себя уязвленной.

– А теперь все кончилось?

– Совершенно.

– Не похоже.

Лоуренс нахмурился:

– Ей нравится провоцировать. Не обращай внимания.

– Значит, это не из-за нее?

– Что?

Гвен судорожно вздохнула:

– То, каким ты был. – Ей показалось, что лицо мужа омрачилось, когда он покачал головой. – Для нее тоже все закончилось, да?

– Что это, Гвен, испанская инквизиция? Я уже объяснил тебе, что все кончено.

– И ты об этом собирался сказать мне вчера? – (Лоуренс выглядел озадаченным.) – В холле, когда мы только что приехали...

– Ах это... да... да, конечно.

Гвен решила оставить эту тему и огляделась в поисках другого предмета для разговора. Потом она вспомнила. Впервые ей выпал подходящий момент, чтобы спросить о маленькой могиле. Она отхлебнула чая и промокнула губы салфеткой, потом, за тостом с мармеладом, специально заказанным за границей у фирмы «Фортнум и Мейсон», как она заметила, кротко улыбнулась мужу и спросила:

– Лоуренс, кто такой Томас?

Он напрягся всем телом и сидел, не поднимая на нее глаз.

Пока длилось молчание, Гвен слышала обычные звуки завтрака: обрывки негромких утренних разговоров, легкие шаги официантов, тихое позвякивание ложек в фарфоровых чашках. Пауза тянулась и тянулась, от этого становилось неуютно. Лоуренс вообще собирается что-нибудь сказать? Гвен ощутила легкое покалывание в шее и беспокойно заерзала на стуле. Она намазала маслом еще один тост и протянула его мужу:

– Лоуренс?

Он посмотрел на нее, поднял руку, как будто хотел провести ею по лбу, и, случайно задев тост, выбил его из пальцев Гвен. Выражение его глаз мгновенно изменилось.

– Лучше бы ты туда не совалась.

Голос у него был ровный, но Гвен уловила в нем недовольство и нахмурилась, отчасти растерявшись, отчасти разозлившись.

– Я туда «не совалась», как ты выразился. Я искала подходящее место для беседки. И в любом случае туда забежал Спью и мне нужно было найти его. Я и понятия не имела, что наткнусь на могилу.

– Могилу? – Лоуренс сделал долгий судорожный вдох.

– Да. – (Последовала новая пауза.) – Прошу тебя, скажи. Кто такой Томас? – Выдохнув, Лоуренс устремил взгляд поверх плеча Гвен, а на нее не смотрел. Она доела последний кусочек тоста и пристально взглянула на мужа, потиравшего подбородок. – Мне показалось, это так грустно, что он лежит там совсем один. Почему его не похоронили при церкви? Люди обычно не хоронят покойников у себя в саду, даже если это дети. – Гвен сделала еще глоток чая.

– Томас был не просто ребенок. Он был сыном Кэролайн.

Гвен едва не поперхнулась.

Лоуренс молча вытер рот, положил на стол смятую салфетку и откашлялся, будто хотел заговорить. Но ничего не сказал, и Гвен решила все-таки разобраться до конца.

– Ты имеешь в виду – ребенок одной Кэролайн?

– Сын Кэролайн... и мой. – Лоуренс встал и вышел из-за стола.

Гвен откинулась на спинку стула. О Кэролайн она знала только то, что рассказал ей Лоуренс при их первой встрече. Он был женат, его жена заболела и умерла. О сыне он не упоминал. Ей стало очень жаль его, но почему он ни разу не обмолвился о сыне? И если этот мальчик так много для него значил, почему допустил, чтобы его могила так заросла?

Глава 6

Фрэн оставила на стойке регистрации записку, что, вероятно, задержится в Нуvara-Элии и чтобы они уезжали без нее. Это обеспокоило Гвен, потому что, когда они сразу после завтрака сели в машину, надвинулись грозовые тучи и странный свет, который пробивался сквозь них, окрасил небо в желтоватый цвет. Если вскоре начнется дождь, Фрэн не удастся вернуться. Лоуренс говорил, что в прошлом году часть дороги до Хаттона просто смыло и единственным средством передвижения стали лодки. Хотя Гвен и ожидала с восторгом первого в своей жизни муссона, ей было бы спокойнее, если бы Фрэн поехала с ними.

Дома Гвен и Лоуренс часть дня сторонились друг друга, а потом он ушел на чайную фабрику. Воздух в доме изменился: стал как будто более влажным, жарким и плотным, таким плотным, что его, казалось, можно резать ножом, и в нем появился какой-то незнакомый сладкий запах. Было очень тихо, и эта тишина подавляла. Гвен хотелось рассказать сестре о Томасе, и она чувствовала себя несчастной.

Когда наступило время чаепития, Гвен пошла на кухню, чтобы проверить, сколько осталось риса, и увидела там Ника Макгрегора. Он сидел за столом с трубкой и дымящейся чашкой чая. Хотя управляющий жил по соседству, в собственном бунгало, его часто можно было увидеть на кухне в главном доме, где он отдыхал.

Гвен завела с ним разговор о саде, и, к ее удивлению, Макгрегор проявил готовность помочь, согласился выделить работников, чтобы разбить огород, сказав, что они будут трудиться, сменяя друг друга. Результатом этой беседы Гвен осталась довольна. Похоже, она ошиблась в Макгрегоре. Вероятно, раздражительным его делала боль в ноге.

После этого Гвен подумала, стоит ли ей отважиться на вечернюю прогулку вдоль озера вместе со Спью? Идея была не слишком хорошая, так как в любой момент мог пойти дождь, тогда возвращаться придется по расползающимся под ногами тропинкам и скользким ступеням. Вместо этого Гвен взбила одну из гобеленовых подушек, легла на диван и закрыла глаза.

Ее внимание привлек звук шагов Лоуренса. Она всегда их узнавала, неизвестно почему. Вероятно, поступь его была уверенной, и дом наполнялся ощущением, что хозяин вернулся, или дело было в том, что Таппер сразу вылезал из своей корзины.

Гвен вышла из комнаты и увидела стоявшего в коридоре мужа – он смотрел на свои руки, а его рубашка была пропитана кровью. У нее перехватило дыхание.

– Что случилось? – Мгновение он глядел на нее, сдвинув брови, потом мотнул головой в сторону корзины любимой собаки; Гвен оглянулась и увидела, что пес не вышел в холл. – Где Таппер? – (Лоуренс двигал челюстью и, казалось, силился совладать с собой.) – Дорогой, скажи мне.

Он попробовал заговорить, но изо рта у него вылетали какие-то бессвязные слова, и Гвен не смогла ничего понять. Она взяла со столика колокольчик и позвонила два раза. Пока они ждали, Гвен пыталась успокоить мужа, но он оттолкнул ее руки и снова устался в пол.

Вскоре пришел дворецкий.

– Пожалуйста, скажите Навине, пусть принесет воды и чистую рубашку для хозяина. В его комнату.

– Да, госпожа.

– Ну же, Лоуренс, пойдем в твою комнату. Ты расскажешь, что случилось, когда будешь готов.

Она взяла его под локоть, и он позволил ей отвести себя наверх, в его комнату, располагавшуюся в конце длинного коридора. В спальне Лоуренса Гвен побывала всего дважды. И в обоих случаях ей кто-нибудь мешал хорошенько осмотреться там: один раз пришел мальчик-слуга, чтобы подмести пол, а в другой раз Навина принесла выглаженные рубашки.

Лоуренс толкнул дверь. В воздухе висел слабый запах благовоний, темно-синие шторы на окнах были задернуты, так что внутрь проникал лишь тонкий луч вечернего света.

– Тут темновато, – сказала Гвен и включила две электрические лампы.

Он, казалось, этого не заметил.

Эта комната была так роскошна и настолько не соответствовала Лоуренсу, что ей трудно было такое вообразить. Ничего общего с

убежищем одинокого мужчины, которое она ожидала увидеть. Два темно-синих абажура с бахромой, на столе – несколько фотографий в рамках, на каминной полке – фарфоровые фигурки. Часть натертого до блеска пола скрывал персидский ковер, кровать была накрыта атласным пуховым одеялом цвета горького шоколада. С подвешенного к потолку большого кольца свисала москитная сетка, узлом завязанная над кроватью. Мебель была темная, в отличие от ее собственной.

Раздался стук в дверь, и вошла Навина с полотенцем, тазом воды и свежей рубашкой для Лоуренса. Хотя она, конечно, заметила на одежде хозяина кровь, но ничего не сказала, только молча погладила его по руке. Лоуренс поднял глаза, и они обменялись взглядами. Гвен не поняла смысла этого безмолвного разговора, но видела, что они поняли друг друга.

– Ну вот, – сказала Гвен, как только Навина вышла из комнаты. – Давай-ка снимем эту рубашку.

Она откинула край одеяла. Лоуренс сел на кровать, а Гвен расстегнула ему пуговицы, потом ловко сняла с него рубашку, чтобы посмотреть, не ранен ли он. Вытерла кровь с рук. Лоуренс встал, чтобы снять брюки. Гвен внимательно оглядела его, – кажется, цел.

– Теперь ты скажешь, что случилось? – спросила она.

Лоуренс сделал вдох, сел обратно на постель и уперся кулаками в матрас:

– Они убили Таппера. Моего Таппера. Эти ублюдки перерезали ему горло.

Гвен прижала руку к шее:

– О Лоуренс, как мне жаль!

Она села рядом и прислонилась к нему, глядя на руки мужа, которые теперь лежали у него на коленях – подрагивали, судорожно сжимались и разжимались. Оба молчали, но Гвен чувствовала, что он переживает, по этим рукам – каждое их движение было таким выразительным, будто они пытались говорить вместо Лоуренса. Наконец напряжение немного спало. Гвен обняла мужа и стала гладить по волосам, тихонько приговаривая. Потом он начал громко сглатывать и всхлипывать – звуки эти вырывались из самой глубины его существа.

Гвен только раз в жизни видела, как плакал ее папа. Это случилось, когда утонул его брат, отец Фрэн. Тогда она села на ступеньки, уткнулась носом в колени, испуганная тем, что ее смелый и

сильный отец рыдает как ребенок. Но, по крайней мере, она теперь знала, что нужно подождать, пока приступ горя не отступит, как в конце концов случилось с ее отцом.

Так же произошло и с Лоуренсом. Гвен вытерла ему лицо и поцеловала в щеки, ощущая на губах соленый привкус его слез. Потом чмокнула в лоб и нос, как делала ее мать, когда дочка падала и разбивала коленку. Она взяла в ладони его лицо, заглянула ему в глаза и сразу поняла, что дело не только в Таппере. Поцеловав мужа в губы, Гвен сказала:

– Пойдем в постель.

Они легли, не раздевшись до конца, и некоторое время неподвижно лежали рядом. Гвен ощущала тепло тела Лоуренса и слушала, как его дыхание выравнивается.

– Ты не хочешь рассказать, почему убили Таппера?

Лоуренс перевернулся на бок и посмотрел ей в глаза:

– В рабочем поселке возникли кое-какие проблемы.

Гвен вскинула брови:

– Почему ты ничего мне не сказал?

– Не хотел тебя беспокоить.

– Я предпочла бы больше знать о происходящем. Мама и папа всегда вместе обсуждали проблемы, и я хотела бы, чтобы у нас было так же.

– Управлять плантацией – это мужское занятие. У тебя своих дел хватает, пока ты осваиваешься с хозяйством. – Он помолчал. – Вероятно, я позволил Макгрегору слишком сурово обойтись с виновными.

– Как ты поступишь?

Лоуренс нахмурился:

– Я не знаю, правда не знаю. Отношения меняются, я добился некоторого прогресса по сравнению с другими плантаторами, но это трудно. Раньше все было гораздо проще.

– Может, расскажешь, как было раньше? С самого начала. С Кэролайн и Томаса. – Лоуренс молчал, и Гвен запаниковала: не ошиблась ли она в выборе момента для этого разговора. – Ты, должно быть, очень любил ее.

Теряя терпение, она ждала. Наконец Лоуренс перекатился на спину и, глядя в потолок, сглотнул, а когда заговорил, Гвен пришлось

напрягать слух, чтобы расслышать его.

– Я любил ее, Гвен. – Последовала долгая пауза. – Но после того как малыш...

– Тогда она заболела?

Лоуренс не отвечал, дыхание его стало прерывистым. Гвен обвила его грудь одной рукой и поцеловала в щеку, щетина кольнула ей губы.

– Где она похоронена?

– У англиканской церкви.

Гвен нахмурилась:

– А Томас – нет?

Лоуренс снова помолчал – казалось, он взвешивает в голове слова, – потом повернулся к ней.

Гвен внимательно взгляделась в лицо мужа и вдруг затрепетала.

– Она хотела бы, чтобы он остался здесь, дома. Мне очень жаль, что я не рассказал тебе об этом. Знаю, что надо было. Но все это слишком болезненно.

Гвен смотрела в глаза Лоуренсу, и к ее горлу подкатывал комок. Для человека, привыкшего не показывать своего горя, он выглядел глубоко несчастным, она его таким еще не видела. Казалось, будто под печалью Лоуренса таилось что-то еще, до чего не добраться, какое-то более глубокое переживание, которое мучает его. Гвен, конечно, было любопытно узнать, от чего умерли Кэролайн и малыш Томас, однако, не отваживаясь пускаться в дальнейшие расспросы, она кивнула:

– Ладно.

Он закрыл глаза.

Лежа рядом с ним, Гвен ощутила знакомое желание и попыталась проигнорировать трепет сердца. Но Лоуренс как будто уловил ее состояние, потому что положил руку ей на грудь, на то самое трепетное место, посмотрел на нее и улыбнулся. Потом выражение его лица изменилось, он прикоснулся большим пальцем к ямочке у ее ключицы и поцеловал уголок губ, сперва осторожно, но вскоре его поцелуи стали горячее. Гвен приоткрыла рот и ощутила тепло его языка. Когда Лоуренс вдавил ее в матрас, она поняла, что глубокое переживание каким-то образом нажало в нем на спусковой крючок вожделения. Не успела она опомниться, как Лоуренс уже задирает ей юбку, и она, помогая ему стянуть с себя нижнее белье, застонала, когда он приподнял ее тело и придвинул к себе, чтобы снять с нее сорочку. А

потом опустил на постель, и они занялись любовью. Без него Гвен чувствовала себя такой потерянной, но вот Лоуренс снова стал прежним, и она едва могла сдержать радость.

Когда все закончилось, пушечным выстрелом прозвучал удар грома и полил дождь; небо разжало кулак и теперь изливало на землю то, что накопило в себе. Гвен лежала и слушала, прижавшись к мужу. Она начала смеяться и почувствовала, что его тело тоже содрогается от хохота, звук был свободный, счастливый, словно все, что сковывало его, распалось.

– Прости меня, Гвен, за прошлое. Я правда не знаю, что со мной случилось.

– Ш-ш-ш...

Лоуренс повернул ее к себе и приложил палец к ее губам:

– Нет, я должен сказать это. Прошу, прости меня. Я был сам не свой. Просто...

Он замялся, и Гвен прочла на его лице следы какой-то внутренней борьбы. Лоуренс словно бы хотел и не мог что-то высказать. Тогда она попыталась найти нужные слова, чтобы подтолкнуть его к продолжению:

– Это не из-за Кэролайн?

– Не совсем.

– Тогда из-за чего?

Он глубоко вдохнул:

– Когда ты приехала на плантацию... все как будто вернулось.

Дождь на несколько градусов остудил воздух, и Гвен ощутила прилив энергии, она зашевелилась на постели – сила тропического шторма будто влилась в нее и теперь растекалась по венам.

– Мне хотелось бы остаться здесь навсегда, но, вероятно, нам пора идти вниз, – сказала она.

Они оделись, и, прежде чем выключить свет, Гвен бросила взгляд на фотографии, которые раньше заметила на прикроватной тумбочке. С одной на нее глядела улыбающаяся женщина – блондинка, она сидела под деревом в саду на шотландском пледе, голова Таппера лежала у нее на коленях. Лоуренс не заметил, куда смотрит жена.

– Спасибо тебе, – сказал он, взял ее за руку, и они вышли на лестничную площадку.

– Тебе не за что меня благодарить.

– А я благодарю. Ты даже не представляешь, как сильно. – Он снова поцеловал ее.

Под доносившиеся с улицы крики птиц они спускались к ужину. Гвен выглянула в окно – почти стемнело, но было видно, что все вокруг затянуло густым туманом.

В гостиной, к радости Гвен, они застали Фрэн, которая увлеченно беседовала с Верити. Обе женщины прервали разговор и посмотрели на входивших в комнату рука об руку супругов.

– Ну, вы оба просто светитесь, – лукаво заметила Фрэн.

Лоуренс усмехнулся и подмигнул ей. Верити улыбалась одними губами, от Гвен это не укрылось.

– Ты передумала оставаться? Как ты добралась? – спросила она, обращаясь к сестре.

Хотя ее кузина всегда демонстрировала уверенность в себе, Гвен знала, что в глубине души Фрэн до сих пор тяготит печаль из-за смерти родителей. Ее вдруг поразила мысль, что это роднит Фрэн с Верити и на этой почве они могут сойтись.

– Едва успела вскочить в поезд до Хаттона, – отвечала Фрэн. – Что за поездка! Но Сави был сама заботливость – одолжил мне денег на билет и договорился, чтобы меня подвезли до станции Нану-Ойя. А то я оставила свой кошелек здесь.

Губы Лоуренса вытянулись в линию.

– Вот что, ты должна вернуть мистеру Равасингхе долг немедленно.

– Это ни к чему. Я встречусь с ним в Нувара-Элии на следующей неделе, если погода позволит. Это такая прелестная маленькая страна, правда? Он обещал показать мне окрестности. Гвен, ты тоже приглашена. Мы пообедаем у Кристины, и он собирается показать ее портрет. Разве не здорово?

Лоуренс повернулся к ним спиной, и Гвен заметила, что плечи у него напряжены.

– Надеюсь, я тоже в числе гостей, – коротко хохотнув, проговорила Верити.

Фрэн взглянула на нее и пожала плечами:

– Боюсь, о тебе они не упоминали. Так что, думаю, нет, звали только меня и Гвен.

Верити отвернулась от них, и Гвен стало жаль бедняжку. Казалось, эта девушка совсем одна в целом мире и, кроме брата, у нее никого нет, к тому же ее все время как будто что-то угнетало. Она постоянно была чем-то озабочена и, сказать по правде, вовсе не старалась произвести хорошее впечатление. Короткая стрижка на прямых волосах не шла к ее вытянутому угловатому лицу, и, за исключением одного рыжего платья, все остальные не годились ей по цвету. Лучше бы она выбирала оттенки, подходящие к ее карим глазам, а не серо-коричневые и едкие, которые она предпочитала.

Гвен любила фиолетовый, и не только потому, что он гармонировал с ее глазами, просто она любила и носила все цвета английского лета – цвета душистого горошка, как называла их Фрэн. Сегодня на ней было платье нежнейшего зеленого оттенка, и хотя она не имела времени переодеться, все равно чувствовала себя свежей. Как человек, много работающий под открытым небом, Лоуренс не заботился об одежде и больше всего любил расхаживать по поместью в шортах, старой кремовой рубашке с коротким рукавом и мятой шляпе. Сейчас он выглядел уверенным в себе и довольным, в глазах его не было и следа тревоги, и одет он был во что-то напоминавшее вечерний костюм.

После ужина Лоуренс подбросил в камин пару поленьев, а Верити села за рояль, на котором стояла дюжина фотографий в серебряных рамках, где были запечатлены Лоуренс, окруженный разными собаками, и мужчины в бриджах, опиравшиеся на винтовки.

Верити играла и пела довольно мелодично, кажется, она совсем оправилась от нанесенного Фрэн удара. Гвен читала слова поверх плеча Верити и впервые заметила, что та, оказывается, имеет привычку грызть ногти.

Фрэн развеселила всех, затеяв игру в шарады, а у Гвен смех встал комом в горле.

«Ну что ты будешь делать с Фрэн» – эти слова звучали постоянным рефреном все ее детство. Сколько Гвен себя помнила, ее сестра всегда любила устраивать представления: то разыгрывала спектакль с помощью кукол из папье-маше, то забиралась на импровизированную сцену, сделанную из ящиков от апельсинов, раскидывала руки и пела куплеты из какой-нибудь оперетты. Одежду

она выбирала в соответствии со своими драматическими ролями: алые платья, жакеты с блестками или ярко-желтые, как подсолнухи, тоги.

Семья к этому привыкла, и хотя Лоуренс был готов принять Фрэн, Верити, похоже, не знала, как с ней обращаться. Гвен понимала, что на самом деле Фрэн – чувствительная и умная женщина, а ее поведение не что иное, как защита от несправедливости мира. Однако, видя слегка приподнятые брови золовки, Гвен забеспокоилась, как бы та не решила, будто Фрэн – нахалка, особенно когда Верити с легкой улыбкой прервала ее разговор с Лоуренсом:

– Лоуренс, не проехаться ли нам завтра вокруг озера? Мы можем взять лошадей на конюшне. Я уверена, Ник не станет возражать. – (Лоуренс указал рукой на дождь за окном.) – Ну, тогда мы можем поплавать, только ты и я, помнишь, как в детстве? Я уверена, Гвен не захочет пойти.

Гвен не расслышала и поинтересовалась:

– Пойти – куда?

– О, я размышляла о прогулке на лошадях или, может быть, о купании. – Верити улыбнулась. – Я подумала, ты не захочешь пойти... но, разумеется, ты должна присоединиться к нам.

– Мы никогда не плавали в муссон, – буркнул Лоуренс.

Верити уцепилась за его руку:

– Нет, мы плавали. Точно плавали.

Отношения с сестрой у Лоуренса были сложные. Гвен знала, что после смерти родителей он взял на себя ответственность за нее, выдавал ей деньги на содержание и вообще всячески опекал. По мнению Гвен, в двадцать шесть лет Верити уже должна быть замужем, а не полагаться во всем на брата. Но, судя по рассказу Лоуренса, когда уже было объявлено о помолвке Верити, она в последний момент отказалась от брака.

Гвен не раз задавала себе вопрос: как удавалось Кэролайн ладить с ней? Верити была довольно дружелюбна, но Гвен чувствовала, что эта своенравная особа не всегда ведет себя так. Она подошла к окну и выглянула на улицу. Дождь лился серебристыми потоками, подсвеченный огнями ламп из дома. К утру все газоны будут в лужах, подумала Гвен и повернулась к сидевшим в комнате. Лоуренс подмигнул ей. Она не могла удержаться и, подойдя к нему, села на подлокотник его кресла. Он отцепил от себя Верити и положил ладонь

на колени Гвен, стал мягко его поглаживать и, улучив момент, когда никто не видел, запустил руку ей под юбку. От этого у Гвен слегка закружилась голова, и ей страшно захотелось остаться с ним наедине. Хотя смерть Таппера произвела на него ужасное впечатление, благодаря этому несчастью Лоуренс раскрылся и снова стал собой. Гвен решила сделать все возможное, чтобы он таким и остался.

Глава 7

Проснувшись утром в бледном лимонном свете, Гвен почувствовала, что жизнь не может быть прекраснее. Прошло уже больше недели, и каждую ночь Лоуренс проводил с ней. Тяготившие его чувства ослабили хватку, и он стал таким же страстным, каким был до ее приезда на плантацию. Они занимались любовью по ночам, а потом и утром. Пока Лоуренс спал, звук его дыхания успокаивал Гвен, и если она просыпалась раньше его, то просто лежала и слушала, дивясь собственному счастью.

До ее слуха донесся отдаленный крик петуха, и она заметила, как вздрогнули ресницы Лоуренса.

– Привет, дорогая! – Он открыл глаза и потянулся к ней. Гвен прильнула к нему, нежась в его тепле. – Может, попросим, чтобы нам принесли еду сюда и останемся в постели весь день?

– Правда? И ты не пойдешь на работу?

– Нет. Этот день я целиком посвящаю тебе. Чем бы ты хотела заняться?

– Знаешь что, Лоуренс?

– Скажи мне, – улыбнулся он.

Она прошептала ему на ухо.

Он рассмеялся и состроил гримасу:

– Такого я не ожидал. Я тебе уже наскучил?

Гвен звонко чмокнула его в губы:

– Никогда не наскучишь!

– Ну, если ты серьезно, не вижу причин, почему бы тебе не посмотреть, как делают чай.

– Я знала все о том, как в Оул-Три готовили сыр.

– Конечно, я его пробовал... Значит, ты и правда хочешь встать сейчас?

Лоуренс погладил ее по волосам, и ни она, ни он не сделали ни одного движения, чтобы подняться с постели. Лоуренс начал покусывать ее ухо. Он как будто каждый день обнаруживал новую часть тела Гвен, а найдя, заставлял ее испытывать небывалые ощущения. Сегодня от уха его язык проделал извилистый путь по грудям и животу к тому месту между ног, где она ощущала, что жутко

его хочет. Однако Лоуренс проигнорировал ее порыв к нему и продолжил движение вниз, к чувствительным местам под коленями. Закончив целовать их, он изучил шрамики на самих коленках.

– Боже, детка, что ты с собой делала?

– Это было в Оул-Три. В детстве я искала призраков среди ветвей, но все время падала, не успев их найти.

– Ты невозможна, – покачал головой Лоуренс.

«Любой согласился бы, что это божественно», – подумала Гвен, когда они снова слились, и, чувствуя тепло его кожи, скользившей по ее телу, совершенно забыла о чае.

Через два часа, когда дождь на время стих, но все вокруг заволокло густым туманом, Лоуренс отвел Гвен на вершину холма по дорожке, которой она раньше не замечала. Когда они сверху увидели озеро, вода в нем была коричневой в тех местах, где с берегов в него смыло красноватую землю. В лесу стояла непривычная тишина, с похожих на привидения деревьев капало, и Гвен на мгновение поверила в злых духов, которые, по словам Навины, имеют обыкновение прятаться в кронах лесных исполинов. После дождя в воздухе сильно пахло дикими орхидеями и травой. Спью, который очень привязался к Гвен, убежал вперед и жадно все обнюхивал.

– Что это за цветы? – спросила она, глядя на высокое растение с белыми соцветиями.

– Мы называем их ангельскими трубами, – ответил Лоуренс, потом указал на большое прямоугольное здание с рядами закрытых ставнями окон, которое стояло высоко на холме позади их дома. – Смотри, вон там фабрика.

Гвен прикоснулась к его руке:

– Прежде чем мы пойдем туда, я хотела спросить: ты узнал, кто сделал это с Таппером?

По лицу Лоуренса пробежала горькая тень.

– Трудно сказать. Они сомкнули ряды, понимаешь. Ничего хорошего нет, когда складывается ситуация «мы против них».

– Так почему убили Таппера?

– Месть за старую обиду.

Гвен вздохнула. Тут все так сложно. Ее с детства учили проявлять доброту к людям и животным. Если быть доброй, люди обычно

относятся к тебе так же.

Когда они наконец добрались до фабрики, Гвен запыхалась. Она увидела много темнокожих мужчин, которые, сидя на корточках на наружных выступах здания, мыли окна. Лоуренс открыл дверь, и до Гвен донеслись звуки индуистской молитвы. Спью было велено остаться снаружи.

Они вошли внутрь. На верхнем этаже раздавались клацающие звуки какого-то механизма, в здании слегка пахло чем-то медицинским.

Лоуренс заметил, что Гвен прислушивается.

– Тут работает много разных машин. Раньше энергию вырабатывали сжиганием дров, во многих поместьях так и сейчас делают, но я вложилась и перевел генераторы на нефтепродукты. Был одним из первых, хотя у нас есть и дровяная печь – для сушки. Мы используем синее камедистое дерево. Это вид эвкалипта.

– Я чувствую запах, – кивнула Гвен.

– В здании четыре этажа, – продолжал Лоуренс. – Хочешь посидеть и отдышаться?

– Нет. – Гвен окинула взглядом просторное помещение первого этажа. – Я и не думала, что фабрика такая большая.

– Чаю нужен воздух.

– А что здесь происходит?

Глаза у Лоуренса загорелись.

– Тебе и правда интересно?

– Конечно.

– Это сложный процесс. Сюда приносят корзины с зелеными листьями и взвешивают. Хотя есть и другие весовые. Женщинам платят за фунт. Нам приходится следить, чтобы они ничего не подкладывали в корзины для увеличения веса. В производстве чая используют только верхние листочки с кустов. Два листа и почка – так мы говорим.

Гвен отметила, как тепло и дружелюбно общался Лоуренс с мужчиной, который подошел к нему и заговорил по-тамильски. Лоуренс ответил ему на том же языке, после чего гордо обнял жену за плечи:

– Гвен, позволь представить тебе управляющего фабрикой и главного чайного мастера. Дариш отвечает за весь процесс

производства. – (Мужчина как-то неуверенно кивнул и поклонился, после чего ушел.) – Он видел здесь только одну англичанку.

– Кэрлайн?

– Нет, это была Кристина. Пойдем наверх, я покажу тебе столы для подвяливания. Когда листьев много, Дариш и его помощник работают с двух часов утра, но сейчас из-за дождя тут тихо.

Гвен вовсе не казалось, что тут тихо, наоборот, жизнь на фабрике бурлила – все двигалось и шумело. Она почувствовала себя неуютно то ли от упоминания Кристины, то ли от опьяняющего запаха листьев – сильного, горьковатого и непривычного. Гвен велела себе не глупить. Лоуренс ведь сказал, что у них с Кристиной все кончено.

Они прошли мимо составленных в стопки корзин, груд инструментов, веревок и прочих приспособлений и стали подниматься по лестнице.

– Это помещения, где мы подвяливаем листья естественным путем, – объяснил Лоуренс, когда они оказались на верхнем этаже. – Чайный куст на самом деле называется *Camellia Sinensis*.

Гвен посмотрела на четыре длинных стола, где были разложены листья.

– Сколько времени они подвяливаются? – спросила она.

Лоуренс обнял ее за талию, она прислонилась к нему, наслаждаясь ощущением, что находится с ним в его мире.

– Это зависит от погоды. Если туман, как сейчас, листья вялятся медленно. Нужно, чтобы их обдувал теплый воздух, понимаешь. И температура должна быть определенная. Иногда нам приходится использовать искусственное тепло печей, чтобы высушить листья. Звук, который ты слышишь, идет от печей. Но в хорошую погоду, когда ставни открыты как нужно, задувающего в окна ветра достаточно.

– А что этажом ниже?

– Когда листья подвяли, их прокатывают через ролики, чтобы размять. Хочешь посмотреть?

Гвен наблюдала, как подвяленные листья по спускным желобам отправляются в машину, находящуюся ниже этажом. К ним снова подошел Дариш. Лоуренс закатал рукава и стал проверять, как работают машины. Ее муж был настолько в своей стихии, что Гвен невольно улыбнулась. Обернувшись к управляющему, он что-то сказал ему на тамильском. Тот кивнул и быстро ушел исполнять приказание.

– Спустимся вниз? – Лоуренс взял Гвен за руку, и они направились к лестнице. – Листья будут спрессованы валковыми дробилками.

– А потом?

– Лопасть ротора измельчает листья, затем их просеивают, чтобы отделить крупные от мелких. – (Гвен принюхалась, теперь в воздухе пахло чем-то вроде сена, а чай напоминал видом резаный табак.) – Потом чай ферментируют в сушильных комнатах. В процессе ферментации чайный лист становится черным.

– Я и не представляла, что в мою утреннюю чашку чая вложено столько труда.

Лоуренс поцеловал ее в макушку:

– Это еще не конец. Чтобы остановить ферментацию, чай обжигают, потом еще раз просеивают, разделяя на сорта, и только после этого окончательно проверяют, пакуют и отправляют в Лондон или в Коломбо.

– Столько работы! У твоего управляющего, наверное, огромный опыт.

– Да, – засмеялся Лоуренс. – Как видишь, у него есть помощники – чайные мастера и дюжина работников, но сам он живет в поместье с детства. Раньше работал на моего отца и действительно отлично знает свое дело.

– А кто же в конце концов продает чай?

– Устраивают аукционы в Коломбо или в Лондоне, и мой агент там улаживает мои финансовые дела. Ну вот что, думаю, скоро дадут полуденный гудок, и здесь тебе покажется, что он невыносимо громкий.

Лоуренс улыбнулся, и Гвен ощутила, какой могущественный человек ее муж. Он не только крепок и силен от физической работы, но и к тому же решителен и очень ответствен. И хотя у него были какие-то сложности с введением изменений в производство, Гвен прониклась абсолютной уверенностью, что у него все получится.

– Мне очень приятно, что ты интересуешься всем этим, – сказал он.

– А Кэролайн интересовалась?

– Не очень. – Он взял ее за руку и вывел наружу.

Туман рассеялся, и небо прояснилось. Казалось, что дождя больше не будет.

– Лоуренс, а почему твоя сестра не замужем?

Он нахмурился и посмотрел на нее очень серьезно:

– Я не теряю надежды.

– Но почему до сих пор этого не случилось?

– Я не знаю. Она непростая девушка, Гвен. Надеюсь, ты это понимаешь. В нее влюблялись мужчины, но она их отталкивала. Для меня это загадка.

Гвен не стала говорить, что временами ей кажется, будто Верити делает все, чтобы не нравиться мужчинам.

Гудок загудел, когда они прошли ярдов сто по дороге к дому. Гвен зажала уши руками, споткнулась о валявшуюся на тропе ветку и едва не упала.

Лоуренс застонал:

– Я же говорил!

Она выровнялась и побежала. Лоуренс и Спью погнались за ней, потом Лоуренс нагнулся и подхватил ее на руки.

– Поставьте меня сейчас же, Лоуренс Кристофер Хупер. Вдруг нас кто-нибудь видит!

– Тебя нельзя отпускать одну даже спуститься с холма. Ты обязательно поцарапаешься, набьешь себе шишку, поранишь коленку или порежешься, поэтому я тебя понесу.

После обеда какие-то крики оторвали Гвен от чтения детектива, которым она увлеклась. Неохотно отложив книгу, она встала, намереваясь посмотреть, что происходит.

Она услышала, как Лоуренс зовет Навину, а сам пытается успокоить Фрэн, сидевшую на диване с припухшими злыми глазами, по ее покрасневшимся щекам текли слезы.

Гвен сразу подошла к сестре:

– Дорогая, что случилось? Ты получила плохие новости?

Фрэн помотала головой, сглотнула, не в силах говорить, и снова начала всхлипывать.

– Ее браслет с амулетами, – сказал Лоуренс. – Он пропал. Но я не понимаю, почему это ее так расстроило. Я сказал, что куплю ей новый,

но она только сильнее расплакалась. – (Фрэн встала, развернулась и убежала.) – Вот видишь.

– Лоуренс, ты идиот! Это был браслет ее матери. Все амулеты особенные, ее мать собирала их всю жизнь. Каждый что-то значит для Фрэн. Этот браслет ничем не заменишь.

– Я не знал, – расстроился Лоуренс. – И мы ничего не можем сделать?

– Организуй поиски, Лоуренс. Вот что ты можешь сделать. Пусть все слуги ищут. Я попытаюсь успокоить сестру.

На следующее утро Фрэн не вышла к завтраку. Гвен постучалась к ней в комнату и вошла на цыпочках. Ставни закрыты, воздух спертый – за ночь скопился запах пота. Гвен подошла к окну, чтобы проветрить комнату.

– Что-нибудь не так? – спросила она, глядя на Фрэн. – Ты до сих пор не встала. Забыла, что мы сегодня обедаем в гостях?

– Я чувствую себя ужасно, Гвен. Совершенно ужасно.

Гвен посмотрела на сестру – пухлые губы, длинные ресницы и всего два розовых пятнышка на безупречном лице. Как так получается, что Фрэн выглядит прелестно, даже когда ей нездоровится, а самой Гвен стоит только разок чихнуть, и она сразу становится бледной – это в лучшем случае, а в худшем – начинает походить на призрака.

Гвен села на край постели и положила ладонь на лоб кузины. Фрэн редко жалела себя.

– Ты ужасно горячая, – сказала Гвен. – Я попрошу Навину, чтобы она принесла тебе овсянку и чай в постель.

– Я не могу есть.

– Можешь не есть, но попить нужно обязательно.

Гвен не могла притворяться, что она не расстроена. Сегодня они с Фрэн должны были поехать в Нувара-Элию на ланч с Кристиной и мистером Равасингхе. Ей хотелось еще раз увидеть эту женщину, отчасти из любопытства, отчасти для успокоения, а теперь Фрэн проснулась в лихорадке, и они наверняка никуда не поедут.

– Это оттого, что вчера ты была так расстроена, – сказала Гвен, – и погода плохая.

Фрэн застонала:

– Вряд ли мой браслет найдется. Его украли, я уверена.

Гвен задумалась.

– А он был у тебя после бала?

– Точно был. Ты знаешь, я надеваю его почти каждый день и заметила бы, если бы он пропал.

– Мне очень жаль, – сказала Гвен, и Фрэн шмыгнула носом. – Ты не переживай из-за сегодняшнего визита. Съездим в другой раз.

– Нет, Гвен, ты пойди. Сави покажет свою картину. Хотя бы одна из нас должна быть там.

– Фрэн, тебе нравится мистер Равасингхе?

Она покраснела:

– Нравится. И даже очень.

– Верю. Он привлекательный мужчина, и в определенных кругах это модно – покровительствовать художникам, но родителей хватит удар. – Хотя Гвен говорила это с улыбкой, в ее словах звучал укор.

– Твоих родителей, Гвен.

Наступила тишина.

– Слушай, – начала Гвен, – я не могу поехать без тебя. Лоуренсу это не понравится. Не знаю почему, но он не особенно расположен к Сави.

Фрэн в легком раздражении махнула рукой:

– Вероятно, это просто потому, что он сингал.

Гвен покачала головой:

– Не думаю, что дело только в этом.

– Ну и не говори ему ничего. Ужасно не хочется расстраивать Сави. Прошу тебя, поезжай.

– А если Лоуренс узнает?

– О, я уверена, ты что-нибудь придумаешь. Успеешь вернуться к ужину?

– На поезде – наверное.

– Ну вот, ты вернешься, он, может, вообще ничего не заметит.

Гвен засмеялась:

– Если это так много для тебя значит... Да и Лоуренс сегодня не будет обедать дома. Но кто присмотрит за тобой?

– Навина принесет мне питье и сменит белье. А остальное... Дворецкий вызовет врача, если понадобится.

– Наверное, я могу позвать с собой Верити. – (Фрэн скривилась.) – А может, и нет.

Фрэн засмеялась:

– Неужели ангелоподобная Гвендолин Хупер признаётся, что ей кто-то не нравится?

Гвен ткнула ее под ребра:

– Ничего подобного.

– Ой! Я больна, не забывай. Но если ты поедешь, торопись, или опоздаешь на поезд. – Фрэн помолчала. – И вот еще что...

– Давай выкладывай! – Гвен встала и наклонилась поправить простыню.

– Узнай, нравлюсь ли я ему. Пожалуйста. – (Гвен засмеялась, разгибаясь, но уловила задумчивую нотку в голосе сестры.) – Прошу тебя.

– Нет, честно, я не могу. Это глупо.

– Я скоро уеду в Англию, – сказала Фрэн, и ее голос снова стал твердым. – И мне просто хочется узнать, имела ли я шансы.

– Какие именно?

– Это мы посмотрим, – пожала плечами Фрэн.

Гвен наклонилась над постелью и взяла сестру за руку:

– Мистер Равасингхе очень мил, но ты не можешь выйти за него замуж. Фрэнни, ты ведь сама это понимаешь, да?

Фрэн выдернула руку:

– Не понимаю, почему нет.

Гвен вздохнула и задумалась.

– Хотя бы потому, что, кроме меня, никто здесь после такого не станет разговаривать с тобой.

– А мне до этого нет дела. Мы с Сави можем жить как дикари на далеком острове в Индийском океане. Он будет каждый день писать меня обнаженной, пока кожа моя не станет коричневой от загара, и тогда мы с ним будем одного цвета.

– Ты говоришь глупости, – рассмеялась Гвен. – Минута на солнце – и ты станешь красной как рак.

– Вечно ты все портишь, Гвендолин Хупер.

– Нет, просто я практичная. Ну, я пошла. Береги себя.

Кристина опять была в черном платье с низким вырезом и в черных перчатках, которые заканчивались чуть выше локтя. Ее зеленые глаза сверкали, и Гвен заметила, как красиво изогнуты у нее

брови. Светлые волосы были убраны только спереди, а по спине свисали петлями, унизанными черными бусинами, что создавало впечатление безыскусного изящества. Усыпанная блестками серебристая лента повязана на лбу, в ушах – блестящие черные серьги каплевидной формы, на шее такое же кольцо. Гвен, одетая в повседневное платье пастельных тонов, чувствовала себя невзрачной простушкой.

– Итак... – Кристина взмахнула сигаретой в мундштуке из слоновой кости. – Я слышала, вы познакомились с нашим очаровательным мистером Равасингхе еще до того, как ступили на землю Цейлона.

– Да... Он помог мне.

– О, это так похоже на Сави. Он добр ко всем, не так ли, дорогой? Удивительно, что вы с ним не отправились прямо в джунгли.

– Такая мысль приходила мне в голову, – засмеялась Гвен.

– Но вы подцепили самого достойного мужчину на Цейлоне.

Сави повернулся к Гвен и подмигнул ей:

– Не обращайтесь внимания. Цель жизни Кристины – забираться людям под кожу так или иначе.

– Ну что ж, после того как бедняга Эрнест свалил, что мне остается, кроме как делать все больше денег и бесить всех? Он завещал мне банк, вы знаете. Но пора мне остановиться. Это несправедливо по отношению к новой гостье. Надеюсь, Гвен, мы с вами станем лучшими подругами.

На это Гвен ответила что-то неопределенное. Она никогда не встречала таких женщин, как Кристина, и особенной делал ее не только странный нью-йоркский акцент. У Гвен возникла тревожная мысль, что, вероятно, именно эта особенность привлекла к ней Лоуренса.

– Почему вы на Цейлоне, миссис Брэдшоу?

– О, ради бога, не церемоньтесь, зовите меня Кристиной. – (Гвен улыбнулась.) – Я провела здесь много лет, а сейчас я здесь, потому что Сави обещал написать мой портрет. Я нашла Сави давным-давно на маленькой выставке в Нью-Йорке. Его портреты такие глубокие. Он вытягивает душу из тех, кто ему позирует. Я, к примеру, просто влюбилась в него. Мы все влюбляемся в конце концов. Пусть он и вас нарисует.

– О, я...

– Ну, надеюсь, вы любите утку, – прервала ее Кристина. – Мы начнем с карри из баклажанов, а потом у нас будет великолепная утка в меду.

Пока Кристина вела их в столовую, Гвен остановилась в коридоре перед висевшей на стене огромной маской:

– Что это?

– Традиционная маска танцора-демона.

Гвен изумленно уставилась на отвратительную морду, сделала шаг назад и натолкнулась на мистера Равасингхе, который похлопал ее по спине. Маска была шокирующая. Отталкивающая. Всклокоченные седые волосы длиной в фут, огромный разинутый рот с оскаленными зубами и торчащие в стороны ярко-красные уши. Оранжевые глаза навывкате смотрели с вожделием, а нос и щеки были выкрашены белой краской.

– Ваш замечательный муж подарил ее мне, – сказала Кристина. – Маленький знак внимания. Вы знаете, как он умеет выразить признательность.

Гвен была ошарашена как самим подарком, так и отношением к нему Кристины.

Она вспомнила, как, добравшись в маленьком экипаже от станции Нану-Ойя до «Гранд-отеля», встретила с мистером Равасингхе. Поджидая его на улице, она вдыхала запах эвкалиптов, доносившийся со стороны горы Пидуруталагала, вершина которой скрывалась за облаками. Теперь, когда отношения с Лоуренсом наладились, Гвен ощущала неловкость оттого, что прежде художник вызывал ее интерес. Хотя она мало что помнила из происходившего после бала, ей было стыдно, что она тогда выпила так много шампанского.

Сегодня у «Гранд-отеля» мистер Равасингхе широко улыбнулся ей как ни в чем не бывало, потом взял ее под руку, чтобы помочь перейти заполненную воловьими упряжками и рикшами улицу. И тут ее окликнул высокий голос:

– Привет! Как дела?

На нее смотрела в упор, раздувая ноздри, какая-то женщина. Флоранс. Гвен уже начала считать ее голосом совести.

– Очень хорошо. Спасибо, – ответила она.

– Надеюсь, ваш муж в порядке, дорогая. – Слово «муж» было произнесено с нажимом.

– Флоранс, мне очень приятно вас видеть, но, боюсь, мы не сможем с вами поболтать. Мы идем на ланч.

Ноздри миссис Шуботэм снова затрепетали, а подбородки заходили ходуном.

– Без Лоуренса?

– Да, он занят весь день. Какие-то дела по поводу роликовых конвейеров.

– Не сомневаюсь, Господь позаботится о вас, дорогая, – произнесла миссис Шуботэм и, прищурившись, окинула взглядом мистера Равасингхе.

После этого они прошли мимо маленького фотоателье. Гвен взглянула на витрину, и ее внимание привлек снимок молодоженов: мужчина-европеец и женщина-сингалка в традиционном костюме. Она подумала о Фрэн.

Мистер Равасингхе проследил за ее взглядом:

– В те времена это не было необычным. До середины девятнадцатого века правительство даже поощряло смешанные браки.

– Почему это изменилось?

– Причин много. В тысяча восемьсот шестьдесят девятом году открылся Суэцкий канал, и английские женщины получили возможность добираться сюда быстро и без проблем. А до тех пор их здесь было крайне мало. Но еще раньше правительство захотело укрепить свою власть. Возникли опасения, что евразийские потомки от смешанных браков будут менее лояльны к Империи.

Теперь, сидя за маленьким обеденным столом, Гвен наблюдала за Кристиной и думала, что, вероятно, слишком резко говорила с Фрэн о мистере Равасингхе.

– Ах! – произнесла американка и хлопнула в ладоши. – Вот и *бринджал*.

Официант подал нечто очень странное с виду, и Гвен с недоверием уставилась на блюдо.

– Не волнуйтесь, Гвен, это всего лишь баклажаны, – успокоил ее Сави. – Они отлично впитывают в себя чеснок и специи. Очень вкусно. Попробуйте.

Гвен наколола кусочек на вилку. Во рту у нее оказалось что-то неопределенное по консистенции, но приятное на вкус, и она вдруг почувствовала голод.

– Это изысканно.

– Какие у вас прекрасные манеры. Нужно что-то с этим делать, да, Сави? – (Мистер Равасингхе обменялся с Гвен еще одним предупредительным взглядом.) – О, ну ладно, Сави, ты такой зануда!

Гвен сосредоточенно подбирала с тарелки последние кусочки *бринджала*, а ее сотрапезники беседовали между собой. Чужеземная еда действовала ей на нервы, а Кристина немного пугала. Знакомое давящее чувство вдруг охватило Гвен, и она с трудом проглотила остатки кушанья, потому что снова начала думать о Лоуренсе и Кристине. Танцор-демон! Лоуренс имел в виду что-то особенное, когда сделал ей такой подарок? Или на Цейлоне принято дарить друг другу ужасные вещи? Ей не хотелось проявлять своей неосведомленности, но она решилась все-таки задать один крайне важный для нее вопрос:

– Вы давно знаете моего мужа?

Прежде чем ответить, Кристина выдержала паузу.

– Ах да! Мы с Лоуренсом давние приятели. Вам очень повезло.

Гвен перевела взгляд на мистера Равасингхе, который молча кивнул. Он не выглядел особенно расстроенным, когда она появилась одна. Сави никак не проявил своих чувств, был, как обычно, вежлив, и они вместе отправились на виллу, которую арендовала Кристина. Одет он был безупречно: темный костюм и белая рубашка, которая сияла на фоне его темной кожи. И шел Сави так близко к ней, что Гвен чувствовала исходящий от него запах корицы. Тем не менее она удивилась, заметив на его подбородке щетину, как будто он встал поздно и не успел побриться или вовсе не ложился спать.

– Мне очень жаль вашу кухню, – сказал он, видя, что Гвен смотрит на него. – Надеюсь, она быстро поправится. Я хотел пригласить ее покататься на лодке по озеру в Канди, пока дожди на время прекратились. Канди – это столица горной области.

– Фрэн была бы счастлива. Я передам ей ваше приглашение.

Сави кивнул:

– Вообще-то, если Фрэн еще будет здесь в июле, вы обе можете полюбоваться в Канди процессией со светильниками, которую устраивают в полнолуние. Это называется праздник Перахера, и зрелище довольно любопытное. Слонов украшают золотом и серебром.

Кристина присвистнула:

– Пойдемте! Это процессия в честь зуба Гаутамы Будды. Вы слышали эту легенду? – (Гвен покачала головой.) – Много столетий назад некая принцесса тайком привезла на Цейлон этот зуб из Индии, спрятав его в своих волосах. А теперь его проносят по улицам под барабанный бой в окружении танцовщиц, украшенных цветочными гирляндами. Давайте все пойдем, – предложила Кристина. – Вы сами спросите дорогого Лоуренса или мне это сделать?

– Я спрошу, – сказала Гвен и принужденно засмеялась, пытаясь скрыть свое раздражение намеком Кристины, мол, она до сих пор может фамильярничать с Лоуренсом.

Когда они покончили с пудингом, Кристина закурила сигарету и встала:

– Думаю, мистер Равасингхе, пора открыть ваш холст. Как вы думаете? Но сперва мне нужно припудрить носик.

Она подошла к его стулу, и на Гвен пахнуло ароматом «Табак блонд» от Карон, американских духов, которыми пользовалась Кристина. Как уместно это было здесь, в сочетании с сигаретным дымом. Сави встал, Кристина поцеловала его в щеку и провела пальцами с наманикюренными ногтями по его длинным волнистым волосам. Когда мистер Равасингхе повернулся к Кристине, Гвен стала изучать его профиль. Это был очень красивый мужчина, может быть, еще более привлекательным делал его намек на опасность, искрами сверкавший в его глазах. Он отвел руку американки от своих волос и поцеловал ее с такой нежностью, что Гвен стало неловко.

До сих пор она не решалась задать мистеру Равасингхе вопрос, нравится ли ему ее кухня, но теперь, когда Кристина ушла и оставила их наедине, Гвен показалось, что момент подходящий.

– Мы говорили о Фрэн, – начала она.

– Да?

– Раньше.

– Конечно. И что вы хотите сказать о вашей восхитительной кухне?

– Что вы думаете о ней, мистер Равасингхе?

– Зовите меня Сави. – Он помолчал и тепло улыбнулся Гвен, глядя ей в глаза. – Я думаю, что она совершенно очаровательна.

– Значит, она вам нравится?

– А кому бы она не понравилась? Но, вообще-то, мне понравилась бы любая ваша кузина, миссис Хупер.

Гвен улыбнулась, но его ответ вызвал у нее только новые сомнения. Ему нравилась Фрэн, но понравилась бы любая ее кузина. Что бы это значило?

Кристина вернулась. Сави подал Гвен руку, и они все вместе прошли в хорошо проветренную комнату в дальней части дома. Два окна выходили в окруженный стеной террасный сад, холст, накрытый отрезом алого бархата, стоял на большом мольберте в самом центре.

– Теперь мы готовы, – сказала Кристина, и художник широким жестом смахнул драпировку с картины.

Гвен залюбовалась портретом – Кристина была очень похожа на себя, – потом перевела взгляд на мистера Равасингхе. Тот улыбался и смотрел на нее не моргая, будто ждал комментариев.

– Это так необычно, – произнесла Гвен и замялась.

– Это больше чем необычно, дорогой Сави. Это грандиозно! – заявила Кристина.

Проблема была в том, что Гвен в этом сомневалась. Не то чтобы ей не понравился портрет, но у нее создалось впечатление, будто мистер Равасингхе смеется над ней. Они оба смеялись. Да, он являл собой образец хорошо воспитанного мужчины, но было в нем что-то смущавшее Гвен, и дело не только в том, что он видел ее пьяной, гладил по голове и помог лечь в постель.

– Вас смущает не то, что вы видите, – сказала Кристина; Гвен взглянула на нее и нахмурилась. – Вы боитесь увидеть то, что может случиться потом. – (Сави засмеялся.) – Или то, что уже случилось.

Гвен снова посмотрела на холст, но повторный взгляд лишь усилил ее смятение. Щеки Кристины горели, волосы были спутаны, а надето на ней было только ожерелье из черных камней, и этот многозначительный взгляд... Портрет заканчивался чуть ниже ее обнаженной груди. Гвен понимала: это глупо, но ей было неприятно думать, что Лоуренс видел эту женщину такой.

– Знаете, Сави писал первую жену вашего мужа.

– Я не видела этого портрета.

– Наверное, Лоуренс убрал его после смерти жены.

Гвен немного подумала, а затем спросила:

– Вы знали Кэролайн?

– Очень мало. Я познакомилась с Лоуренсом позже. Сави хотел и Верити написать, перед свадьбой, даже сделал несколько набросков, но потом она взбрыкнула и умчалась в Англию. Жених занимал какой-то пост в правительстве и вообще был отличный малый, как я слышала. Какого вы мнения о своей золовке?

– Я почти не знаю ее.

– А ты, Сави, что думаешь о Верити Хупер? Скажи нам.

Мистер Равасингхе слегка сдвинул брови, и это в достаточной степени выразило его неодобрение, хотя что именно он не одобрял – саму Верити или желание сделать ее предметом разговора, для Гвен осталось загадкой.

– Ну что ж, – продолжила вместо него Кристина, – по-моему, Верити рождена, чтобы доставлять всем проблемы, и, кроме брата, ее интересуют только лошади. Или интересовали, когда она жила в Англии.

– У нее тяжесть на душе, – сказал Сави и сделал паузу, извлекая из кармана маленький альбом для эскизов. – Миссис Хупер, вы не будете возражать, если я сделаю с вас небольшой набросок?

– О, я не знаю. Лоуренс...

– Лоуренса здесь нет, дорогая. Позвольте ему. Пусть сделает.

Мистер Равасингхе улыбался Гвен:

– Вы так замечательно свежи и неиспорченны. Мне хотелось бы ухватить это.

– Хорошо. Как вы хотите меня изобразить?

– Такой, какая вы есть.

Глава 8

Едва Фрэн стало лучше, она сразу встала, оделась и собралась на поезд из Хаттона до Нану-Ойя, ближайшей к Нувара-Элии станции. Ее чемоданы отправили в Коломбо, и мистер Равасингхе пообещал отвезти ее туда после небольшой экскурсии по Канди. Из Коломбо Фрэн отправится в Англию. Сестры крепко обнялись. Макгрегор подкатил к дому на машине, ворча, что он, мол, вам не чертов шофер. Гвен улыбалась, но уже была готова скучать по Фрэн.

– Будь осторожна, дорогая.

– А когда я не была? – хихикнула Фрэн.

– Всегда. Я буду скучать по тебе.

– И я по тебе, но я вернусь, может быть, в следующем году.

Еще раз обняв сестру, Фрэн села в машину. Макгрегор развернулся и поехал в гору, а его пассажирка высунулась из окна и махала рукой, пока автомобиль не скрылся за гребнем холма. Гвен вспомнила их последний совместный завтрак, когда, покраснев до ушей, призналась сестре, что ревнует Лоуренса к Кристине.

Фрэн рассмеялась:

– Ты боишься, что Лоуренс не устоит перед ней?

– Не знаю.

– Не будь душой. Видно же, что он тебя обожает и не поставит вашу любовь под угрозу из-за размалеванной американки.

Гвен покрутила носком туфли в гравии, тряхнула головой и поспешила в дом – писать письмо матери.

Отъезд Фрэн вызвал у нее новый прилив тоски по дому.

На следующее утро, проснувшись, Гвен кинулась в туалет, и там ее стошнило. То ли это съеденный вчера *бринджал*, то ли она подхватила от Фрэн ту же заразу, хотя сестра не жаловалась на тошноту. Туалетный кули еще не приходил, ее вырвало в ведро с опилками, от вони воротило.

Гвен позвонила и вызвала Навину, а пока ждала ее, раздвинула занавески – за окном летнее небо с легкими клочками облаков. Надеюсь, что до октября, когда наступит второй в году муссон, дождя не будет, она глубоко вдохнула напоенный сладкими ароматами воздух.

Навина постучала в дверь и принесла два вареных яйца на подносе из черного дерева с серебряной ложечкой и двумя фарфоровыми подставками для яиц.

– Доброе утро, леди, – сказала она.

– О, я не могу ничего есть. Меня ужасно тошнило.

– Вы должны знать, что еда – это хорошо. Может быть, яичный *хонпер*?

Гвен покачала головой. Яичный *хонпер* – забавное блюдо: выпеченная из тонкого теста мисочка, на дне которой зажаривалось яйцо.

Наивна улыбнулась:

– Может, попробуете чай со специями, леди?

– А что в нем?

– Корица, гвоздика, немного имбиря.

– И лучший хуперовский чай, я надеюсь, – добавила Гвен. – Но, как я сказала, меня сильно тошнило. Думаю, мне лучше выпить обычного чая.

Старая *айя* снова улыбнулась, и лицо ее осветилось.

– Я сделала его особенный. И он хорош для вашего состояния.

Гвен уставилась на нее:

– Для расстройства желудка? Моя мать всегда говорила: чем проще, тем лучше.

Навина продолжала улыбаться, кивать и делать какие-то маленькие смешные жесты руками, будто птица трепетала крылышками. Гвен не считала, как Флоранс, что слуги ничего не чувствуют и не думают, и часто размышляла, что происходит у них в голове. Обычно спокойное лицо Навины впервые выражало столько эмоций.

– Но что это значит, Навина? Почему ты так улыбаешься?

– Вы – как все леди! Первая жена хозяина была такая же. Вы не следите за своим календарем, леди.

– Как это? Я пропустила что-то важное? Я сейчас оденусь. Мне уже лучше. Кажется, все прошло.

Навина принесла со столика маленький календарь, куда Гвен записывала домашние дела.

– Нам нужно готовить детскую, леди.

Детскую? Кровь прилила к щекам Гвен, когда она стала смотреть на даты. Как она не догадалась? Наверное, это случилось в тот день после бала, когда Лоуренс раскрылся и они по-настоящему занялись любовью, если не произошло раньше. Но какая разница! Она на это надеялась, мечтала об этом с того момента, как взглянула на Лоуренса и сказала себе: «Этот мужчина станет отцом моих детей». Она должна была знать. Ведь ее подташнивало, и вялость она чувствовала, иногда испытывала сильный голод, и груди как будто отяжелели. Но она даже не задумалась. А тут еще Фрэн заболела, столько всего произошло, она и не уследила. Теперь же ей не терпелось сообщить новость Лоуренсу, и Гвен обхватила себя руками в радостном предвкушении этой сцены.

Все случилось так быстро, что Гвен не успела узнать, где раньше была детская. Как глупо, что она до сих пор не обследовала весь дом. На первом этаже находился кабинет Лоуренса; она пару раз дергала за ручку двери, когда искала мужа, но эта комната всегда была на замке. Его спальню она осмотрела еще раз, когда заходила туда взглянуть на фотографию блондинки. Перевернула снимок, увидела на обороте надпись: «Кэролайн» – и тогда стала искать написанный Сави портрет, но ничего похожего не нашла. Она также обошла пять комнат для гостей и две ванные, но в доме имелись еще две запертые двери – одна в ванной, другая – в коридоре, – за которыми, как решила Гвен, находились кладовки. Это было упущение. Ей следовало поинтересоваться, что там.

– Может, ты покажешь мне детскую? – с улыбкой обратилась она к Навине.

Та помрачнела:

– Я не уверена, леди. Ее не открывали с того дня...

– Ох, я понимаю. Что ж, немного пыли меня не испугает. Я настаиваю, чтобы ты мне ее показала, как только я оденусь.

Сингалка кивнула и пятась вышла из комнаты.

Через час Навина вернулась, и Гвен удивилась, что она повела ее прямо к запертой двери ванной.

– Это там, леди. У меня есть ключ.

Служанка отперла и открыла дверь, они вошли в короткий коридор, скорее, просто проход, который, по-видимому, шел

параллельно с главным коридором первого этажа. В конце он поворачивал налево, и там оказалась еще одна комната.

Войдя в нее, Гвен приросла к месту – так ей стало неуютно. Тут было темно, в носу защипало от едкого запаха.

Навина открыла окно и ставни:

– Простите, леди. Хозяин не позволял нам ничего трогать.

Стало светлее, Гвен окинула взглядом комнату и испугалась, увидев такую густую паутину, что за ней почти не видно было стен, и толстый слой пыли вперемешку с мертвыми насекомыми, покрывавший мебель, пол, пеленальный столик и детскую кроватку. Что за запах наполнял комнату, Гвен не могла определить. Какая-то гниль, это точно, тут пахло вовсе не так, как обычно пахнет в детской, но этого мало: комната как будто вся пропиталась печалью, и Гвен невольно представила себе рухнувшие надежды Лоуренса.

– О, Навина, как это грустно! Сколько лет прошло?

– Двенадцать, леди, – ответила Навина, оглядывая комнату.

– Ты, наверное, любила Кэролайн и малыша Томаса.

– Мы не говорим об этом... – тихо произнесла сингалка.

– Это из-за родов Кэролайн заболела?

Лицо Навины помрачнело. Она молча кивнула.

Гвен хотелось узнать подробности, но, видя, как расстроена Навина, она сменила тему:

– Тут нужно хорошенько прибраться.

– Да, леди.

Гвен уже знала, что уборка на Цейлоне ничуть не похожа на уборку в Глостершире. Здесь принято выносить из комнаты все, включая ковры, гобелены и тяжелую мебель. Вещи сваливают на лужайке. Пока одни люди моют и обрабатывают помещение от насекомых, другие выколачивают ковры и полируют мебель. Ничто не остается нетронутым.

– Пусть все это вынесут отсюда и сожгут.

Гвен посмотрела на дальнюю стену. Приглядевшись внимательно, она заметила то, что сперва показалось ей разводами плесени, а на самом деле было фреской, и с большим трудом, но можно было различить, что именно она изображала. Подойдя ближе, Гвен прикоснулась к стене, и у нее на пальцах осталась пленка грязи.

– Можешь принести мне тряпку, Навина?

Сингалка протянула ей вынутый из кармана кусок муслина, и Гвен протерла часть стены. Посмотрела, обвела пальцами рисунок:

– Это волшебная страна, да? Погляди. Водопады и реки, а здесь, взгляни вот сюда, тут красивые горы и... может быть, дворец, или это храм?

– Это буддийский храм рядом с Канди. Нарисовала первая жена хозяина. Это картина нашей страны, леди. Это Цейлон.

– Она была художником?

Навина кивнула.

Гвен вдохнула, на миг задержала дыхание и быстро выдохнула.

– Ну, чего мы ждем? Пусть все это вынесут отсюда. И я думаю, будет лучше закрасить эту фреску.

По пути обратно в свою комнату Гвен думала о Кэрролайн. Она так постаралась сделать детскую красивой. Интересно, многое ли в этом элегантном доме дело ее рук? Гвен пожалела о своем скоропалительном решении перекрасить стену. Может быть, попросить мистера Равасингхе отреставрировать фреску? Хотя необъяснимая неприязнь к нему Лоуренса может помешать этому.

Когда Лоуренс вернулся к обеду, во дворе уже пылал костер, занимались последние вещи из детской.

– Привет, – произнес Лоуренс, с удивленным видом заглянув в гостиную. – Жжешь костер?

Гвен посмотрела на него, и по ее лицу расплзлась широченная улыбка.

– Дорогой, – она похлопала рукой по дивану рядом с собой, – иди сюда, садись. Я должна тебе кое-что сказать.

На следующий день Верити решила поехать погостить к своей подруге на рыбную ферму, после чего собиралась, может быть, съездить в Англию. Утром она, Лоуренс и Гвен завтракали вместе.

– Я присмотрела себе лошадку. Хочу купить, – сказала Верити. – У меня уже давно не было собственной лошади. Я соскучилась.

Гвен не удержалась и выразила удивление:

– Боже, откуда у тебя такие деньги?

– О, у меня есть содержание.

Лоуренс отвернулся и стал гладить одну из собак.

– Я и не догадывалась, что оно такое щедрое.

Верити сладко улыбнулась:

– Лоуренс всегда заботился обо мне, неужели теперь перестанет?

Гвен пожала плечами. Если Лоуренс всегда будет таким щедрым, Верити, наверное, никогда отсюда не уедет.

– Но ты должна хотеть выйти замуж и завести собственный дом.

– Должна?

Гвен не знала, как ее понять, но, когда Верити ушла, решила обсудить эту тему с Лоуренсом.

– Мне кажется, Верити не стоит оставаться под впечатлением, что она может всегда жить с нами. У нее есть дом в Англии.

Лоуренс глубоко вдохнул:

– Гвен, она моя сестра. Ей там одиноко. Что я могу сделать?

– Ты можешь побудить ее жить собственной жизнью. Когда родится ребенок...

Он не дал ей договорить:

– Когда родится ребенок, я уверен, она оживится и будет тебе помогать.

Гвен состроила недовольную мину:

– Я не хочу, чтобы она мне помогала.

– Но твоя мать далеко, и тебе нужен кто-нибудь.

– Я лучше попрошу Фрэн.

– Боюсь, мне придется настоять на своем. Верити уже обосновалась здесь, и я вовсе не уверен, что твоя кузина, как бы очаровательна она ни была, именно тот человек, который тебе подойдет.

Гвен проглотила злые слезы:

– Я что-то не припомню, чтобы со мной советовались по поводу «обоснования» здесь Верити.

У Лоуренса дернулся мускул на щеке.

– Прости, дорогая, но это не тебе решать.

– А что заставляет тебя думать, будто Верити именно тот человек? Мне не нужна ее помощь. Это мой ребенок, и мне нужна Фрэн.

– Полагаю, ты согласишься, что это наш ребенок. – Лоуренс усмехнулся. – Если, конечно, он не появился в результате непорочного зачатия.

Гвен бросила на стол салфетку и резко встала:

– Так нельзя, Лоуренс, правда нельзя!

Она побежала в свою комнату, скинула туфли и в порыве гнева швырнула их о стену, после чего разрыдалась. Потом задернула шторы, сняла платье, бросилась на кровать и уткнулась носом в подушку. Через некоторое время, видя, что Лоуренс не приходит, она залезла под одеяло и, жалея себя, натянула его на голову, как делала в детстве. Мысль о доме вызвала новый прилив слез, и Гвен плакала, пока у нее не защипало глаза.

Она вспомнила, как накануне спросила у Навины, почему та не была *айей* и Верити тоже.

Навина замялась:

– Более молодая женщина. Более сильная.

– Но ты хорошо знаешь Верити?

Старая *айя* как-то неопределенно покачала головой:

– И да и нет, леди.

– Что ты имеешь в виду?

– Вы встречаете с ней трудности. Когда была девочкой, она все время делала проблемы.

Подумав об этом теперь, Гвен еще сильнее захотела, чтобы Фрэн была здесь, когда родится ребенок.

Прошло еще немного времени, и она услышала стук в дверь, а потом голос Лоуренса:

– С тобой все в порядке, Гвендолин? – (Она утерла глаза одеялом, но не ответила. Это, правда, было нечестно, и теперь она выглядела дурой. Гвен решила не разговаривать с ним.) – Гвендолин? – (Она шмыгнула носом.) – Дорогая, прости, я был резок.

– Уходи!

Она услышала, как он подавил смешок, а потом, несмотря на свое прежнее решение, рассмеялась, заливаясь при этом слезами. Когда Лоуренс открыл дверь, вошел и сел на кровать рядом с ней, она протянула к нему руку.

– Гвен, я люблю тебя. Я не хотел тебя обидеть.

Он вытер ее лицо и стал целовать влажные щеки, потом задрал на ней сорочку и перевернул ее на спину. Она смотрела, как он снимает ботинки и брюки. Он был такой мускулистый и загорелый, что она всегда возбуждалась, видя его обнаженным. Когда он снял через голову рубашку, она почувствовала, как напряглись у нее груди и

поджался живот. Она не могла скрывать своего желания, и это явно заводило его, а в ней самой разжигало страсть еще сильнее.

– Иди ко мне, – сказала Гвен и, не в силах больше ждать, протянула к нему руки.

Лоуренс усмехнулся, и она поняла, что он собирается растянуть удовольствие. Он положил теплую ладонь на едва заметную выпуклость ее живота и стал нежно его поглаживать, пока она не застонала. Потом поцеловал ее туда и, продолжая легонько, как бабочка крыльями, прикоснуться губами к ее коже, стал двигаться вниз, пока его голова не скрылась у нее между ног.

Она, конечно, оказалась права. Он медлил, и в конце концов она почти зарыдала от облегчения.

Когда родители Гвен ссорились, ее отец никогда не говорил «прости», он как будто вообще не знал такого слова. Вместо этого он приносил матери чашку чая и печенье с орехами. Она громко смеялась. Это «прости» было намного лучше печенья, и если они с Лоуренсом всегда будут так мириться, может, стоит почаще ссориться?

Если не считать размолвки из-за Верити, Лоуренс был сама заботливость. Гвен приходилось не раз говорить ему, что пока она еще только ждет ребенка, хотя на самом деле была в восторге от его нежной заботы. В июле, после незначительной стычки по поводу разумности путешествия в ее состоянии, они отправились в Канди с Кристиной и еще одним приятелем, но не с мистером Равасингхе. Когда Гвен спросила Кристину, где Сави, та лишь пожала плечами и ответила, что он в Лондоне.

Праздничное шествие произвело на Гвен сильное впечатление, хотя ей приходилось цепляться за Лоуренса из страха, что ее затопчет если не слон, то толпа. В воздухе пахло цветами и благовониями, и ей приходилось время от времени щипать себя, чтобы проверить, не спит ли. Гвен, в платье для беременных, выглядела неброско в сравнении с эффектной Кристиной, одетой в струящийся черный шифон. Однако, несмотря на упорные попытки американки привлечь к себе внимание Лоуренса, тот, казалось, не проявлял к ней особого интереса, и Гвен почувствовала, что подозревать мужа в неспособности устоять перед чарами этой женщины было с ее стороны просто глупо.

После этого, хотя ее и мучили несколько недель приступы тошноты, Гвен, казалось, плыла в каком-то блаженном тумане. Лоуренс говорил, что она расцвела и никогда еще не выглядела такой прелестной. Она так себя и чувствовала. Верити не возвращалась из гостей. Время шло. Только когда Гвен была уже на пятом месяце, Флоранс Шуботэм, приглашенная к ним на чай, заметила произошедшие в ней изменения. Другие люди, вероятно, тоже обращали на это внимание, но именно Флоранс сказала вслух, что Гвен что-то слишком округлилась, и предложила позвать врача.

На следующий день в комнату Гвен вошел Джон Партридж, протягивая к ней руки. Она была рада видеть его.

– О, как хорошо, что вы пришли, Джон, – сказала она и встала. – Я надеюсь, со мной все в порядке.

– Не нужно вставать, – сказал он и, когда Гвен присела на край кровати, спросил, как она себя чувствует.

– Я немного утомлена, и мне ужасно жарко.

– Это нормально. Больше ничего вас не беспокоит?

Гвен закинула ноги на постель:

– У меня немного опухли лодыжки.

Партридж пригладил усы и пододвинул свой стул к кровати:

– Вам нужно больше отдыхать. Хотя я не думаю, что для такой молодой женщины, как вы, отеки на лодыжках составят большую проблему.

– У меня бывают сильные головные боли, но, впрочем, это обычное дело.

Доктор в раздумье скривил рот, потом похлопал Гвен по руке:

– Вы сильно прибавили в объеме. Думаю, лучше за вами последить. Вы хотите, чтобы с вами была какая-нибудь женщина?

– О, ну тут у нас совсем никого нет. Только Навина. Моя кузина Фрэнсис уехала в Англию. – Гвен вздохнула.

– В чем дело, Гвен?

Она задумалась, что ответить. Лоуренс не отступится от своей идеи, что Верити должна помогать ей при родах и с ребенком. Это сидело занозой у нее в боку, и немалой. Поначалу Гвен чувствовала себя очень уверенно, но месяцы шли, момент родов приближался, и ей хотелось, чтобы рядом была мать. Она нуждалась в ком-нибудь, кто даст ей утешение, и мысль о том, что, по мнению Лоуренса, этот

человек – Верити, была ей ненавистна. Честно говоря, золовка не вызывала у нее такого уж сильного недоверия, но у нее возникали недобрые предчувствия, когда она думала, что рядом не будет никого из близких, к кому она могла бы обратиться за помощью. Вдруг роды будут трудные и она не справится? Но стоило ей завести разговор об этом с Лоуренсом, тот упорно стоял на своем, и Гвен начала даже думать, что, наверное, ведет себя неразумно.

Она вздохнула еще раз и взглянула на доктора:

– Дело в том, что Лоуренс пригласил свою сестру составить мне компанию и помочь, понимаете, со всем. Она сейчас на побережье и, может быть, ненадолго съездит в их семейный дом в Йоркшире. Он сдан внаем, но они оставили себе небольшую квартиру.

– Вы предпочли бы рожать в Англии, Гвен?

– Нет. По крайней мере, не в Йоркшире. Дело не в этом. Просто я не уверена, нужна ли мне здесь Верити. – Гвен скривила лицо, и нижняя губа у нее задрожала.

– Я уверен, вам не о чем беспокоиться. Золовка вам поможет, и, может быть, за время, проведенное с ней и ребенком, вы лучше узнаете друг друга.

– Вы так думаете?

– Знаете, она страдала, я думаю, даже больше, чем Лоуренс.

– О?

– Когда умерли их родители, она была совсем юной, и Лоуренс заменил ей отца. Проблема была в том, что он женился вскоре после смерти родителей, и, конечно, бóльшую часть года она проводила в пансионе.

– Почему она не приехала жить сюда, когда окончила школу?

– Некоторое время она жила здесь, и ей нравилось, но все ее школьные друзья остались в Англии. По-моему, Лоуренс решил, что ей будет лучше там. И когда Верити исполнился двадцать один год, он устроил ее в Йоркшире.

– Он о ней заботится.

– И это хорошо. Ходят слухи, что ее отверг человек, с которым она хотела быть.

– Кто это?

Партридж покачал головой:

– Во всех семьях есть свои секреты, правда? Попробуйте спросить Лоуренса. Но я думаю, Верити может быть вам полезна. И это поможет ей разобраться с собой. А теперь лягте, я осмотрю вас.

Когда Гвен легла на спину, доктор открыл свой черный кожаный портфель и извлек из него какую-то штуку, похожую на рожок. Гвен сомневалась, что во всех семьях есть свои секреты, и размышляла о своей семье, но воспоминание об отце и матери принесло с собой ужасный спазм тоски по дому.

– Мне нужно послушать, – сказал Партридж.

– А есть еще какие-нибудь семейные секреты? – спросила Гвен.

Доктор молча пожал плечами:

– Кто знает, Гвен? Особенно когда дело касается личных отношений.

Она уставилась в потолок и, прислушиваясь к стуку и шарканью наверху, задумалась о том, что сказал Джон о Верити. Он тоже глянул вверх.

– Сегодня уборка. В комнате Лоуренса.

– Как у вас с мужем, Гвен? Ждете не дождетесь, когда станете родителями?

– Конечно. Почему вы спрашиваете?

– Просто так. У вас в семье были близнецы или, может быть, у него?

– Моя бабушка была близняшкой.

– Вот что, по-моему, причина вашего быстрого увеличения в объеме не какая-то патология. Вы, вероятно, носите двойню.

Гвен изумилась:

– Правда? Вы уверены?

– Я не могу быть абсолютно уверен, но, кажется, дело именно в этом.

Гвен посмотрела в окно, пытаясь разобраться в своих чувствах. Два ребенка! Это ведь хорошо, правда? Пушистая самка лангура сидела на столике на веранде с прицепившимся к животу детенышем. Она посмотрела на Гвен круглыми коричневыми глазами, вокруг ее темной мордочки, будто гало, распушились пучки золотистого меха.

– Есть что-то такое, чего мне не стоит делать? – Гвен почувствовала, что заливается краской. – Я имею в виду – с Лоуренсом.

Доктор улыбнулся:

– Не беспокойтесь. Это пойдет вам на пользу. Мы просто будем за вами присматривать, вот и все, и вам нужно хорошо отдыхать. Это очень важно.

– Спасибо вам, Джон. Я хотела устроить пикник у озера, пока не начались дожди. Это не повредит?

– Нет. Только не заходите в воду и не подцепите пиявок у берега.

Глава 9

Пикник был приурочен к возвращению Верити с юга. Двое мальчиков-слуг принесли на берег корзину со съестным, подстилки и вытащили из старого лодочного сарая у кромки воды кресло для Гвен. Пока Лоуренс, Верити и ее подруга Пру Бертрам устраивались на шотландских пледах, за ними с соседнего дерева наблюдала длиннохвостая макака.

Гвен была в просторном зеленом платье, присборенном под грудью, чтобы создать объем в нужных местах, и широкополой шляпе от солнца, затенявшей лицо. Каждое утро после ванны, проводя руками по грудям и животу, она изумлялась тому, как быстро меняется ее тело, и осторожно втирала в кожу ореховое масло с имбирем. Недели тошноты остались в прошлом, и она надеялась немного передохнуть, прежде чем отяжелеет еще больше.

Ника Макгрегора тоже пригласили на пикник, но он отказался, сославшись на какие-то проблемы с кули.

– Опять что-то случилось в рабочем поселке? – шепотом спросила Гвен у Лоуренса.

– Там всегда какие-нибудь мелкие раздоры. Тебе не о чем беспокоиться.

Гвен кивнула. После инцидента с поранившим ногу тамилем Макгрегор был холоден с ней. Он помог договориться с новыми садовниками и проявил слабый интерес к идее заняться сыроделием, но в остальном держался отстраненно. Гвен пыталась привлечь его к своим планам по обустройству поместья, но Макгрегора интересовал только чай.

День выдался прекрасный. Озеро блестело на солнце, свежий ветерок охлаждал кожу. Гвен следила за стайкой бабочек, которые облачком вились над поверхностью воды. Спью поскакал за ними, поднимая тучу брызг и радуясь возможности пошалить. Боббинс лежала на берегу, положив голову на лапы. Она не была такой любительницей приключений, как ее приятель, к тому же ей скоро рожать. Гвен с интересом и сочувствием наблюдала за собакой, которая с трудом носила свой тяжелый живот.

– Забавно, – сказала она, откидываясь назад, чтобы понежить лицо на солнце. – Боббинс – наблюдатель, а Спью – деятель. Похоже на нас с Фрэн. Я бы хотела, чтобы она приехала сюда, Лоуренс.

– Мы уже это обсудили, дорогая.

– Обещаю, я буду помогать всем, чем смогу, – заявила Верити. – Я поэтому и не поехала в Англию.

– Уверен, Гвен тебе очень благодарна.

Верити широко улыбнулась ей и обратилась к брату:

– Дорогой, давай уже откроем корзину.

Лоуренс расстегнул пряжки, вытащил две бутылки шампанского, несколько бокалов, которые передал по кругу, и три тарелки с сэндвичами.

– Мм... – промычал он, снимая крышку с одной из тарелок и приюхиваясь. – Кажется, здесь лосось и огурец.

– А что еще есть? – спросила оголодавшая Гвен.

– Не объявишь ли нам, что на двух других, Пру? – обратился к девушке Лоуренс.

Пру, тихая и скромная, типичная бледнокожая англичанка, которая под цейлонским солнцем становилась ярко-розовой, была немного старше Верити, но это не помешало им подружиться.

– Конечно. – Она взяла в руки обе тарелки. – Здесь яйца и салат, а здесь что-то такое, мне незнакомое... Ах да, разумеется, это *бринджал*.

– *Бринджал* на сэндвиче? – удивилась Гвен, вспоминая свой обед у Кристины.

– Именно! – кивнула Верити. – У нас на пикниках всегда есть одно иностранное блюдо, верно, Лоуренс? Это семейная традиция. Разве у вас в семье нет своих традиций?

Лоуренс поправил на голове шляпу и взглянул на сестру:

– Верити, теперь семья Гвен – мы.

Та покраснела:

– Конечно. Я не имела в виду...

Лоуренс открыл шампанское, наполнил бокалы, потом встал и произнес:

– За мою прекрасную жену!

– Верно, верно! – поддержала его Пру.

Когда все наелись, Верити, опорожнившая не один бокал шампанского, встала:

– А теперь, Лоуренс, как ты знаешь, должна быть прогулка вдоль озера. Ты идешь?

– Не думаю, что я это осилю, – сказала Гвен, протягивая руку Лоуренсу.

– Но ты-то пойдешь, правда, Лоуренс? Ты всегда ходил. Гвен прекрасно проведет время с Пру.

– Тем не менее я останусь с Гвен.

Гвен сверкнула на него благодарной улыбкой, и он пожал ее руку.

– Остерегайся водяных буйволов, – посоветовал Лоуренс вслед сестре, которая выглядела немного обиженной.

В этот момент Спью, гонявшийся за цаплями, выскочил из озера, обежал вокруг Верити и обдал ее водой. Гвен огляделась в поисках Боббинс, которая куда-то пропала.

– Чертова псина! – выругалась Верити, стряхивая брызги с платья.

«Как обычно, она выбрала не тот цвет, – подумала Гвен. – Оранжевый не идет к ее желтоватому лицу, а солнечный свет, отражаясь от платья, придает ему какой-то ядовитый оттенок».

– Я пойду с тобой, Верити, – сказала Пру и направилась к ней.

– Нет. Я возьму с собой Спью, пусть набегается. У тебя не хватит сил, слишком жарко. Пошли, Спью.

Огорченная отказом, Пру села на свое место:

– Нет, конечно, ты права. Я не так энергична, как ты.

Гвен окликнула Лоуренса, сделавшего несколько шагов к озеру:

– Как ты думаешь, можно мне намочить ноги?

Лоуренс обернулся:

– Почему нет? Я не хочу, чтобы ты совсем изнежилась.

– Ты хочешь пойти, Пру? – спросила ее Гвен, снимая туфли.

Пру покачала головой, тогда Гвен спустилась к воде, села на траву, одной рукой скатала чулки, другой придерживала шляпу. Лоуренс помог ей встать, и они вместе прошли немного дальше. Вода мягко плескалась у берега, Гвен пошевелила пальцами ног, наслаждаясь прохладой.

– Тут так красиво, правда? – сказала она.

– Это все из-за тебя.

– О Лоуренс, я так счастлива! Надеюсь, это будет длиться вечно.

– Нет абсолютно никаких причин, почему это должно кончиться, – сказал он и поцеловал ее.

Гвен заметила севшую на камень птичку.

– Посмотри на эту малиновку, – сказала она.

– Вообще-то, это кашмирская мухоловка. Интересно, откуда она здесь. Обычно их видишь на полях для гольфа в Нувара-Элии. Это очень красивое место между городом и горами.

– Ты много знаешь про птиц.

– Про птиц и про чай.

Гвен засмеялась:

– Расскажи мне о них, чтобы я могла научить нашего малыша.

– наших малышей, ты хотела сказать!

Лоуренс обхватил ее руками, и она посмотрела на него. Глаза его сияли, он выглядел таким гордым и счастливым, что у Гвен едва не разорвалось сердце от избытка чувств.

Но потом, взяв ее за руки, Лоуренс пытливо взгляделся ей в лицо и вдруг посерьезнел:

– Гвен, если бы я только мог объяснить тебе, как сильно ты изменила мою жизнь.

Она отстранилась от него:

– К лучшему, я надеюсь.

Лоуренс сделал глубокий вдох, и все его лицо осветилось улыбкой – как же это нравилось Гвен!

– Больше, чем ты можешь себе представить, – сказал он. Порыв ветра бросил ей волосы в глаза, и он заправил локон за ухо. – После Кэролайн я думал, моя жизнь закончилась, но ты вернула мне надежду.

Ветер подул сильнее, Гвен сняла с головы шляпу, прильнула к теплой груди мужа и устремила взгляд на озеро. Лоуренс не всегда мог ясно выразить свои чувства, но, когда он гладил ее по волосам, она понимала, как сильно он ее любит. Наклонив голову, он развернул Гвен спиной к себе. Она закрыла глаза – отражавшийся от воды солнечный свет слепил их – и почувствовала губы Лоуренса у себя на шее, за ухом. Дрожь пробежала по ее телу. «Вот бы запомнить этот миг навсегда», – подумала Гвен.

Они прошли еще немного дальше по мелководью, а потом повернули назад, однако мирная атмосфера была нарушена бешеным лаем. Гвен увидела Спью, который царапал лапой дверь лодочного сарая.

– Могу поспорить, Боббинс забралась туда, чтобы оцениться, – сказал Лоуренс и оглянулся; его внимание привлек плеск весел. – Глазам не верю. Что он здесь делает?

– Кажется, с ним Верити. И Кристина.

Лоуренс забурчал что-то себе под нос, однако подошел, чтобы помочь Верити, а затем и Кристине выбраться из лодки. Пока Верити отряхивалась, Кристина усмехнулась.

– Привет, дорогой, – сказала она, обхватила руками его голову и поцеловала в обе щеки, после чего сделала шаг назад, проведя при этом пальцами по голым предплечьям Лоуренса и легонько пощекотав их.

Лоуренс покраснел, Гвен ошетибилась при демонстрации такой откровенной близости, но заставила себя улыбнуться:

– Как приятно видеть вас, Кристина.

– О, ты выглядишь отлично, надо не забыть при случае и мне забеременеть. – Она подмигнула Лоуренсу.

«Ну и стерва! – подумала Гвен. – Как она смеет флиртовать с моим мужем при мне!» Она подошла к Лоуренсу и по-хозяйски убрала рукой волосы с его лба.

– Я наткнулась на них во время прогулки, – сказала Верити. – Он делал с нее наброски на фоне одного островка. Их лодка была привязана неподалеку, и он предложил подбросить меня. Я не могла отказать себе в удовольствии прокатиться на лодке с красивым мужчиной.

Сави Равасингхе беспечно вылезал из лодки, а Лоуренс напрягся.

– Извините за вторжение, – сказал нежданный гость.

– Да ничего. – Гвен протянула ему руку. – Но, боюсь, мы уже собираемся уходить отсюда.

Сави с улыбкой взял ее руку:

– Вы просто цветете, миссис Хупер, если мне позволено так выражаться.

– Спасибо. Я чувствую себя превосходно. Приятно снова видеть вас. Как вы съездили в Лондон? Я иногда думаю, что это...

– Нам пора домой, – обрывая ее на полуслове, встрял в их разговор Лоуренс и, коротко кивнув Сави, повернулся к нему спиной и протянул руку Кристине. – Зайдете к нам?

Гвен нахмурилась.

– Спасибо, Лоуренс. Для меня это, конечно, большое искушение, – ответила американка и послала ему воздушный поцелуй, – но, думаю, на этот раз я вернусь с Сави.

Лоуренс промолчал.

– Вообще-то, у меня кое-что есть для миссис Хупер, – сказал мистер Равасингхе. Он заглянул в коричневую кожаную папку для набросков и вытащил из нее лист толстой бумаги, обернутый калькой. – Я ношу это с собой уже некоторое время. Это небольшая акварель.

Гвен протянула руку, взяла рисунок и отогнула кальку:

– О, как красиво!

– Я нарисовал это с того наброска, который сделал в доме у Кристины.

Лицо Лоуренса помрачнело. Он молча взял Гвен за руку и пошел вверх по берегу к ступенькам, где стояла Пру. Когда они прошли мимо нее и стали подниматься к дому, Гвен оглянулась на остальных, чувствуя себя униженной. Немного погодя она взорвалась:

– Я не напрашивалась. Это был подарок. Почему ты повел себя так грубо? Ты мог бы, по крайней мере, проявить вежливость!

Лоуренс сложил руки на груди:

– Я не потерплю его здесь.

– Что с тобой? Мне нравится Сави, он всего-то сделал пятиминутный набросок.

Лоуренс стоял неподвижно, но Гвен чувствовала, что внутри его трясет.

– Я не хочу, чтобы ты с ним встречалась еще хотя бы раз.

Гвен прищурилась.

– А как насчет Кристины? – бросила она, и голос ее при этом повысился до опасной степени.

– А что с ней?

– Ты до сих пор находишь ее привлекательной. Я не заметила, чтобы ты оттолкнул ее руку. Не думай, что я не вижу, что она тебя околдовала.

Он фыркнул:

– Мы говорили о Сави Равасингхе, а не о Кристине.

– Это из-за того, что он цветной, да?

– Нет. Ты говоришь глупости. И вообще, хватит. Пойдем.

– Я сама буду решать, когда хватит, спасибо большое, и сама буду выбирать себе друзей.

Лоуренс протянул ей руку:

– Не кричи, Гвен. Ты хочешь, чтобы Пру нас услышала?

– Мне плевать, услышит она или нет! Но если бы ты потрудились обернуться, то увидел бы, что ей уже не по себе. – Губы у Гвен дрожали, она выставила вперед подбородок. – И еще, если бы ты оглянулся, то увидел бы, что твоя святая сестрица снова села в лодку с мистером Равасингхе, а также с Кристиной и мистер Равасингхе осматривает их ступни, нет ли там пиявок. Очевидно, в нем есть что-то привлекающее женщин!

И, не пытаясь больше сдерживать ярость, Гвен затопала прочь со скоростью, которую позволяли развить ее габариты.

Гвен страдала в течение нескольких дней, но они с Лоуренсом не говорили об этом эпизоде: Гвен – потому что не хотела расстраивать себя, сердце у нее и так неприятно колотилось после их ссоры, а Лоуренс – из упрямства. Молчание между ними все длилось и длилось, и глаза Гвен жгли непролитые слезы. Ни один из них не извинился. Лоуренс продолжал хандрить. Она не хотела так сильно обидеть его своими словами, но было ясно, что обидела. Их отношения разладились, а Гвен меньше всего этого хотелось. Хватало того, что Верити вернулась, а тут еще ощущение оторванности от Лоуренса. Ее тянуло прикоснуться к ямочке у него на подбородке и вызвать у него улыбку, но упрямство пересиливало.

Однажды мрачным вечером, когда вернулись перелетные гималайские сине-желтые птицы – *питты*, лиловое небо осеннего муссона взялось править их жизнью. Все, казалось, отсырело. Ящики не выдвигались, а если выдвигались, их невозможно было задвинуть. Двери перестали входить в дверные проемы. Земля превратилась в жидкую грязь, насекомые плодились неустанно, и когда Гвен изредка отваживалась выходить в сад, воздух там был белесый.

Дожди продолжались до декабря, а когда прекратились, Гвен уже слишком отяжелела, чтобы удаляться от дома. Доктор Партридж снова навестил ее и подтвердил свое предположение, что, скорее всего, на свет появятся близнецы, но до конца в этом уверен не был.

После пяти недель, проведенных в обувной кладовке, щенкам, а их было пятеро, позволили носиться по всему дому. Гвен, не видевшая пола из-за своего гигантского живота, все время боялась наступить на одного из них. Или же неугомонные пушистые комочки грозили сбить ее с ног. Однако, когда Лоуренс сказал, что они могут жить и в сарае на дворе, Гвен недовольно покачала головой и не согласилась на это. Для четверых щенков уже нашли хозяев, и они скоро отправятся в свои новые дома, но любимица Гвен, самая маленькая из помета, пока так никому и не приглянулась.

Однажды утром Гвен ответила на звонок Кристины.

– Скажи, пожалуйста, Лоуренсу, что он оставил здесь кое-какие бумаги, когда заезжал в последний раз, – беззаботно прочирикала американка.

– Где?

– У меня дома, конечно.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Передай, будь добра, пусть он позвонит мне или заедет просто так и заберет их.

Позже, когда Гвен упомянула о звонке Кристины, Лоуренс удивился:

– Чего она хотела?

– Документы. Она сказала, ты оставил у нее дома какие-то бумаги.

– Я не был у нее дома.

– Она сказала, в последний раз, когда ты был у нее.

– Но это было много месяцев назад, когда я подписывал соглашение об инвестициях. У меня уже есть все, что нужно.

Гвен нахмурилась. Либо он лгал, либо Кристина продолжала играть в свои игры.

Начался январь, Гвен была уже на девятом месяце. Однажды утром она стояла на крыльце дома и смотрела на кусты, из которых доносился свист дрозда. Она поежилась и почувствовала себя одинокой. День обещал быть прохладным, все деревья и кусты покрылись искристой росой.

– Оденься вечером потеплее. Температура может понизиться, ты сама знаешь. – Лоуренс поцеловал ее в щеку и шагнул с крыльца.

– Тебе правда нужно ехать в Коломбо? – спросила Гвен, не отпуская его руку, ей хотелось большего.

Лицо Лоуренса смягчилось, он снова сделал шаг к ней:

– Я знаю, время неподходящее, но у тебя есть еще пара недель. Мой агент хочет обсудить финансовые вопросы.

– Но, Лоуренс, разве ты не можешь послать Макгрегора?

– Прости, Гвен. У меня и правда нет выхода.

Она отпустила его руку и уставилась в землю, борясь со слезами.

Он приподнял ее подбородок, чтобы заглянуть ей в глаза:

– Эй, меня не будет всего два или три дня. И ты останешься не одна. Верити позаботится о тебе.

Гвен понурила плечи. Лоуренс сел в машину, поднял стекло и включил зажигание. Машина пару раз фыркнула, так что мальчик-слуга взялся запускать мотор рукояткой, и Гвен понадеялась, вдруг он не заведется, но потом двигатель заработал, Лоуренс махнул ей рукой, проезжая мимо, и с ревом понесся вверх по холму.

Глядя вслед исчезающему вдали автомобилю, Гвен смахнула со щек слезы, которые так и продолжали течь из глаз. Отношения с Лоуренсом до сих пор не наладились окончательно после ссоры в тот день, когда появился мистер Равасингхе со своей акварелью, и между ними висела тень этого раздора. Эта размолвка стала своего рода поворотной точкой. Они были вежливы друг с другом, но Лоуренс оставался слегка отчужденным и, хотя делил с ней постель, не был склонен заниматься любовью. Говорил, это ради детей, однако Гвен не хватало интимной близости, и она чувствовала себя очень одинокой.

Единственный раз они занимались любовью недели за две до отъезда Лоуренса. Гвен знала, что есть только один способ завести его, и однажды вечером, когда Лоуренс сидел на постели, она нежно поцеловала его сзади в шею и провела руками по его плечам и спине, после чего легла на бок, отвернувшись от него. Он прижался к ней, и она почувствовала, как сильно он ее хочет.

– Ты уверен, что это не опасно? – спросила она.

– Есть способ.

Он помог ей встать на колени, опершись о подушку руками, на которые пришлась бóльшая часть веса.

– Сразу скажи, если будет больно, – сказал он и пристроился сзади.

Гвен всегда удивлялась тому, что происходило в моменты их близости, но в тот раз Лоуренс был так нежен, что она испытала еще более сильные ощущения. Может, это беременность перевела ее на новый уровень женственности? Как бы там ни было, но, когда все закончилось, она уснула быстро и спала крепким и безмятежным сном, чего с ней давно уже не случалось. После этого отношения между ними стали легче, хотя не до конца, однако когда она спрашивала, в чем дело, Лоуренс отвечал, что все в порядке. Гвен очень надеялась, что это не связано с Кристиной.

Теперь Лоуренс уехал, она скучала по нему и жалела, что не предприняла более серьезных усилий. Гвен обошла дом, чтобы посмотреть на озеро. Оно было почти спокойным, темно-фиолетовым у края с широкой серебристой полосой посередине. Озеро всегда поднимало ей настроение. Пару минут Гвен послушала мерную дробь дятла, последила взглядом за пролетающим над домом орлом.

– Вы слышите их, мои малыши? – сказала она и положила руку на живот, а потом быстро пошла в дом греться у очага.

Гвен планировала продолжить вязание крючком, но почувствовала сонливость и впала в ступор в том полудремотном состоянии, которое так соблазнительно, но оставляет человека еще более усталым, чем он был. Гвен смутно сознавала, что в комнату заходила Навина и дворецкий принес чай с печеньем, но не могла очнуться от дремоты и взять чашку. Только когда появилась Верити и громко кашлянула, Гвен пробудилась окончательно.

– О, дорогая, ты проснулась. – (Гвен заморгала глазами.) – Слушай, мне очень жаль, но сегодня вечером одна моя старая подруга устраивает вечеринку в Нувара-Элии. Это всего на одну ночь. Я вернусь завтра или в крайнем случае послезавтра, обещаю. Ты справишься? Я так скучала в этом году.

Гвен зевнула:

– Конечно поезжай. Со мной будет Навина, и у нас есть телефон доктора Партриджа в Хаттоне. Поезжай и развлекись.

– Я прогуляюсь со Спью к озеру и поеду. Прощаюсь с тобой сейчас. – Она подошла и поцеловала Гвен в щеку. – Если хочешь, я могу заодно отвезти щенков к новым хозяевам.

Гвен поблагодарила ее и проводила взглядом, когда она уходила из комнаты. Это правда, оставаясь дома, чтобы составить ей компанию,

Верити пропустила несколько сезонных танцевальных вечеров. Съездила только на новогодний бал в «Гранд-отеле» в Нувара-Элии. В обычное время они бы все поехали, но Гвен была уже слишком глубоко беременна. Это было справедливо – дать Верити шанс развлечься, пока не появились малыши. В любом случае как она найдет себе мужа, если будет сидеть взаперти?

Гвен чувствовала себя большой и неуклюжей. Ей теперь было трудно даже встать с кресла, однако она преодолела себя и подошла к окну. Отъезд Лоуренса и прохладная погода вызвали в ней тоску по дому. Она скучала не только по родителям, но и по Фрэн, хотя та часто писала ей и держала ее в курсе событий. В письмах она почти не упоминала Сави, но намекнула на новую романтическую привязанность, и Гвен искренне понадеялась, что ее кузина нашла человека, который ее полюбит.

Она посмотрела на сад, а там – полное затишье. И хотя Гвен была совсем одна, у нее возникло ощущение единства со всем миром, будто вся земля ждала вместе с ней. Она заметила между деревьями оленя с ветвистыми рогами. Наверное, он спустился из окутанных туманом лесов в Хортон-Плейнс и потерялся. Лоуренс обещал, что они съедят туда, в этот лес, окутанный лиловым туманом, который висит между приземистыми корявыми деревьями с поникшими кронами. Для Гвен это звучало волшебно и напоминало картину Кэрлайн на стене в детской. С этой мыслью она решила пойти и проверить, все ли там готово.

Часть вторая

Тайна

Глава 10

Фреску хорошо отмыли, и Гвен радовалась, что решила сохранить ее. Цвета, может, и потускнели от времени, но фиолетовые горы были видны четко, серебристо-голубые озера сияли, как настоящие, и, к счастью, ей не понадобился мистер Равасингхе, чтобы подновить роспись.

Гвен огляделась, держа на руках Джинджер, последнего оставшегося щенка. Лимонно-желтая комната была готова. Две новые белые кровати стояли рядышком, старинное кресло для кормления из атласного дерева с кремовыми вышитыми подушками прислали из Коломбо. Картину довершал красивый ковер местного изготовления. Гвен открыла окно, чтобы проветрить комнату, потом опустилась в кресло и представила, что держит на руках младенцев, а не щенка. Она погладила себя по животу и ощутила слезливость. Гвен была молода и испытала мало неприятных ощущений, с которыми бывает сопряжено вынашивание представителей следующего поколения, так что причиной того, что ее глаза увлажнились, была не беременность: это был ее собственный одинокий внутренний голос.

К вечеру у нее разболелась голова, и она решила, что свежий воздух пойдет ей на пользу. Ощувив легкий спазм в животе, Гвен замерла, но потом набросила жакет и вышла из дому. По ночам озеро редко бывало черным, вернее, темно-фиолетовым и сияло, отражая свет звезд и луны. Вдруг Гвен остановилась от боли, опоясавшей, начиная от поясницы, весь низ живота. Когда боль отступила, Гвен удалось добрести до дому и открыть дверь, прежде чем она согнулась пополам, едва не закричав, и вздохнула с облегчением, увидев Навину.

Лицо сингалки было исполнено тревоги.

– Леди, я ищу вас.

С помощью служанки Гвен поднялась в спальню, с трудом сняла с себя дневную одежду и натянула через голову накрахмаленную ночную рубашку. Она сидела на краю постели, когда почувствовала, как по внутренней стороне бедер течет какая-то теплая жидкость. Испугавшись, Гвен встала.

– Леди, это только воды.

– Позвони доктору Партриджу, – сказала Гвен. – Скорее.

Навина кивнула и ушла в холл. Вернулась она мрачная:

– Никто не отвечает.

Сердце Гвен учащенно забилося.

– Не волнуйтесь, леди. Я принимала детей.

– Но близнецы?

Навина мотнула головой:

– Мы позвоним доктору позже. Я принесу теплое питье.

Она отсутствовала всего несколько минут и явилась со стаканом какого-то пахучего варева.

– Ты уверена? – спросила Гвен, морща нос от запаха имбиря и гвоздики.

Навина кивнула.

Гвен выпила, и через несколько минут почувствовала жар и сильную тошноту.

Все теперь давалось ей с трудом, однако Навина помогла хозяйке снять ночную рубашку и завернула ее в мягкое шерстяное одеяло. Испуганная нарастающей болью, Гвен слышала только звук своего дыхания. Она закрыла глаза и попыталась представить себе Лоуренса, пока Навина сходила за чистым бельем и перестелила постель. Служанка, привыкшая к пассивности, успокаивала ее своим присутствием, но Гвен не хватало мужа, и глаза ее увлажнились. Она утерла слезы, но тут новый спазм боли разорвал ее пополам. Гвен нагнулась вперед и застонала.

Навина собралась было уйти, сказав:

– Я опять позвоню доктору.

Но Гвен схватила ее за рукав:

– Не оставляй меня. Пусть дворецкий позвонит.

Навина кивнула и, отдав приказание дворецкому, осталась ждать у открытой двери. Гвен про себя молилась, но ей было слышно, что на звонок никто не ответил – доктора не было дома. Сердце ее заколотилось.

Они обе молчали.

Навина смотрела в пол, и Гвен, чувствуя нарастающую панику, боролась с нервозностью. Вдруг что-нибудь пойдет не так? Что они будут делать? Она закрыла глаза и усилием воли успокоила сердце. Когда его удары стали реже, Гвен взглянула на Навину:

– Ты была с Кэролайн, когда она рожала?

– Да, леди.

– И Лоуренс?

– В доме тоже был.

– У нее были трудные роды?

– Нормальные. Как у вас.

– Разве это нормально?! – При следующем жгучем приступе схваток Гвен подавила всхлип. – Почему никто не предупредил меня, что будет так больно?

Навина, издавая какие-то утешительные звуки, помогла ей встать и принесла скамеечку, чтобы использовать ее как ступеньку. Гвен вся стала липкой от пота, но боль утихла, и это дало Навине время уложить хозяйку в постель. Немного поерзав, Гвен тихо лежала под одеялом с дынным запахом; роды, казалось, замедлились. Схватки стали не такими болезненными и происходили реже, следующие несколько часов прошли относительно спокойно. Гвен даже начала надеяться, что, вероятно, справится.

Навина стала для нее не просто служанкой: она теперь была ей не то подругой, не то матерью. Странные сложились между ними отношения, но Гвен была благодарна старой *айе*. Она ненадолго погрузилась в не слишком приятное забытие, в котором ей на ум приходили смутные воспоминания о матери и мысли о том, как та рожала.

Потом новая мучительная боль разломилась надвое. Гвен перекадилась на бок и поджала колени. Боль вгрызалась в нее, тянула, ощущение было такое, будто от нее отрывают куски плоти.

– Я хочу еще раз перевернуться. Помоги мне!

Навина помогла ей встать на четвереньки на кровати.

– Не тужьтесь, дышите, когда приходит боль. Это пройдет, леди.

Гвен разомкнула губы и стала часто и неглубоко дышать, но потом схватки участились. Она сгибалась, когда они острым ножом врезались ей в живот, и, услышав крик, который как будто раздавался не из ее рта, а откуда-то снаружи, подумала, что, наверное, на свет хотят явиться не два маленьких ребенка, а что-то гораздо большее. Зачем женщины навлекают на себя такие муки? Гвен решила бороться с болью, вспоминая детские сказки, и сморщила лицо от натуги, силясь припомнить что-нибудь – что угодно, лишь бы отвлечься от происходившего внутри ее ада. При каждом приступе схваток она

закусывала губу, пока не почувствовала вкус крови. «Все это связано с кровью, – думала она, – с густой красной кровью». Обливаясь потом, отчего уже и без того влажная простыня становилась еще более мокрой, Гвен пыталась не кричать, а перерывы между схватками все укорачивались.

Еще один мучительный приступ боли, и Гвен начала отчаиваться. Она стучала кулаками по матрасу, переворачивалась с боку на бок и звала мать, абсолютно уверенная, что ей не выжить.

– Господи Иисусе! – просипела она сквозь сжатые зубы. – Помоги мне!

Навина не отходила от хозяйки и держала ее за руку, все время подбадривая.

У Гвен не осталось сил говорить, она медленно выдохнула и перевернулась на спину, распрямила на мгновение свои бледные ноги, потом, согнув колени, подтянула пятки к ягодицам. Приподняв голову, чтобы посмотреть себе между ног, она почувствовала, что в ней как будто что-то расцепилось, и раздвинула колени. Остатки стыдливости совершенно покинули ее.

– Вдохните глубоко, когда я начну считать, леди, задержите дыхание и тужьтесь. На счет «десять» снова вдохните, задержите дыхание и тужьтесь.

– Где доктор? Мне нужен доктор!

Навина покачала головой.

Гвен, лежа с закрытыми глазами и разметавшимися по подушке волосами, вдохнула, потужилась и ощутила жжение в заднем проходе. Появился запах фекалий, и она, слишком истерзанная, чтобы переживать из-за этого, подумала, что все кончилось, но потом, еще раз изо всех сил потужившись, почувствовала раздирающую боль в промежности. Она собралась уже снова начать тужиться, но Навина тронула ее запястье:

– Нет, леди, не тужьтесь. Дайте ребенку выскользнуть.

Несколько мгновений ничего не происходило, затем возникло скользкое ощущение между ног. Навина нагнулась, чтобы перерезать пуповину, а потом взяла на руки ребенка. Она обтерла его и улыбнулась, глаза ее были полны слез.

– О, моя госпожа, у вас прекрасный мальчик, вот что.

– Мальчик.

– Да, леди.

Гвен вытянула руки и уставилась на помятое, сморщенное личико своего первенца. Настал момент глубокого умиротворения, такого сильного, что она почти забыла все, что ей пришлось перенести. Ручка малыша сжималась и разжималась, будто он пытался ощупать пальчиками мир, в котором оказался. Он был прекрасен, и Гвен, чувствуя себя первой в мире женщиной, которая произвела на свет ребенка, заплакала от гордости.

– Привет, малыш, – проговорила она в промежутках между всхлипами.

Вдруг комнату огласил крик младенца.

Гвен посмотрела на Навину:

– Жуть! Он, похоже, страшно зол.

– Это добрый знак. Здоровые легкие. Хороший, сильный мальчик.

Гвен улыбнулась:

– Я так устала.

– Вам нужно отдохнуть. Скоро появится второй.

Навина запеленала малыша, надела ему на головку чепчик и покачала на руках, после чего положила в кроватку, где он время от времени попискивал.

Вскоре после того, как Навина обмыла свою хозяйку, вышел послед. Минуло еще полтора часа, и ранним утром Гвен родила второго ребенка. Силы оставили ее, единственной мыслью было: слава богу, все кончилось! Она приподнялась, сиюсь посмотреть на второго малыша, но не смогла удержаться на локтях и упала обратно на подушку, откуда смотрела, как Навина заворачивает младенца в одеяльце.

– Кто там? Мальчик или девочка? – (Секунды шли. Мир завис в шатком равновесии.) – Ну?

– Это девочка, леди.

– Как хорошо, мальчик и девочка.

Гвен снова попыталась подняться и посмотреть, но, совершив это невероятное усилие, успела только мельком увидеть спеленутого ребенка на руках у молча выходящей из комнаты Навины. Гвен задержала дыхание и прислушалась. Из детской доносился тихий-тихий плач. Очень слабый. Совсем слабый. Воздух вдруг сгустился, так что Гвен стало трудно дышать. Она не видела толком свою дочь и

не была уверена, но малышка как будто была какого-то странного цвета.

Испугавшись, что пуповина задушила ее крошку, Гвен попыталась позвать Навину, но вместо голоса изо рта раздался какой-то скрип. Она попробовала снова, потом свесила ноги с кровати и попыталась встать, но, ощутив прилив жара, упала обратно на постель. Она взглянула на своего сына. Хью – так они решили назвать его. Их маленькое чудо. Он перестал плакать в тот момент, когда родилась его сестра-близняшка, и теперь крепко спал. Гвен лежала на кровати, все мышцы у нее болели. Она закрыла глаза, а когда открыла их, в ее поле зрения попала Навина, сидевшая на стуле рядом с постелью.

– Я принесла чай для вас, леди.

Гвен села и вытерла со лба капли пота.

– Где близняшка? – Навина опустила глаза, но Гвен, протянув руку, схватила ее за рукав. – Где моя дочь? – (Сингалка открыла рот, будто хотела заговорить, но не произнесла ни звука. Лицо ее было спокойно, волнение выдавали лишь сложенные на коленях узловатые руки.) – Что ты с ней сделала? С ней все в порядке? – (Ответа не было.) – Навина, принеси ребенка, сейчас же! Ты меня слышишь? – Голос Гвен от страха перешел в визг; служанка покачала головой, и Гвен глотнула воздуха. – Она умерла?

– Нет.

– Я не понимаю. Мне нужно увидеть ее. Сейчас. Принеси ее! Я приказываю тебе: принеси мне дочь или ты немедленно покинешь этот дом!

Навина медленно поднялась на ноги:

– Хорошо, леди.

Мир воображаемых страхов разросся до гигантских размеров, и Гвен почувствовала, будто ее грудь перехватило железной скобой. Что случилось с девочкой? Может, у нее какое-нибудь страшное уродство? Или отвратительная болезнь? Гвен хотелось видеть Лоуренса. Почему его нет?

Прошло несколько минут, и в комнату вошла Навина с завернутым в одеяло ребенком на руках. Гвен услышала тихий плач и протянула руки. *Айя* положила в них младенца, отошла и опустила глаза в пол. Гвен набрала в грудь воздуха и размотала теплое одеяло. На девочке был один только подгузник из махровой ткани.

Малышка открыла глаза. Гвен задержала дыхание, осматривая ребенка. Крошечные пальчики, круглый животик, темные-претемные глаза и блестящая, будто отполированная, кожа. Онемев от изумления, Гвен взглянула на Навину:

– Этот ребенок прекрасен. – (Сингалка кивнула.) – Совершенен. – (*Айя* склонила голову.) – Но это не белый ребенок.

– Нет, леди.

Гвен сердито взглянула на служанку:

– Что это за фокусы? Где моя дочь?

– Вот она, ваша дочь.

– Не думаешь ли ты, что я не заметила, как ты подменила моего ребенка этим?

Гвен заплакала, и ее слезы упали на лицо младенца.

– Это ваша дочь, – повторила Навина.

В состоянии полнейшего потрясения Гвен закрыла глаза и крепко зажмурилась, чтобы не видеть ребенка, потом протянула его служанке. Невозможно, чтобы такое темное дитя вышло на свет из нее. Невозможно! Навина стояла у кровати и раскачивалась взад-вперед, баюкая младенца. Гвен обхватила себя руками и, поводя головой из стороны в сторону, застонала. Ошеломленная стыдом и смятением, она не смела встретиться глазами с *айей*.

– Леди...

Гвен повесила голову. Обе женщины молчали. Все это было совершенно непостижимо. Гвен пустым взглядом рассматривала линии на своих ладонях, потом перевернула руки, провела пальцем по обручальному кольцу. Прошло несколько минут, сердце у нее подскакивало и колотилось. Наконец она подняла глаза на Навину и, не увидев в ее глазах осуждения, набралась храбрости и заговорила:

– Как она может быть моей? Как? – Гвен утерла слезы тыльной стороной ладони. – Я не понимаю. Навина, скажи мне, что случилось. Я схожу с ума?

Навина покачала головой:

– Всякие вещи случаются. Воля богов.

– Какие вещи? Что случается?

Старая сингалка пожала плечами. Гвен старалась сдержать плач, унять дрожь подбородка – все напрасно. Лицо ее сморщилось, и слезы

рекой потекли на одеяло. Почему это произошло? Как могло такое произойти?

До сих пор Гвен не вполне ясно осознавала случившееся. Теперь до нее дошло. Что сказать Лоуренсу? Она напряглась и подумала об этом, но, измученная родами и поглощенная страхом, поняла, что не в силах найти ответ. Как поступить? Гвен высморкалась и снова утерла глаза, в голове у нее возник образ маленькой девочки, глядящей на нее темными глазами. Может, что-то не так с кровью малышки и причина в этом? Или у Лоуренса были какие-нибудь испанские предки? Мысли роились у нее в голове. Воздух. Вот что ей нужно. Ночной ветерок. Тогда она соберется с мыслями.

– Навина, можешь открыть окно?

Сингалка, держа на одной руке младенца, подошла к окну и отодвинула щеколду. В комнату потек прохладный воздух, напоенный запахами растений.

«Что же делать? – думала Гвен. – Сказать, что я родила только одного ребенка или что второй умер? Но нет, тогда им понадобится тело». Гвен посмотрела на Навину, сидевшую у окна с малышкой на руках, и ей захотелось оказаться где-нибудь подальше от этой страны, где у белой женщины без всяких причин может родиться темнокожий ребенок. Вообще без причин. Воздух застыл, и на мгновение перед глазами Гвен всплыло лицо Сави Равасингхе. Нет! О боже! Нет! Только не это. Это невозможно. Гвен, задохнувшись от ужаса, согнулась пополам.

Утомленная родами, она была не в состоянии рассуждать здраво. Неужели она могла не заметить, что мужчина воспользовался ее слабостью? А потом другая мысль едва не повергла ее в пропасть. А как же Хью? Боже милостивый! Это все просто невероятно. Если эта малышка может быть ребенком Сави – жуткая, жуткая мысль! – то как же Хью? Возможно ли, что у ее детей два разных отца? Гвен никогда не слышала о таких вещах. Может ли такое быть? Неужели да?

Она снова посмотрела на Навину и с тяжелым сердцем отметила про себя, что луна, проглядывавшая между облаками, стоит высоко в бледнеющем небе. Почти утро. Что ей делать? Время бежало быстро. Нужно что-то решать, пока слуги не начали ходить по дому. Никто не должен узнать. Ветер, кажется, уже проснулся, а потом послышался звук скрипящих по гравию шин. У Гвен застучало в висках.

Они с Навиной замерли.

Старая *айя* опомнилась первой и встала.

– Это сестра хозяина, – сказала она и накрыла крошечную головку ребенка краем одеяла.

– О боже! Верити, – выдохнула Гвен. – Помоги мне, Навина.

– Я прятать дитю.

– Быстро, быстро.

– В детской?

– Я не знаю. Да. В детской. – Гвен кивнула и уставилась в пространство перед собой в абсолютной панике.

Навина торопливо вышла. Верити, судя по доносившимся звукам, уже шагала по коридору. Не прошло и минуты, как раздался стук в дверь. Гвен дышала очень часто, разум ее пребывал в таком смятении, что она не могла придумать ни одной подходящей к случаю фразы. Когда Верити влетела в комнату, покрасневшая и сияющая, Гвен была уверена, что выдаст себя.

– Дорогая, прости меня. Ты в порядке? Можно мне посмотреть на них? – Гвен кивнула в сторону кровати Хью. – А где второй?

Губы у Гвен дрогнули, подбородок задрожал, но она сделала вдох и на миг застыла, прежде чем заговорить.

– Доктор Партридж ошибся. Родился только один. Мальчик.

Верити подошла и склонилась над кроватью:

– Какой красавчик! Можно мне подержать его?

Гвен кивнула, но сердце у нее так сильно билось, что она натянула одеяло до подбородка, пряча грудь.

– Если хочешь. Только, пожалуйста, не буди его, он только что уснул.

Верити взяла на руки Хью:

– Ой, но какой же он крошечный.

У Гвен перехватило горло. Ей удалось сымпровизировать ответ, но голос прозвучал едва слышно.

– Наверное, во мне было много воды.

– Конечно. Доктор уже осмотрел тебя? – спросила Верити, кладя малыша в кровать. – Ты выглядишь ужасно бледной.

– Он придет, когда сможет. Ночью он, очевидно, был на другом вызове. – Гвен ощутила жжение в глазах и ничего больше не сказала. Чем меньше слов, тем лучше.

– О, дорогая, это было совершенно ужасно?

– Да, совершенно.

Верити подвинула стул и села рядом с кроватью:

– Ты очень смелая, раз сделала все сама.

– Со мной была Навина.

Гвен на мгновение прикрыла глаза, надеясь, что ее золовка поймет намек. Она остро сознавала, что Навина в спешке не закрыла дверь в ванную, и хотя дверь из ванной в детскую наверняка была заперта, лучше бы Верити ушла, пока девочка не проснулась.

– Рассказать тебе о вечеринке?

– Ну, вообще-то... – начала Гвен.

– Все было восхитительно, – продолжила Верити, не обратив внимания на ее попытку закончить разговор. – Я так много танцевала, что натерла мозоли, и ты не поверишь, но Сави Равасингхе тоже был там, танцевал всю ночь с этой Кристиной. Он спрашивал о тебе.

Смутившись тем, какой оборот принял разговор, Гвен подняла руку, чтобы отослать прочь разболтавшуюся золовку:

– Верити, если ты не возражаешь, мне нужно отдохнуть до прихода врача.

– О, конечно, дорогая. Какая же я глупая, мелю языком, когда ты, наверное, совершенно измотана. – Верити встала и сделала несколько шагов к кровати. – Он все еще спит. Не могу дождаться, когда он проснется.

Гвен заерзала на постели:

– Ждать недолго. А теперь, если не возражаешь...

– Тебе нужно отдохнуть, я понимаю. Я планировала сегодня повидаться с Пру в Хаттоне, если ты не против. Но останусь, если нужна тебе...

«Вот тебе и помощь», – подумала Гвен, но промолчала, хотя искренне обрадовалась, что Верити снова уедет.

– Поезжай, – сказала она. – Со мной все в порядке.

Верити направилась к двери. Послышалось тихое хныканье младенца и тут же смолкло. Девушка повернулась с улыбкой. Гвен обмерла.

– О, хорошо, он проснулся, – сказала Верити и вернулась к кровати, но, увидев Хью, нахмурилась. – Это странно, он все еще спит.

Наступила тишина, и хотя она длилась всего мгновение, для Гвен оно было так нагружено тревожным ожиданием, что показалось целой вечностью. Она закрыла глаза, желая одного: чтобы ее дочь не заплакала снова, и почувствовала, что вся горит. «Прошу тебя, Господи, пусть она не издаст больше ни звука, пока Верити смотрит на Хью!»

– Иногда младенцы плачут во сне, – наконец проговорила Гвен. – А ты поезжай в Хаттон. У меня есть Навина.

– Хорошо, если ты уверена.

Наконец Верити закрыла за собой дверь. Гвен села и обхватила руками колени. Ее как будто вырвали с корнем из земли, и она ощущала себя невесомой – порыв ветра мог поднять ее с постели и унести прочь. Она позвонила в колокольчик, вызывая Навину.

Айя вошла, села на постель рядом с хозяйкой и взяла ее за руку.

– Навина, что мне делать? – прошептала Гвен. – Скажи, что мне делать? – (Старая женщина смотрела в пол и молчала.) – Помоги мне. Прошу тебя, помоги. Я уже сказала Верити, что родился только один ребенок.

– Леди, я не знаю.

Гвен снова залилась слезами:

– Должен быть какой-то выход. Должен быть!

Навина мгновение колебалась, потом вздохнула:

– Я найду женщину в деревне смотреть за дитёй. – (Гвен в недоумении уставилась на нее. Она предлагала ей отдать ребенка чужой женщине? Ее собственного ребенка?) – Это один выход.

– О, Навина, неужели я могу отдать ее вот так?

Сингалка протянула ей руку:

– Вы должны доверять мне, леди.

Гвен покачала головой:

– Я не могу так поступить.

– Леди, вы должны.

Гвен уныло повесила голову, потом подняла взгляд и заговорила дрожащим голосом:

– Нет. Должен быть другой выход.

– Еще только один, леди.

– Какой?

Навина взяла в руки подушку.

Гвен ахнула:

– Задушить ее?

Старуха кивнула.

– Нет! Только не это. Ни в коем случае!

– Люди так делают, леди, но это нехорошо.

– Да, нехорошо, это просто ужасно, – подтвердила Гвен и, стыдясь, что они заговорили о таких вещах, закрыла лицо ладонями.

– Я думаю, леди. Пойти в дальнюю долину с дитём. Вы платите немного денег?

Мгновение Гвен молчала, глядя прямо перед собой помутившимися от слез глазами. Она задрожала. Правда состояла в том, что она не могла оставить у себя этого младенца. Если оставит, ее могут выгнать из дому с ребенком, который явно был не от мужа. И она, вероятно, никогда больше не увидит своего мальчика. Куда она пойдет? Даже родителям, наверное, придется отвернуться от нее. Без денег, без дома, для девочки такая жизнь будет куда хуже, чем в деревне. По крайней мере, она будет недалеко, и, может быть, в один прекрасный день... Гвен застыла. Нет. Правда состояла в том, что этот день никогда не наступит. Если она сейчас отошлет прочь своего ребенка, то не увидит его больше никогда.

Она посмотрела на Навину и прошептала:

– Что я скажу Лоуренсу?

– Ничего, леди. Я прошу вас. Как его сестре, мы скажем, родилось только одно дитё.

Гвен кивнула. Навина права, но как сказать такую страшную ложь мужу, содрогаясь от ужаса, подумала несчастная женщина. Верити – это одно, с Лоуренсом будет гораздо сложнее.

Глаза Навины наполнились слезами.

– Так лучше. Хозяина станут презирать, если вы ее оставите.

– Но, Навина, как такое могло случиться?

Старуха покачала головой, глаза ее были полны глубокой боли.

Айя даже не пыталась скрыть свое горе, и от этого Гвен стало еще хуже. Она закрыла глаза и сразу увидела одно: свои французские трусики, лежащие на полу номера в отеле. Она заставила себя вернуться мыслями к тому вечеру, когда был бал, попыталась вспомнить каждую деталь, дошла до момента, когда Сави гладил ее по виску, потом... ничего. Застряв на промежутке времени, которого она

не могла заполнить воспоминаниями, Гвен почувствовала, что над ней совершили насилие. Что он сделал?! Что она позволила ему сделать? В памяти у Гвен запечатлелось только, как она очнулась полуодетая, когда вошла Фрэн. И снова она подивилась: возможно ли, чтобы у близнецов было два отца? Мысль о том, что это невероятно, лишь усилила ощущение испытанного насилия, и у Гвен дико заколотилось сердце. Хью должен быть сыном Лоуренса. Должен.

– Леди, не расстраивайтесь. – Навина взяла руку Гвен и погладила ее. – Вы хотите назвать дитё?

– Я не знаю, какое имя подойдет ребенку, который...

– Лиони – очень хорошее имя.

– Пусть так. – Гвен помолчала. – Но я должна увидеть ее еще раз.

– Нехорошо, леди. Лучше пусть уйдет сейчас. Не грустите, леди.

Это ее судьба.

Глаза Гвен защипало от слез.

– Я не могу отослать ее прочь, не увидев еще раз. Пожалуйста. Может, запрем дверь в коридор? Я должна ее увидеть.

– Леди...

– Принеси ее, чтобы я могла, по крайней мере, приложить ее к груди хотя бы раз, прошу тебя, прежде чем ее возьмет к себе кормилица из деревни в долине.

Со вздохом, выразившим, как она устала, Навина поднялась на ноги:

– Сперва мы подождем, пока сестра хозяина не уедет.

Они молча ждали. Наконец машина Верити отъехала от дома, Навина закрыла ставни в спальне и принесла девочку.

На ней не было синяков, личико совсем не красное, как у Хью. Прекрасный ребенок цвета кофе с молоком.

– Она такая маленькая, – прошептала Гвен и погладила гладкую как шелк щечку девочки.

Малышка присосалась к материнской груди, как только Навина ее приложила. Ощущение было довольно странное, к тому же поражала темнота кожи младенца на фоне белой груди. Гвен задрожала, отцепила младенца от соска, и глаза девочки широко раскрылись; она возмущенно крикнула и стала сосать воздух. Гвен отвернулась к стене:

– Забери ее. Я не могу.

И хотя голос Гвен прозвучал резко, острая боль от сознания того, что она отвергает собственную плоть и кровь, была хуже боли, испытанной во время родов. Навина взяла ребенка:

– Два дня меня не будет.

– Приходи ко мне сразу, как только вернешься. Ты уверена, что найдешь кого-нибудь?

– Я надеюсь, – пожала плечами Навина.

Гвен посмотрела на Хью, ей отчаянно хотелось крепко прижать его к себе от страха, что и сына у нее тоже заберут.

– За ней последят как надо?

– Она будет расти хорошо. Я зажгу свечу, леди? Это дает покой. Поможет вам отдохнуть. Вот вода. Я принесу горячий чай и уйду. Чтобы успокоить сердце, леди.

В голове у Гвен носились неумные мысли. Она протянула дрожащую руку за стаканом воды. Есть ли кто-нибудь, кто мог бы заступиться за нее? Но был и другой вопрос: почему у ее ребенка такой цвет кожи? Поиск ответа на него требовал времени, которого у нее нет. Она только что произвела на свет младенца, который явно был не от ее мужа, и, если она заговорит о той ночи после бала, никто не поверит, что она не вступила в интимную связь с Сави по своей воле. Она позволила ему войти в свою комнату, разве нет? Лоуренс откажется от нее, и Верити получит брата в свое полное и безраздельное владение. Проще некуда. А если она начнет задавать кому-нибудь вопросы, то будет вынуждена признаться в рождении Лиони. А она этого не сделает. Никогда.

Сперва Гвен шокировал цвет кожи младенца, но сердце ее замерло оттого, что на самом деле означал этот цвет. Она чувствовала себя потерянной. Забытой Богом. Рука у нее так дрожала, что вода выплеснулась из стакана, намочила ночную рубашку и потекла по груди. Казалось, никогда больше ей не обрести мира в душе и не спать спокойно, раз она согласилась на такой ужасный поступок. И чувство вины наверняка не позволит вернуть то счастье, которое она обрела с Лоуренсом. Темные глаза дочери то и дело всплывали перед ее мысленным взором – невинное дитя, нуждавшееся в матери, – и на мгновение жажда держать на руках и баюкать обоих своих детей стала сильнее желания сохранить в неприкосновенности брак. Она взяла из кровати Хью и покачала его, потом снова залилась слезами и плакала

без остановки. Но, вспомнив доверчивую улыбку Лоуренса и его крепкие руки, обнимавшие ее, Гвен поняла, что не может оставить при себе свою малышку. Тоска въедалась в сердце от сознания того, что у них с дочерью не будет общих воспоминаний. Но хуже, гораздо хуже то, что это бедное дитя, ни в чем не повинное, будет жить без отца и без матери.

Глава 11

Они прождали почти до сумерек. Верити еще не вернулась из Хаттона. Гвен следила за тем, как Навина завернула ребенка и положила его в старую корзину для сбора чая. Она залезла в повозку, запряженную волом, и поставила позади себя корзину, но только собралась тронуться, как из темноты вышел Макгрегор. Гвен спряталась в тени крыльца и, затаив дыхание, слушала, как Навина объясняет ему, что едет навестить свою заболевшую подругу в одну из сингальских деревень.

– Повозка не предназначена для твоих личных целей, – проворчал Макгрегор.

Гвен сжала зубы.

– Всего один раз, сэр.

Хоть бы он ее отпустил!

– Хозяин дал тебе разрешение?

– Хозяйка дала.

– Что у тебя в корзине?

Гвен охватила паника, она перестала дышать.

– Только старое одеяло. Хозяйка дала.

Макгрегор обошел повозку с другой стороны. Теперь Гвен не слышала, что он говорит. Сунь он сейчас нос в корзину, для нее это – смерть. Они обменялись еще несколькими короткими фразами, а Гвен молилась: пусть я лишусь всего, что мне дорого, лишь бы он отстал от Навины. Она не разбирала их слов, не слышала даже, говорят ли они вообще, и в темноте не могла увидеть, заглядывает ли Макгрегор в корзину.

Гвен переполнило чувство стыда за свою глупость в день бала, и она уже готова была выйти из укрытия и во всем признаться. Если бы она не приревновала Лоуренса к Кристине, то никогда не приняла бы помощь Сави Равасингхе, но винить ей некого, кроме самой себя. Стоит ей заговорить сейчас – и все закончится... Но потом, услышав звук шагов и скрип колес отъезжающей повозки, Гвен бесшумно проскользнула в дом, голова у нее кружилась от облегчения.

Бедная Навина не хотела ехать в темноте, но держать малышку дома было слишком опасно – она в любой момент могла раскричаться.

Оставшись одна, Гвен очень хотела уснуть, но каждую минуту проверяла, на месте ли Хью. Примерно через час она услышала, что к дому подъехала машина Лоуренса. Гвен расчесала пальцами всклокоченные волосы и скрылась в ванной, заперев за собой дверь. Прижала кулаки к голове и мечтала только об одном – провалиться сквозь землю. Однако было ясно, что это невозможно. Тогда она сполоснула лицо и завязала в узел волосы, потом села на край ванны и стала ждать, когда у нее перестанут трястись руки. Услышав, что Лоуренс заглянул в спальню, она прицепила на лицо улыбку, собралась с духом и вышла к мужу.

Лоуренс стоял у кровати и изумленно смотрел – в первый раз – на своего сына. Гвен наблюдала за ним, пока он не замечал ее присутствия, любовалась его широкими плечами и вихрами волос над лбом. Потрясенная счастливым видом мужа, она поняла, что не решится заново открыть черную дыру в его сердце. И дело было не только в желании оградить его от тяжелых переживаний – эгоистические соображения у Гвен тоже имелись, ради них обоих она должна довести начатое до конца.

Гвен шагнула вперед, и Лоуренс обернулся на звук. Она сразу заметила, что, помимо радостного изумления, в его сияющем взоре ясно читается облегчение. Непередаваемое облегчение. Они смотрели друг на друга, и глаза Лоуренса сверкали, но потом он слегка сморщился, будто подавляя слезы.

– Он похож на тебя, правда? – сказала Гвен.

– Он прекрасен. – Лоуренс смотрел на нее в восхищении. – Ты такая храбрая. Но где же близнец?

Гвен замерла, не способная ни думать, ни чувствовать, ей вдруг показалось, что между ними никогда ничего не было. Он был незнакомцем. Ей хотелось кинуться прочь, бежать отсюда, но вместо этого она огромным усилием воли заставила себя подойти к мужу, не выдав при этом своей печали.

– Родился только один ребенок. Прости.

– Дорогая моя девочка, тебе не за что извиняться. Я и так люблю тебя безумно, но это... это для меня невероятно важно. – Гвен заставила себя улыбнуться. Лоуренс протянул к ней руки. – Иди сюда. Дай мне тебя обнять.

Он прижал ее к себе, и Гвен, опустив голову на грудь мужа, почувствовала, как сильно бьется его сердце.

– Гвен... Прости меня, я от тебя отдалился. Прости.

Она подняла голову и поцеловала его, разрываясь между противоречивыми чувствами. Ей до боли хотелось поделиться с ним этим ужасным происшествием, открыть правду и задушить в зародыше ложь, которая испортит им всю жизнь, но широкая улыбка, расползавшаяся по лицу Лоуренса, остановила ее. Много недель отчуждения, и вот он снова с ней, не только физически, но и эмоционально. Гвен удалось сдержаться, и она не противилась объятиям мужа, но при этом понимала: никогда уже их отношения не будут прежними. Что-то уплывало от нее – покой? безопасность? – она сама не знала, что именно, но чувствовала себя потрясенной и ужасно одинокой. Она слышала резкие крики летавших над озером птиц и ощущала щекой биение сердца Лоуренса. Гвен была опустошена, и даже теплая улыбка мужа не могла унять сокрушительную боль, которую она чувствовала.

После того как доктор побывал у них и осмотрел Гвен, она придумала массу объяснений, почему Лоуренс должен оставить ее в покое, но правда состояла в том, что только в его отсутствие она могла предаваться своему горю. Одна и та же мысль крутилась у нее в голове: могут ли двое мужчин стать отцами близнецов? Она размышляла, как бы ей обзавестись близкой подругой, потому что из-за беременности не успела найти себе приятельниц. Начни она сейчас заниматься этим, Лоуренс что-нибудь заподозрит. Большую часть времени они прожили уединенно, а если и выбирались куда-то – на губернаторский бал или на бал, устроенный гольф-клубом, – то всегда вместе. Кому она может довериться? Только не родителям. Они придут в ужас. Фрэн? Вероятно, она могла бы поговорить с сестрой, но когда еще они увидятся. Тот факт, что ей не удавалось вспомнить, занимался ли с ней любовью мистер Равасингхе, не помогал делу. Он вроде бы был так заботлив. Гладил ее по лбу. Остался с ней, когда ее тошнило. Но что еще? Неизвестность сводила ее с ума.

Лоуренс был дома уже три дня, а Навина так и не вернулась из деревни. Гвен не смела даже думать о том, что случится, если сингалка не найдет девочке приемную мать. Тревога возрастала, и ее стали

преследовать темные глаза малышки. Она была все время настороже, вздрагивала от резких звуков и испытывала тошноту от постоянной боязни, что Лоуренс как-нибудь узнает правду.

Он на цыпочках вошел в комнату Гвен, когда та как раз заканчивала ночное кормление.

– Почему ты всегда подкрадываешься ко мне? – проворчала она. – Ты меня пугаешь.

– Дорогая, ты выглядишь усталой, – сказал Лоуренс, не обращая внимания на ее ворчливость.

Гвен вздохнула и убрала с лица кудрявую прядь волос.

У нее появилось молоко, и Хью оказался прожорливым сосунком, но засыпал прямо у ее груди. Лоуренс поправил подушки Гвен, потом сел на край постели и повернулся к жене. Она облизнула нижнюю губу, покрутила головой, чтобы снять напряжение в шее от долгого кормления.

Лоуренс взял ее руку:

– Гвен, тебе удастся хотя бы немного поспать? Ты такая бледная.

– Вообще-то, нет. Я так долго засыпаю, что Хью успевает снова проснуться.

– Меня беспокоит, что ты как будто сама не своя.

– Ради бога, Лоуренс, я только что родила ребенка! Чего ты ждал?

– Только того, что ты будешь выглядеть немного более счастливой. Я думал, кормление Хью будет так утомлять тебя, что ты станешь засыпать мигом.

– Ну, я не могу. – Она говорила отрывисто, почти что гавкала на него и устыдилась, заметив печаль на лице мужа. – Малыш тоже мало спит.

Лоуренс нахмурился:

– Я еще раз позову Джона Партриджа.

– Это ни к чему. Я просто устала.

– Тебе станет лучше, если ты выспишься. Может, ограничить время кормления?

– Если ты так считаешь, – сказала Гвен, но не стала добавлять, что обретает внутренний покой только тогда, когда Хью сосет ее грудь.

Что-то первобытное в этом процессе грудного кормления успокаивало ее. Она смотрела на пухлые щечки сына, на его трепещущие ресницы, и ей становилось легче; однако, если он

открывал свои голубые глаза и глядел на нее, она видела темные глаза его сестры. Когда Хью не ел, он плакал. Так много плакал, что Гвен от отчаяния прятала голову под подушку и заливалась слезами.

Муж наклонился поцеловать ее, но она притворилась, что возится с Хью.

– Я лучше положу его в кроватку, а то он того и гляди опять проснется.

Лоуренс встал и сжал плечо Гвен:

– Поспи. Тебе это необходимо. Надеюсь, Навина помогала тебе.

Гвен сжала руку в кулак, так что ногти врезались в ладонь, и не поднимала глаз.

– Она поехала к заболевшей подруге.

– Ты должна быть для нее в приоритете.

– Со мной все в порядке.

– Ну, если так... Спокойной ночи, любовь моя. Надеюсь, утром ты будешь чувствовать себя лучше.

Гвен кивнула. Она не могла сказать ему, что, вероятно, никогда больше не сможет заснуть.

После ухода мужа Гвен сморгнула с глаз злые слезы. Она отнесла малыша в кроватку, а потом стала рассматривать себя в зеркале в ванной. Ночную рубашку пора было сменить, волосы прилипли к шее влажными прядями; кожа на груди была полупрозрачная и, как мрамор, пронизана тонкими синими жилками сосудов, но больше всего ее поразили глаза. Обычно яркие фиалковые, теперь они потемнели и стали почти фиолетовыми.

Вернувшись в комнату, Гвен, ни на что больше не надеясь, понуро опустилась в кресло. Ей хотелось плакать, пришлось побороться с собой. Навина отсутствовала на день дольше, чем они рассчитывали, но наконец Гвен услышала звук подъезжающей повозки, а за ним – голоса. Она ждала без единой мысли в голове.

Через несколько минут в комнату вошла Навина. Гвен села прямее и резко втянула ноздрями воздух.

– Дело сделано, – сказала сингалка.

Гвен выдохнула.

– Спасибо тебе, – проговорила она, едва не всхлипнув от облегчения. – Ты никому не должна говорить об этом. Поняла?

Навина кивнула, потом объяснила: она сказала женщине-сингалке из деревни, которая согласилась взять девочку, что Лиони – сирота, дочка одной ее дальней родственницы, а сама она, Навина, не может взять ее на попечение. Она договорилась, чтобы из деревни присылали сообщения. Раз в месяц, в день, следующий за полнолунием, или накануне приемная мать, не умеющая ни читать, ни писать, будет передавать рисунок углем кули, который приезжает в деревню за молоком и отвозит его на плантацию. Кули будут платить несколько рупий и говорить, что рисунки для Навины. Если рисунок доставят в оговоренное время, значит с ребенком все в порядке.

После ухода Навины у Гвен возникла новая холодящая кровь мысль: а вдруг старуха не сдержала обещания? Что, если она все это придумала?

Обвинительные голоса звучали в ее голове беспрестанно, так что она наконец закрыла уши руками и крикнула, чтобы заглушить их.

Добродетельная англичанка не производит на свет цветных детей.

Гвен раскрыла рот, но сперва из него не раздалось ни звука, а потом, когда утрата малышки-дочери надорвала ей сердце, глухой стон начал подниматься из самой глубины ее нутра. Достигнув горла, он превратился в ужасный звериный рык, который Гвен не могла контролировать. Она отдала в чужие руки свою крошечную новорожденную дочь.

Доктору Партриджу удалось найти время для нового визита только через день, ближе к вечеру. Гвен, сцепив руки, посмотрела в окно – тени в саду быстро удлиннились. Она окинула взглядом свою спальню и провела ладонью по подсушенным полотенцем волосам. Навина оставила окно открытым и принесла большую вазу с дикими пионами, так что в комнате по крайней мере было свежо.

Одетая в чистую ночную рубашку, Гвен сидела в постели и ждала врача. Она мяла руки, изучала свои ногти, не видя их, машинально сгибала и разгибала пальцы. Наконец велела себе успокоиться, пощипала щеки, чтобы вернуть им румянец, и пробормотала под нос слова, которые нужно сказать. От нервозности ее подташнивало, только бы не забыть нужные слова... Она услышала скрип шин и затаила дыхание.

Из окна донесся голос Лоуренса. Гвен пришлось напрячь слух, хотя ее супруг никогда не отличался слабостью голоса. Ей показалось, будто он сказал что-то о Кэролайн. Доктор ответил ему гораздо тише.

– Но черт возьми, приятель! – произнес Лоуренс громче прежнего. – Гвен сама не своя. Нужно было тебе сразу приехать сюда. Я вижу, что-то не так. Неужели ты ничего не можешь сделать?

Снова невнятный ответ доктора.

– Боже милостивый! – воскликнул Лоуренс и продолжил, понизив голос: – Вдруг случится то же самое? И я не смогу ей помочь?

– Деторождение плохо сказывается на некоторых женщинах. Одни приходят в себя. Другие нет.

Гвен не могла точно разобрать слов, но Лоуренс снова упомянул Кэролайн. Она чувствовала себя ребенком, который подслушивает разговор родителей.

– Сколько времени она такая? – спросил доктор, после чего мужчины удалились от дома.

Лоуренс повел Партриджа к озеру, чтобы слуги не слышали их разговора. Он уже знает! В горле у Гвен пересохло. Она приказала себе впредь не допускать таких мыслей, хотя каждый мускул в ее теле пульсировал от напряженного ожидания. В панике она окинула взглядом комнату – куда бы спрятаться? – а сама машинально съехала на постели вниз и натянула одеяло до подбородка. Хлопнула дверь, раздались шаги в коридоре. Доктор сейчас войдет. Вот сейчас.

Дверь открылась. Первым появился Лоуренс, за ним – врач, приблизился к постели с протянутой рукой. Когда Гвен взяла ее и ощутила тепло ладони, у нее защипало глаза от слез. Он такой добрый, ей хотелось все ему рассказать, просто выложить все начистоту и покончить с этим.

– Ну, как вы сегодня? – спросил Партридж.

Гвен сжала зубы, глянула ему в лицо, подавляя страх, – вдруг доктор учует ее чувство вины? – потом сглотнула и ответила:

– Хорошо.

– Могу я еще раз осмотреть ребенка?

– Конечно.

Лоуренс подошел к кровати и взял на руки спящего сына. Сердце Гвен сжалось – он сделал это с таким благоговением.

– Парень хоть куда. Ест без остановки.

Гвен приняла замечание Лоуренса за критику.

– Он голоден, Лоуренс, и это его успокаивает. Ты разве не слышал, как он плачет?

Доктор сел на стул рядом с постелью Гвен и, взяв младенца на руки, осмотрел его:

– Немножко маловат, но, кажется, набирает вес с каждым днем.

– Он родился раньше срока, – сказал Лоуренс.

– Да, разумеется. И все же я удивлен, что это были не близнецы. Вероятно, задержка жидкости. – (Гвен судорожно вздохнула.) – Извините, что я не смог быть с вами, хотя вы и сами прекрасно справились.

– Честно признаться, я почти ничего не помню.

– Так говорят многие матери, – кивнул доктор. – Хорошо, что память избирательна.

– Это точно.

Лоуренс, стоявший у изножья кровати, заговорил:

– На самом деле, Джон, я беспокоюсь о Гвен. Она почти не спит, и ты сам видишь, какая она бледная.

– Да. Бледная.

– Ну так что? Что ты собираешься предпринять?

– Лоуренс, не волнуйся.

– Не волнуйся? – Он сжал пальцы в кулак и ударил им по ладони другой руки. – Как ты можешь такое говорить!

– Я дам ей хорошее тонизирующее средство, но, боюсь, снотворное может повредить ребенку. Считается, что оно может проникать в материнское молоко. Пусть пройдет еще недели две, и если ситуация не улучшится, тогда посмотрим. Может быть, наймете кормилицу.

Лоуренс надул щеки и выпустил воздух:

– Если это все, что ты можешь предложить, остановимся пока на этом. Но черт побери, приятель, я хочу, чтобы ты внимательно следил за моей женой!

– Разумеется, Лоуренс. Иначе и быть не может. Гвен в надежных руках, не сомневайся.

– Я оставлю вас на пару минут, – вдруг сказал Лоуренс.

Они с доктором сговорились?

– Что вас беспокоит, Гвен? – спросил Партридж, как только Лоуренс вышел. Он положил Хью в кроватку и озадаченно посмотрел на свою пациентку.

Гвен заглянула в его дружелюбные глаза, и в горле у нее встал ком. Но разве может она рассказать ему про Лиони? И как объяснить, что она постоянно сдерживает слезы и позволяет им пролиться, только когда остается одна или с Хью и от этого живет в страхе, как бы ее сын не впитал в себя ее чувство вины и не рос под этим гнетом.

– Дело лишь в недосыпании? Вы можете рассказать мне. Моя работа – помогать людям. – Он похлопал ее по руке. – Есть что-то еще, верно?

Гвен сглотнула комок.

– Я...

Партридж провел пальцами по своим редющим волосам:

– Вас беспокоит возобновление отношений с Лоуренсом? Я могу с ним поговорить.

Она опустила голову в сильном смущении:

– Нет, ничего такого.

– Вы выглядите несчастной.

– Правда?

– Думаю, вы сами это знаете. Для женщины это нормально – после продолжительных родов чувствовать себя усталой, да к тому же малыш много ест, это неудивительно, но мне кажется... словом, мне кажется, есть что-то еще.

Гвен закусил губу, пытаясь взять под контроль эмоции, и отвела глаза. *Добрпорядочная белая женщина не производит на свет цветного ребенка.* «И не отдает его в чужие руки», – подумала Гвен. Хотя она и пыталась убедить себя, что отдать ребенка лучше, чем задушить, это не избавляло ее от ощущения, что она недостойна даже презрения, и никакие слова не могли вывести ее из этого безотрадного состояния.

– Не хотите рассказать мне?

– О, доктор, если...

Дверь открылась, и вошел Лоуренс:

– Вы закончили?

Партридж посмотрел на Гвен. Она кивнула:

– Да, мы закончили, пока что. Думаю, если твоя супруга заведет расписание кормлений и будет делать простые физические упражнения, это ей поможет. И помните: вы можете звонить мне в любое время, миссис Хупер.

Провожая доктора, Лоуренс оглянулся:

– Тебе не нужна компания? Я уверен, Верити с удовольствием посидит с тобой. Она хочет помогать.

– Нет, Лоуренс, спасибо, – резко ответила Гвен. – Мне и так хорошо.

Он отвернулся с несчастным видом, но у двери вновь оглянулся:

– У нас все хорошо? Я имею в виду тебя и меня.

– Конечно.

Лоуренс кивнул и вышел. Она едва не открылась доктору, в самом деле хотела это сделать и расстроила мужа. Губы у нее задрожали, и она заскулила, ощутив вспышку жгучей боли в виске. Опять голова будет раскалываться. Когда это ощущение достигло высшей точки, Гвен уснула, но спала беспокойно. В комнату начали проникать сероватые лучи зари, и она проснулась, остро ощущая жажду, одиночество и отсутствие Лоуренса.

Гвен представила себе, как держит на руках малютку-дочь, увидела ее лежащей в кроватке рядом с Хью, увидела так ясно, что грань между реальностью и фантазией почти стерлась. Она представила, как малышка сосет ее грудь, реснички трепещут на темных щечках. Образ казался таким живым, что Гвен потянуло сбегать в детскую. Вдруг Лиони все еще там? Сладко спит в кроватке рядом с Хью. Но, войдя туда, Гвен сразу увидела, что в комнате всего один ребенок. Она стояла молча и прислушивалась к дыханию сына – к одному дыханию, когда их должно быть два, – и чувствовала, что ее саму будто разорвали надвое.

Сжав кулаки, Гвен развернулась и выбежала за дверь, сознавая, что ничто и никогда не заполнит эту зияющую пустоту в ее душе. Это ощущение снова подтолкнуло ее к зеркалу: нужно отыскать свое лицо – какое оно? Гвен уставилась на свое отражение и прищурила глаза, силясь вспомнить, что Лоуренс сказал доктору. Слова как будто убегали от нее. Она и сама не знала, что ожидала услышать, но в то же время ей казалось очень важным разобраться в этом. Вдруг обрывки

фраз мужа всплыли в голове и сложились в одну, смысл которой был ясен: «Бог не допустит, чтобы с ней случилось то же, что с Кэролайн».

Да, именно так. А Кэролайн умерла.

После этого Гвен пыталась не думать. Ни о судьбе Кэролайн, ни о своей дочери. Но плакать она не перестала, сидела в темной ванной и лила слезы, которых там никто не видел. Навина принесла ей чай и тосты, но от вида еды Гвен затошнило; она оставила все стынуть на прикроватном столике.

Гвен понимала, что нельзя вечно сидеть в своей комнате и нельзя допустить, чтобы случившееся разрушило ее жизнь и жизнь Лоуренса. Нужно найти в себе внутренние силы, проявить твердость характера, в которой до сих пор у нее не было надобности. Машинально она заставила себя умыться.

Сидя за туалетным столиком, она рассматривала себя в зеркале. Лицо ее изменилось. Другие, может, ничего и не заметят, но Гвен видела разрушения. Сколько времени пройдет, прежде чем на ее лице зримо проявится чувство вины? Пять лет? Десять? Она оглядела ряд стеклянных флаконов с духами. Выбрала свои любимые «Après L'Ondée» и мазнула за ушами. Знакомый аромат наполнил воздух, Гвен взяла щетку для волос с серебряной ручкой и, пока расчесывала волосы, приняла решение. Положив щетку, она отыскала среди своих шелковых шарфов прелестную акварельку, сделанную мистером Равасингхе, – свой портрет.

Взяв коробок спичек, которыми Навина разжигала очаг, Гвен посмотрела в окно. Казалось, на поверхности озера плавают мерцающие монетки из расплавленного золота; дом пробуждался к жизни, утреннее небо становилось ярче, облака пушистее, и на сердце у нее полегчало. Гвен кинула рисунок в корзину для бумаг, чиркнула спичкой и с наслаждением следила за тем, как листок вспыхнул, почернел и рассыпался в прах.

Глава 12

Доктор посоветовал вести активную жизнь, и Гвен, хотя ей больше всего хотелось зарыться под одеяло и не вылезать оттуда ни сегодня, ни завтра, вообще никогда, через несколько дней все-таки заставила себя встать. Она оделась, стараясь ни о чем не думать, после чего попросила Навину присмотреть за Хью и принести его, только когда настанет время кормления. Это будет непросто, так как младенец много плакал, но ради общего блага ей нужно как-то перестроиться. Когда Гвен вышла из комнаты, ее тело наполнилось нервной энергией, она будто очнулась от долгой дремоты, и желание действовать возобладало в ней над угрызениями совести.

Еще раньше она заметила кладовую в задней части дома – прохладную комнату на первом этаже с толстыми стенами и окном, обращенным в тенистую часть сада; кладовая располагалась рядом с кухней, а значит, есть доступ к воде – хорошее место для изготовления сыра. Высоко держа голову, Гвен прошествовала через весь дом и через заднюю дверь вышла во двор. Крошечная лилово-черная нектарница вспорхнула с земли прямо у нее из-под ног, за ней взлетела вторая, и обе взвились в ярко-голубое небо. Был прекрасный солнечный день. Гвен проследила взглядом за полетом птиц и услышала, как распахнулось окно. Верити высунулась наружу и помахала ей рукой:

– Привет! Ты, я вижу, на ногах.

– Да, да. На ногах. – Гвен, прищурившись, посмотрела на свою золовку.

– Собираешься прогуляться? Тогда я с тобой. Мигом спущусь.

– Нет, вообще-то, я собиралась разобрать кладовую.

Верити покачала головой:

– Пусть кто-нибудь из слуг сделает это. Ты только что родила ребенка.

– Почему все обращаются со мной как с больной?

– В таком случае я помогу тебе. Мне сегодня нечем заняться.

Не смутившись таким предложением, Гвен с улыбкой ответила:

– Это совершенно не обязательно.

– Но я хочу. Я сейчас спущусь. Это будет весело. Бог знает, что мы там найдем, запрятанное неизвестно кем и когда. Я с удовольствием помогу.

– Хорошо.

Пересекая двор по пути к кладовой, Гвен бросила взгляд на высокие деревья. Сегодня они выглядели яркими и светлыми, а вовсе не казались мрачным туннелем, по которому она однажды бежала, трепеща от страха. Солнышко пригревало, и Гвен ощутила прилив надежды. Она уже успела попросить ключ у Макгрегора, и хотя тот удивился, что она и вправду решила осуществить свой план по производству сыра, возражать не стал. Даже улыбнулся довольно тепло и пожелал удачи.

– Вот и я, – сказала Верити, подойдя к Гвен сзади.

Висячий замок на двери кладовой распался на части, стоило дернуть за него. Они вместе растворили двери. От влетевшего внутрь потока воздуха взвились вверх и закружились в лучах света мириады пылинок; пахло старыми, забытыми вещами.

– Прежде всего нужно все отсюда вынести, – сказала Гвен, когда пыль мало-помалу осела.

– Думаю, нам все-таки понадобятся мальчишки-слуги, чтобы вытаскивать тяжелые вещи.

Гвен оглядела кладовую:

– Ты права. Там, сзади, есть мебель, которую нам с тобой не сдвинуть с места.

Двое мальчиков вышли из кухни посмотреть, что происходит. Верити поговорила с ними на тамильском, и один сбегал за *анну*. Тот кивнул Гвен, а увидев Верити, заулыбался. Они поболтали, повар, прислонившись к стене, выкурил сигарету.

– Ты, похоже, с ним в хороших отношениях, – заметила Гвен, когда *анну* вернулся на кухню. – Мне он кажется немного резким.

– С мной он мил. Ну еще бы, я обеспечила ему место здесь.

– О?..

– Во всяком случае, он сказал, что кликнет пару мальчиков. Хотя они не обрадуются, ведь им придется запачкать свою белую одежду. Сегодня уборка не предполагалась.

– Знаю, – улыбнулась Гвен. – Это я составила для них расписание. Не забыла?

– Конечно, это сделала ты.

Гвен протиснулась мимо старого комода, который явно видел лучшие времена.

– Эта штука изъедена какими-то древоточцами.

– Наверное, термитами. Его нужно сжечь. Давай устроим костер. Я так люблю костры.

– А садовник здесь? Я что-то совсем потеряла счет времени с ребенком и всем прочим.

– Пойду посмотрю.

Верити ушла, а Гвен, движимая какой-то нервной энергией, стала выносить наружу мелкие вещи: сломанные кухонные стулья, пару разбитых ваз, погнутый зонтик, утративший одну или две спицы, несколько пыльных чемоданов, какие-то металлические коробки. «От всего этого барахла нужно было избавиться давным-давно», – подумала она, складывая вытащенный хлам кучей для костра. Когда явились с кухни мальчики, Гвен указала на комод и прочую мебель в глубине кладовой, и они принялись одну за другой выволакивать вещи на улицу. Пыль клубами взвивалась в воздух, и белая одежда поварят скоро посерела.

Они уже почти все вынесли, а Верити так и не вернулась. У дальней стенки осталась только большая оттоманка. Мальчики вытащили и ее. Гвен осмотрела это допотопное ложе. Боковины обтянуты тканью, теперь уже грязной и местами разодранной, под кожаным сиденьем, которое она приподняла, – обитый железом ящик; в похожих они дома хранили постельное белье. Но в этом не было ни простыней, ни наволочек. Гвен была потрясена, обнаружив там подгузники, пеленки и десятки крошечных детских вещей, аккуратно сложенных и завернутых по отдельности в папиросную бумагу: кофточки, пинетки, шерстяные шапочки – все связаны вручную и любовно украшены вышивкой. В самом низу лежало пожелтевшее кружево. Гвен наклонилась, достала его и, встряхнув, расправила – длинная полоса, прекрасно сохранившаяся, за исключением цвета... Да это же свадебная фата Кэролайн! – догадалась Гвен, и глаза ее затуманились. Она вытерла руки об юбку и смахнула слезы. Лучше бы ей не видеть этого скорбного напоминания. Она попросила мальчиков отнести детскую одежду и фату в дом. Пусть Лоуренс скажет, что со всем этим делать.

Она с облегчением увидела Навину, идущую к ней навстречу с Хью на руках. Грудь у нее уже распирало, в них возникло тянущее ощущение, из сосков потекло молоко. Гвен подошла к *айе* и взяла у нее ребенка.

Вернувшись в дом, она принялась перебирать найденные в оттоманке вещи. Все утро она не вспоминала о дочери и, кроме того момента, когда обнаружила содержимое бельевого ящика, не чувствовала себя несчастной. Вдохновленная этим прогрессом, Гвен поняла, что, если сумеет возвести вокруг себя стену, занимаясь делами, печаль ее может отступить.

За обедом Лоуренс был очень оживлен. Гвен удивилась, что ей так хорошо удалось скрыть терзавшую ее боль и муж не заметил, в каком смятении на самом деле пребывает ее душа. Он шутил с ней и с Верити и очень обрадовался, узнав, что Хью улыбнулся.

– Ну, вероятно, это была не настоящая улыбка, – сказала Верити. – Но он такой миленький и сегодня не особенно много плакал, правда, Гвен?

– Вероятно, доктор был прав, когда посоветовал установить график кормлений, – заметил Лоуренс.

Верити улыбнулась:

– Не могу дождаться, когда малыш немного подрастет.

Лоуренс посмотрел на Гвен:

– Приятно видеть, что ты выглядишь намного лучше, дорогая. Не могу передать, как сильно это меня радует.

– Я помогала Гвен разобраться в старой кладовой, чтобы можно было делать там сыр, – похвасталась Верити.

– Правда?

– Да.

– Ну, я очень рад это слышать.

– Что ты имеешь в виду?

– Именно то, что сказал, – улыбнулся Лоуренс.

– Но ты произнес это так, будто что-то подразумевал под этим.

– Верити, я ничего не подразумевал. Ладно тебе. Мы прекрасно пообедали вместе. И у меня есть хорошие новости.

– Расскажи нам, – попросила Гвен.

– Ну, вы знаете, что я инвестировал средства в медные рудники через банк Кристины, вернее, через банк, в котором она является главным акционером? Акции растут в цене, и, если так пойдет и дальше, через пару лет я рассчитываю купить соседнюю плантацию. Третью. Мы станем самыми крупными чайными плантаторами на Цейлоне!

Гвен натянуто улыбнулась:

– Великолепно, Лоуренс. Ты молодец.

– Благодарю за это Кристину. Она убедила меня вложить еще больше денег во время бала в Нувара-Элии. Америка, вот где сегодня делают деньги. Англия тащится позади.

Гвен скривилась.

Лоуренс слегка сдвинул брови:

– Мне бы хотелось, чтобы ты попыталась теплее относиться к ней. Она была очень добра ко мне, когда умерла Кэролайн.

– Ты тогда подарил ей маску демона?

– Не знал, что ты ее видела.

– Я ездила к Кристине на обед в тот день, когда мистер Равасингхе впервые показывал ее портрет. Мне эта маска показалась ужасающей.

Лоуренс немного нахмурился:

– Их довольно трудно достать. Местные используют их или использовали раньше для своих демонических танцев. Некоторые, по моему, и сейчас это делают. Кэролайн однажды видела.

– Где?

– Точно не помню. Они надевают маски и какие-то фантастические костюмы и потом впадают в транс, предаваясь дикой примитивной пляске.

– Отвратительно, – сказала Верити.

– Вообще-то, Кэролайн этим восхищалась.

Когда они покончили с пудингом, Верити встала и, сославшись на головную боль, ушла.

Лоуренс протянул руку Гвен. Она коснулась пальцами ямочки у него на подбородке, стараясь скрыть неуверенность. Если она рассчитывала удержать мужа, нужно преодолеть это.

– Я так скучал по тебе, Гвен! – Он наклонил голову, чтобы коснуться губами ее нежной шеи.

От этого прикосновения Гвен вздрогнула. Лоуренс обнял ее, и Гвен немного расслабилась. Несмотря на печаль, она была вынуждена признать, что, отослав ребенка прочь, спасла свой брак. Она уткнулась лицом в грудь мужа, желая получить все, чем он был и чем всегда будет, но на сердце у нее лежала тяжесть – теперь она должна таиться от него. Гвен отклонилась назад и заглянула Лоуренсу в глаза – глаза, столь полные любви и томления, что она невольно задержала дыхание. Он совершенно ни в чем не виноват и не должен ничего узнать.

– Так пойдем, – с улыбкой сказала она. – Чего ты ждешь?

– Только тебя, – засмеялся Лоуренс.

В следующие дни и недели Гвен перебирала найденную детскую одежду – отделяла поврежденные вещи от тех, что еще могут пригодиться, и упорно занималась переоборудованием кладовой. Но рождение Лиони словно вспорол в ней какой-то шов, и она чувствовала: достаточно любой мелочи, чтобы ткань ее жизни разорвалась совсем.

Ей по-прежнему не верилось в случившееся, и, пойманная в ловушку стыда и смятения, она была отрезана от домашней жизни. Действительно ли Сави Равасингхе повел себя так мерзко? Гвен пыталась сосредоточиться на любви к ней Лоуренса, на своей любви к Хью и их совместной семейной жизни, но стоило ей вспомнить о Лиони, и она ощущала, будто часть ее души умерла. Девочка, вероятно, была зачата той ночью в «Гранд-отеле», а так как они с Лоуренсом занимались любовью на следующий день, Гвен всем сердцем молилась, чтобы Хью действительно был ребенком Лоуренса. Но как выяснить, возможно ли такое? Едва ли она могла обратиться с подобным вопросом к доктору. Оставалось жить в неведении и терзаться сомнениями. Гвен сказала себе: пока Навина не проболталась, никто ничего не заподозрит.

Гвен полагала, что ей удалось убедить Лоуренса, будто все в порядке, однако сам он словно чувствовал, что это не так, а потому решил поднять жене настроение, устроив вечером 14 апреля поездку на празднование Нового года. Он предложил это, когда они стояли у озера и смотрели, как птицы ныряют, хватают добычу и взвываются ввысь. Вечер выдался превосходный – чистое голубое небо, в воздухе

разлит душистый аромат цветов. Гвен следила взглядом за орлом, который пронесся у них над головами и скрылся за деревьями.

– Я подумал, это пойдет тебе на пользу, – сказал Лоуренс. – Ты по-прежнему не выглядишь счастливой.

Гвен сглотнула вставший в горле ком.

– Я тебе говорила, что совершенно счастлива. Просто устала.

– Доктор предложил нанять кормилицу, если усталость не пойдет на убыль.

– Нет! – рявкнула Гвен и устыдилась своей резкости.

– Тогда давай отпразднуем переход от старого к новому, когда все успокаивается и рождаются надежды.

– Я не знаю. Хью еще такой маленький.

– Это не религиозный праздник, а семейное торжество, когда принято много есть и надевать новую одежду.

Гвен сделала над собой усилие и улыбнулась:

– Звучит неплохо. А что еще?

– Масляные светильники и танцоры, если нам повезет.

– Если мы поедем, то должны взять с собой Хью и, думаю, Навину тоже.

– Непременно. Ты услышишь медные барабаны. Их называют *рабонами*. Грохот ужасный, но это весело. Согласна?

Гвен кивнула:

– Что мне надеть?

– Что-нибудь новое, разумеется.

– В таком случае пойду посмотрю, что у меня есть.

Она повернула к дому, но Лоуренс схватил ее за руку и потянул назад. Гвен глянула на свои ноги, потом на озеро, а муж тем временем поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Дорогая, – сказал он, – пожалуйста, выброси старую детскую одежду. Мне вообще не стоило оставлять ее. Но тогда я просто не знал, что делать.

– И фату Кэролайн?

На лице Лоуренса промелькнуло какое-то неясное выражение.

– Она тоже там была?

Гвен кивнула:

– Навина ее выстирала и повесила на солнце. Но она все равно немного желтовата.

– Это фата моей матери, не Кэролайн.

– Значит, это семейная реликвия. Мы должны ее сохранить.

– Нет. С ней теперь связано слишком много неприятных воспоминаний. Избавься от нее.

– Лоуренс, что случилось с Кэролайн?

Он помолчал, потом судорожно вздохнул и ответил:

– Она была не в себе.

Мгновение Гвен молча смотрела на него, а потом высказала возникшую у нее мысль:

– Лоуренс, каким образом это привело ее к смерти?

– Прости... я не могу об этом говорить.

Мысль о Кэролайн и Томасе вызвала прилив слез. Гвен вообще теперь стала плаксива. Все ее расстраивало, и напряжение, вызванное необходимостью держать в секрете рождение Лиони, росло день ото дня. Лоуренс был рядом, и от этого печаль еще сильнее вскипала в сердце Гвен, но, если она даст волю слезам, а он выкажет жалость, правда может сама собой слететь у нее с языка.

Лоуренс взял ее за руку, и Гвен ужаснулась, потому что рот у нее непроизвольно открылся. Но слова замерли на губах. Она отняла у него руку, неловко извинилась и побежала в дом, к себе в комнату, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. Вошла в ванную – там все просто и красиво: зеленые плитки на стенах, голубые на полу и зеркало в серебристой раме. Хорошее место, чтобы поплакать в одиночестве.

Гвен встала перед зеркалом, взглянула на свои опухшие глаза и медленно разделась, окинула взглядом груди, живот и бедра – везде столько лишнего жира – и снова почувствовала, что отделилась от самой себя.

Она была так счастлива, когда верила, что ее предназначение – быть женой Лоуренса и матерью его детей. Навина сказала: «Это судьба девочки». Если так, было ли ей самой на роду написано зачать ребенка той ночью, которую она не могла толком вспомнить? И чем больше Гвен пыталась не думать о том, что, вероятно, сотворила, тем сильнее преследовали ее темные глаза Сави. Она стиснула зубы и сжала руку в кулак. Она ненавидела мистера Равасингхе, всей душой ненавидела, и ненавидела то, что он с ней сделал. Гвен подняла кулак и что было силы саданула им по зеркалу. Кроме дюжины расколотых отражений голой себя, она увидела многократно повторяющиеся

изображения крови, капающей из порезов на ее кулаке, и это принесло ей какое-то странное удовлетворение.

Праздник оказался не особенно шумным. Дым от факелов, расставленных вокруг домов, смешивался с дымом благовоний и уносился в вечернее небо. Гвен узнала тот же барабанный бой, какой слышала в день своего прибытия в Коломбо. Люди в ярких одеждах веселыми компаниями гуляли по улицам. Заметив на одной маленькой площади группу танцоров, они остановились посмотреть.

Гвен, держа на руках Хью, прислонилась к Лоуренсу и попыталась расслабиться. Навина забинтовала ее порезанные пальцы, и Гвен чувствовала себя лучше, чем раньше. Хорошая была идея – совершить эту поездку. Верити выглядела довольной, а Навина то и дело одобрительно покачивала головой и улыбалась.

– Это танцоры из Канди, – прокомментировал Лоуренс.

Гвен следила за мужчинами с бубенцами на запястьях, в длинных белых юбках и сверкающих камнями поясах, за ними двигались другие – в тюрбанах, одетые в красное и золотое, с барабанами на талии. Ритм был завораживающий.

Дальше появились женщины-танцовщицы в изысканных традиционных костюмах; прихлопывая в ладоши, они прошли мимо. Потом Гвен увидела вереницу маленьких девочек. Ее бросило в жар при виде того, как изгибаются и вертятся их стройные фигурки, как мелькают коричневые руки. На лицах юных танцорок застыло выражение транса, движения их были просты, но полны достоинства, изящно вращались запястья, кудрявые темные волосы свободно падали на спину. У каждой – лицо ее дочери, тело ее дочери, вернее, лицо и тело, какие у нее будут, когда она подрастет. Тоска по Лиони охватила Гвен, горло у нее сжалось, она беспомощно хватала ртом воздух. «Дыши, – приказала она себе. – Дыши». Сделала шаг вперед, и ноги у нее подкосились. Лоуренс успел подхватить ее под локоть, когда она уже начала падать. Навина забрала Хью, а Лоуренс провел их сквозь толпу к скамье у края рыночной площади.

– Гвен, опусти голову между коленями.

Она сделала, как велел муж, к тому же в таком положении можно было спрятать лицо от его пристального взгляда. Гвен почувствовала

руку Лоуренса у себя на спине. Он тихонько ее поглаживал. И слезы защипали ей веки.

Гвен старалась отдышаться. Когда дыхание выровнялось и голова перестала кружиться, она села прямо, продолжая ощущать внутреннюю дрожь.

Лоуренс пощупал ей лоб:

– Ты вся горяшь, дорогая.

– Я не знаю, что случилось. Меня вдруг бросило в жар, и ноги подкосились. Голова болит.

Верити, которая до сих пор не замечала, что ее спутники покинули праздничную толпу, подбежала к ним:

– Вы пропустили самое интересное. Там был глотатель огня. Маленький мальчик. Только представьте! – (Гвен взглянула на нее.) – Ты совсем бледная. Что случилось? Хью?

– Мы едем домой, – скомандовал Лоуренс.

Верити надулась:

– Почему? Мне тут так нравится.

– Боюсь, это не обсуждается. У Гвен разболелась голова.

– О, ради бога, Лоуренс! Вечно Гвен и ее головная боль. А как же я? Никто не считается с тем, чего хочу я!

Лоуренс взял сестру за локоть и оттащил на несколько шагов в сторону, но сердитый голос Верити все равно доносился до Гвен.

Глава 13

В три часа ночи Гвен резко села в постели; она была вся в поту, ее трясло. В детстве она часто просыпалась именно в это время, боясь, что дух Оул-Три придет за ней. Она позвала Навину, и та быстро пришла из детской, где теперь спала. Но Гвен ни о чем ее не попросила, только молча стучала зубами. Во сне что-то плохое случилось с обоими ее детьми, и, хотя она билась как могла, спасти удалось только одного.

Утром Гвен слышался плач маленькой девочки. Она не могла понять, произошло это во сне или в момент пробуждения. В любом случае она испытала шок.

Четыре ночи подряд Гвен просыпалась, дрожа и задыхаясь от страха, после чего приняла решение и позвала к себе Навину. Переходя от вспышек гнева к чувству вины, от которого сердце чуть ли не останавливалось, Гвен начала понимать, что отсутствие Лиони влияет на нее сильнее, чем присутствие Хью. Ей нужно было унять смятенные чувства, и она решила: если она узнает, что о девочке заботятся хорошо, то и сама сможет успокоиться. Навине эта идея не понравилась, пришлось уговаривать ее, чтобы она выполнила просьбу хозяйки. Добившись своего, Гвен стала ждать момента, когда Лоуренс и Верити уедут из дому. А до тех пор, понимала она, ночные кошмары не отступят и плач маленькой девочки не умолкнет.

Она дождалась, и в назначенный день, когда и Лоуренс, и Верити остались ночевать в Нувара-Элии – Лоуренс отправился в Горный клуб сыграть несколько партий в покер, а Верити – повидаться со старой подругой, – Гвен собралась в дорогу. Она подумала о Лоуренсе, как тот сидит в мужском клубе. Один раз она заглянула туда и увидела мрачный интерьер, украшенный кабаньими головами, чучелами рыб и картинами со сценами охоты. Контраст между этой обстановкой и тем, что собиралась сделать она, не мог быть более разительным.

– Но, леди, это опасность! – причитала Навина, заворачивая Хью в одеяло. – Вдруг что-то выйдет неладно.

– Просто делай, как мы договорились.

Сингалка понурила голову.

Поверх своего платья Гвен надела старую накидку Навины, но все равно дрожала на прохладном предрассветном воздухе. Чтобы скрыть лицо, она надвинула на лоб капюшон, обмотала вокруг плеч черную шаль и утопила в ней подбородок.

– Повозка стоит сбоку от дома. – Навина смущенно взглянула на хозяйку. – У вас есть деньги, леди?

Гвен кивнула:

– Думаю, пора ехать. Скоро совсем рассветет. Я заперла дверь и оставила записку дворецкому, чтобы меня весь день не беспокоили.

Она говорила уверенно, но на самом деле изрядно трусила. Они выскользнули из дому через боковую дверь, там в сизоватом сумраке стояла запряженная волом повозка. Сжав зубы, Гвен залезла под сплетенный из пальмовых листьев полог, натянутый на изогнутые в виде обручей тростниковые стойки. Сердце билось о ребра, ее бросило в жар, руки затряслись; жесткое сиденье из досок встретило неприветливо. Навина передала ей Хью в корзине, а сама села впереди и щелкнула поводьями. Вол фыркнул, и повозка медленно покатилась.

Никто их не видел.

Под навесом пахло потом, дымом и чаем. На подъеме в гору Гвен оглянулась, взяла спящего малыша на руки и прижала к себе. Как же ей хотелось перестать тревожиться о его сестре! В доме загорались огни, едва заметные сквозь собравшийся в низине туман. «Скорее, – думала Гвен, – скорее». Но воловья повозка не слишком быстрое средство передвижения, и, пока они тащились до гребня холма, Гвен нервничала. Хью тихонько захныкал, и она стала сюсюкать над ним, как обычно делают матери.

Наконец они оказались на перевале. Отсюда дом выглядел совсем крошечным, толком не разглядишь, а когда повозка выехала на большую дорогу, и вовсе скрылся из виду. Разгорался новый день, небо стало золотистым, а туман рассеялся, явив глазам ясное свежее утро. Они ехали и ехали. Казалось, конца не будет холмам с округлыми вершинами, засаженными длинными рядами чайных кустов.

Гвен покрутила плечами, чтобы снять напряжение. Но вот они отъехали от плантации, и дышать стало немного легче. Птицы защелкали на разные голоса; аромат жасмина, диких орхидей и мяты дарил наслаждение. Гвен закрыла глаза.

Вчера она выносила Хью в сад. После уже привычно дождливого утра распогодилось и потеплело. Бедному малышу, измученному бессонными ночами и беспокойными днями, нужно было погреться на солнышке, как и ей самой. Однако в уголках сада, где свет встречался с тенью, Гвен остро ощущала присутствие маленькой девочки, и Хью начал плакать. Он вытягивал крошечные ручки, кулачки его сжимались и разжимались, как будто он тянулся к чему-то, что непременно должно было быть там.

Гвен вздохнула и откинулась назад, а повозка катилась и катилась. Хоть колеса у нее были деревянные и довольно неуклюжие с виду, ехала она по дороге довольно плавно. Через некоторое время откуда-то пахнуло лимоном. Это привлекло внимание Гвен. Она еще раз глубоко вдохнула, и печаль начала рассеиваться, а тяжесть в груди ослабла. Казалось, это ее первый свободный вдох с того дня, когда родились близнецы.

– Мы сейчас свернем, леди, – оглянувшись через плечо, предупредила Навина.

Гвен кивнула, но едва не слетела с жесткого сиденья, когда повозка, содрогаясь и подсакивая, покатила по разбитой боковой дороге. Наклонившись вперед, Гвен выглянула наружу: сперва увидела камни и ямы под колесами, потом – темные деревья, высившиеся по обеим сторонам дороги.

– Не смотрите туда, леди.

– Почему? Там *ведды*?

Лоуренс рассказывал ей о древних насельниках цейлонских лесов, которых сингалы называли *веддами*; слово это, насколько поняла Гвен, означало, что это дикие, нецивилизованные люди. Вспомнив при этом гротескную маску, Гвен испугалась.

Навина покачала головой:

– Там живут злые духи.

– О, ради бога, Навина! Неужели ты в это веришь?

Гвен видела спину сингалки и ее голову, которая описывала в воздухе узенькие восьмерки. Ни одной из женщин не хотелось продолжать этот разговор. Стоявший у края дороги *самбхур* настороженно поднял голову и замер в неподвижности. Могучее животное карамельного цвета смотрело прямо на Гвен нежными

теплыми глазами, красиво изогнутые рога придавали ему величавость. Не теряя царственного спокойствия, он проводил повозку взглядом.

В лесу было тише, чем она ожидала. Скрип колес служил единственным аккомпанементом к их поездке. Углубившись в свои мысли, Гвен не заметила, как Навина сменила направление. Появились деревья другого вида – с поникшими кронами, на борт повозки вспрыгнула обезьяна, уцепилась за него, широко расставив пальцы, и устоялась на Гвен. Пальчики на лапках и ногти у нее были черные, а злобные глазки смотрели совсем по-человечьи, что поразило Гвен.

– Это пурпурная обезьяна. Она не тронет, – успокоила ее Навина, оглянувшись назад.

Еще немного дальше деревья поредели, и откуда-то потянуло запахом горящего угля. Гвен услышала вдалеке голоса и спросила у Навины, не добрались ли они до места?

– Еще нет, леди. Скоро.

Растительность тут была негустая и низкорослая, и ухабов под колесами стало меньше. Они поехали чуть быстрее, наконец за поворотом дорога вышла к крутому берегу реки и потянулась вдоль него. Гвен глянула вниз, на воду, она была чиста и прозрачна, на поверхности плясали зелеными пятнами отражения росших на противоположном берегу деревьев. В воздухе здесь пахло по-другому, не только землей и растительностью, но и еще чем-то пряным. Земля по бокам от спустившейся к берегу дороги была усеяна мелкими, похожими на маргаритки цветочками, впереди виднелись заросли увешанных незрелыми плодами диких фиговых деревьев, а за ними, где река расширялась, стояли и как будто дремали, погрузившись по уши в воду, два слона.

Навина остановила повозку и привязала поводья к дереву:

– Ждите здесь, леди.

Гвен смотрела вслед сингалке, не сомневаясь, что может ей доверять. Навина была так отзывчива, готова все принять и простить, так не склонна к осуждению. Вероятно, думала Гвен, это как-то связано с буддийской религией и верой *айи* в судьбу. Она перевела взгляд на Хью – мальчик спокойно спал в корзине, куда она его положила. На реке двое ловких темнокожих мужчин с длинными, завязанными в узлы на макушках волосами завели в воду еще пару слонов. Животные медленно, покачиваясь, сели, и погонщики стали

мыть им голову. Вдруг один из слонов затрубил, фонтан воды вылетел из его хобота, едва не обрызгав Гвен, и она вскрикнула. Один из мужчин оглянулся, вылез из воды и пошел посмотреть, в чем дело. Гвен отодвинулась назад и прикрыла лицо, чтобы видны были только глаза. Мужчина был в одной набедренной повязке, на поясе у него висел какой-то особенный нож. Сердце Гвен застучало, она машинально накрыла рукой корзину, где лежал Хью, будто пытаюсь взять малыша под крыло, и сказала себе, что такими ножами, вероятно, разрубают кокосовые орехи.

Мужчина вытащил нож и приблизился к повозке. Гвен от страха прищурилась. Навина забрала с собой все деньги, так что ей нечего было дать ему. Мужчина заговорил и стал размахивать в воздухе ножом.

Гвен совсем не понимала сингальского языка и молча замотала головой. Незнакомец, не двигаясь, смотрел на нее несколько мгновений, и тут вернулась Навина со свертком в руках. Она заговорила с мужчиной и отогнала его, потом забралась в повозку и передала хозяйке свою ношу. Гвен захотелось повернуть к дому. Она не стала сразу смотреть на девочку, просто держала ее, завернутую в шаль, на руках и чувствовала грудью тепло маленького тельца.

– Чего хотел этот человек? – спросила она.

– Узнать, нет ли у вас для него работы. Он показывал вам нож, чтобы вы знали: у него есть свои инструменты для работы в саду.

– Он знает, кто я?

Навина пожала плечами:

– Он назвал вас белой леди.

– То есть он знает меня?

Сингалка покачала головой:

– Белых леди много. Я проеду через деревню. Здесь не развернуть повозку. Слишком узко. Закройте лицо. Положите девочку в корзину к Хью.

Гвен сделала, как ей было сказано, и стала смотреть через открытый задок повозки на крытые соломой мазанки и сплетенные из прутьев хижины. Дети со смехом возились в грязи, женщины несли на голове узлы, вязанки хвороста и корзины, откуда-то из лесу доносились тихие звуки пения. Они проехали мимо горшечника, который лепил разные посудины из скрученных спиралью глиняных

жгутов. Перед другой хижиной женщина ткала покрывало на примитивном станке, а ее соседка мешала какое-то варево в подвешенном над костром котелке. Деревня выглядела очень мирной.

Оказавшись за ее пределами, они остановились в стороне от любопытных глаз. Гвен развернула девочку, и у нее замерло сердце. Она погладила мягкие щечки своей дочери и в изумлении глядела на это чудо. Лиони была ослепительно красива, так совершенна, что у Гвен на глаза навернулись слезы. Хью совсем не плакал с тех пор, как рядом с ним в корзину положили сестру, а теперь захныкал. Девочка лет двенадцати шла за повозкой по деревне и теперь стояла в нескольких ярдах от них.

– Ты поддержи Хью, а я пока осмотрю малышку, – распорядилась Гвен. – И скажи той девочке, чтобы уходила.

Лиони совсем проснулась, но не издавала ни звука и таращила глазенки на маму. От потрясения Гвен едва не лишилась рассудка, но взяла себя в руки. Она здесь только для того, чтобы убедиться, что о ее дочери хорошо заботятся и малышка не страдает. Это все. Со смешанным чувством томления и страха Гвен внимательно осмотрела девочку, перебрала пальчики на руках и ногах, проверила, какая у нее кожа. Поцеловала дочурку в лоб и в нос, но удержалась от порыва уткнуться носом в ее блестящие черные волосики. Потом Гвен вздохнула, глаза у нее защипало, и крупная слеза упала на щеку ребенка. От девочки не пахло молоком и тальком, как от Хью, от ее влажной кожи едва заметно дохнуло корицей. Желудок Гвен скрутило узлом, и, быстро сглотнув, она отстранилась от ребенка. Ей страшно хотелось и дальше качать на руках малышку и никогда не отпускать ее, но она знала с абсолютной уверенностью: нельзя допустить, чтобы Лиони похитила ее сердце.

По крайней мере, девочка здорова и ухоженна, сказала себе Гвен. Она потолстела и была чистой, это немного заглушило в Гвен чувство вины.

– Ну, теперь хватит, – сказала она. – С ребенком все в порядке.

– Да, леди. Я всегда говорю вам.

– Скажи этой женщине, что мы довольны и продолжим платить ей. – (Навина кивнула.) – Хорошо, теперь заberi ее и отдай мне Хью.

Они обменялись свертками. Отдав Лиони, Гвен сразу ощутила вставший в горле ком. Она слушала, как ветер шумит в ветвях

деревьев, но больше не выглядывала из повозки. Минута шла за минутой, и Гвен осознала: нет смысла заикливаться на том, как была зачата Лиони, важно сделать все, чтобы это никогда не вышло наружу. Она решила, что и словом не обмолвится об этом мистеру Равасингхе и вообще никому до конца дней своих.

– На что они живут? – спросила Гвен, когда Навина вернулась.

– У них есть *цена*. Они растят зерно и овощи. А в лесу берут фрукты. Вы видели фиги.

– Но что еще?

– У них есть козы и свинья. Так и живут.

– Но деньги, что ты им дала, помогут?

– Да.

На обратном пути через деревню Гвен высунулась из повозки, гадая, удастся ли ей определить, какая из женщин будет растить ее дочь. Повозка спугнула крупного варана, сидевшего у края дороги, и он, быстро перебирая лапами с острыми как бритва когтями, стремглав взобрался на дерево. Гвен заметила женщину, которая внимательно следила за повозкой темными глазами. Ее черные волосы были заплетены в болтавшуюся за спиной косу и перевязаны украшенной бусинами тесьмой. Когда они проезжали мимо, женщина улыбнулась, и Гвен задумалась: была ли эта улыбка понимающей или ничего не значащей, как улыбается человек, находящийся в гармонии с миром. На мгновение она вновь запаниковала из-за своего отступничества, ей захотелось прижать Лиони к груди, но тут ярко-оранжевая бабочка павлиний глаз села на один из обручей, державших полог повозки, и Гвен задышала ровнее. О девочке хорошо заботятся, вот что главное, и лучше ей, Гвен, не знать, кто это делает.

Глава 14

Комнату наполнил сильный цветочный запах, который принесла с собой Флоранс Шуботэм. Она села на диван и откинулась на его спинку, накрытую леопардовой шкурой. Гвен внутренне улыбнулась невероятному контрасту звериной шкуры и типично британской чопорности миссис Шуботэм; приглушенные оттенки синего не могли соперничать с дикой энергией хищника, даже мертвого. Флоранс поднесла к губам фарфоровую чашку, глотнула чая, отчего задрожал ее складчатый подбородок. Бедняжка Флоранс – волосы у нее поседели, щеки обвисли.

– Приятно видеть, что вы в прекрасной форме, – сказала гостья.

Лицо Гвен приняло хорошо отрепетированное любезное выражение. С тех пор как она увидела Лиони, Гвен изо дня в день упражнялась во лжи перед зеркалом, пока не приучила себя управлять лицом, смотреть как положено и следить за руками.

Сейчас Гвен улыбнулась и держала на губах улыбку, пока у нее не стало сводить скулы.

– Как ваши дела, Флоранс?

– Не могу пожаловаться. Верити рассказала мне о сыре.

Гвен бросила взгляд на золовку. Та изучала свои ногти и не проявляла ни малейшего интереса к разговору. Сомнительно, чтобы она упомянула о сыре в беседе с Флоранс. Вообще-то, кроме того единственного дня, когда они разбирали кладовую, Верити этим не интересовалась.

– Я пока не сильно продвинулась. С месяц назад мы подготовили помещение. Все там вычистили, побелили стены, и у нас уже есть необходимая мебель и посуда. Кое-что еще мы тоже подобрали, но мне придется заказать в Англии специальный термометр и формы для сыра.

– Но это такая отличная идея. Вы просто умница.

– Мать отправила мне старый сырный пресс с нашей фермы в Оул-Три.

– Здесь трудно достать хороший сыр.

– Делать его несложно, но нужно знать, как обращаться с молоком.

– Вы собираетесь продавать его?

– Нет, – покачала головой Гвен. – Я даже не уверена, удастся ли нам добиться нужного результата в этом климате. Я рассчитывала делать сыр только для семьи и друзей, которым он понравится.

– О, пожалуйста, включите меня в их число, моя дорогая.

– Конечно. Как я сказала, сыр – не проблема, моя головная боль – это счета. Боюсь, я не слишком хорошо справляюсь с цифрами. Никак не могу свести итог. Вероятно, я где-то делаю ошибку.

– Ну, – вмешалась в разговор Верити, – это вообще удивительно, что ты проявляешь такой интерес к деловым вопросам. По-моему, Кэролайн такими вещами себя не утруждала.

Флоранс слегка понизила голос:

– Я так рада, что вы здесь осели.

– Осели?

– Я имею в виду – обжились. Сперва я беспокоилась. Вы вроде бы проводили много времени с этим художником.

Сердце Гвен подскочило.

– Вы о мистере Равасингхе?

– Да, о нем.

– Я встречалась с ним всего два или три раза.

– Да, но он не британец, понимаете? Они бывают чересчур прямолинейны по нашим меркам.

Гвен издала фальшивый смешок:

– Флоранс, уверяю вас, со мной он был совершенно корректен.

– Конечно, я ничего такого не имела в виду. – Она повернулась к Верити. – А ты помогаешь жене своего брата делать сыр?

Верити взглянула на нее:

– Что?

– Перестань грызть ногти, дорогая. – Флоранс помолчала. – Я говорила о сыре. Ты помогаешь Гвен?

Миссис Шуботэм всегда была рада поучаствовать в делах других людей и любила давать непрошенные советы. Гвен посочувствовала золовке и поспешила прийти ей на выручку:

– О, я уверена, у Верити есть свои планы.

Верити вздохнула.

– Такая прекрасная идея, – продолжила Флоранс. – У тебя такая умная невестка, правда, Верити, дорогая? Не упusti эту возможность,

но, может быть, тебе и самой стоит придумать для себя какое-нибудь полезное занятие. Чтобы привлечь мужчин.

– И что вы посоветуете?

– Мужчинам нравятся деятельные жены, как Гвен. Она ведет хозяйство, она – жена и мать, а теперь вот еще трудится как пчелка, готовит сыр.

Верити встала, презрительно глянула на Флоранс и вышла из комнаты, опрокинув по пути сервировочный столик. Чайник, молочник и сахарница полетели на пол.

Гвен почувствовала раздражение. Сочувствие к Верити мигом улетучилось, она вызвала звонком колокольчика мальчика-слугу.

– Простите. Не знаю, что на нее нашло.

– Она была трудным ребенком.

– Как уживалась с ней Кэролайн?

– По большей части игнорировала. Не думаю, что они с ней ладили. Верити тогда была гораздо моложе, конечно, еще школьница. Кэролайн держалась немного отстраненно. Хотя, я помню, как-то Верити дошла до того, что стала утверждать, будто Лоуренс подозревает свою жену в измене.

– Не может быть!

– Верити сказала, что однажды во время школьных каникул слышала, как они ругались из-за этого и Кэролайн твердо все отрицала. По-моему, Верити это выдумала. Вы же знаете, какими бывают девочки. – (Гвен кивнула.) – А потом, когда Верити окончила школу, она провела какое-то время в Англии и, снова приехав сюда, как будто еще сильнее привязалась к Лоуренсу. Это нездорово. Уж я-то знаю. Что там с ней произошло в Англии, понятия не имею, но явно не без этого.

– Смерть Кэролайн, наверное, тоже сильно повлияла на нее?

– Ужасно.

Через несколько дней Гвен собрала все свои принадлежности для сыроварения на длинном столе в бывшей кладовой. Сырный пресс, только что доставленный из Англии, красовался на тумбе в другом конце комнаты. Разного размера цедилки, несколько бидонов для молока, деревянные ложки для помешивания, нож-мастихин и большая поварешка занимали отдельный маленький столик. Формы для сыра

были вымыты, высушены и составлены аккуратной стопкой, а куски ткани для прессования висели на веревке на солнышке.

Ранним утром доставили больше, чем обычно, буйволиного молока. Гвен была на ногах уже в половине седьмого, готовая приняться за дело. Она завязала волосы и убрала их под сеточку, надела большой передник, который был выстиран и отбелен. В таком виде она стояла посреди кладовой и окидывала хозяйским взором свои владения, когда в дверь заглянул Лоуренс.

– Я думала, ты уже ушел, – сказала Гвен.

– Я не мог уйти, не посмотрев на нашу новую молочницу. – Он взгляделся в лицо жены. – Да, выглядит она как на картинке. Я бы, пожалуй, сгреб ее в охапку и утащил на сеновал.

Радуюсь, что Лоуренс так доволен, Гвен сказала:

– У нас нет сеновала.

– Жаль. – Он прижал ее к себе. – Удачи тебе в твой первый день, дорогая.

– Спасибо, – улыбнулась она. – А теперь кыш! Я занята.

– Есть, мэм.

Гвен проводила мужа взглядом. При каждом его неожиданном появлении у нее подскакивало сердце. Аккуратно развернув закваску, специально присланную из Канди, Гвен перелила молоко в большую кастрюлю, взяла ее двумя руками и понесла на кухню, чтобы поставить на огонь, но, сделав несколько шагов, поняла, что ей нечем открыть дверь. Она прижала кастрюлю к одной створке, придерживая рукой, а другой собралась нажать на дверную ручку, но тут кастрюля выскользнула и упала на бетонный пол. Гвен обдало молоком. Пришлось потратить время на переодевание.

Когда она вернулась в сыродельню, чистая и готовая снова взяться за дело, появилась Навина с Хью, который, вытаращив глазенки, громко кричал.

Анну стоял у двери кухни и с кривой усмешкой наблюдал за происходящим. Он не мог открыто высказать возражения против хозяйской затеи, но, когда Гвен изложила ему свой план, на его лице ясно выразилось неодобрение.

Наконец Хью был накормлен, Навина забрала его в детскую, и Гвен принялась за работу.

Мальчик-слуга отнес вторую кастрюлю с молоком на кухню – хозяйка открыла и закрыла дверь. *Анну* проследил за подогревом, а Гвен спустилась на три террасы вниз к озеру в ожидании, когда молоко остынет. Она села на скамейку, посмотрела вверх на пухлые белые облака и стала следить за набегающими на берег волнами, слушая пение птиц. Кожу освежал легкий ветерок, день был прекрасный. Вдруг слева от нее скрипнула дверь, Гвен обернулась – из лодочного сарая выходил Лоуренс.

– Что ты там делаешь? – крикнула она. – Я думала, ты уже на фабрике, раз погода улучшилась.

– Это сюрприз.

– Для меня?

– Нет, для жены бригадира! – (Гвен насупилась.) – Конечно для тебя. Иди взгляни. – Он распахнул дверь сарая.

Она вошла и огляделась.

Старое неказистое строение было приведено в порядок. Внутри все покрасили, и темный сарай превратился из склада редко используемых вещей в симпатичный домик. Широкое окно с видом на озеро сверкало, новые занавески трепетали на ветру, а на столике из атласного дерева, стоявшем перед большим, хотя и потертым диваном, красовался букет свежих оранжевых бархатцев. Лоуренс наклонился и поцеловал жену в щеку, потом сел на диван, положил ноги на заново обтянутый тканью пуфик и устремил взгляд на воду.

– А лодка? – спросила Гвен.

– Внизу, залатана, покрашена и готова к отплытию в закат. Это мой способ извиниться за свою глупость. Я недооценил, как утомительно иметь на руках новорожденного ребенка. Тебе нравится?

– Очень мило. Но как ты все это сделал так, что я ничего не заметила?

Лоуренс подмигнул ей и постучал пальцем по носу.

– Ну что ж, я в восторге.

Гвен села рядом с ним на диван, и он обнял ее одной рукой. Вид сверкающей на солнце воды и пение птиц, доносившееся сквозь открытое окно, успокаивали.

– Я хотел поговорить с тобой, Гвен.

Она кивнула, однако, не зная, о чем пойдет речь, слегка встревожилась.

– О Кэролайн.

– О?

– Я говорил тебе, что она была не в себе, но, полагаю, ты ни от кого не слышала, что она утонула.

Гвен ахнула, прикрыла рот ладонью и покачала головой.

Лоуренс запустил руку в карман, достал оттуда сложенный листок бумаги и расправил его.

– Я попросил слуг не говорить с тобой о ее смерти, но, думаю, тебе нужно увидеть это.

Он передал листок Гвен.

Мой дорогой Лоуренс,

я знаю, ты этого не поймешь и, наверное, никогда не простишь меня, но для меня просто невыносимо и дальше терпеть боль, которую я испытываю после рождения Томаса. С тех пор как он появился на свет, в меня будто вселился дьявол. Дьявол, который помрачает мой разум и лишает меня покоя. Это ад, какого я в жизни не могла себе представить. Я не вижу иного выхода, кроме этого. Прости меня, любовь моя, но я не могу оставить бедняжку Томаса без материнской защиты. А потому, и это ужасно меня печалит, я решила, что он должен уйти со мной, вместе мы обретем мир. Да простит меня Господь. Когда меня не будет, найди себе новую, лучшую жену, Лоуренс, дорогой, я не возражаю. На самом деле я молюсь об этом.

Не вини себя.

Твоя Кэролайн

Закончив чтение, Гвен сглотнула подкативший к горлу ком. «Это не моя трагедия, – сказала она себе. – Нужно не распускаться и помочь Лоуренсу».

– Мне было нелегко, – сказал он и немного помолчал. – Сперва родители, потом Кэролайн.

– И ребенок, – добавила Гвен.

Лоуренс медленно кивнул, не глядя на нее:

– А потом – окопы, хотя в каком-то смысле война принесла облегчение. Некогда было думать о прошлом.

Гвен подавила горькие слезы:

– Кэрролайн, наверное, очень терзалась чем-то, раз решила убить себя. – (Лоуренс откашлялся, покачал головой и мгновение, казалось, не решался заговорить.) – Это случилось на озере?

Гвен ждала.

– Нет. Вынести это было бы еще труднее.

Вполне понятно, хотя, впрочем, где бы это ни случилось, ужас не меньше. Разве что озеро после такой трагедии уже никогда не казалось бы прекрасным.

– Почему она так поступила, Лоуренс?

– Сложно сказать... Даже доктор не знал, что делать. Он говорил, некоторые женщины никогда не приходят в себя после родов, я имею в виду – психически. Она была сама не своя. Почти не могла заботиться о ребенке. Я пытался разговаривать с ней, понимаешь, чтобы успокоить, но все напрасно. Она просто сидела, уставившись на свои руки, и дрожала.

– О Лоуренс!

– Я чувствовал себя таким беспомощным. С этим было никак не справиться. Навина взяла на себя почти все, кроме кормления. В конце концов врач предложил клинику для душевнобольных, но я испугался, что она в результате окажется в каком-нибудь ужасном сумасшедшем доме. Не могу простить себе, что не отправил ее лечиться.

Гвен прислонилась к его плечу:

– Ты не знал.

– Я мог спасти ей жизнь.

Она нежно погладила его по щеке, потом отстранилась и, взяв мужа за обе руки, взгляделась в его лицо:

– Мне очень жаль, Лоуренс.

– Ребенок должен приносить счастье, но для нас... – Он замолчал.

– Ты не обязан говорить мне.

– Я так много всего хотел бы сказать, но не могу.

– Одного не пойму. Что она имела в виду, когда написала: «Не могу оставить бедняжку Томаса без материнской защиты»? Не могла же она не понимать, что ты позаботишься о сыне?

Лоуренс молча покачал головой.

Наступила долгая пауза.

– Иногда лучше просто выплакаться, – наконец сказала Гвен, видя страдание на лице мужа.

Лоуренс моргнул, челюсть у него задрожала, из глаз медленно потекли слезы, но он не издал ни звука. Гвен поцеловала его влажные губы и вытерла руками щеки. Лоуренс был сильным и гордым и редко давал волю слезам, но она уже во второй раз видела его плачущим.

– Как вообще человек может оправиться после такого удара? – сочувственно проговорила Гвен.

– Время помогает и работа, а теперь у меня есть вы с Хью.

– Но что-то ведь осталось?

– Да, наверное. – Лоуренс устремил взгляд поверх плеча Гвен, затем перевел глаза на нее. – Это ужасно повлияло на Верити. Она боялась выпустить меня из виду.

– Опасалась, что и ты можешь уйти от нее?

– Нет. Я... я не уверен.

Он прищурился, словно размышляя, и как будто хотел что-то добавить, но не знал, как это выразить. Однако поиск правильных слов не принес результата.

Гвен обняла мужа и поклялась себе, что никогда не сделает ничего такого, что ранит его еще сильнее. Пока она давала эту клятву, он развязал ее передник и снял лямку через голову. Она легла на диван, и он осторожно расстегнул маленькие жемчужные пуговицы на ее платье. Стянув его с себя, Гвен сняла нижнее белье, а Лоуренс тем временем раздевался.

После рождения Хью, за исключением одного раза, они едва касались друг друга. Теперь, при соприкосновении их тел, Гвен заново ощутила, как значима и как хрупка любовь. Ее легко разрушить. Она запросто может сломаться сама. Гвен задержала дыхание, желая растянуть это мгновение, и ощутила себя далеко-далеко от обычного дня на плантации.

– Вдруг кто-нибудь войдет? – прошептала она.

– Никто не войдет.

Когда он провел рукой по ее бедрам и поцеловал пальцы на ногах, тело Гвен отозвалось на ласки сладкой дрожью, она не могла долго выносить этого и обвила Лоуренса ногами.

А после Гвен лежала, обхватив бледной рукой рельефную грудь мужа. Провела кончиками пальцев по контуру его лица, ощущая тепло лежащей на бедре ладони.

– Я люблю тебя, Лоуренс Хупер. Мне очень жаль, что с Кэролайн случилась такая беда.

Он кивнул и взял ее руку.

Она смотрела на него и видела, что в глазах мужа теперь меньше боли.

– Я испортил твой сыр?

– Нет. Молоко все равно должно остыть, но мальчик уже наверняка принес кастрюлю обратно в кладовую, так что я лучше вернусь. – Она пригладила влажные, спутанные волосы. – Я, наверное, выгляжу как пугало.

– Ты никогда не выглядишь как пугало. Но вот еще что... – сказал Лоуренс.

– Да?

– Это место только для тебя и для меня. По рукам?

– По рукам.

– Здесь мы будем начинать сначала, когда понадобится.

Гвен приложила руку к сердцу и кивнула.

Вернувшись в кладовую, она добавила к молоку закваску и оставила его на час или около того, пока кормила Хью. Он закапризничал, когда она попыталась уложить его в кроватку, поэтому Навина вывезла его в сад в коляске, затененной большим зонтом. Подставляя лицо солнцу, Гвен покачивала коляску под монотонное жужжание насекомых и думала о Лоуренсе. Малыш быстро уснул, и Гвен отпустила Навину отдохнуть, старая *айя* давно это заслужила. Из кладовой будет хорошо слышно, если Хью проснется.

Гвен влила в молоко сычужный фермент, размешала его и оставила кастрюлю под окошком на солнце, чтобы образовался сырный ком.

Хотя Гвен грустила из-за истории с Кэролайн, сегодня у нее выдался хороший трудовой день. И темнокожая девочка, задвинутая в глубины ее сознания, мирно спала в своем гамаке.

Часть третья

Борьба

Глава 15

Три года спустя, 1929 год

Гвен и Хью сидели по разные стороны стола и ждали прибытия гостей. Хью, одетый в симпатичный матросский костюмчик, с расчесанными и приглаженными ради такого случая непокорными волосами, выглядел ангелочком. Гвен надела платье, которое купила ей в подарок Фрэн, когда она гостила у нее в Лондоне, – полупрозрачный голубой шифон, юбка средней длины. Гвен чувствовала себя в нем юной и женственной, и ей это нравилось.

Все четыре года, что Гвен прожила на Цейлоне, она мечтала о поездке в Англию, но ее много раз приходилось откладывать, пока наконец-то все сложилось. Сперва Гвен две недели гостила в Оул-Три у родителей, которые раздулись от гордости при виде Хью. Пообещав устраивать пикники и съездить с внуком на поезде в ущелье Чеддер, они не могли дождаться, когда Хью на неделю останется целиком в их распоряжении. Потом Гвен села в поезд и отправилась в Лондон, к Фрэн. Квартира кухни располагалась на верхнем этаже величественного здания, построенного по особому архитектурному проекту. Из окон открывался прекрасный вид на Темзу, хотя Гвен не смогла удержаться от сравнения монотонно-серой глади реки с красочным озером на плантации.

Сестры в предвкушении встречи обменивались письмами и запланировали интересные вылазки почти на каждый день, однако, приехав к Фрэн, Гвен обнаружила, что ее кузина сама на себя не похожа. Какая-то скованная, немного бледная. После необходимой с дороги чашки лучшего цейлонского чая Фрэн взяла сестру под руку и спросила, хочет ли та, чтобы горничная распаковала ее чемодан.

– Я сделаю это сама, Фрэнни, если ты не против.

– Конечно.

Наверху, в хорошо проветренной и красиво убранной комнате, Фрэн подошла к окну и закрыла его, чтобы отгородиться от лондонских шума и пыли. Гвен расстегнула пряжки на чемодане и начала вынимать свои платья, а Фрэн стояла у окна, повернувшись спиной к комнате, и глядела на улицу.

– Что-нибудь случилось, Фрэнни?

Та покачала головой.

Гвен взяла синий французский костюм, подходящий для похода за покупками в магазин мистера Селфриджа, куда они планировали отправиться ближе к вечеру, и подошла с ним к большому платяному шкафу красного дерева. В его темном нутре она сперва почти ничего не разглядела, но, протянув руку за вешалкой, задела за что-то. Ощупав попавшуюся вещь, Гвен поняла, что это какая-то шелковая одежда, богато украшенная вышивкой и, судя по размеру, не женская.

Она сняла заинтересовавшую ее вещь с плечиков и вытащила на свет. Это был очень красивый, расшитый красными и золотыми нитями жилет, тот самый, что был на Сави Равасингхе в день бала. В этот момент Фрэн обернулась и уставилась на него.

– О, – произнесла она, – я не думала, что он оставил здесь это.

– Мистер Равасингхе был у тебя?

– Остановливался, когда выполнял какой-то заказ. Вообще-то, довольно важный. На Сави теперь большой спрос.

– Ты мне ничего не говорила.

Фрэн пожала плечами:

– Не думала, что нужно.

– Это серьезно?

– Скажем, то так, то сяк.

После этого Гвен не раз пыталась разговорить сестру, но, стоило ей коснуться этой темы, Фрэн замыкалась в себе. Впервые в жизни они отдалились друг от друга, и Гвен не знала, как преодолеть это отчуждение.

Накануне отъезда мысль о том, что Фрэн действительно относится серьезно к мистеру Равасингхе, оставила горький привкус во рту Гвен и тяжесть в животе. Она никогда не видела сестру страдающей от любви. Сидя на постели, Гвен размышляла, ей отчаянно хотелось рассказать Фрэн о Лиони, предупредить ее насчет Сави Равасингхе. Но она не осмелилась. Если она заговорит об этом, Фрэн возмутится и наверняка поставит перед Сави вопрос ребром. Кто знает, к чему это может привести? Вдруг он начнет требовать, чтобы ему показали дочь? О таком и подумать было страшно.

Гвен решила молчать и чувствовала, что предает свою лучшую подругу. Даже в последний день перед отъездом сестры так и не поговорили по душам, и, проведя еще одну полную сладкой горечи

неделю с родителями, Гвен с радостью пустилась в обратный путь на Цейлон.

Теперь, улыбаясь сыну, сидевшему за столом в свой день рождения, она была полна гордости, но ощущала нечто большее, чем любовь, что-то невыразимое, пронзавшее ее до самых глубин существа. Хью улыбался ей и ерзал, ему было никак не усидеть на месте, и это вернуло ее к реальности. С детьми всегда так. Только что они вызывали в родителях такой прилив любви, что голова кружилась и перехватывало дыхание, а в следующий момент облились вареньем или им понадобился горшок.

Гвен удивлялась, как быстро прошли три года и как она свыклась с тем, что произошло, иногда все это почти казалось ей сном; почти, но не совсем. Она посмотрела в окно – на озеро и дальше, на холмы с округлыми вершинами, покрытые ковром из чайных кустов, между которыми кое-где торчали чахлые деревья. День был прекрасный – безоблачный и яркий. За три года, прошедшие с момента их первого с Лоуренсом свидания в лодочном сарае, они часто возвращались туда. Жизнь устоялась. Они были счастливы, радости перевешивали печали, и в конце концов сердце Гвен затвердело. Она сумела отчасти подавить свои душевные терзания по поводу Лиони.

Лоуренс не понимал, почему она никак не забеременеет снова, несмотря на все его старания, как он выражался. Он не догадывался, что втайне от него Гвен делала все возможное для предотвращения новой беременности. Вспоминая муки совести, которые она испытала, отдав Лиони, Гвен чувствовала, что недостойна счастья иметь еще одного ребенка, и каждый раз использовала спринцовку. Ощутив малейшие признаки опасности, она выпивала побольше джина и принимала ванну. Навина понимала ее нежелание иметь детей и готовила горькие на вкус настои из трав, которые всегда вызывали месячные.

Шум у дверей прервал ее мысли. Гвен обернулась и увидела Макгрегора, Верити и Навину, которые вошли все вместе.

Верити захлопала в ладоши:

– Какая красота, правда, Хью?

Сегодня был его день рождения. На столе стояли свежие цветы, блюда с горами сэндвичей, два желто-розовых бланманже, а

посередине оставалось пустое место для торта. Когда вошел Лоуренс, нагруженный подарками и со связкой воздушных шаров в руке, щеки Хью вспыхнули от восторга.

– Я открою их сейчас, папочка?

Лоуренс водрузил коробки на стол:

– Конечно. Хочешь сперва самый большой?

Хью подскочил на месте и взвизгнул.

– Ну, тогда тебе придется подождать минутку, он в холле. – Лоуренс вышел и через пару минут вернулся, катя трехколесный велосипед с перевязанным широкой желтой лентой рулем. – Это от мамы и папы! – провозгласил он.

Мальчик уставился на сверкающую машину, потом подбежал к ней, с помощью Навины забрался на сиденье и насутился, не сумев дотянуться ногами до педалей.

– Можно немного опустить сиденье, но ты должен до него дорасти.

– Мы что, выбрали не тот размер? – встревожилась Гвен.

– Через пару месяцев все будет в порядке, – успокоил ее Лоуренс.

Хью уже срывал бумагу с остальных подарков: коробка с сотнями пазлов, из которых нужно сложить гигантскую картину, – от Верити, деревянная пожарная машина – от родителей Гвен, крикетная бита и мяч – от Макгрегора.

Гвен сидела и любовалась своей семьей, чувствуя себя на вершине блаженства. Хью был вихрем энергии, таким неумным, какими бывают только трехлетние дети, и Лоуренс сиял от гордости, наблюдая за сыном. Даже Верити выглядела счастливой, хотя тот факт, что она продолжала жить с ними, сидел у Гвен занозой в боку.

Когда они покончили с сэндвичами и бланманже, Лоуренс задернул шторы, чтобы превратить задувание свечей в торжественную церемонию, и Хью завизжал от восторга. Расправив плечи, отец семейства с очень серьезным лицом объявил, что момент настал.

Навина внесла торт и поставила его перед Хью. Мальчик заворуженно глазел на горящие свечи – картинка, да и только, а невинное выражение, с каким он смотрел на них, пока они пели «Happy Birthday», вызвало у Гвен ощущение жгучей радости. Она оторвала бы голову леопарду, защищая свое дитя. Чтобы замаскировать наплыв охвативших ее эмоций, Гвен засуетилась вокруг

торта и подвинула его немного ближе к сыну. Торт был большой, квадратный, с нарисованной сладкой помадкой спаниелем. Украшение сделала Верити, которая, как оказалось, имела настоящий талант к кулинарному искусству.

– Это Спью! – крикнул Хью во всю мочь. – На торте Спью!

– Задуй свечи, дорогой, – сказала Гвен. – И загадай желание.

Пока малыш надувал щеки и дул, Гвен думала о его сестре-близняшке и загадала свое желание.

– Ты не забыл желание? – спросил Лоуренс.

– Мама говорила, это секрет. Правда, мамочка?

– Да, дорогой.

Когда Хью повернул лицо к отцу, Гвен в тысячный раз подумала: как же он похож на Лоуренса. У них был одинаковый цвет глаз, у обоих – квадратные подбородки, и форма головы одна, и двойная макушка, отчего волосы так трудно уложить. Нет сомнений, кто отец этого мальчика.

– А секреты бывают, папочка?

– Думаю, должны быть, – улыбнулся Лоуренс.

Хью заерзал на стуле, не в силах справиться с бурлившей внутри энергией.

– У меня есть один.

– И какой же? – спросила Гвен.

– Мой друг Уилфред.

– Но, мой милый, мы все знаем про Уилфреда, так что это не секрет.

– Нет, секрет. Вы же его не видите.

– Это верно, – согласилась Верити.

– А я его вижу. И он очень хочет кусок торта.

– Навина, отрежь, пожалуйста, кусок торта для Уилфреда.

– Не понарошку, Нина. – Хью стал называть ее Ниной, как только заговорил, и это имя прижилось.

– Думаю, нам не стоит потакать ему, – сказал Лоуренс и обвил рукой талию Гвен.

– Разве это так важно?

Лоуренс выпятил подбородок:

– Друг-невидимка будет мешать ему в школе.

– Да что ты, Лоуренс! – засмеялась Гвен. – Хью всего три. Давай не будем сейчас спорить об этом. Сегодня его день рождения.

– А мне можно еще кусочек? – принялся попрошайничать Хью.

– Двух вполне достаточно, – сказала Гвен.

– Дайте ему! Это его праздник, – встряла Верити. – Желания именинников нужно выполнять.

– Больше никаких тортов, приятель, – сказал Лоуренс. – Мама всегда права.

– Рада, что это ясно.

Лоуренс засмеялся, поднял Гвен и закружил ее:

– Но это меня не остановит.

Хью захихикал при виде того, как его маму кружат, будто она ничего не весит.

– Лоуренс Хупер, поставь меня сейчас же!

– Как я сказал, мама всегда права. Не стоит об этом забывать.

Лучше я опущу ее.

– Нет! Нет! Покрути еще! – крикнул Хью.

– Лоуренс, если ты не прекратишь, клянусь, меня стошнит.

Он со смехом поставил ее на пол.

– Папа, мы пойдем на водопад? Мы никогда туда не ходили.

– Не сейчас. Вот что я скажу тебе: давай-ка мы с тобой поиграем в мяч во дворе. У тебя ведь есть новый мяч?

Хью заулыбался и, кажется, мигом забыл о торте.

– Да, у меня есть мяч. Есть. Он мой.

Только когда Лоуренс, Хью и Верити вышли, Гвен заметила, что тарелка Уилфа пуста. Хью, маленькая мартышка, умял-таки третий кусок. Гвен покачала головой, но улыбнулась и пошла в свою комнату.

Там она вынула из закрытой на ключ шкатулки, которую держала у себя в столе, детский рисунок углем – последний, его передали около четырех недель назад. Каждый месяц Гвен несколько дней проводила в тревоге, ожидая следующего рисунка. Ей был дорог каждый, потому что он означал, что с ее дочерью все в порядке. Сперва приемная мать рисовала сама, но теперь на листах красовались каракули Лиони. Гвен прикоснулась к угольным линиям. Собака это или курица? Трудно сказать. Рисунки женщины она всегда сжигала, но сделанные рукой Лиони хранила – тоска, так и не покинувшая ее, не позволяла их уничтожить.

Ночью Хью вырвало. Гвен подумала, что это, должно быть, из-за третьего куска торта. Она попросила Навину принести сына, чтобы он спал с ней. Его стошнило еще два раза, после чего он заснул, и ей тоже удалось ненадолго погрузиться в прерывистый сон.

Утром Хью трясло, и он жаловался, что ему холодно. Гвен прикоснулась к его шее – горит, и лоб тоже был горячий. Она сменила ему пижаму и, не сомневаясь, что у него жар, велела Навине принести влажные полотенца. В ожидании Гвен открыла окно, чтобы проветрить комнату, и прислушалась к утреннему птичьему гомону, который обычно будил весь дом. Странное сочетание мелодичного пения и пронзительных криков обычно вызывало у нее улыбку, но сегодня казалось слишком громким и назойливым.

Когда пришла Навина с полотенцами, Гвен положила одно на шею Хью, другое – на лоб. Жар немного спал, и они осмотрели мальчика.

– Это не из-за торта. Рвота прекратилась, но ему все равно плохо.

Навина сморщила нос, но промолчала; она поглядела на руки и ноги Хью, задрала ему рубашку и провела ладонью по животу – нет ли сыпи? Ничего не найдя, старая сингалка покачала головой.

– Попроси Лоуренса, чтобы он вызвал врача, – распорядилась Гвен. – Пусть скажет, что Хью сильно потеет, но жалуется, что ему холодно.

– Хорошо, леди. – Навина повернулась к двери.

– И еще пусть скажет, что кожа у Хью выглядит голубоватой и он покашливает.

Пока Хью спал, вздрагивая и ворочаясь в постели, Гвен закрыла ставни и мерила шагами комнату. Вошел Лоуренс. Его встревоженный взгляд побудил ее сохранять спокойствие.

– Вероятно, это одна из детских болезней, – сказала она. – Не волнуйся. Доктор Партридж скоро приедет. Сходи, пожалуйста, на кухню и попроси *анну* приготовить нам чай.

Лоуренс кивнул и вышел из комнаты. Минут через десять он вернулся с двумя стеклянными кружками на серебряном подносе. Гвен улыбнулась мужу. Меньше всего ему сейчас нужно видеть ее растущую нервозность. Она подошла к Лоуренсу и взяла у него поднос.

Пока они ждали врача, Гвен пела детские песенки, а Лоуренс пытался подпевать, но путал слова и специально менял их местами, чтобы развеселить Хью.

Когда прибыл доктор Партридж со своим неизменным коричневым кожаным чемоданчиком, Хью все еще бодрствовал, но был очень сонным.

Доктор сел на кровать.

– Ну, давай-ка осмотрим тебя, старичок, – сказал он и широко открыл рот, показывая Хью, что нужно сделать, однако в комнате стоял полумрак, и было ясно, что рассмотреть ничего не удастся. – Лоуренс, открой ставни, будь добр.

Просьба была исполнена. Партридж взял мальчика на руки, сел в стоявшее у окна кресло и осмотрел горло ребенка. Он ощупал шею Хью, которая с виду немного распухла, потом послушал пульс, прикоснувшись к запястью, после чего глубоко вздохнул и покачал головой:

– Давай проверим, можешь ли ты пить, а? Гвен, у вас есть под рукой стакан воды?

Она подала ему свой, Партридж усадил Хью прямо и поднес к его губам питье. Мальчик приложил руку к опухшей шейке и сделал глоток, но поперхнулся и выплюнул воду, после чего зашелся кашлем.

Когда приступ прошел, доктор послушал грудь малыша и посмотрел на Гвен:

– У него хрипы. Он много кашлял?

– Время от времени.

– Хорошо, а теперь обратно в постель.

Гвен отнесла Хью на свою кровать и укрыла одеялом.

– Мальчику нужен абсолютный покой. Даже если станет немного легче, не позволяйте ему вставать. Сердечный ритм у него учащен, так же как и дыхание. Подложите ему под спину пару подушек, так будет легче дышать, и постарайтесь увлажнить воздух как можно сильнее. Потом нам останется только ждать.

Гвен и Лоуренс тревожно переглянулись.

– Так что с ним? – спросила Гвен, стараясь говорить спокойно.

– Это дифтерия.

Она в ужасе закрыла рот рукой и увидела, что Лоуренс напряженно замер.

– Боюсь, голубизна кожных покровов подтверждает это. Несколько детей в одной соседней деревне тоже заразились.

– Но ему ведь сделали прививку, – удивленно проговорил Лоуренс, повернувшись к жене. – Гвен?

Она зажмурила глаза и кивнула.

Доктор пожал плечами:

– Может, была бракованная партия.

– А какой прогноз? – дрожащим голосом спросила Гвен.

Партридж склонил голову:

– На этой стадии трудно сказать. Простите. Если появятся поражения на коже, просто держите эти места в чистоте. Попробуйте поить его, если удастся. И, находясь рядом с ним, вы все должны закрывать рот и нос хлопчатобумажными масками. У вас наверняка есть пара штук в доме, но я сейчас же пришлю еще.

– А что, если?..

В комнате наступила пугающая тишина. Голос Гвен оборвался. Лоуренс накрыл ладонью ее руку и крепко сжал, будто хотел остановить ее, чтобы она не произнесла слов, которые будет ничем не стереть из памяти.

– Давай пока не будем об этом думать, – хриплым голосом произнес он.

Она поняла, что, говоря так, Лоуренс надеялся отсрочить неизбежное и почувствовала взрыв жара в голове.

– Только пока?

Гвен хотелось дать выход страху, но она заставила себя оставаться спокойной.

В следующие дни Верити и Гвен вытирали капли пота, то и дело выступавшие на лбу Хью, и старались сбивать ему жар. Навина принесла влажное полотенце и повесила его на окно – для увлажнения воздуха, объяснила она. С той же целью она прибила гвоздями мокрую простыню к косяку в дверном проеме. Потом положила в плоскую миску несколько горячих угольков и плеснула на них немного горячей воды.

– Это для чего? – спросила Гвен.

– Нужно держать воздух чистым, леди.

В течение следующих двух дней состояние больного оставалось неизменным – ни лучше, ни хуже. На третий день кашель усилился,

мальчик с трудом дышал и стал совсем серым. Гвен глядела на мух, бившихся о стекло и падавших на пол, и чувствовала, что не может дышать. Она сорвала с лица маску и, перебарывая страх за Хью, легла рядом с ним и, прижавшись щекой к его щеке, крепко обняла сына. Лоуренс уединился в своем кабинете, но время от времени появлялся в комнате, чтобы дать Гвен отдых от бдения у постели больного. Ради мужа она старалась улыбаться, но от Хью почти не отходила.

Лоуренс не позволял Гвен съесть в спальне то небольшое, что она могла в себя впихнуть, говоря, мол, ни к чему, чтобы она тоже заболела, и что силы ей еще понадобятся. Пока Гвен пыталась поесть, за Хью следила Верити и потом всякий раз с измученным видом предлагала остаться.

Навина принесла какие-то сладко пахнущие травы и положила в плошку над свечой, стоявшей в глиняном горшке.

– Это поможет, леди, – сказала она.

Однако аромат не помог. Оставшись наедине с Хью, Гвен присела на его кровать, сомкнула веки усталых глаз, сложила руки на коленях и стала молить Бога, чтобы Он позволил ее ребенку выжить.

– Я сделаю все, чего Ты потребуешь, – обещала она. – Все. Я буду безупречной женой и самой лучшей матерью.

Она подошла к окну и, пока Хью спал, потеряла счет времени, наблюдая за тем, как цвета сада меняются с течением дня от бледно-зеленого утреннего к темно-фиолетовому ночному. Со слезами на глазах она глядела на озеро, пока не стерлась грань между водой и линией деревьев. Состояние Хью ухудшалось, а Гвен с тяжелым чувством в груди прислушивалась к домашним звукам – люди занимались своими делами, как обычно. Все это казалось ей нереальным – и утреннее оживление, и дремотные часы после полудня. Гвен попросила принести какие-нибудь вещи для починки, предпочтительно Хью, но, впрочем, подошли бы любые, лишь бы занять чем-то руки.

Каждая минута, когда Хью спал, дарила облегчение. Гвен шила, тонкая игла сновала туда-сюда, длинная цепочка мельчайших стежков тянулась и тянулась по ткани. То Верити, то Лоуренс входили и выходили на цыпочках, но никто не говорил ни слова. Чем больше Хью спит, тем выше его шансы на выздоровление.

Ночью все было иначе – рядом никого, и тишина становилась невыносимой. Когда Хью начинал дышать тяжело, Гвен с болью в сердце слушала, как он мучается, но, по крайней мере, знала, что ее сын жив. А когда все звуки как будто затихали, она обмирала от ужаса, и сердце ее начинало биться, только когда хриплое дыхание ребенка возобновлялось.

Ночью Гвен одолевали воспоминания о младенчестве Хью. Он был таким плаксивым малышом. Она отказывалась думать, что может случиться худшее или о том, как станет жить без своего любимого мальчика.

Гвен нарисовала его себе щекастым ползунком, пытавшимся делать первые шаги, потом припомнила, как будил ее по утрам громкий топот сынишки. А его первая стрижка! Как он завертелся, увидев ножницы! Навине даже пришлось держать его. Потом она вспомнила, как Хью ненавидел омлет на полдник, но любил вареные яйца с копченой селедкой по утрам. И его первые слова: «Нина», «мама» и «папа». Верити так хотела, чтобы он произнес и ее имя тоже, снова и снова повторяла: «Ве-ри-ти». Но Хью удавалось произнести только «Витти».

Все прежние тревоги снова наполнили сердце Гвен. Она вспомнила портрет Кристины, написанный Сави Равасингхе, и то, что Кристина сказала больше трех лет назад: «Все влюбляются в него в конце концов». Так ли? Гвен вернулась мыслями к балу и к тому, как Сави провожал ее в номер. Подумала о Фрэн, которая связалась с таким мужчиной, и пожалела свою кузину. А когда веки Хью затрепетали во сне, мысли ее обратились к сингальской деревне, где жила Лиони. Если эта ужасная болезнь добралась до Хью, ребенка, живущего в достатке, как уязвима, должно быть, ее маленькая дочь.

В моменты между сном и бодрствованием Гвен молилась за свою малышку, так же как за Хью, и потом уходила в свой темный внутренний мир. Мысли носились в голове кругами, и она разрывалась между деревней и своим домом. Ей вспомнились мужчины, купавшие в реке слонов. Как просто живут там люди: женщины готовят еду на открытом огне, мужчины ткут на примитивных станках. Ее собственная привилегированная жизнь вдруг показалась ей лишенной даже самого простого покоя.

Наконец ее умом полностью завладела одна мысль.

Она уже отдала одного ребенка. Если болезнь Хью – ее наказание за принесенное в жертву ради собственного благополучия счастье дочери, единственный способ спасти сына – это сделать то, что правильно. Правда в обмен на жизнь. Это будет сделка, уговор с Богом, и даже если расплатой станет утрата всего, она должна покаяться или потеряет сына.

Глава 16

Больше недели все жили затаив дыхание. Хью все в доме очень любили, даже мальчишки-слуги и кухонные кули ходили с вытянутыми лицами и говорили приглушенными голосами. Но как только малыш пошел на поправку, начал пить и садиться в постели, в доме как будто посветлело и привычный шум повседневной жизни возобновился.

Гвен, наблюдая за сыном, не в силах отойти от него хотя бы ненадолго, чувствовала облегчение не меньшее, чем прежний страх. Лоуренс суетился вокруг с улыбкой на лице и сияющими от счастья глазами. С кровати, где он сидел с сыном и складывал из пазлов картину или читал ему самые лучшие книжки, доносился смех, а Гвен тем временем распорядилась, чтобы мальчику приготовили его любимую еду: бисквит, миндальное печенье, мороженое с манго и кардамоном – все, что она могла придумать, чтобы соблазнить его, все, что даст ему силы снова стать шумным, энергичным ребенком, каким он был до болезни.

Но когда Хью окреп настолько, что мог бегать возле дома, она не захотела отпускать его от себя.

- Мы не должны душить парнишку в объятиях, – сказал Лоуренс.
- Ты считаешь, я это делаю?
- Пусть побегает. Ему от этого станет лучше.
- Сегодня прохладно.
- Гвен, он мальчик.

Она уступила и полчаса следила за тем, как Хью носится за собаками, но, когда Лоуренс ушел, заманила сына в дом фломастерами и новым альбомом для рисования. Пока Гвен наблюдала за ним, ее решимость не спускать с него глаз ни на минуту росла. Занятая мальчиком, она не беспокоилась о Лиони. В ее комнате он рисовал смешные картинки с Боббинс, Спью и Джинджер, которая до сих пор была меньше двух других собак. Именно изобразив Джинджер, залезшую под его кровать, Хью больше всего развеселился.

Однако при виде картинок сына Гвен забеспокоилась. Полнолуние прошло, а последнего рисунка от Лиони так и не привезли. Хотя она едва могла дышать от облегчения, зная, что Хью будет жить, – ему с каждым днем становилось лучше, – в мозгу у нее все слышнее звучал

голосок дочери, пробивавшийся сквозь стену отвлекающих мыслей. Шепот ребенка звал ее сквозь открытые двери, манил вдоль темного коридора, заставлял подниматься по гладким ступеням. Однажды ей показалось, что она увидела силуэт дочери в одном из окон на лестничной площадке, но потом луч света переместился, и Гвен поняла, что это была тень от закрывшего солнце облака.

Чувства, которые удавалось подавлять днем, по ночам усиливались до невероятной интенсивности. Голос Лиони становился громче, требовательнее, преследовал во сне и был таким реальным, что Гвен верила: девочка действительно находится в комнате. Просыпаясь с дрожью и в поту, она получала передышку, видя, что никого, кроме Хью или Навины, принесшей ей чай в постель, здесь нет.

По настоянию Гвен везде в доме расставили свежие цветы – в холле, в столовой, в гостиной и во всех спальнях. Стоило подвять хотя бы одному цветку, и весь букет выкидывали в мусор, а его место занимал новый. Однако никакое количество цветов не уменьшало тревоги Гвен. Она заключила сделку с Богом, но не выполнила свою часть договора и теперь жила в страхе, ожидая последствий.

После того как Хью вернулся в свою спальню, Лоуренс застал жену сидящей, понутив плечи, за маленьким столом – она раскладывала пасьянс. Он остановился рядом и наклонился, чтобы поцеловать ее в макушку. Гвен посмотрела на него. На мгновение их взгляды встретились в зеркале, но, боясь, что предательский блеск глаз выдаст ее, она отвернулась, и губы Лоуренса лишь слегка коснулись ее волос.

– Пришел спросить, не хочешь ли ты, чтобы я остался с тобой на ночь? – Он взглянул на карты. – Или сыграл партию?

– Я бы хотела, но какой смысл лишать себя сна нам обоим?

– Я думал, теперь ты будешь спать, раз Хью поправился.

– Лоуренс, со мной все будет в порядке. Не беспокойся. Все будет хорошо.

– Ну ладно, если ты уверена.

Она сцепила руки, чтобы унять их дрожь.

– Я уверена.

Когда он ушел, Гвен не легла в постель, а продолжила раскладывать пасьянс. Через час она откинулась на спинку кресла, но,

как только закрыла глаза и ощутила, что начинает расслабляться, вдруг широко распахнула веки и сбросила карты со стола на пол, сердито воскликнув:

– Черт возьми, оставь меня в покое!

Но маленькая девочка будто не слышала.

Гвен обошла комнату, машинально беря в руки разные безделушки и ставя их на место. Вдруг малышка больна? Что, если дочь нуждается в ней?

Наконец усталость взяла свое, и Гвен уснула. Но начались ночные кошмары. Она была в поместье Оул-Три, залезала на старый дуб и падала с его ветвей или ехала в воловьей повозке, которая никуда ее не привозила. Гвен проснулась и стала ходить по комнате. Потом написала длинное письмо Фрэн с рассказом о Сави Равасингхе. Положила его в конверт, надписала адрес, поискала марку и, разорвав все на мелкие кусочки, выбросила в корзину для бумаг. После этого села, уставившись в темноту, за которой таилось озеро.

На следующий день Гвен не могла ни на чем сосредоточиться и перестала улавливать нить событий. Было ли ощущение, что мир вокруг нее рухнет, Божьей карой? Может, рисунок не привезли, потому что Лиони больна? – рассуждала она сама с собой. Какой-нибудь пустяковой детской болезнью. Ничего серьезного. Или ее забрали? Детей иногда забирают. Или Сави обо всем узнал и теперь выжидает момент, чтобы подать голос? Каждый день она ждала беды, кусала ногти, не могла есть, терялась в догадках и чувствовала все возрастающий страх.

Она резко говорила с Лоуренсом, Навины вечно не было, когда она нужна, и Хью стал избегать ее, предпочитая проводить время с Верити.

Гвен вынула из шкафа всю свою одежду и разложила ее на кровати, намереваясь решить, что можно переделать, а что она уже никогда не наденет. Перемерила все вещи одну за другой, но каждый раз, взглянув в зеркало, видела, что всё не то. Платья на ней висели, и обручальное кольцо пришлось снять из опасения, как бы оно не соскользнуло с пальца и не потерялось. Примеряя шляпки, Гвен расплакалась. Навина вошла в комнату и застала ее неподвижно сидящей на полу в окружении шляп – фетровых, с перьями, цветами, широкополых, от солнца – и хватающей ртом воздух. Сингалка

протянула ей руку, Гвен взялась за нее, с трудом встала на ноги, прислонилась к Навине, и та поддержала ее.

– Я похудела. Ничего не подходит, – сквозь всхлипы проговорила Гвен.

Старая *айя* не отпускала свою хозяйку.

– Вы немного устали, вот что.

– Я чувствую себя просто ужасно, – сказала Гвен, когда слезы иссякли.

Навина протянула ей платок вытереть лицо:

– Хью уже лучше. Вам не нужно беспокоиться.

– Дело не в Хью. То есть в нем, но не только. – Не в силах произнести ни слова, Гвен подошла к своему столу, вынула из него маленькую шкатулку, нашла ключ, отперла ее и показала рисунки Навине. – Что, если она больна?

Сингалка погладила ее по спине:

– Я понимаю. Вы не должны ломать себе голову. Оставьте. Следующий рисунок привезут. Вы позовите себе доктора, леди.

Гвен покачала головой.

Но позже в тот же день, когда у нее стало зудеть все тело, будто с него содрали кожу, она больше не могла терпеть. Пошатнувшееся психическое равновесие вкупе с недосыпанием вызвали боль во всем теле. Гвен подсакивала от малейшего шума, слышала звуки, которых нет, чувствовала себя неспособной справиться с простейшими делами и заметила, что ходит кругами: начинает что-то, бросает, потом вообще забывает, чем была занята. Дойдя до точки, в которой она ощутила потерю связи со всем, что было ей дорого, она капитулировала и смирилась с необходимостью обратиться за помощью.

Глава 17

К счастью, доктор смог приехать вскоре после того, как Гвен ему позвонила. Зная, что порошки, которые он собирался ей прописать, приготовят и привезут, она захотела в ожидании чем-нибудь себя занять. В таком тяжелом состоянии Гвен едва ли могла взяться за изготовление сыра, но она научила одного из кухонных мальчиков выполнять эту работу, так что вместо сыроделия обратила свое внимание на домашние счета.

За прошедшие годы Гвен разобралась с несовпадением между оплаченными заказами и тем, что действительно появлялось в доме. Она сама проверяла все, что привозили, и сопоставляла привезенные товары с выставленными счетами. Наконец все стало сходиться, и хотя Гвен подозревала, что *анну* подворовывает, доказать это было трудно. Сейчас она не ожидала увидеть никакой недостачи.

Навина присматривала за Хью, а Гвен села за стол и заставила себя забыть о тревогах. Потерев лоб, чтобы унять головную боль, она заметила счет на неожиданно большое количество риса, виски и растительного масла, оплаченный во время болезни Хью. Она пошла в кладовую, рассчитывая увидеть там большой запас продуктов, но обнаружила даже меньший, чем обычно. Второй ключ был только у *анну*.

На кухне Гвен намеревалась спросить об этом повара, но застала там Макгрегора – он сидел за столом перед чайником с чаем и курил трубку.

– Миссис Хупер, – сказал управляющий, наполняя свою чашку. – Как вы? Чая?

– Немного устала, мистер Макгрегор. Чая не надо, спасибо. Я надеялась поговорить с *анну*.

– Он уехал в Хаттон с Верити. Она взяла «даймлер».

– Вот как? Почему они поехали вместе?

– Она сказала, у них какое-то дело.

– Какое еще дело? – нахмурилась Гвен.

– Она следила за заказами, пока вы были заняты Хью. Наверное, они забирают какие-то продукты.

– И счета тоже она оплачивала?

– Полагаю, ей пришлось это делать.

– А вы так и ездите в банк в Коломбо?

– Да, я привожу зарплату рабочих и деньги на домашние расходы. – Макгрегор помолчал. – Ну, обычно это делаю я, но в этом месяце у нас очень много чая в производстве и Лоуренс был занят, так что в банк ездила Верити.

– На «даймлере», я полагаю?

Он кивнул.

Гвен уложила Хью спать и, надеясь, что снотворное скоро привезут, попросила Навину прийти к ней в комнату.

Когда сингалка села на стул, Гвен посмотрела в ее спокойные темные глаза:

– Почему рисунок в этом месяце запаздывает? Мне нужно знать. – (Навина пожала плечами. Что означал этот жест?) – С ней по-прежнему все хорошо? Или что-то случилось? – продолжила Гвен.

– Подождем еще немного, леди, – сказала Навина. – Если бы девочка заболела, я бы уже слышала.

Гвен чувствовала себя ужасно усталой и с трудом могла поддерживать даже самый простой разговор, но ей нужно было знать, что с Лиони не произошло ничего плохого.

Во время их беседы вошла Верити:

– Привет! У меня для тебя кое-что есть.

– Спасибо, Навина, – сказала Гвен и кивнула, отпуская служанку.

– Мы были в Хаттоне, – продолжила Верити, когда та вышла.

– Я слышала.

– Я столкнулась со стариком Партриджем.

– Верити, он вовсе не стар. Разве что волосы у него редеют. – Она слабо улыбнулась. – Ты знаешь, он ужасно мил. Тебе повезло.

Верити вспыхнула:

– Не говори глупостей! Он дал мне рецепт, чтобы в аптеке приготовили лекарство. Собирался сам его заказать, но я сняла с него эту проблему. Хочешь, растворю тебе порошок в горячем молоке?

– О, пожалуйста, будь добра.

– Ты пока укладывайся, а я пойду на кухню и подслащу его доброй порцией патоки, чтобы отбить неприятный вкус. Что скажешь?

– Спасибо. Это хорошо.

– Если кто и знает, как отвратительна бессонница, то это я. Хотя я удивилась, учитывая, что Хью поправился... Я думала, ты будешь отключаться мигом.

– Кажется, я стала тревожной из-за его болезни.

– Верно. Через секунду вернусь.

Гвен разделась и взяла белую ночную рубашку, которую положила для нее на кровать Навина, поднесла ее к лицу и вдохнула свежий цветочный запах, потом надела через голову и завозилась с пуговицами. Чувство вины зацементировало Гвен изнутри, но, сцепив руки и стараясь вспомнить более счастливые времена, она пыталась оградить себя от мрачных раздумий. Если Навина права, может быть, Лиони вовсе не больна, а рисунок просто перехватили.

Допустим, ей суждено потерять все, тогда лучшее, на что она может рассчитывать, – это что ее отправят обратно в Оул-Три и не дадут видеться с сыном. Гвен задрожала от мысли, что Хью останется без матери, и представила себе Флоранс Шуботэм и других женщин, взирающих на нее с выражением превосходства на лице, если всплывет история с Лиони. Криво усмехаясь, они будут поздравлять друг друга с тем, что это ей, а не им выпало на долю уступить домогательствам очаровательного сингала.

К моменту возвращения Верити Гвен уже трясло от страха.

– Боже! Тебе совсем плохо. Вот. Питье не горячее, так что пей быстро. Я посижу с тобой, пока ты не уснешь.

Гвен проглотила розоватую молочную смесь, горечь оказалась не такой уж сильной, и очень быстро ощутила, что веки у нее слипаются. Несколько минут она погружалась в сон, ощущая приятную дремоту. Головная боль прошла. Гвен попыталась вспомнить, что ее беспокоило, а потом полностью утратила чувство реальности.

На следующее утро Гвен едва могла оторвать голову от подушки, хотя и лежать головой на подушке ей было больно. Она слышала раздраженные голоса в коридоре, вроде бы Навина и Верити ругались.

Через несколько минут вошла *айя*:

– Я приносила вам постельный чай раньше, леди, но не смогла разбудить вас. Я трясла вас.

– Какие-то проблемы с Верити? – спросила Гвен и посмотрела на дверь. Старой *айе* было явно не по себе, но она молчала. Гвен ощутила

озноб и липкий пот, как будто заболела гриппом. – Мне нужно встать, – сказала она и попыталась спустить ноги на пол. Тут как раз вошла Верити:

– О, не вставай. Тебе нужен покой, пока не станет лучше. Можешь идти, Навина.

– Я не больна, просто устала. Мне нужно присматривать за Хью.

– Оставь Хью мне.

– Ты уверена?

– Абсолютно. Вообще предоставь мне все. Я уже обсуждала меню и платила домашним слугам.

– Я хотела поговорить с тобой. – Гвен почувствовала, что не может сосредоточиться, и на мгновение отключилась. – Не могу вспомнить. О доставке, что ли? Или о чем-то другом...

– Для тебя есть и дневной порошок. Я смешаю его с медом и чаем. Наверное, для него молоко тебе не нужно.

Верити ушла на кухню и вернулась со стаканом мутной красно-коричневой жидкости.

– Что это?

Верити склонила голову:

– Хм... Не уверена. Я точно следовала инструкции.

Почти сразу после приема снадобья Гвен расслабилась, и ее охватило весьма приятное ощущение, будто она парит в воздухе, не чувствуя собственного веса. Все тревоги рассеялись, и она снова отключилась.

Гвен начала привыкать к «магическому зелью», как она называла про себя порошки. Стоило ей выпить зелье, и она плыла в тумане, свободная от переживаний и головных болей, но вместе с этим эмоциональным ступором она почти лишилась аппетита и способности поддерживать нормальный разговор. Когда однажды вечером к ней заглянул Лоуренс, она попыталась быть собой, но, судя по его встревоженному взгляду, ей это не удалось.

– Утром придет Партридж, – сказал он. – Бог знает, что он тебе прописал.

Гвен пожала плечами. Лоуренс взял ее руку.

– Я в порядке.

– У тебя кожа липкая.

– Я же сказала, со мной все в порядке.

– Гвен, это явно не так. Ты бы не принимала вечером лекарство.

По-моему, тебе от него только хуже. Навина тоже так думает.

– Она так сказала?

– Да. Она пришла ко мне, сильно встревоженная.

Горло у Гвен сжалось.

– Лоуренс, мне нужно лекарство. Оно мне помогает. Навина ошибается. Оно полностью снимает головную боль.

– Встань.

– Что?

– Встань на ноги.

Гвен подвинулась к краю кровати, опустила ноги и протянула руку:

– Помоги мне, Лоуренс.

– Гвен, я хочу посмотреть, как ты сама это сделаешь.

Она закусила губу и попробовала встать, но комната закружилась, пол качнулся, и мебель съехала со своих мест. Гвен села обратно на постель:

– Что ты просил меня сделать, Лоуренс? Я не могу вспомнить.

– Я просил тебя встать.

– Ну, это ты дурачишься, да? – Она засмеялась, забралась под одеяло и уставилась на него.

Глава 18

Утром Гвен села перед туалетным столиком и открыла ящик, где лежал вышитый носовой платок, сохранивший запах ее матери. Она взяла его и понюхала. Подкрепив себя этим кратким общением с родным домом, Гвен накинула шелковый халат, сунула ноги в тапки, обмотала плечи мягким шерстяным платком и вышла из дому через боковую дверь.

На веранде сидели Верити и Макгрегор.

– Дорогая, как ты? – с широкой улыбкой спросила ее золовка.

– Я хотела немного подышать.

– Посиди с нами. Вот твой напиток. – (Гвен выпила лекарство, но не села.) – Хочешь позавтракать? Тебе станет лучше.

– Пожалуй, я лучше просто погуляю.

– Постой. – Верити открыла сумочку и вынула оттуда сложенный листок бумаги. – Чуть не забыла, но Ник только что напомнил мне. Я ношу это с собой с тех пор, как Хью заболел.

– О?

Верити протянула Гвен мятый листок:

– Можешь передать это Навине? – (Где-то в доме хлопнула дверь. У Гвен ослабли колени, но она постаралась изобразить удивление, глядя на листок, а сердце у нее так и стучало, в голове роем взвились мысли.) – Этот рисунок, – продолжила Верити, – для Навины, то ли от какой-то племянницы, то ли от кухни из деревни в долине. Он немного затерся, и некоторые линии, кажется, пропали.

Кровь отхлынула от лица Гвен – такое потрясение она испытала. Складывая рисунок, она надеялась, что они не заметили объявшего ее страха и тихий голос звучит только в ее голове.

Добропорядочная англичанка не производит на свет цветных детей.

Ник Макгрегор, до сих пор молчавший, взглянул на Гвен:

– Я поймал с этой запиской кули, который доставляет молоко.

– О...

– И теперь молоком занимается другой человек, ему строго запрещено передавать любые послания.

– Я отнесу это Навине.

– Я хотел сказать об этом раньше, но с болезнью Хью... – Макгрегор развел руками; Гвен не смела рта раскрыть. – К тому же вы и сами были нездоровы. – Он помолчал.

– Гвен, ты совсем бледная. Ты в порядке? – Верити протянула к ней руку, но Гвен отступила.

Они знают. Они оба знают и разыгрывают ее.

– Ну, все равно, – продолжил Макгрегор, – я не могу допустить, чтобы мои кули передавали записки, даже для *айи*.

Гвен искала слова:

– Я прекращу это.

– Хорошо. Ни к чему, чтобы слуги возомнили, будто они имеют право отправлять записки, когда им вздумается. Времена беспокойные, и нужно пресекать все каналы подпольной связи, даже самые незначительные.

– Будем надеяться, этот рисунок действительно от ее родственницы, а не от какого-нибудь политического активиста, – добавила Верити. – Я всегда считала, что у Навины нет родных.

Гвен силилась унять дрожь, нужно было как-то сменить тему, и, цепляясь за ускользающие мысли, она собралась было заговорить. К счастью, Макгрегор встал, и Гвен воспользовалась шансом сбежать от них.

Сад, казалось, был охвачен пламенем. Гвен шла мимо кустов и вела одной рукой по красным и оранжевым цветам, а в другой сжимала рисунок Лиони. Придется искать какой-то другой способ сообщения с деревней, но, по крайней мере, теперь она знала, что случилось с не доставленным вовремя рисунком. Он задержался не потому, что она не сделала признания. Лиони ничто не угрожало, с ней все в порядке, и беспокоиться в этом смысле не о чем.

Гвен подошла к озеру и подумала, не искупаться ли ей, но лекарство уже начало оказывать действие – нити золота на воде стали мутными, цвет неба смешался с цветом озера, они растворились друг в друге, и Гвен ощутила слабость в ногах. Она встряхнула головой, чтобы прочистить мозги: озеро снова стало озером, а небо – небом, и подошла к лодочному сараю. Вот отличное место – безопасное и полное приятных воспоминаний.

Гвен открыла дверь и оглядела комнату.

Огонь в камине, конечно, не горел, и в домике было сыро, но она устала, а потому взяла вязаный плед, легла на диван и укрылась.

Через некоторое время Гвен услышала голос Хью. Сперва она решила, что задремала, и улыбнулась при мысли о сыне. Ее милый мальчик. Она так мало его видела в последнее время. Всегда-то у него «Верити то» да «Верити это». Но, услышав и голос Лоуренса тоже, а потом снова Хью, Гвен исполнилась желанием увидеть обоих своих мальчиков. Ей захотелось погладить сына по волосам и ощутить себя в объятиях Лоуренса. Она попыталась встать, но, почувствовав, что голова у нее словно раздулась до невероятных размеров, ухватилась за подлокотник дивана, чтобы не упасть.

– Поищем маму там? – услышала Гвен.

– Хорошая идея, старичок.

– Папа, а Уилфреду можно тоже войти?

– Давай-ка я первый загляну, а там посмотрим.

Гвен увидела темную фигуру Лоуренса в дверном проеме:

– О, Лоуренс, я...

Он подошел, навис над ней и, казалось, занял собой все пространство. Сказал несколько слов, и потом свет в ее глазах померк.

Когда Гвен пришла в себя, она услышала голос мужа. Они находились в ее спальне, рядом с Лоуренсом у окна стоял доктор Партридж. Она не видела их лиц, только силуэты и сложенные за спинами руки.

Гвен кашлянула, и доктор обернулся:

– Я бы хотел осмотреть вас, Гвен, если вы не против.

Она попыталась пригладить волосы.

– Ну, я наверняка выгляжу абсолютным пугалом, но, вообще-то, Джон, со мной все в порядке.

– Тем не менее... – Он заглянул ей в глаза, послушал сердце. – Лоуренс, ты говоришь, она упала в обморок?

– Я нашел ее на полу в лодочном сарае.

– И она казалась потерявшей ориентацию? – (Гвен посмотрела на Лоуренса, тот кивнул.) – У нее зрачки размером с булабочный укол и сердцебиение частое. – Партридж перевел взгляд на пациентку. – Где стакан, из которого вы в последний раз пили лекарство, Гвен?

– Я не знаю. Где-то снаружи. Не помню точно.

Гвен закрыла глаза и дремала, пока Лоуренс искал стакан. Он вернулся и передал его доктору.

Тот принялся, обмакнул кончик пальца в остатки на дне и лизнул его:

– Это, кажется, очень крепкий раствор.

– Где порошки, которые прописал Джон? – спросил Лоуренс.

Гвен махнула рукой в сторону ванной. Лоуренс сходил туда и принес несколько прямоугольных бумажных пакетиков.

Доктор взял их и сдвинул брови:

– Но это слишком большая доза. – Лоуренс в ужасе уставился на него; Партридж выглядел ошарашенным. – Простите меня. Я не понимаю, как такое могло произойти.

– Ты, наверное, ошибся, когда выписывал рецепт.

Доктор покачал головой:

– Может быть, в аптеке неверно прочли. – (Лоуренс сурово поглядел на него.) – В любом случае Гвен должна немедленно прекратить принимать это. Для ее телосложения такая доза не подходит. Возможны некоторые реакции. Боли, потливость, беспокойство. У нее может быть плохое настроение. Позвоните мне, если через пять-шесть дней это не прекратится. Я посмотрю, что можно сделать.

– Буду надеяться. Это непростительно.

Доктор Партридж поклонился и ушел, а Лоуренс сел у постели Гвен.

– Скоро тебе станет лучше, дорогая. – Потом он протянул ей листок бумаги. – Я нашел один из рисунков Хью на полу в лодочном сарае рядом с тем местом, где ты упала.

– О, я удивилась, что он там делает, – сказала Гвен, стараясь не выдать волнения.

Действительно ли Лоуренс верит, что это рисунок Хью?

– Мы, наверное, не заперли дверь, но, думаю, это старый рисунок. Его последние намного лучше. По крайней мере, теперь всегда можно различить лицо. – Он улыбнулся, передавая листок Гвен.

Она заставила себя ответить улыбкой, беря его. Лоуренс ни о чем не догадался.

Глава 19

Три дня Гвен чувствовала себя ужасно. Злясь на Лоуренса за то, что он позвал врача и лишил ее снотворных порошков, она с ним не разговаривала, ела – совсем немного – в своей комнате. Ей было настолько плохо, что даже общение с Хью не могло поднять настроения. Больше всего на свете ей хотелось оказаться дома, с матерью, и никогда в жизни не встречаться с Лоуренсом Хупером. Она лила злые слезы.

Пока Гвен принимала лекарство, ее не мучили ни тревоги, ни головные боли, но теперь на нее как будто что-то нашло. Голова раскалывалась так, что она просто не могла ни о чем думать, ладони постоянно были влажными, а между грудей тек пот, отчего приходилось по три раза на дню менять ночную рубашку. Гвен едва сознавала, кто она, все суставы ломило, под кожу словно вонзали иглы, мышцы одеревенели, и каждое прикосновение к ним было болезненным.

На четвертый день, пытаясь вернуть себе подобие разумности, Гвен достала все письма матери и, заливаясь слезами, перечитала их. Нахлынули воспоминания о доме, мягкое утреннее солнце танцевало мозаикой света по разложенным на столе письмам. Она скучала по Англии – по морозным зимам, по первым подснежникам, по сладким летним дням на ферме. Но больше всего она скучала по той юной девушке, какой была: полной надежд и веры, что в жизни все будет прекрасно. Закончив плакать, Гвен приняла ванну, вымыла голову и почувствовала себя немного лучше.

На пятый день руки у нее все еще тряслись, но она решила одеться и – не без внутренних колебаний – пообедать в столовой. Гвен постаралась выглядеть как обычно и надела миленькое муслиновое платье с длинным шифоновым шарфом. Платье сидело на ней свободнее, чем раньше, но юбка его очень приятно колыхалась, когда Гвен шла, и это давало ей упоительное ощущение, будто ее ноги омываются струями прохладной воды.

Уже давно перевалило за полдень, но она решила быстренько проверить запасы продуктов в кладовой и, отворив тяжелую дверь, удивилась, увидев полки, трещавшие под тяжестью мешков с рисом,

бутылей масла и ящичков виски. *Анну* наблюдал за действиями хозяйки и, поймав на себе ее хмурый взгляд, пожал плечами и пробормотал что-то неразборчивое себе под нос. Гвен почесала в затылке. Непонятно. Что с ней не так? Неужели ей померещилось, что в прошлый раз, когда она заглядывала в кладовую, такого обилия продуктов там не было? Гвен покачала головой: как же неприятно терять контроль над собой!

Дожди еще не начались, небо прояснилось. Прежде чем идти в столовую, Гвен вернулась в свою спальню и открыла окно – воздух показался ей спертым. С другого конца сада до нее донеслось насвистывание садовника. В доме зазвонил телефон, кто-то запел. Все казалось таким нормальным. Выходя из комнаты, она уже почти уверилась, что нарушенная сделка с Господом осталась в прошлом, и даже начала сомневаться, имеет ли она вообще веру? Но пришла к заключению, что имеет, иначе как бы она могла надеяться на прощение?

Стол к обеду был накрыт на четверых. Лоуренс, мистер Макгрегор и Верити уже сидели на своих местах, два мальчика-слуги ждали сигнала.

– Ах, вот и она, – с широкой улыбкой проговорил Лоуренс.

Как только Гвен опустилась на стул, еду мгновенно подали.

– Очевидно, суфле может испортиться, – сказала Верити. – Оно и в лучшие времена не всегда удается.

За едой говорили о чае, грядущих аукционах и залоге, который внес Лоуренс за новую плантацию. Верити, казалось, была в отличном настроении, и Лоуренс тоже выглядел счастливым.

– Ну, я рад сообщить, что недавние инциденты в рабочих линиях, похоже, улажены, – сказал Макгрегор.

– Мистер Ганди намерен снова посетить Цейлон? – спросила Верити.

– Сомневаюсь. Но если он и приедет, это не доставит нам проблем. Рабочим не разрешат пойти на митинг.

– А может, им лучше пойти? – сказала Гвен, поворачиваясь к Лоуренсу. – Как ты думаешь?

Он нахмурился, и у нее создалось впечатление, что это было причиной разногласий между мужчинами.

– Вопрос гипотетический, – сказал Макгрегор.

– А из-за чего возникли последние беспорядки? – спросила Гвен.

– Все как обычно, – отозвался Макгрегор. – Права рабочих. Явились агитаторы, заварили бучу, а мне расхлебывать.

– Я надеялся, что нового Законодательного совета будет достаточно, – сказал Лоуренс. – А также количества денег и времени, которые департамент по сельскому хозяйству тратит на обучение людей прогрессивным методам земледелия.

– Да, но рабочим от этого никакого толку, верно? – заметила Гвен. – И Джон Партридж однажды говорил мне, что большие перемены не за горами.

– Ты права, – хмыкнул Лоуренс. – Национальный конгресс считает, что сделано недостаточно.

– Кто знает, что у них на уме. – Макгрегор скривил губы и засмеялся. – И вообще, думают ли они? Это все так называемые интеллектуалы пытаются обозлить рабочих. Одно дело – в Англии разрешить женщинам старше двадцати одного года голосовать, но понравится ли вам, если право голоса получают неграмотные туземцы?

Гвен мучительно сознавала: дворецкий и мальчишки-слуги слышат этот обмен мнениями, и ей было стыдно, что Макгрегор позволяет себе такие бестактные высказывания. Ее подмывало как-нибудь возразить ему, но она чувствовала, что в столь хрупком состоянии не осмелится.

Остальную часть обеда Гвен искала пути возврата к себе прежней, но связь с реальностью возникала лишь отдельными вспышками. Она вступала в разговор, следила за его ходом, но потом внимание рассеивалось, и она сбивалась. Приглядываясь к Верити и Макгрегору, Гвен все ждала, не скажут ли они чего-нибудь еще о рисунке, но ее мозг пока работал недостаточно четко, и наблюдения ни к чему не привели. Мужчины еще немного пообсуждали политическую ситуацию. Наконец в столовую внесли залитый сливками бисквит, и атмосфера за столом разрядилась. Гвен испытала облегчение.

– Какая красота! – воскликнула Верити, захлопав в ладоши.

Когда десерт был съеден, наступила тишина.

– Не хочешь ли прогуляться, Гвен? – с улыбкой спросил Лоуренс.

Увидев тепло в его глазах, она ощутила прилив сил.

– С удовольствием. Только схожу за шалью. Я что-то не могу понять, жарко мне или холодно.

– Не спеши. Я подожду тебя на террасе.

Гвен пошла в свою комнату, достала любимую шаль и накинула на плечи. Шаль была кашмирская, с красивым павлином, вплетенным в узоры пейсли. Раньше она принадлежала ее матери, и сине-зеленая шерсть местами истончилась. Гвен собиралась уже закрыть окно в спальне, когда услышала голос Лоуренса – муж разговаривал с кем-то в саду. Толстые стены дома не пропускали внутрь жару и шум, но никто, кажется, не думал, что, когда ее окно открыто, она слышит каждое слово, произносимое на террасе или в любой точке с этой стороны сада.

– Ты не должна воспринимать это как личную обиду, – говорил Лоуренс.

– Но почему я не могу пойти с вами?

– Мужчине иногда приятно провести время наедине со своей женой, к тому же она была больна, не забывай.

– Она всегда больна.

– Это вздор, и мне больно слышать такие слова после всего, что я для тебя сделал.

– Ты все делаешь только для нее.

– Она моя жена.

– Да, и не позволяет мне забыть об этом.

– Ты сама знаешь, что это не так.

Лоуренс помолчал, а Верити что-то пробормотала.

– Я выделяю тебе щедрое содержание. Передал тебе права на дом в Йоркшире и позволяю жить здесь сколько хочешь.

– Я вежлива с ней.

– Мне хотелось бы, чтобы ты ее полюбила.

«Не думай, – велела себе Гвен, и слезы подступили к ее глазам. – Не шевелись». И хотя ей неприятно было слушать этот разговор, она осталась на месте.

– После смерти Кэролайн ты принадлежал мне одной.

– Да, так и было. Но тебе нужно строить свою жизнь. Это нездорово, что ты цепляешься за меня. А теперь скажу только одно: пора тебе искать себе мужа, больше я не собираюсь это обсуждать.

– Не знаю, когда ты успел прийти к такому выводу, но ты прекрасно знаешь, что есть только один человек, за которого я хотела бы выйти замуж. – Во время продолжительной паузы, пока Лоуренс и

Верити молчали, Гвен закрыла глаза; потом снова раздался голос ее золовки. – Думаешь, меня убрали на полку?

– Кажется, ты сама себя туда убрала. – Его голос прозвучал резко, а ее, когда она ответила, раздраженно:

– У меня есть веская причина. Ты думаешь, что знаешь все, но это не так.

– О чем ты говоришь?

– Знаешь. Кэролайн... и Томас.

– Перестань, Верити, с тобой такого никогда не случится.

– Ты, может быть, и мой старший брат, но кое-чего о нашей семье не знаешь.

– Не впадай в мелодраму. В любом случае я считаю, ты проводишь здесь слишком много времени. Пора тебе заняться чем-нибудь.

– Говори что хочешь, Лоуренс, но...

Они отошли, голоса их стихли, и Гвен ничего больше не слышала. Она вдохнула и медленно выдохнула сквозь неплотно сомкнутые губы. Столько усилий потрачено на Верити, и все напрасно. Гвен чувствовала себя обиженной. Думая об этом, она расхаживала взад-вперед по комнате, но тут в дверях появился Лоуренс:

– Ты выглядишь прелестно, Гвен.

Она улыбнулась, радуясь, что он заметил.

– Я слышала твой разговор с Верити в саду. – (Лоуренс не ответил.) – Она меня не любит. А я надеялась, ведь столько времени прошло.

– Верити такая непростая девушка, – вздохнул он. – Думаю, она старалась как могла.

– Кто тот мужчина, в которого она влюблена?

– Ты о ее женихе?

– Нет, я о том, который не ответил на ее чувства.

Лоуренс сдвинул брови:

– Это Сави Равасингхе.

Гвен уставилась в пол, лицо ее застыло. Она силилась не выдать потрясения. Последовала долгая пауза, в продолжение которой перед глазами у нее стояла картинка: ее шелковые французские трусики на полу.

– Он поощрял Верити? – наконец спросила Гвен.

Лоуренс пожал плечами, но тело его напряглось, будто он не мог заставить себя произнести какие-то слова.

– Они познакомились, когда он писал портрет Кэролайн.

– Где этот портрет, Лоуренс? Я никогда его не видела.

– Я держу его в кабинете.

Когда он посмотрел на Гвен, она увидела в его глазах глубокую боль, но, кроме того, и злость. Почему? Почему он разозлился на нее?

– Мне хотелось бы увидеть. У нас есть на это время до прогулки? – (Лоуренс кивнул, но молчал все время, пока они шли по коридору.) – Сходство хорошее? – спросила Гвен. – Лоуренс снова не ответил, а когда отпирал дверь, руки у него дрожали; войдя, Гвен окинула взглядом комнату. – В прошлый раз портрета здесь не было.

– Я снимал его пару раз, но всегда снова вешал на место. Ты не против?

Гвен не вполне разобралась в своих чувствах, но кивнула и стала рассматривать портрет. Кэролайн была изображена в красном сари, вытканном золотыми и серебряными нитями, а длинный шарф, свисавший с плеча, был украшен орнаментом из птиц и листьев. Равасингхе показал красоту своей модели не так, как на фотографии, которую видела Гвен, – что-то хрупкое и печальное в облике Кэролайн поразило Гвен.

– Нити – это настоящее серебро, – сказал Лоуренс. – Я сниму портрет. Нужно было уже давно убрать его куда подальше. Не знаю, почему я этого не сделал.

– Она всегда ходила в сари?

– Нет.

– Мне показалось, ты в какой-то момент рассердился.

– Возможно.

– Ты что-то от меня скрываешь?

Он отвернулся. «Может быть, Лоуренс злится на себя, – подумала Гвен, – или до сих пор чувствует вину за то, что не отправил Кэролайн на лечение?» Она хорошо знала, каково это, когда угрызения совести гложут тебя изнутри, сперва исподтишка, но постепенно разрастаются и начинают жить собственной жизнью. Гвен стало грустно от ощущения, что ее муж, вероятно, никогда не оправится полностью от удара, нанесенного трагической гибелью первой жены.

Глава 20

Время шло, и, несмотря на моменты сильной тревоги, когда Гвен приходилось неистово сражаться с паникой, она день ото дня чувствовала в себе все больше сил. Хью колесил повсюду на новом велосипеде, и Лоуренс был весел. Гвен читала любимые книги, сидя на скамье у озера, где слушала птиц и плеск воды, отдаваясь на волю целительных сил природы. Постепенно она начала ощущать себя прежней, тревога из-за рисунка и угрызения совести из-за нарушенного уговора с Богом начали отступать.

Гвен поняла, что действительно выздоравливает, когда съела свой первый за много месяцев полноценный завтрак. Сосиски, слегка поджаренные, как она любит, яйцо, два тонких ломтика бекона, кусок подрумяненного хлеба, и все это было запито двумя чашками чая.

Куда утекло несколько месяцев, Гвен не могла сказать, но на дворе уже стоял октябрь, и она наконец почувствовала себя бодрой. За окном свежий ветер поднимал рябь на озере. Прогулка с Хью – это то, что нужно, подумала она. Кликнула Спью с Боббинс и нашла сына – он сидел на лошадке-качалке и криками понукал ее:

– Но-о! Но-о!

– Дорогой, хочешь погулять с мамой?

– А Уилфу можно пойти?

– Конечно можно. Только надень резиновые сапоги. Будет мокро.

– Дождя пока нет.

Гвен поморщилась и взглянула на небо. В последние несколько месяцев она почти не замечала, какая была погода.

– Может быть, глупая старушка-мама не заметила, что дожди прекратились.

Хью засмеялся:

– Глупая старушка-мама! Так Верити говорит. Я принесу воздушного змея.

Гвен подумала о своей золовке. В последнее время с ней не было проблем. Верити прислушалась к замечаниям Лоуренса и, хотя по-прежнему жила с ними, сейчас на время куда-то уехала.

Ни Верити, ни Макгрегор больше не упоминали о рисунках, и после того, как управляющий запретил молочному кули передавать

записки, Навина подкупила *дохоби*, чтобы тот доставлял их, когда сможет. Теперь это уже не было системой оповещения, так как рисунки попадали к Гвен от случая к случаю, а не около полнолуния, к тому же никто не мог гарантировать, что *дохоби* станет держать рот на замке. Хотя он был человеком жадным, и Гвен надеялась, что получаемые деньги свяжут ему язык.

Гвен и Хью пошли к озеру, под ногами у них чавкало. Гвен не завязала волосы и наслаждалась тем, как их треплет ветер. Собаки убежали вперед, а они с сыном тихонько брели вдоль берега. На другой стороне озера на воду легла полосой фиолетовая тень. Хью находился еще в том возрасте, когда всякая мелочь вызывает напряженный интерес. С решительным, не терпящим возражений видом он подбирал и рассматривал каждый камушек или листок, привлекая его внимание, и наполнял свои и мамины карманы сокровищами, которые через десять минут будут забыты.

Радуясь возвращению к жизни после долгого отсутствия, Гвен наблюдала за сыном, и ее сердце разрывалось от любви к его улыбке, его крепким ножкам, непослушным волосам и заразительному смеху. Воздух был наполнен счастливым щебетом птиц. Гвен подставила лицо солнцу и ощутила умиротворение. И все же одна вещь тяготила ее.

Они прошли еще немного. Хью захныкал, потому что воздушный змей запутался и не хотел лететь.

– Что с ним случилось, мама? Ты можешь его поправить?

– Думаю, папа сможет, дорогой.

– Но я хочу запустить его сейчас. – Разозлившись, что надежды не сбылись, мальчик бросил змея на землю.

Гвен подняла его:

– Давай держись за мою руку, и мы с тобой будем лететь по пути домой.

Хью заулыбался:

– Можно Уилф выберет песню?

Она кивнула:

– Если ты уверен, что Уилф знает песни.

Хью радостно запрыгал:

– Он знает! Он знает! Он знает!

– Ну?

- Он поет, мама. Он поет: «Бе-бе-бе, кричит овечка».
- Гвен со смехом оглянулась – к ним от дома спускался Лоуренс.
- Конечно. Глупая старушка-мама.
- Вот вы где! – крикнул Лоуренс. – Лучше возвращайтесь домой.
- Мы ходили гулять к озеру.
- Ты выглядишь превосходно. Прогулка вернула розы на твои щеки.
- А у меня тоже есть розы, папа?
- Лоуренс засмеялся.
- Я чувствую себя лучше, – сказала Гвен. – И у нас обоих розы.

Только одну вещь нужно было сделать Гвен, чтобы ее разум успокоился окончательно, поэтому на следующее утро она собралась и сказала Навине, что отправляется на долгую прогулку. В глубине души она понимала, что старая *айя* начнет возражать, если узнает настоящую цель ее ухода.

Навина взглянула на небо:

– Скоро пойдет дождь, леди.

– Я возьму зонт.

Выйдя из дому, Гвен направилась по дороге. Глубоко дыша и размахивая руками, она быстро шагала, на ходу ей легче думалось. Серебристая полоска озера скрылась из виду, и Гвен оказалась в таком месте, где пропитанные водой папоротники склонялись почти до самой земли. Из рабочего поселка доносились запах очагов и отдаленный собачий лай. Воздух замер в ожидании. «Затишье перед бурей», – подумала Гвен, глядя на приближающиеся ряды черных туч, разделенных полосами света.

Гвен всегда считала себя хорошим человеком, способным благодаря воспитанию отличить добро от зла. С момента рождения близнецов ее вера в себя сильно пошатнулась, хотя любовь к Хью и Лоуренсу была благом, в этом она не сомневалась. Но как же быть с Лиони? Гвен знала, что девочка жива и здорова, раз пропавший рисунок наконец оказался у нее в руках, но вдруг ее не любят?

Ей припомнился день, когда родилась Лиони, а вместе с этим нахлынули и другие воспоминания, отчего Гвен исполнилась еще большей уверенности в том, что пойти в деревню – это правильное решение. Ей было невыносимо думать, что Лиони, оторванная от

своей настоящей матери, может расти, испытывая необъяснимое чувство заброшенности. Дрожа от предвкушения новой встречи с дочерью, Гвен воображала, как заберет Лиони с собой, но тут начался дождь. Он лил все сильнее, и у Гвен тревожно забилося сердце. Лоуренса, может быть, не так сильно огорчит цвет кожи девочки, как огорчил бы других живущих здесь европейцев, но он будет глубоко уязвлен неверностью жены.

Всю дорогу Гвен искала поворот, но теперь вода уже капала с деревьев и застилала ей глаза, разглядеть что-нибудь вдаль было трудно. Наконец она нашла отходившую вбок дорожку, отмеченную большим, поросшим лишайником камнем, и остановилась рядом с ним отдышаться, прежде чем продолжить путь. Сперва ей удавалось идти, раскрыв зонт, под пологом ветвей, но ярдов через двадцать или тридцать заросли стали слишком густыми. Зонтик зацепился за ветки, Гвен рванула его и порвала. Пока она возилась с зонтом, волосы ее тоже запутались. Гвен, пытаясь, силилась высвободиться и застревала только хуже. Запаниковав, она едва не расплакалась, но наконец вырвалась из зеленого плена. Тропинка исчезла, а зонт пришел в негодность.

Гвен вынимала листья и сучки из волос, а дождь все усиливался. Она вернулась к дороге и, напрягая зрение, вглядывалась в спустившийся на землю туман. По краям дороги появлялись и исчезали какие-то темные фигуры; испугавшись, она выставила вперед руку, чтобы отогнать их. Закричала какая-то птица, послышался громкий треск, а следом за ним – звук ломаемых ветвей.

Гвен отлепила от шеи мокрые волосы и стряхнула с них воду. Раз уж она пустилась в путь, то не желала поворачивать назад. Ей нужно снова увидеть дочь: узнать, как она теперь выглядит, заглянуть ей в глаза и посмотреть на ее улыбку. Ей хотелось подержать девочку за руку, поцеловать ее в щеку и, обняв, покружить, как она кружила Хью. На несколько мгновений Гвен поддалась эмоциям, которые приучилась гнать от себя. Инстинктивно она понимала: если позволит себе ощутить любовь к дочери, то уже не сможет смириться с ее утратой. Теперь, предавшись мечтаниям, Гвен впустила в сердце тягу к родной плоти и крови, и ей стало так больно, что она согнулась пополам. А когда выпрямилась, утерла глаза, сделала глубокий медленный вдох и огляделась. В таком тумане ей никогда не найти деревню. От прилива

крови голова у нее закружилась, Гвен села на камень под проливным дождем, обхватила себя руками и представила, что обнимает Лиони.

Так она и сидела, пока не промокла до нитки, потом подавила всхлип и отпустила свою маленькую девочку. Грудь сдавило так, что было трудно дышать. Гвен встала. Несколько минут она не двигалась – следила за крупными каплями дождя, которые падали в лужи на дороге, поднимая крошечные фонтанчики воды, – после чего, снова оставив свою дочь позади, начала долгий обратный путь к дому, медленно бредя по взбирающейся на холм дороге.

Лоуренс не видел, как она вернулась, промокшая и с опухшими глазами. Несмотря на усталость, Гвен зажгла свечи и наполнила ванну. Хотя в штормовую погоду электричество от их собственного генератора поступало с перебоями, горячая вода имелась, и Гвен долго отмокала в ароматной ванне, чтобы боль и усталость растворились в воде. Потом приняла два порошка от головной боли и сполоснула лицо холодной водой.

После ужина они с Лоуренсом зажгли масляные светильники и устроились почитать. Принюхиваясь к слегка дымному запаху, Гвен надеялась, что мягкий уют вечера поможет заштопать рану в ее сердце.

– Почему ты пошла на такую длинную прогулку под дождем? – спросил Лоуренс, наливая им обоим бренди.

Гвен поежилась, боясь, что подхватила простуду.

– Мне просто нужно было подышать свежим воздухом. И я взяла зонт.

Лоуренс принес одеяло с другого дивана, завернул ее и помассировал ей шею сзади.

– Ты только-только стала поправляться. Мы не хотим, чтобы ты снова заболела, моя дорогая. Ты нам очень нужна.

– Все будет хорошо.

На самом деле, вымокнув под дождем, она чувствовала себя опустошенной, но больше эмоционально, чем физически. Тем не менее нужно было выглядеть нормально, поэтому Гвен решила немного почитать, а потом написать письмо матери. Ее разочаровало известие, что из-за развившейся у отца одышки родители отменили долгожданную поездку на Цейлон.

– Очень влажно, правда, – сказала Гвен, – хотя дождь закончился.

– Скоро снова пойдет.

Лоуренс вернулся в свое любимое кресло и взял в руки газету.

Мысли о Лиони грозили вылиться наружу, но Гвен поборола их, отбросив печаль. Она поудобнее устроилась на диване – не на том, что был покрыт леопардовой шкурой. Ей всегда было не по себе, когда она прислонялась к мертвому зверю. Подсунув под голову подушку, Гвен положила ноги на обтянутый гобеленом пуфик и приготовилась сосредоточиться на книге, но слова расплывались у нее перед глазами.

– Что ты читаешь? – поинтересовался Лоуренс, беря бокал бренди.

– Агату Кристи. «Тайна Голубого поезда». Книга вышла только в прошлом году, так что мне повезло достать ее. Мне нравится Агата Кристи. Она пишет так живо, так захватывающе, ты как будто сам находишься там.

– Хотя и немного нереалистично.

– Верно, но мне нравится забываться, читая увлекательные истории. Не выношу эти тяжелые тома из твоей библиотеки. Кроме поэзии, разумеется.

Лоуренс усмехнулся, приподнял брови и послал ей воздушный поцелуй:

– Рад, что у нас есть что-то общее.

– Дорогой!

Гвен закрыла глаза, тяга признаться во всем Лоуренсу не отпускала ее. Она представила, что бросается к его ногам и молит о прощении, как героиня столь милых ей романов. Но нет, это смешно. Сердце Гвен отчаянно билось, она приложила руку к груди, подбирая слова. Нужно только открыть рот и заговорить.

– Все в порядке? – спросил Лоуренс, заметив ее волнение.

Гвен кивнула, ей до боли хотелось открыть ему тайну существования Лиони. Той ночью в Нувара-Элии она променяла любовь всей жизни на пьяную шалость, но расплата за это оказалась слишком тяжелой и длилась слишком долго. Гвен чувствовала, что больше не в силах выносить это. Она снова повторила про себя слова: «Лоуренс, я родила ребенка от другого мужчины и спрятала его». Нет. Это звучит ужасно, но как выразиться по-другому?

Зазвенел звонок. Лоуренс приподнял брови, а Гвен отложила книгу.

– Мы кого-то ждем?

Гвен покачала головой, скрывая окатившее ее волной облегчение.

– Кто бы это мог быть в такой час?

– Понятия не имею. Может, Верити уехала без ключей?

Лоуренс нахмурился:

– Дверь не заперта. Если бы это была Верити, она просто вошла бы.

Они услышали шаркающие шаги дворецкого в холле, а потом женский голос. С американским акцентом. За ним последовал стук каблуков по паркету, который становился громче по мере того, как шедшая по коридору женщина приближалась.

– Кристина? – тихо проговорила Гвен.

– Другой американки я не знаю. А ты?

– Что ей...

Тут дверь открылась, и вошла Кристина. Она, как обычно, была одета в черное, но без всяких украшений и выглядела так, словно собиралась второпях и просто забыла про них. Пока Гвен боролась с дурными предчувствиями, которые вызвало у нее появление этой дамы, Лоуренс подошел к гостье и с улыбкой протянул ей стакан виски с содовой. Она не улыбнулась в ответ.

– Нет. Чистый виски. Большую порцию.

Кристина уселась на стул рядом с карточным столиком. Волосы ее, обычно тщательно уложенные, болтались по плечам, и Гвен заметила, что они крашенные, так как у корней отличались по цвету. Из-за этого Кристина выглядела уязвимой.

Она вынула из сумочки зажигалку и сигареты, вставила одну в серебряный мундштук, но, когда попыталась закурить, руки у нее так тряслись, что ничего не вышло. Лоуренс подошел, взял у нее зажигалку и наклонился, поднося ей огонек. Кристина сильно затянулась, сигарета зажглась, она откинула голову назад и выдохнула, пустив в потолок струю дыма.

– Что-нибудь случилось? – с тревогой спросил Лоуренс и прикоснулся к голой руке Кристины, без нежности, но мягко.

Американка молча опустила голову. Гвен заметила, что без косметики ее лицо было невероятно бледным и выглядела она лет на десять старше, будто ей уже перевалило за сорок. И не так уж она

эффектна. Однако Кристина казалась такой напряженной, что эта мысль не утешила Гвен.

– Ты лучше сядь, Лоуренс.

Хозяева обменялись озадаченными взглядами.

– Хорошо, – сказал он и придвинул к себе стул.

– Ты тоже, Гвен.

– О, я уверен, Гвен ни к чему утруждать себя, если речь пойдет о бизнесе. Она была больна.

Кристина взглянула на Гвен:

– Я слышала. Ты поправилась?

– Да, спасибо, – ответила она, страдая от мысли, что Лоуренс хочет исключить ее из беседы. – Но я останусь, если ты не возражаешь, Лоуренс.

– Конечно.

– Боюсь, мне нелегко будет говорить.

Кристина помолчала, а когда попыталась продолжить, будто подавилась словами. Гвен с Лоуренсом терпеливо ждали, пока она справится с эмоциями.

– Это связано с Верити? С ней что-то случилось? – наконец встревоженно спросил Лоуренс.

Не поднимая глаз, Кристина мотнула головой:

– Нет, ничего такого.

– Тогда что?

Еще одна пауза.

Кристина сидела, насупившись, потом сделала резкий вдох и уставилась в пол. Молчание длилось несколько минут. У Гвен застучало сердце. Если дело не в Верити, тогда в чем? Может, какие-то новости о Фрэн или Сави Равасингхе? Должно быть, случилось что-то серьезное, раз Кристина так подавлена.

Американка подняла глаза и, закусив губу, смотрела то на Гвен, то на Лоуренса.

– Просто скажи нам, – проговорил Лоуренс, постукивая пальцами по столу.

Вдруг Кристина расправила плечи:

– Дело в том, что Нью-Йоркская фондовая биржа рухнула.

Лоуренс молча смотрел на нее и был как-то неестественно спокоен.

– Кристина, а какое отношение это имеет к нам? – хмуро спросила Гвен.

– По моему совету Лоуренс вложил много денег в чилийские медные копи.

Гвен сильнее сдвинула брови:

– Чилийская медь?

На губах Кристины появилась улыбка. Невеселая.

– Акции почти обесценены. И сколько бы они ни стоили сегодня, завтра цена станет еще ниже. В этом можно не сомневаться.

– Так продавай, – сказала Гвен.

– Нельзя ничего продать. Я же сказала. Они обесценились.

Лоуренс встал, сделал шаг в сторону и сцепил руки за спиной. Повисла неловкая пауза. Гвен хотела задать вопрос, но придержала язык, наблюдая за мужем.

– Как такое могло случиться? – наконец проговорил он. – Как такое возможно? Ты говорила, с ростом производства электричества медь – беспроигрышное вложение. Ты говорила, электричество будут подводить к каждому дому и медь будет расти в цене выше всех наших ожиданий.

– Все именно так и выглядело. Поверь мне. Это правда.

– Но как же это случилось? – спросила Гвен.

Кристина покачала головой:

– Началось с небывалого урожая. Перенасыщение рынка.

– Но разве это плохо? – удивилась Гвен.

– Цены упали, фермеры не смогли вернуть долги поставщикам, рабочим и так далее. Они не получили обычной прибыли, и им пришлось брать наличные из банков, чтобы платить по счетам.

Лоуренс хмурился:

– Ты говоришь, что все кинулись в банк? – (Кристина кивнула.) – В твой банк?

Она сцепила руки на коленях и встала:

– Больше вкладчиков, чем мы рассчитывали, захотели снять наличные. Ни у одного банка нет таких средств на депозите. Денег не хватило, чтобы удовлетворить всех.

– Я все равно не понимаю, – сказала Гвен и посмотрела на мужа. – Мы ведь не собираемся снимать деньги, верно, Лоуренс?

– Не в том дело, – отозвался он.

– Нет. Это эффект домино. Если нет наличных, процентные ставки взлетают. Начинаются банкротства.

– И одна из отраслей, пострадавших больше всего, – это добыча меди? – спросил Лоуренс, и Кристина кивнула. – И ты говоришь, что бума в производстве электричества не произойдет?

Американка подошла к нему и положила руки ему на плечи:

– Я обещала тебе успех, потому что сама твердо верила. Это случится, я обещаю, но не сейчас. Только когда экономика поднимется.

– Это может занять много месяцев, – сказал Лоуренс, глядя ей в глаза.

Кристина на мгновение отвела взгляд, а потом подняла руку и погладила Лоуренса по щеке, да так и оставила на ней свою ладонь.

– Мне так жаль, мой дорогой, дорогой человек. На это потребуются годы. Сколько лет, никто не может предугадать.

– Так что мне делать?

Кристина опустила руку и на шаг отступила от него:

– Сидеть и ждать. Вот все, что ты можешь сделать.

– Но я рассчитывал на эти доходы, чтобы вложить их в новую плантацию. Третью. Я уже подписал контракт.

Гвен раздраженно сглотнула, видя Кристину и Лоуренса так близко друг к другу. Американка вздохнула и достала из сумочки бумажный носовой платок.

– А ты? – спросила Гвен, подавляя гнев. – Что будет с тобой?

Кристина промокнула глаза:

– Я? Я выживу. Люди вроде меня всегда выкарабкиваются. Сейчас я вернусь в Штаты. Еще раз примите мои извинения.

– Я провожу тебя до дверей, – сказала Гвен.

– Это ни к чему, – отозвалась Кристина, разворачиваясь, чтобы уйти.

Гвен глянула через плечо на мужа:

– И тем не менее.

Лоуренс сидел за маленьким карточным столиком, подперев голову руками. Гвен видела скрытую иронию этой сцены, только за ней маячили не несколько долларов, спущенных за игрой в покер.

В холле Гвен распрямила плечи и открыла входную дверь, ее так и подмывало вытолкать американку взащей. Она сдержалась, но проговорила суровым тоном:

– Отныне и впредь, Кристина, держись подальше от моего мужа. Понятно? Больше никаких финансовых советов, никаких светских встреч.

– Ты меня предупреждаешь?

– Думаю, ты поняла верно.

Кристина негромко фыркнула и покачала головой:

– Ты его действительно не понимаешь!

На рассвете Гвен и Лоуренс вышли из дому. Гвен плотно завернулась в шерстяную шаль. После грозы дорожка была засыпана сломанными сучьями и ветками, оборванными головками цветов и листьями. Температура воздуха упала, влажность повысилась, но дожди еще не закончились. Гвен глянула вперед – они шли вверх по холму в сторону чайной фабрики. После шокирующего заявления Кристины супруги долго не ложились спать: Лоуренс мрачно пил бренди, а Гвен размышляла, что означала прощальная фраза Кристины. Как посмела эта женщина заявить, что она не понимает своего мужа, и что такое было известно о нем ей, Кристине, чего не знала о своем муже его жена?

Они шли молча, тишина между ними все разрасталась. Гвен полной грудью вдохнула влажный воздух и, переполненная чувствами, возблагодарила Господа за то, что не открылась Лоуренсу. Новости, принесенные Кристиной, вкупе с правдой о Лиони доконали бы его. На середине подъема они остановились и посмотрели друг на друга, будто ища ответов, или если не ответов, то хотя бы проблеска чего-то, что могло бы помочь им найти выход из создавшегося положения. Лоуренс первым отвел взгляд.

Гвен посмотрела на собирающиеся в небе тучи, и сердце у нее глухо застучало.

– Я не знаю, чем все это обернется для нас, – сказал Лоуренс.

Пуаза тянулась долго, и Гвен закусил губу, боясь высказать все свои опасения. Муж взял в ладони ее руки:

– У тебя пальцы холодные.

Она кивнула, и они прошли еще немного. Наверху остановились и повернулись лицом к открывшейся панораме. Гвен впитывала в себя лаймовую зелень влажных чайных кустов, любовалась фигурками сборщиц чая в вишневых, оранжевых и фиолетовых сари, ухоженным

садом и их прекрасным воздушным домом. Все это было окружено такой заботой. Лоуренс объяснил ей, что, если не подстригать кусты, они превратятся в деревья. Гвен вгляделась в даль сквозь мерцавший от солнечных лучей, отраженных поверхностью воды, воздух и попыталась представить, как выглядели бы эти холмы, если бы посадки одичали.

Лоуренс наклонился, сорвал несколько бархатцев и протянул ей.

Гвен вдохнула запах цветов и подумала об их доме и совместной жизни. Как они плавали по озеру на лодке, как их одолевали мухи в жаркие месяцы, как мотыльки вились вокруг зажженных свечей. Жизнь, наполненная смехом. Она прислушалась к доносившимся из окон кухни звукам – кто-то играл на свирели.

Деревья закачались от прохладного ветра под все сильнее хмурившимся небом. Супруги стояли молча. Когда выносить молчание стало уж совсем невмоготу, Гвен сглотнула ком в горле, и с ее языка сорвались слова, которых она вовсе не хотела говорить:

– Кристина сказала, что я тебя не понимаю. Почему?

– Не представляю.

– Она говорила о твоей привязанности к ней или о плантации? Нам придется ее продать?

– Кроме дружбы, меня ничто не связывает с Кристиной. – Лоуренс на секунду умолк, а потом заговорил снова, на этот раз с надрывом: – И продадим мы что-нибудь только через мой труп.

– Мы не потеряем наш дом?

– Нет. – Он вздохнул. – В любом случае где мы найдем покупателя? А даже если таковой отыщется, цена будет смехотворной.

– Так что же нам делать?

– Не в первый раз нас припирают к стенке. В тысяча девятисотом, когда спрос на чай был ниже объема произведенного товара, цена в Лондоне упала с чуть больше восьми пенсов за фунт до меньше семи. Некоторые плантаторы разорились. Мой отец нашел способ улучшить методы выращивания чая и сумел снизить затраты на производство. Но, кроме того, он нашел новые рынки сбыта. Одним была Россия, а другим – хочешь верь, хочешь нет – Китай. Через три года экспорт вырос.

– Значит, нам снова нужно это сделать?

– Не обязательно, – пожал плечами Лоуренс.

– Мы можем урезать расходы, – предложила Гвен. – Затянуть пояса.

– Само собой. Если можно сократить какие-то домашние траты, сделай это.

Вероятно, урезание расходов на хозяйство станет не более чем каплей в море, даже если она будет строжайшим образом контролировать семейный бюджет, но раз это приобрело значение, Гвен решила оправдать доверие мужа.

– Придется продать машину Верити, – сказал Лоуренс.

– О боже, она так любит свой маленький «моррис коули»! – воскликнула Гвен, подумав про себя, что только благодаря этой симпатичной машинке королевского синего цвета Верити не болтается все время у них под ногами.

– Может, и любит. Но мне придется урезать и ее содержание, хотя нужно преподнести ей эту новость мягко. – (Гвен глубоко вдохнула.) – План по расширению школы для детей, живущих на плантации, придется отложить. Пока ее посещают меньше половины всех детей. Я хотел улучшить ситуацию.

Кроме их шагов и птичьих криков, не было слышно ни звука, природа замерла в напряженной тишине, будто растянутая на раме ткань. В голове Гвен боролись друг с другом противоречивые мысли, и с Лоуренсом, как она догадывалась, происходило то же самое, однако несколько минут они не произносили ни слова.

– Дело в том, Гвен, – наконец заговорил Лоуренс, – что мне придется уехать.

Гвен замерла:

– Правда?

– Думаю, да. Сперва в Лондон, потом в Америку. Мы можем не продавать акции медных копей, но мне нужно выгадать время, чтобы найти средства на новую плантацию. И если вдобавок ко всему упадут цены на чай...

– Это произойдет?

– Может произойти. В любом случае я хотел бы присутствовать на следующем лондонском аукционе, хотя они и проходят со скандалами. Подозреваю, нас в ближайшее время будет лихорадить.

По спине Гвен пробежал холодок. Они прошли оставшиеся до фабрики несколько ярдов.

– А что будет с Хью?

– Ну, ему пока не исполнилось и четырех, так что, я уверен, ситуация выправится к тому моменту, как он отправится в начальную школу в Англию.

Гвен поцеловала мужа в щеку:

– Мы переживем трудные времена, Лоуренс, и сделаем это вместе. – (Он не ответил.) – Когда ты уезжаешь?

– Послезавтра.

– Так скоро?

Лоуренс тяжело вздохнул:

– Ты ведь в порядке? Тебе придется отвечать за все. Если пока не чувствуешь в себе сил, просто скажи. Тогда за дела возьмется Верити.

– Я достаточно хорошо себя чувствую.

– Отлично. Именно на такой ответ я и рассчитывал. Ты, конечно, будешь распоряжаться совместно с Макгрегором.

По пути к дому Гвен думала о Хью: когда ему исполнится восемь, его отправят учиться в Англию. Как это жестоко по отношению к маленькому мальчику! А тем временем тихий голосок на дальнем плане сознания шептал: какая же ты лицемерка, Гвен. Потом она подумала, каким испытанием для нее станет ответственность за плантацию и хозяйство. Да, она поправилась, но придется постоянно общаться с Макгрегором и держать в узде Верити.

Золовка как раз вернулась домой и парковала свой «моррис». Когда она вылезла из машины, Гвен жестом подозвала ее к себе:

– На пару слов, если у тебя есть минутка.

– Конечно. Это насчет краха биржи? В Нувара-Элии все только об этом и говорят.

– Еще бы! Лоуренс уезжает и оставляет меня за хозяйку на время своего отсутствия. Думаю, будет лучше, если в такое трудное время мы все будем заодно.

– Куда он едет?

– В Лондон, а потом в Америку.

– Ну и ну! Значит, его не будет много месяцев.

Гвен расправила плечи:

– И тебе лучше подготовиться. Лоуренс говорит, придется продать твою машину. Будем вместе пользоваться «даймлером»: Макгрегор, ты и я.

– Это нечестно. И ты все равно не водишь машину.

– Я научусь.

– Как?

– Ты мне покажешь. Лоуренс потерял из-за краха биржи все свои инвестиции. Твое содержание тоже будет урезано. Если мы рассчитываем выжить, всем придется затянуть пояса.

Гвен оставила Верити на гравийной дорожке, а сама направилась к дому, не сказав больше ни слова. Как только она оказалась под крышей, раздался удар грома. Гвен оглянулась через плечо и посмотрела наружу сквозь открытую дверь. Крупные капли отскакивали от земли, потоки дождя сливались в ручьи и текли по поверхности земли. Верити села в машину, завела мотор и умчалась вверх по холму.

Глава 21

В тот момент Гвен этого не понимала, но ее решение упредить разговор Лоуренса с сестрой об урезании содержания и необходимости продать машину оказалось неверным.

Они втроем сидели в гостиной за послеобеденным кофе, когда Лоуренс поднял эту тему. Верити изобразила, что она в шоке, заявила, мол, она только-только получила работу, о которой всю жизнь мечтала, – ухаживать за лошадьми в Нувара-Элии, потом опустилась на колени перед братом и обхватила руками его ноги.

– Мне нужна машина, понимаешь, – сказала она, глядя на него увлажнившимися глазами. – Мне придется каждый день разъезжать по конюшням. Лоуренс, пожалуйста! Это такой шанс для меня. Ты всегда говорил, что я должна заняться каким-нибудь стоящим делом, а теперь собираешься лишить меня этой возможности.

Верити опустила голову и заплакала, но Лоуренс отцепил от себя ее руки и встал:

– Я понимаю. Я ничего не знал о твоей работе.

За напускным спокойствием мужа Гвен четко различала скрытое раздражение и ожидала, что он вот-вот отвергнет мольбы сестры.

– Мне поначалу не будут ничего платить, – продолжила Верити. – Если я проявлю себя, через месяц или два начнут. Так что, видишь, и содержание мне нужно еще на какое-то время, может даже чуть большее, чтобы покрыть расходы на жилье.

Последовала пауза.

– Хорошо, – наконец сказал Лоуренс. – Пока твое содержание останется прежним, но никаких прибавок.

Он принял решение, даже не взглянув в сторону Гвен. Она в ужасе покачала головой.

– Нет, конечно, – говорила тем временем Верити. – Спасибо, Лоуренс. Ты не пожалеешь о своем решении, дорогой брат. Возвращайся с кучей денег!

И она ускакала из комнаты, сверкнув в сторону Гвен очередной победной улыбкой. Лоуренс выглядел удовлетворенным.

– Кажется, она наконец выходит из кризиса, правда? Немного ответственности – это поможет ей повзрослеть.

Гвен прикусила язык и сохранила полное достоинства – как ей казалось – молчание. Единственная польза от всего случившегося – то, что Верити, может быть, уберется из их дома. Лоуренс, похоже, заметил состояние Гвен:

– Что с тобой? Ты как будто раздражена. – (Она отвернулась.) – Это из-за Верити? Слушай, не осуждай ее, дай ей еще один шанс. Она знает, что ты к ней не расположена.

Гвен не повышала голоса, но ей было трудно сдержать злость.

– Ты не считаешь, что следовало обсудить это решение со мной?

Лоуренс нахмурился:

– Она моя сестра.

– А я – твоя жена. Так не может больше продолжаться. Я не готова остаток замужней жизни делить свой дом и, могу добавить, своего мужа с его испорченной, избалованной сестрицей.

Она вышла из гостиной, едва не прищемив себе пальцы дверью, когда со злостью ее захлопывала.

Через два дня Гвен провожала мужа в Коломбо, машину вел Макгрегор. Муссон был в самом разгаре, и поездка оказалась нелегкой – небольшие оползни кое-где почти перекрыли дорогу. Гвен смотрела в окно – дождь лил стеной, лишая мир красок и стирая очертания предметов, это усиливало ощущение неопределенности нависшего над ними будущего. Все молчали. Возникни у кого охота пообщаться, стук дождя по крыше машины заглушил бы его слова. Гвен чувствовала себя напряженной, живот будто стянуло узлами. После той гневной вспышки Лоуренс с ней и словом не обмолвился, она с ним тоже.

Поездка заняла гораздо больше времени, чем обычно, но как только они прошли через высокие двери отеля «Галле-Фейс», украшенные резными изображениями богинь, и, поднявшись на несколько ступеней, вступили в элегантный холл, за прошлым будто закрылись ставни. Не говоря друг другу ни слова, они знали, что́ будут сейчас делать. Портье взял у них чемоданы, и, пока они ждали, Гвен беспокоилась, что все окружающие чувствуют заряд нерастраченной энергии, незримо искрившей между ними. Она и прежде видела это выражение в глазах Лоуренса, оно ее возбуждало, но и тревожило тоже.

Наверху, взбежав по ступеням лестницы на второй этаж, они, побросав вещи, занялись любовью. Лоуренс был так страстен, что Гвен едва могла дышать. Только когда после финальных содроганий он задышал спокойнее, она поняла, что ее мужу секс необходим, чтобы справляться со страхами. На мгновение это открытие потрясло ее – какие же они разные! – но потом она вспомнила все те случаи, когда он был нежен. Тогда секс служил ему средством прочувствовать свою любовь к ней, но даже тут крылись различия, она в те нежные разы нуждалась в сексе, потому что уже чувствовала любовь к нему. Гвен закрыла глаза и проспала целый час, а когда проснулась, увидела, что Лоуренс, опершись на локоть, смотрит на нее:

– Надеюсь, я не сделал тебе больно. Прости меня за тот день. Я не могу уехать, не помирившись с тобой.

Гвен покачала головой и погладила его по щеке.

Лоуренс встал и подошел к окну. Он любил номера с видом на море и балконом, как этот. Гвен же предпочитала вид на поросшее травой пространство, которое называли лугом Галле-Фейс. Ей нравилось наблюдать за местными жителями, гулявшими здесь по вечерам, и игравшими в мяч детьми.

Небо быстро прояснилось, они вышли на балкон и вдохнули соленый запах океана.

Лоуренс повернулся к жене:

– Ты не думаешь, что мы сейчас могли зачать еще одного ребенка?

Гвен пожала плечами, глядя на двадцатифутовый фонтан брызг, который поднимался от разбивавшихся о прибойную стенку и осыпавшихся белой пеной волн. Яростные наскоки океанских волн на берег и их грохот эхом отзывались в беспокойной душе Гвен. Лоуренс поцеловал ее в макушку и постарался не выдать голосом тревоги.

– О чем ты думаешь? – спросил он.

– Ни о чем, – ответила Гвен.

Они прогуливались по песчаной дорожке для экипажей, которая шла вдоль луга, и любовались великолепным алым закатом. Океан был у них за спиной. Он превратился в расплавленное золото, хотя вдали над ним снова собирались черные тучи.

– Прошу тебя, не переживай, Гвен. Просто следи за собой и за Хью. А переживать за всех нас буду я. Верь мне, мы выдержим этот удар.

На следующее утро погода была слишком неприятная, чтобы завтракать на длинной веранде отеля с видом на лужайки; восход над морем выдался ничем не примечательный, и Лоуренс с Гвен сидели среди пальм в холле гостиницы. Гвен слушала звяканье чашек о блюдца и наблюдала за откормленными европейцами, которые непринужденно болтали, попивая утренний чай и намазывая маслом тосты; они улыбались и беззаботно кивали друг другу. Ночью она почти не спала. Океан шумел слишком громко, так же бушевали и мысли у нее в голове. Гвен посмотрела на свой нетронутый завтрак – остывающую яичницу и подсыхающий бекон. Попыталась откусить кусочек тоста, но он показался ей безвкусным, будто она жевала картон.

Гвен налила в чашку чай и подала ее Лоуренсу.

На мгновение она ощутила злость на него: зачем он послушался Кристину! Другие плантаторы не поддались на ее уговоры, а он что же? Почему именно им выпало на долю столкнуться с неопределенным будущим?

– Время истекает, – сказал Лоуренс, взял шляпу и поднялся. – Ты не обнимешь меня на прощание?

Гвен резко встала, стыдясь своей вспышки гнева, и опрокинула полную чашку чая. Пока официант убирал пролитое, Гвен ждала, отступив назад. Она опустила глаза в пол и часто моргала, ведь обещала себе, что не расплачется, а напоследок покажет Лоуренсу уверенное и счастливое лицо.

– Дорогая? – изогнув брови, проговорил Лоуренс и протянул к ней руки.

Гвен едва замечала, что люди смотрят на них; ей так не хотелось расставаться с мужем; она кинулась вперед и прижалась к нему с каким-то отчаянием. Они оторвались друг от друга, Лоуренс погладил ее по щеке, утешительно и с любовью. Сердце Гвен наполнилось чувствами до краев, до боли. Ну зачем же он уезжает?

– С нами все будет хорошо, правда? – прошептала она.

Ей показалось или Лоуренс вправду отвел глаза, прежде чем ответить? Ей так нужно видеть его сильным, хотя это было не совсем справедливо: кто мог уверенно смотреть в будущее, когда в мире наступили смутные времена? Только вчера нью-йоркский банкир

бросился с крыши фондовой биржи. И хотя Гвен очень хотелось сказать Лоуренсу, как ей грустно и как она боится, что эта печаль целиком захватит ее, стоит ему уйти, она удержала рот на замке.

– Конечно, с нами все будет хорошо, – ответил Лоуренс. – Только помни: не важно, нравится тебе это или нет, но есть установленный порядок, как и что делается.

Гвен нахмурилась и, склонив голову набок, отступила:

– Но всегда ли он правилен, Лоуренс?

Он выставил вперед подбородок:

– Может, и нет, но сейчас не время что-то менять.

Гвен не хотелось затевать спор с Лоуренсом перед самым его отъездом, но она невольно почувствовала раздражение.

– Значит, мое мнение не в счет?

– Я этого не говорил.

– Но намекнул.

Лоуренс пожал плечами:

– Я просто хочу облегчить тебе жизнь.

– Мне или себе?

Он надел шляпу:

– Прости, дорогая, давай не будем ссориться. Мне и правда нужно идти.

– Ты сказал, я буду отвечать за все.

– В конечном итоге – да. Но полагайся на советы Ника Макгрегора в том, что касается поместья. И главное, помни: я в тебя верю, Гвен, и рассчитываю, что ты будешь принимать верные решения.

Поглядев на часы, он снова обнял ее.

– А Верити?

– Оставляю ее на тебя.

Гвен кивнула, борясь со слезами.

Лоуренс зашагал от нее большими шагами, потом с широкой улыбкой обернулся и помахал рукой. Сердце у нее сжалось, но ей удалось ответить ему тем же. Мгновение после ухода Лоуренса Гвен воображала, будто он отправился прогуляться по саду. Но потом плечи ее безвольно опустились. Она будет так скучать по нему – по знакомому ритму дыхания, по взглядам украдкой, которыми они иногда обменивались, и по теплу, которое она ощущала, когда муж обнимал ее.

Гвен отругала себя. Какой смысл унывать, когда нужно разобраться с их финансовым положением, хотя ей казалось удивительным, что некие события, произошедшие в далекой Америке, могли оказать такое глубокое воздействие на нее, заброшенную на крошечную жемчужную каплю в океане, какой был Цейлон.

В главном холле отеля она снова посмотрела сквозь открытые двери и с удивлением увидела садившуюся в небольшой новенький «роллс-ройс» Кристину. Гвен захотелось броситься вслед за Лоуренсом и проверить, не поплывет ли американка на том же корабле. Но она понимала: от этого станет только хуже и Лоуренс подумает, что она ему не доверяет. Глубоко вдохнув, Гвен решила, что займется покупками необходимых для Хью вещей. Навина ловко перешивала для мальчика одежду Лоуренса, но ему были нужны фломастеры и бумага.

Немного позже у дверей кремово-красного кирпичного здания магазина «Каргиллс» к ней подошла горбатая морщинистая тамилка. Женщина быстро что-то проговорила и улыбнулась, обнажая редкие зубы с красными кончиками. Потом она плюнула себе на ладонь и вытерла плевком о руку Гвен. Тамилка снова залопотала, но Гвен все равно не понимала, чего та от нее хочет, и покосилась на арочный вход в дом, стремясь поскорее отделаться от навязчивой старухи. Стоило ей отвернуться, как та по-английски произнесла: «Деньги». Гвен опустила глаза и увидела, что у женщины под мышкой зажат кривой нож для обрезки кустов. Вытерев о юбку плевком, она сунула руку в сумочку, вытащила несколько монет и протянула старухе.

Воспоминание об этом происшествии не покидало Гвен, пока она смотрела, как команда работников полировала медные трубы пневматической почты, по которым кассиры переправляли деньги на верхний этаж. Она купила фломастеры и ушла.

На улицах царил атмосфера уныния, привычный городской шум немного стих. В воздухе по-прежнему носились запахи кокосовых орехов, корицы и жареной рыбы, но люди выглядели исхудавшими и подавленными, чайных лавок на улицах заметно поубавилось. Гвен старалась не думать о том, с чем предстоит столкнуться Лоуренсу в одиночку – если, конечно, он будет один, – но не могла удержаться от мысли, что он не сказал ей всего. Пусть правдой окажется хотя бы то, что ему не придется продавать плантацию, надеялась она. Плантация

стала для нее домом, и для Хью тоже, они все любили это место. Гвен испытывала некую ностальгию по Англии, но не могла представить, что вернется туда жить, и едва признавалась себе в причинах этого, а одной из них было то, что, если это случится, она больше ничего не узнает о своей дочери и, конечно, никогда больше ее не увидит.

Гуляя по Китайскому базару на Чатем-стрит, Гвен прошла мимо нескольких забитых рулонами шелка магазинов тканей, двух или трех лавок травников и еще нескольких, где продавались лакированные вещи. У окна чайной сидела Пру Бертрам. Она махнула Гвен, приглашая ее войти, но та постучала пальцем по наручным часам и покачала головой. Дальше ей попались на глаза витрины с сингальской медной посудой и изящными узорчатыми бокалами. Наконец Гвен остановилась перед ювелирным магазином и увидела Макгрегора. Он сидел в машине в нескольких ярдах от часовой башни и ждал ее, барабанил пальцами по рулю. Гвен бросила взгляд на витрину магазина и замерла. Пригляделась – не может быть, прошло столько времени! Невероятно! Она прищурилась, чтобы лучше видеть, и подняла руку, заслоняя глаза от солнца. Конечно, наверняка есть и другие, более-менее похожие на этот, но все же. Она быстро вошла в магазин.

Ювелир достал для нее браслет из витрины. Гвен заколебалась, узнав цену, и немного поторговалась, но не могла оставить эту вещь здесь, чтобы ее купил – и носил – кто-то другой. Плевать на цену! – подумала Гвен, отдавая деньги хозяину лавки, потом проверила застежку и защелкнула браслет у себя на запястье – так будет надежнее. Озадаченная тем, каким образом появился в этой ювелирной лавке браслет Фрэн, она перебирала все подвешенные к нему амулеты, пока не дошла до маленького буддийского храма. Может, это добрый знак?

Глава 22

По пути домой Гвен не покидали мысли о Фрэн. Она скучала по ее неукротимому нраву и переливчатому блеску ее каштановых волос, когда та встряхивала головой. Скучала по ее смеющимся голубым глазам и отдала бы все за возможность навести мост над пропастью отчуждения, разверзшейся между ними в Лондоне. Гвен чувствовала, будто потеряла что-то бесконечно драгоценное. У нее теперь нет сестры. Фрэн была ее сестрой, может, даже больше чем сестрой. Как ни крути, а они провели вместе почти все детство и оставались лучшими подругами, пока в их жизни не появился мистер Равасингхе.

Гвен хотелось выбросить из головы мысли об этом человеке, а потому, раз дождь утих и не начинался снова почти всю дорогу, она попыталась вовлечь в разговор Ника Макгрегора, однако из-за рева мотора, который особенно усиливался, когда машина буксовала на размытых участках, это было нелегко.

– Мне жаль, что мы не всегда находим взаимопонимание, – сказала Гвен в момент временного затишья.

– Да, – отозвался Макгрегор и сменил тему. – Ну и дороги! Они стали лучше, но вы только взгляните. Каждый муссон портит их.

– Как обстоят дела в рабочих линиях в такую погоду?

– Бывает нелегко, признаюсь. Дети начинают болеть.

Гвен сдвинула брови:

– Но я думала, мы устроили там медицинскую клинику.

– Она в зачаточном состоянии, миссис Хупер. Скорее просто аптека.

– Ею управляет не доктор Партридж?

Макгрегор засмеялся:

– Доктор не для тамиллов. Это один сингал из Коломбо. Они его не любят, понимаете, тамиллы.

– Почему?

– Он сингал, миссис Хупер.

Гвен раздраженно вздохнула:

– Так наймите врача из тамиллов, того, кто будет лучше их понимать.

– О, этот парень прекрасно говорит по-тамилски.

Гвен покосилась на Макгрегора:

– Я имела в виду не язык, а культуру.

– Боюсь, врачей-тамилов просто не существует. Дальше вы захотите выплачивать им деньги во время болезни, когда они не могут работать.

– Разве это такая плохая идея? Благополучие людей, безусловно, имеет значение.

– Вы не понимаете образа мыслей местных, моя дорогая. Если вы будете платить им больничные, они все до единого станут жаловаться на какие-нибудь воображаемые хвори и валяться в постели днями напролет. И мы не сможем ни собрать чай, ни заготовить его.

Гвен поняла: что бы она ни сказала, это ничего не изменит. Убежденность Ника Макгрегора в собственной правоте была абсолютной.

– А теперь мне придется делать сокращения, денег на какие-то дополнительные выплаты просто нет. Нет, моя дорогая леди, лучше оставьте возню с рабочими мне.

– Сокращения, мистер Макгрегор?

– Рабочей силы. Нам предстоит уволить двести человек или даже больше. Некоторые уже уехали.

Гвен покачала головой:

– Я не знала. Что же они будут делать?

– Вернутся в Индию, полагаю.

– Но некоторые из них родились здесь. Индия для них не дом.

Макгрегор искоса глянул на нее, и их глаза на миг встретились.

– Это не моя проблема, миссис Хупер.

Она подумала о нищенке с ножом для обрезки кустов, и ей стало немного стыдно. Вероятно, эта женщина – одна из уволенных.

– Я бы хотела выучить их язык.

Управляющий наклонил голову.

Несколько миль, пока дорога мучительно петляла, взбираясь вверх, они молчали. Гвен смотрела в окно на тяжелый туман и думала о Лоуренсе.

Первым нарушил тишину Макгрегор.

– Вы будете скучать по мужу, – сказал он.

– Конечно буду, – кивнула она. – Ну а вы как же? У вас есть семья?

– Моя мать еще жива.

– Где она?

– В Эдинбурге.

– Но вы ни разу не ездили туда за все время, что я живу здесь.

Гвен посмотрела на Макгрегора, а тот пожал плечами:

– Мы с ней не близки. Армия была моей семьей, пока я не поранил колено.

– Тогда вы познакомились с Лоуренсом?

– Да, он дал мне работу здесь, потом, во время войны, оставил за управляющего. Простите, если я иногда кажусь немного резким, но я знаю эту плантацию вдоль и поперек. Я четыре года управляю ею один, и иногда мне трудно принимать мнения других людей.

– Вы никогда не были женаты?

– Если не возражаете, миссис Хупер, я бы предпочел не говорить об этом. Не всем везет найти себе подходящего партнера в жизни.

Остаток пути они ехали очень медленно, но все же успели вернуться до наступления темноты. Гвен удивилась, увидев припаркованную у дома машину Верити, а войдя в холл, услышала голоса в гостиной: как будто Верити и какой-то мужчина. Стуча каблуками, Гвен направилась к двери и распахнула ее.

Мокрый Спью спал в корзинке на полу рядом с мистером Равасингхе, который сидел на диване в расслабленной позе и курил сигару. Потрясенная этим зрелищем, Гвен вздрогнула и внезапно растерялась. Ей захотелось, чтобы этот человек немедленно покинул ее дом.

– Мистер Равасингхе... – с трудом произнесла она, – не ожидала увидеть вас здесь.

Он встал и поклонился:

– Мы водили пса на прогулку. От него теперь несет.

Гвен била внутренняя дрожь, не верилось, что это не заметно снаружи, но, когда она заговорила, голос ее звучал спокойно:

– Обычно он сидит в обувной кладовке, пока не обсохнет.

– О, это я виновата, – с улыбкой сказала Верити. – Прости.

Гвен повернулась лицом к своей золовке:

– Верити, я думала, ты уже уехала в Нувара-Элию.

– В Нувара-Элию? Это еще зачем?

– Чтобы начать работать.

Верити небрежно махнула в воздухе рукой:

– А, это! Все развалилось.

И без того уже потрясенная встречей с Кристиной в Коломбо и видом Сави Равасингхе в своем доме, Гвен втянула ноздрями воздух. Она с трудом поборолась болезнь, добилась того, чтобы жизнь на плантации наладилась, еду подавали вовремя, комнаты убирали в порядке очередности, а счета сходились, но Верити, несмотря ни на что, удавалось вывести ее из равновесия.

– Ты не против, если Сави останется на ночь? – с широкой улыбкой спросила золовка. – Я знаю, ты согласишься, потому что я уже попросила одного из слуг приготовить для него постель в комнате рядом с моей. Будет слишком неловко, если ты сейчас откажешь.

Потерпев поражение в этой маленькой баталии, Гвен не улыбнулась в ответ. Впредь ей нужно с осторожностью выбирать, в какие битвы вступать, а в какие нет. Она сцепила руки за спиной, так что ногти впились в подушечки ладоней, и очень спокойно ответила:

– Да, конечно, мистер Равасингхе может остаться. А теперь прошу извинить, но у меня был очень долгий и утомительный день. Хью уже в постели?

– Да. Я отпустила Навину на вечер и уложила его сама. Они с Уилфом вместе пели: «Бе-бе-бе, кричит овечка». – Верити взглянула на запястье Гвен. – Боже, да это же пропавший браслет твоей кузины? Тот самый, из-за которого она устроила тут такой спектакль?

– Удивительно, что ты его узнала. Разве все они не похожи один на другой?

– Я заметила храм, и только. Он был здесь все время? – (Гвен покачала головой, отметив про себя, что Верити напряженно ждала ее ответа.) – И где же он нашелся?

– В магазине, в Коломбо.

– Если ты спросишь мое мнение, думаю, тебе следует последить за Навиной.

Гвен стиснула зубы и вышла из гостиной, не полагаясь на свое терпение, уж лучше смолчать. «Ну и наглая девица! – думала она, идя по коридору. – Навина, а то как же! Можешь водить за нос своего брата, Верити, но я не удивлюсь, если это ты взяла браслет».

На следующий день жара нагрелась раньше обычного, утренний воздух успел сгуститься и не освежал. Встреча с Сави Равасингхе оставила во рту у Гвен кислотоватый привкус и вызвала наплыв пугающих воспоминаний. Сердце не унималось всю ночь, так что она почти не спала. Желая избежать еще одной встречи с сингалом до его отъезда, Гвен поспешила приняться за домашние дела.

Хотя тело у нее ныло от усталости, до наступления нестерпимой жары она решила проверить, как идут дела с приготовлением сыра. Кухонный мальчик, который занимался этим во время ее болезни, довольно хорошо наловчился, но пришла пора ей снова взять дело в свои руки. В любом случае Гвен уже соскучилась по чувству гордости, которое возникало, когда ей удавалось создать нечто большее, чем вышитая подушка.

Закрыв боковую дверь дома, она окинула взглядом двор и с удовлетворением отметила, что цветы на засаженных ею клумбах зацвели. Просто удивительно, как здорово приживались здесь некоторые растения, привезенные из Англии: розы, гвоздики, даже душистый горошек.

Хью вышел вместе с ней и катал по двору тележку.

– Ну что, Хью, – сказала Гвен, у которой на душе скребли кошки, но она старалась скрыть это, – хочешь посмотреть, как мама готовит сыр?

– Не-е-т. Я хочу играть с Уилфом.

– Хорошо, дорогой. Но ты ведь знаешь, что в лес ходить нельзя, не так ли?

– Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да.

Гвен засмеялась:

– Отлично. Я поняла. Если захочешь вернуться в дом, приди и скажи маме.

Отперев дверь своей сыродельни, она оставила ее слегка приоткрытой, чтобы слышать весело напевавшего себе под нос Хью, и огляделась. Было что-то невероятно умиротворяющее в приготовлении сыра, и Гвен улыбнулась, радуясь, что оказалась в своих чертогах. Все сверкало чистотой. На мраморной столешнице, где они мешали молоко, ни пятнышка, но в воздухе висел кислотоватый запах, и кто-то оставил окно открытым. Странно, подумала Гвен, мы никогда так не делаем.

Она затворила окно, чтобы в молоко не налетели мошки, потом заново протерла все поверхности – пусть на них не будет ни пылинки. Подошла к тяжелому бидону и, немного сдвинув его с места, заметила рядом на полу следы пролитого молока. Гвен вытерла пол и наклонила бидон, чтобы отлить из него дневную норму в кастрюлю, которую использовали для нагревания. Потом вышла наружу кликнуть мальчика, чтобы отнес молоко на кухню. Однако, оказавшись во дворе, Гвен поняла, что там тихо. Слишком тихо.

– Хью, где ты? – позвала она.

Ответа не было.

Гвен объяснила кули, что ему нужно сделать, и пошла в заросли высоких деревьев искать сына.

– Хью, ты тут?

Тишина.

Гвен вернулась к дому, но остановилась снаружи. Он мог войти, но тогда сказал бы ей и она услышала бы, как открывается дверь. Гвен пересекла двор и, оказавшись у края леса, услышала собачий лай. Хью, наверное, ушел в лес вслед за собакой.

Она сделала несколько шагов по туннелю из деревьев и тут же пошатнулась, потому что в нее врезался Хью.

– Там девочка, мама. Большая девочка.

Гвен присела на корточки и нахмурилась, а Спью и Джинджер, поставив лапы ей на колени, стали лизать хозяйке лицо. Она отпихнула собак и вытерла щеки рукавом:

– Это кто-то взаправдашний, Хью?

– Да. Она не может встать, мама. Спью услышал, и мы с Джинджер ушли за ним.

– Пошли за ним, дорогой, – поправила его Гвен, вставая и отряхиваясь. – Посмотри, на что я теперь похожа.

– Мамочка! Пойдем!

– Да, ты лучше покажи мне эту девочку, если она взаправдашняя.

Хью взял маму за руку и потащил.

На тропинке он увидел разбитый глиняный кувшин и наклонился поднять его.

– Не надо. Оставь, – сказала Гвен.

Мальчик надулся, но оставил свою находку на месте.

– Далеко она? – спросила Гвен и взъерошила сыну волосы.

– Нет, она близко.

Гвен вздохнула и подумала о своем сыре. Скорее всего, это окажется пустой тратой времени. Но вот они прошли еще немного дальше, и она заметила работника, склонившегося над кем-то, сидевшим на земле.

– Его здесь не было, – сообщил Хью. – Она была совсем одна.

– Думаю, нам лучше вернуться, – сказала Гвен. – Раз с ней теперь кто-то есть.

– Мама! – Хью насупился. – Я хочу остаться.

– Нет. Пошли. – Она потянула сына за руку и кликнула Спью.

Только они развернулись, чтобы уйти, как их остановил резкий крик. Гвен и Хью обернулись.

– Мама, ты должна ей помочь, – заявил мальчик с упрямым видом, напомнившим ей Лоуренса.

Поглядев на мужчину и ребенка, Гвен поняла, что девочка не может встать и каждый раз, когда мужчина пытался поднять ее, вскрикивает.

– Ладно. Давай разберемся, что тут происходит.

Хью хлопнул в ладоши:

– Хорошая мама! Хорошая мама!

Гвен улыбнулась. Сын повторял ее собственные слова, она часто называла его «мой хороший мальчик».

Хью побежал вперед и остановился в нескольких футах от мужчины, склонившегося над девочкой.

– У нее нога какая-то смешная, – широко раскрыв глаза, проговорил Хью.

Мужчина посмотрел на них, и Гвен с удивлением узнала в нем тамила, которому помогла, когда только что приехала на плантацию, – того, поранившего ногу. По смятению на его лице Гвен поняла, что он тоже ее узнал. Из-за их предыдущей встречи у него были неприятности, и она прекрасно понимала, что этому человеку, вероятно, не по вкусу ее участие. Однако она присела на корточки и осмотрела девочку, а та подняла голову и взглянула на нее большими, полным слез карими глазами. Дыхание у Гвен участилось. Глаза девочки напомнили ей о Лиони, она инстинктивно протянула к ней руку, кровь бросилась в голову.

Гвен постаралась прервать поток воспоминаний о дочери и успокоиться. Эта девочка была старше Лиони, ей лет восемь, она тамилка, а не сингалка, и кожа у нее гораздо темнее. Нога бедняжки была изогнута под каким-то странным углом, лодыжка опухла, а одежда была мокрая. Сперва Гвен подумала, что девочка описалась, но, приняв душ, поняла, что от нее пахнет молоком.

– Иди и принеси кувшин, который мы видели, Хью. Разбитый, на тропинке.

Когда мальчик вернулся с двумя черепками, девочка отпрянула и заговорила на тамильском.

– Она просит прощения, мама.

– Ты ее понимаешь?

– Да, мама. Я каждый день слушаю кухонных мальчиков.

Гвен удивилась. Сама она говорила по-тамильски очень плохо, а ее сын – да, он понимал сингальский, но тамильский?!

– Спроси ее, за что она просит прощения?

Хью произнес несколько слов, девочка что-то ему ответила и заплакала.

– Она не скажет.

– Ты уверен? – (Напустив на себя очень важный вид, Хью кивнул.) – Она что-нибудь сказала? – (Он покачал головой.) – Ну да ладно, это не важно. Сбегай на кухню и скажи, что маме нужны два мальчика. Ты понял?

– Да, мамочка.

– И приведи их сюда, сразу. Скажи, тут экстренный случай.

– Что значит экстренный?

– Ну вот такой, дорогой. Давай скорее.

Мужчина снова стал поднимать девочку, но та взвизгнула от боли. Гвен покачала головой, и мужчина оставил свои безуспешные попытки. Он посмотрел в сторону рабочего поселка и взмахнул руками, кажется, ему хотелось поскорее уйти, но Гвен не могла позволить ему забрать туда девочку в таком состоянии.

Через несколько минут Хью вернулся с двумя кухонными мальчиками. Те обменялись с мужчиной несколькими фразами на тамильском.

– О чем они?

– Они говорят слишком быстро, мамочка.

Гвен знаками показала, чтобы кули подняли девочку, те послушались: один взял ее под руки, другой – за ноги. Она завывала, а мальчики сделали несколько шагов в сторону рабочих линий.

Велев им остановиться, Гвен указала на дом.

Мальчики обменялись недовольными взглядами.

– К дому, сейчас, – сказала Гвен по-тамилски, надеясь, что ее поймут.

Хью выпятил грудь и повторил за ней, пытаясь изобразить из себя хозяина.

Гвен отвела всех в обувную кладовку, убрала со стола мусор и приказала кули положить девочку туда. Мужчина вошел следом за ними и стоял, переминаясь с ноги на ногу.

Гвен выдвинула стул:

– Хью, скажи, чтобы он сел. Я позвоню доктору.

На шум явился дворецкий, но тут же отпрянул, увидев тамилу и девочку.

– Им тут быть не положено, леди. Там у них есть фармацевт. Вы должны позвонить на фабрику.

– Я звоню врачу, – повторила Гвен и быстро прошла в холл мимо ошарашенного дворецкого.

К счастью, Джон Партридж оказался в своей приемной недалеко от Хаттона и не заставил себя ждать. Гвен сама открыла ему входную дверь, он вошел, запыхавшийся, и принес с собой запах трубочного табака.

– Я приехал, как только смог. Вы говорите, пострадал ребенок?

– Да. Она в обувной кладовке.

– Правда?

– Я не хотела лишний раз переносить ее. Думаю, у нее сломана лодыжка.

Партридж вошел в комнатушку и тихо ахнул:

– Вы не сказали, что она тамилка.

– Это имеет значение?

Доктор пожал плечами:

– Для меня и для вас, вероятно, нет, но все же...

– Мне сказали, что там есть фармацевт, который занимается неотложной помощью, но я подумала, ей нужен квалифицированный врач, причем быстро.

Гвен держала девочку за руку, пока врач ее осматривал.

– Вы правы, – сказал он, распрямляя спину. – Если бы ногу ей вправили кое-как, она могла бы на всю жизнь остаться калекой.

Гвен медленно, с облегчением выдохнула. Она не могла признаться себе, что ее не покидает тоска по Лиони, хотя не верила, что желание позаботиться об этом ребенке возникло у нее только из-за этого.

– У вас дома есть гипс?

Она кивнула и велела мальчику принести.

– Лоуренс и Хью делают из него фигурки.

Доктор погладил девочку по голове и заговорил с ней на ее родном языке.

– Я не знала, что вы так хорошо объясняетесь на тамильском.

– До приезда сюда я работал в Индии, там кое-чего нахватался.

– Стыдно сказать, я почти не говорю на этом языке. Прислуга всегда общается со мной по-английски, так что у меня почти нет возможности практиковаться. Вы не объясните отцу девочки, что собираетесь делать? Я думаю, это отец.

Доктор сказал несколько слов тамилу, тот кивнул.

Партридж взглянул на Гвен:

– Он – отец и хочет забрать ее домой сейчас. Ему нужно идти работать – стричь кусты, и он боится, что попадет в беду из-за того, что принес ребенка сюда. Он прав. Макгрегору это не понравится.

– К черту Макгрегора! Она всего лишь маленькая девочка. Взгляните на нее. Скажите ее отцу, что вам придется вправлять ей лодыжку.

– Хорошо. Девочке и правда лучше полежать пару дней без движения.

– В таком случае я настаиваю, чтобы она осталась здесь до тех пор, пока ей не станет лучше. Мы принесем пару раскладушек, и отец сможет побыть с ней.

– Гвен, будет лучше, если он вернется в рабочие линии. Иначе ему запишут прогул. А это грозит не только вычетом из заработка, но и потерей работы.

Она немного подумала.

– Макгрегор говорил, что грядут сокращения.

– Вот именно. Ну что, договорились? Я скажу ему, что он может идти.

Гвен кивнула, и Партридж объяснил мужчине ситуацию. Тот все понял и сжал руку дочери, но, когда он вышел из кладовой, малышка накуксилась.

Доктор взглянул на Гвен и слегка покраснел:

– Боюсь, мне никогда не разобраться до конца, как случилась эта путаница с вашим рецептом. Простите меня. Никогда раньше я не допускал таких ошибок.

– Теперь это уже не важно.

Он покачал головой:

– Меня это беспокоит. Я выписывал большие дозы только людям в критическом состоянии.

– Ну, серьезного вреда мне это не причинило, и, видите, я свежа как ясное утро. А теперь, Джон, я оставлю вас заниматься делом. Пошли, Хью.

– Я хочу посмотреть.

– Нет. Идем со мной.

Чуть позже предобеденный отдых Гвен был нарушен шумным возвращением с прогулки вокруг озера Верити и Сави Равасингхе. Она встала и мельком заметила свое отражение в оконном стекле, а за ее спиной нарисовалась тень девочки.

– Лиони, – едва слышно произнесла Гвен и обернулась.

Игра света.

Она горячо надеялась, что Верити уже укатила вместе со своим гостем, и, войдя в гостиную, едва могла глядеть в сторону Сави.

– Я слышала, мы пропустили всю утреннюю драму, – сказала Верити и развалилась на диване. – Садись, Сави, я нервничаю, когда кто-нибудь стоит у меня над душой.

– Мне действительно нужно идти, – с извиняющейся улыбкой проговорил он.

Верити скривилась:

– Ты не можешь никуда уйти, если я не подвезу тебя.

Гвен нервно сглотнула и приготовилась к светской беседе.

– Я уверена, мистеру Равасингхе не терпится вернуться к работе. Чей портрет вы сейчас пишете?

– Вообще-то, я был Англии. У меня там заказ.

– О, полагаю, это какая-нибудь невероятно важная персона. Вы часто виделись с моей кузиной?

Сави еще раз улыбнулся и наклонил голову:

– Не очень, но видел ее, да.

Гвен попробовала смотреть на него бесстрастно, но снова невольно подумала, как же он обаятелен, неудивительно, что к нему так влечет одиноких женщин, – красивый, обходительный да к тому же талантливый. Женщинам нравится это в мужчинах, так же как и умение смешить. Она залюбовалась его кожей, будто отполированной до блеска, с легким оттенком шафрана, но тут же вспомнила о том ужасном вечере в отеле. За этим последовала вспышка столь яростного гнева, что Гвен почувствовала, будто на нее и правда кто-то напал. Она сжала кулаки и отвернулась, грудь сдавило от напряжения.

– На самом деле он рисовал твою кузину, – с улыбкой сообщила Верити. – Разве это не потрясающе? Удивляюсь, что она тебе не сообщила. – (Гвен сглотнула. Фрэн действительно ничего ей не говорила.) – Ты слышала меня, Гвен?

Гвен повернулась к художнику:

– Это прекрасно, мистер Равасингхе. Буду с нетерпением ждать момента, когда снова окажусь в Англии и увижу этот портрет. А здесь у меня столько дел, что не всегда удается поддерживать контакты.

– Вроде спасения тамильских детей. Ты об этом говоришь, Гвен?

Верити произнесла это с невинным выражением лица и приподняла брови, потом заговорщицки улыбнулась Сави, словно передавая ему без слов нечто такое, чего Гвен знать не следовало.

И тут Гвен прорвало, ей стало все равно, пусть даже они заметят, что ее трясет от злости.

– Я говорила не об этом, а о том, что я жена Лоуренса, забочусь о Хью и управляю хозяйством, особенно теперь, когда нам приходится тщательно следить за своими расходами. Счета, Верити. Ты знаешь. Столько денег куда-то пропало. Я, вообще-то, рассчитывала, не просветишь ли ты меня на этот счет. – (У ее зловки, по крайней мере, хватило совести, чтобы покраснеть, прежде чем она отвернулась.) – Мистер Равасингхе, Верити сейчас отвезет вас на станцию.

– Дело в том, что в это время нет поездов, – сказал он.

– В таком случае Верити доставит вас в Нувара-Элию.

– Гвен, послушайте...

– И во избежание любых недоразумений сделает это прямо сейчас.

Гвен отвернулась от них обоих и отошла к окну, чувствуя такое напряжение внутри, будто вот-вот лопнет. Она проследила взглядом за цаплей, летевшей низко, поверх полосы поднимавшегося над озером белого тумана, и услышала, как они встали и вышли из гостиной. Когда раздался скрип гравия под шинами, Гвен закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов – от облегчения у нее потеплела кожа и мышцы расслабились. Она обрела шаткое равновесие в тот момент, когда жизнь перевернулась и непонятно, где окажешься, когда она сделает новый оборот, и устоишь ли вообще на ногах. Понятно ей было только, что Лоуренса нет рядом и линия фронта проведена.

Глава 23

Назавтра был День Пойя, буддийский праздник, который отмечают каждое полнолуние. Из-за того что в доме было так тихо, Гвен проспала. Лоуренс всегда давал в этот день выходной всем домашним слугам, чтобы они могли сходить в храм и совершить обряды. Для истинно верующих Пойя был днем поста, или *упосатхи*. Для других он означал, что магазины и прочие учреждения закрыты, а продажа алкоголя и мяса запрещена.

Большинство работников на плантации были тамилами, а следовательно, индуистами, но некоторые из домашних слуг, например Навина и дворецкий, были сингалами-буддистами. Лоуренс считал, что прекращать работы на плантации двенадцать или тринадцать раз в году с наступлением полнолуния – это хорошее средство наладить отношения. Разумеется, во время индуистского праздника урожая всем тоже предоставляли выходной. Это сглаживало противоречия между работниками и давало им равную возможность отдохнуть.

Первым делом Гвен вместе с Хью и вившейся у ног Джинджер проверила свою маленькую пациентку. Мальчик нес под мышкой любимого медвежонка и держал в руке свою лучшую машинку. Едва войдя в сарай, он протянул ее девочке. Она взяла игрушку, перевернула вверх дном, покрутила колесики и заулыбалась во весь рот.

– Ей нравится, мама.

– Думаю, да. Молодец. Ты хорошо сделал, что принес ей игрушки. – Гвен не стала говорить ему, но подумала, что у этой девочки, вероятно, вообще нет игрушек.

– Я хотел ее порадовать.

– Очень хорошо.

– И еще принес ей медвежонка. И позвал Уилла, но он не захотел идти.

– Почему? – Хью выразительно пожал плечами, как делают маленькие дети, когда пытаются копировать взрослых, чем позабавил Гвен; она немного понаблюдала за детьми. – Мне нужно кое-что сделать. Ты не хочешь поиграть в моей комнате?

– Нет, мама. Я хочу остаться с Ананди.

– Оставайся, только не проси ее двигаться. Я оставлю дверь открытой, чтобы слышать вас. Веди себя хорошо.

– Мама, ее имя означает «счастливая». Она вчера мне сказала.

– Ну, я рада, что вы с ней поладили. Но помни...

– Знаю. Будь хорошим мальчиком.

Гвен улыбнулась и обняла сына, прежде чем уйти.

В холле она прислушалась, как дети лопочут на тамильском и смеются. Хью – хороший мальчик, подумала Гвен и пошла в свою комнату писать письма.

Примерно через час ее потревожил звук сердитых голосов. Уловив шотландский акцент Макгрегора, Гвен поняла, что лучше было не оставлять Хью и тамильскую девочку одних. Она торопливо пошла в обувную кладовку.

Дверь во двор была открыта, и Гвен слышала, что ругань несется оттуда. Заметив, как Макгрегор погрозил кулаком женщине в оранжевом сари, она вздохнула и окинула взглядом комнату. В углу, обхватив руками колени, примостился на полу Хью. Лицо у него было красное, и он кусал губы, словно силился не заплакать. Девочка сидела выпрямив спину, по ее щекам текли слезы и капали в раскрытые ладони, будто она специально их подставила.

Макгрегор, должно быть, услышал, что Гвен вошла в кладовую, и сразу обернулся к ней с пылающим лицом:

– Какого дьявола, миссис Хупер! Что здесь происходит? Стоило вашему супругу уехать, как вы притаскиваете в дом ребенка работника. О чем вы думали?

Гвен удивилась, увидев вошедшую в комнату Верити, которая присела на корточки рядом с Хью.

– Я и не заметила, как ты вернулась, – сказала она, не отвечая Макгрегору, но у нее мелькнула мысль, что Верити выждала какое-то время и оповестила управляющего. Гвен подошла к Хью, наклонилась и взъерошила ему волосы. – Ты в порядке, дорогой? – Мальчик молча кивнул, и она, глубоко вдохнув, выпрямилась и скрестила на груди руки. – Вы до полусмерти перепугали детей, мистер Макгрегор. Посмотрите на их лица. Это непростительно.

Он сердито сплюнул. Гвен заметила, что кулаки у него сжаты.

– Что действительно непростительно, так это ваше очередное вмешательство в дела рабочих с плантации. Я старался помочь вам, дал садовников, устроил, что нужно, для вашей сыроварни, и вот чем вы мне платите.

Гвен напряглась:

– Плачу вам? Тут дело не в расплате с вами или с кем-нибудь другим. Речь идет о маленькой девочке, которая сломала лодыжку. Даже врач сказал, что она осталась бы калекой, если бы ей не оказали помощь быстро.

– Тамилы не пользуются услугами доктора Партриджа.

У Гвен конвульсивно дрогнула челюсть.

– Бога ради, послушайте себя! Она всего лишь ребенок.

– Есть какая-то особая причина, почему вы заботитесь об этой девочке? – (Гвен вперила в него безразличный взгляд.) – Вы знаете, кто ее отец?

– Я его узнала, если вы об этом.

– Он один из главных агитаторов на плантации. Вы, наверное, не забыли, как однажды этот человек воткнул себе гвоздь в ступню, пытаясь вытребовать незаработанные деньги. Вероятно, он и ногу ребенку сам сломал.

Теперь Гвен уже трясло от смеси злости и страха.

– Нет, мистер Макгрегор, он этого не делал. Она упала из окна сыроварни.

– Откуда вы знаете?

Гвен выдержала его взгляд, жалея о сказанном:

– Давайте лучше сосредоточимся на том, как нам доставить ребенка домой, не причинив ему вреда.

– Что она делала в сыроварне? Рабочим запрещено приближаться к дому. Вам это известно.

Гвен ощутила жар на щеках.

– Лучше не говори ему, – пропищал Хью.

Макгрегор заглянул в комнату и резко спросил:

– Чего лучше мне не говорить? Что эта паршивка делала в сыроварне?

– Я...

Наступила напряженная тишина.

– Думаю, она приходила за молоком.

– Мама! – крикнул Хью.

– Приходила за молоком! Дайте-ка я выразусь без обиняков. Вы говорите, она воровала?

Гвен уставилась в пространство перед собой, и ее охватил ужас.

– Я ее не видела. Просто у нее платье было мокрое, окошко осталось открытым, и на полу в сыроварне кто-то пролил молоко.

Хью вышел из кладовой, встал рядом с матерью и просунул ладонь ей в руку.

– Она взяла молоко для своего младшего брата, – сказал он. – Ее братик заболел, и она подумала, что так ему станет лучше. Она очень сожалеет.

Макгрегор поморщился:

– Еще бы! Ее отец пожалеет об этом еще больше. Наверняка это он подговорил дочку. Ее отца высекут и лишат дневного заработка. Я не допущу, чтобы мои работники воровали из хозяйского дома.

Гвен ахнула. Этот человек, кажется, совершенно лишен сострадания к людским несчастьям.

– Мистер Макгрегор, прошу вас. Это всего лишь немного молока.

– Нет, миссис Хупер. Если такое сойдет с рук одному, остальные тоже полезут. Мы должны управлять строго, иначе начнется хаос.

– Но...

Макгрегор поднял руку:

– Мне больше нечего сказать по этому поводу.

– Он прав, – встряла Верити. – Теперь секут меньше, чем раньше, но все равно иногда нужно напомнить рабочим, кто тут главный.

Гвен пришлось напрячься, чтобы не сорваться на крик.

– Но у них теперь есть права, разве не так?

Верити пожала плечами:

– Вроде того. Из-за распоряжения о минимальном размере заработка рабочих на плантациях им подняли плату и стоимость субсидируемого риса устанавливается принудительно, но это все. Не забывай, что за три года до этих указов мы уже снабжали рабочих рисом по низким ценам. Лоуренс всегда поступал по справедливости.

– Я знаю.

– Но видишь ли, в указах ничего не сказано о запрете порки.

Стоявшая во дворе женщина, которая отошла в сторонку во время этой перебранки, снова подала голос, и Гвен подошла к ней. Она

заметила аккуратно разделенные на прямой пробор волосы, широкие ноздри, выступающие вперед скулы и золотые серьги, вдетые в длинные мочки ушей; под оранжевым сари на ней была чистая хлопчатобумажная блузка. Вероятно, эта женщина принарядилась, чтобы явиться в господский дом.

– Что она говорит, Хью?

– Она надела лучшую одежду и пришла забрать Ананди домой.

– Скажи ей, чтобы возвращалась. До дома слишком далеко, девочка не сможет столько проскакать на одной ноге. Мы с Верити привезем Ананди на машине. Она будет сидеть вытянув ногу на заднем сиденье. – Гвен бросила взгляд на золовку, которая явно колебалась. – Верити?

– Ну ладно.

Вечер прошел тихо. О визите Сави Равасингхе не было сказано ни слова, хотя Гвен по-прежнему чувствовала себя несчастной, отчасти из-за нежданной встречи с художником, отчасти из-за ругани с Макгрегором. Она решила, что это Верити все ему рассказала, иначе с чего бы он появился в доме в День Пойя. Было не слишком прохладно, но огонь в камине так приятен, и Верити растопила очаг. Так как у слуг был выходной, Гвен сама приготовила простую еду: сладкие гренки и блинчики с фруктами и кокосом.

Занавески на окне были отдернуты, и она любовалась блеском лунной дорожки на воде. Нежно серебрящаяся поверхность озера чем-то напомнила ей атмосферу в Оул-Три и прозрачный пруд на вершине холма недалеко от дома. В полнолуние он так же мерцал, и ей всегда казалось, будто усадьба переносилась в какой-то призрачный, потусторонний мир.

– Смотри, мама, я ем морковку, – сказал Хью. – И Уилф тоже.

Гвен взглянула на его тарелку:

– Это не морковка, а дольки апельсина.

– От апельсинов тоже лучше видишь в темноте?

Гвен засмеялась:

– Нет, но они тоже полезные. Как все фрукты.

– Не сыграть ли мне? – предложила Верити, вставая со стула.

Она села за рояль, и Хью стал петь военные марши, придумывая на ходу слова, которых не знал, и хорошо, что не знал. Он хотел, чтобы

мама тоже подпевала, и нетерпеливо на нее поглядывал, но она покачала головой и сослалась на усталость, хотя на самом деле просто была не в настроении.

Когда Хью уложили спать, Гвен присела на корточки у камина и пошевелила кочергой дрова, чтобы лучше горели.

Верити откинулась на леопардовую шкуру:

– Я люблю дни полнолуния.

Гвен не хотелось разговаривать, но раз уж ее золовка выказала склонность к милой беседе, придется поддержать ее.

– Да. Мне нравится делать все самой. Молюсь только, чтобы мы не потеряли плантацию. Плохо уже то, что Макгрегору придется уволить так много работников.

– Он уже сделал это. Ты не знала?

– Правда?

– Да, позавчера.

– Он сказал тебе, а не мне?

– Не обращай внимания. Он сказал бы тебе, если бы ты спросила, я уверена.

Гвен кивнула, хотя сомневалась в этом.

Сильно расстроившись из-за утренней стычки с управляющим, она после обеда забралась в постель, пока Хью спал, и кое-что так и осталось невыясненным. Гвен не знала, исполнил ли Макгрегор свою угрозу высесть отца Ананди, и пыталась представить, как поступил бы Лоуренс, будь он дома. Оставил бы он все на усмотрение управляющего или вмешался бы? Насколько ей было известно, за то время, что она провела здесь, никого на плантации не пороли.

Гвен потерла шею сзади, но это не избавило ее от напряжения.

– Ты не знаешь, исполнил ли Макгрегор свою угрозу? – наконец спросила она. – Того мужчину высекли?

– Да. – (Гвен застонала.) – Это было неприятно. Его жену заставили смотреть.

Уставившись на Верити, Гвен пыталась осознать сказанное ею.

– Неужели ты видела это?

Верити кивнула:

– Женщина сидела на пятках и издавала ужасные вопли. Как животное.

– О боже! И ты смотрела? Где это было?

– На фабрике. Ладно. Забудь об этом. Сыграем в карты?

У Гвен защемило сердце, и она прикусила губу, чтобы сдержать слезы.

Через пару часов Гвен лежала в постели и не могла уснуть – мысль о порке не шла у нее из головы. По стенам спальни ползали тени, а она снова и снова обдумывала свою роль в этой истории. Неужели она помогла незнакомой девочке из-за Лиони? Ее мысли смешались, она почувствовала себя одинокой и страшно затосковала по Лоуренсу – вот бы он сейчас обнял ее.

На улице послышался какой-то странный приглушенный звук, недостаточно громкий, чтобы определить, откуда он. Гвен заглянула в детскую – проверить, как там Хью. Мальчик крепко спал, так же как и Навина. Послушав тихий храп старой *айи*, Гвен сделала себе мысленную заметку: устроить отдельную спальню для Хью. Он уже не младенец, ему нужно место для растущей коллекции игрушек и стола, чтобы рисовать динозавров. Вернувшись в спальню, Гвен открыла ставни и выглянула наружу.

Сперва она не увидела ничего необычного, но, когда глаза привыкли к лунному свету, заметила дорожку из маленьких огоньков – слишком далеко, толком не разглядишь. Гвен не придавала этому значения, решив, что, наверное, огни как-то связаны с праздником полнолуния. Она заперла ставни, оставив окно открытым, и, должно быть, ненадолго провалилась в сон, а очнулась от звуков более громких – слышался как будто монотонный говор множества голосов, ритмичный, почти музыкальный. Он звучал завораживающе, и, хотя доносился с близкого расстояния, Гвен не испугалась. Она совсем проснулась и, продолжая думать, что это часть какого-то ритуала, связанного с полнолунием, решила полюбопытствовать. Вероятно, ничего особенного, может быть, звук вообще принесло ветром.

Гвен распахнула ставни и в изумлении уставилась на колонну из нескольких дюжин мужчин, которая двигалась по дорожке вдоль озера. Темные фигуры в лунном свете выглядели устрашающе, но еще больше ее обеспокоил запах дыма и керосина от их пылающих факелов и валивший от них дегтярно-черный чад. Она быстро закрыла окно, побежала в детскую, закрыла окно и там, после чего разбудила Навину:

– Забери Хью наверх, в комнату хозяина, пожалуйста, и подними Верити.

Сама же Гвен пробежала по коридору в гостиную и застыла на месте. За раздвинутыми шторами виднелся голубой в лунном свете сад. Дальше за ним – полоса желтых факельных огней, освещавших лица мужчин и застилавших черным дымом небо над озером. Когда колонна миновала дом, Гвен вздохнула с облегчением и кинулась задергивать шторы. Тут за стеклом, прямо перед ней, показалось лицо какого-то мужчины с блестящей темной кожей. Он зло глядел на нее вытаращенными глазами. Из одежды на нем была только узкая набедренная повязка, курчавые волосы дыбом стояли на голове – живое воплощение маски демона, которую Лоуренс подарил Кристине.

Незнакомец поднял кулак, и Гвен обмерла, слишком напуганная, чтобы сдвинуться с места, сердце у нее колотилось как никогда. Мужчина впери в нее взгляд и не шевелился. Она не могла больше этого выносить и заставила себя трясущимися руками задвинуть шторы, чтобы укрыться от него. Неизвестно, были ли с ним другие люди, готовые взять дом в кольцо, но если были, что ей делать? Гвен стало дурно от мысли, что Хью пострадает, и она бросилась к шкафу с оружием за винтовкой Лоуренса.

Ее обуял страх, и она плохо соображала. Предупредить Макгрегора, что к его дому движется толпа местных с горящими факелами, не было никакой возможности. Гвен прижала ладонь к груди, пытаясь усмирить панический ужас, потом кинулась вверх по лестнице в комнату Лоуренса, где уже стояли у окна Верити, Навина и Хью.

– Смотри, мамочка. Они проходят мимо. Они не идут сюда.

Гвен открыла окно и нацелила винтовку. Мгновение она следила за хвостом колонны, двигавшейся мимо дома. Двое мужчин оглянулись и посмотрели на нее. Один потряс в воздухе факелом.

– Боже милостивый, надеюсь, с Макгрегором ничего не случится!

– Шум разбудит его, и Ник сумеет за себя постоять, – уверенно сказала Верити. – Но, Хью, тебе лучше держаться подальше от окна.

Вдруг раздался выстрел, за ним второй. Воздух наполнился дикими криками.

– О господи, он в них стреляет! – воскликнула Гвен. Хью метнулся к ней, чтобы она взяла его на руки, и ей пришлось отдать

винтовку Верити. – Выключите свет. Я не хочу, чтобы они нас видели.

– Они нас уже видели, – возразила Верити. – Но Макгрегор не станет стрелять в них. Он будет палить в воздух, просто чтобы распугать их.

– А вдруг попадет в кого-нибудь?

– Ну, может, и зацепит парочку, если только случайно. Надо же ему как-то разогнать их. Смотрите, это работает.

Несмотря на испуг, Гвен было жаль этих отчаянных мужчин, и она боялась, что Макгрегор станет их преследовать. Люди были загнаны в угол, их крайняя нужда вызывала у Гвен сочувствие, а вот для Верити они были слишком незначительны, она их ничуть не жалела.

Около дома Макгрегора разворачивалась картина невероятной сумятицы: нападавшие метались, как пчелы, которых выкуривают из улья; кое-кто спешил унести ноги. Некоторые факелы догорали, другие с шипением гасли, бросаемые в воду, несколько еще дымили, загрязняя воздух, и повсюду распространялся едкий кислый запах, но Гвен с облегчением заметила, что мужчины возвращаются по дорожке вдоль озера и никто из них, кажется, не идет к дому. Она молилась про себя, лишь бы никого из них не убили.

Тут Верити, которая все еще высовывалась из окна с винтовкой в руках, пальнула в воздух. Выстрел прозвучал так громко, что Гвен испугалась до полусмерти.

– Верити, зачем ты это сделала?

– Просто хочу, чтобы они знали: хотя Лоуренса нет дома, мы все равно можем стрелять.

Гвен заняла позицию у окна и оставалась там до тех пор, пока все бунтари не скрылись из глаз.

– Думаю, нам нужно лечь спать, – через некоторое время сказала она. – Я останусь здесь с Хью. Навина, иди в соседнюю свободную комнату. А теперь всем доброй ночи.

– Я не уверена, что все кончено, – заявила Верити. – Можно я останусь здесь, с вами? Чтобы убедиться, что Хью в безопасности?

Гвен ненадолго задумалась. Вероятно, им сейчас лучше держаться вместе.

– Я возьму винтовку, – сказала Гвен, и, хотя она готова была на все ради защиты своего сына, от мысли, как она наставляет оружие на

другого человека и убивает его, у нее похолодела кровь.

Когда Хью уснул, лежа между ней и Верити, Гвен погладила его нежную теплую щечку, потом легла на спину и уставилась в темноту; тревожные мысли роились у нее в голове: как она объяснит Лоуренсу, отчего в этих людях разгорелась такая острая жажда мести? Наверняка причиной всему порка, но Макгрегору грозила смерть, им всем грозила.

Незадолго до восхода Гвен резко села в постели. Верити стояла у двери, завернутая в одеяло, и перешептывалась с Навиной. В руках у нее были свеча и винтовка; услышав, что Гвен встает, она обернулась, отдала свечу Навине, приложила палец к губам и придержала дверь:

– Быстро! Не буди Хью. Накинь халат Лоуренса. – (Гвен накинула и вышла на лестничную площадку, прикрыв за собой дверь.) – Пошли, – сказала взволнованная Верити.

– Что происходит? Почему пахнет дымом хуже, чем раньше?

– Увидишь.

Навина пошла впереди, освещая им путь мерцающим огоньком свечи, вниз по лестнице, по коридору, в обувную кладовку. Гвен слышала щелчки и треск, увидела сквозь окошко оранжевое зарево в небе, прежде чем ее глазам предстал пожар.

В панике она протолкнулась мимо Верити с Навиной и отперла боковую дверь во двор. Облака сизого дыма валили от крыши примыкавшего к дому флигеля. Гвен схватилась рукой за горло. Огонь успел выйти из-под контроля, густой дым не давал увидеть, что горит. Раздался громкий треск, за ним – грохот: балки крыши над сыроварней проломилась, вверх взметнулись искры и мелкие угольки, огромный клуб черного дыма вырвался наружу и устремился в бледное утреннее небо. Из глаз Гвен покатались слезы от едкого запаха горящего сыра, который распространился по двору; дышать стало невозможно.

Шум не стихал. Стены бывшей кладовой были сложены из камня, а пол забетонирован, так что для этого здания худшее осталось позади. Теперь опасность состояла в том, что пламя может по деревянным потолочным балкам перекинуться на кухню, в комнаты слуг, а потом охватит и весь дом. Ужаснувшись этой мысли и беспокоясь о сыне, Гвен выбежала вперед, прикрыв рот и нос, однако, несмотря на эту

предосторожность, захлебнулась дымом и, дико махая руками, зашлась кашлем.

Верити вышла за ней:

– Восхитительно, правда? Смотри, *анну* и кухонные кули уже тушат огонь. Мальчики с другой стороны.

Мужчины носились туда-сюда, отдавая друг другу команды. Глаза Верити засверкали, она двинулась к огню, а Гвен, наоборот, отступила от жара.

Огонь продолжал пожирать крышу, мужчины плескали на пламя воду из глиняных горшков, лили из шланга. Раздавались шипение и звуки, похожие на плевки. Постепенно пламя стало угасать. Гвен следила за этим с облегчением, но потом вдруг рыжие языки снова выбились наружу, запылали, как будто пуще прежнего, и она опять в ужасе отшатнулась, чувствуя свою беспомощность. Ветер относил завивавшийся спиралью ядовитый черный дым к озеру, огонь не унимался.

Наконец он выдохся и сдался, остатки пламени мужчины затушили, бросая на обугленные рухнувшие балки мокрые коврики. Гвен задышала свободнее и вытерла слезящиеся от дыма глаза. Справившись с огнем, мужчины стали пожимать друг другу руки. *Анну* проверял, не загорится ли еще что-нибудь. Над двором густой пеленой висел дым.

Верити крикнула ему что-то на тамильском.

Повар кивнул и ответил. Гвен ничего не поняла.

– Что он говорит? – спросила она.

– Ничего особенного. Просто подтверждает, что пожар потушен.

Все вокруг было покрыто пеплом. Гвен чувствовала будто он на ней везде – в волосах, на одежде.

– Хорошо, что ты меня разбудила, – сказала она, стряхивая с себя рассыпавшиеся в пыль сизые хлопья.

В темных глазах Верити стояли слезы.

– А как же иначе. Хью так много значит для меня. Я защищала бы его любой ценой.

Они вместе вернулись в дом. Гвен пошла наверх, в комнату Лоуренса, чтобы быть рядом с Хью. Глаза щипало от дыма, и она содрогалась от мысли, что могло бы случиться, если бы огонь не заметили так рано. Ее беспокоили не причиненные им разрушения –

сыроварню можно привести в порядок, – а те, которые могли быть причинены. Она вытерла лицо. В комнату осторожно пробирался утренний свет. Гвен свернулась калачиком на кровати и погладила сына по щеке. Слава богу, он в безопасности!

Гвен могла довериться только мнению Лоуренса о том, насколько серьезна сложившаяся ситуация. Она подумала о нем, вспомнила день его отъезда. Ей захотелось заплакать. Разрыдаться. Перед глазами всплыл образ Кристины, садившейся в машину у отеля «Галле-Фейс», луч света упал на столик, где лицо Кэролайн сияло из серебряной рамки. «Хотелось бы мне поговорить с тобой, – подумала Гвен. – Может, ты дала бы мне совет, что делать».

Глава 24

Утро разгорелось яркое, полное нежного света, над озером голубоватой дымкой стлался туман. Казалось странным, что после такой ужасной ночи на берегу озера все так спокойно и обычно: деревья дышат влажной свежестью, трава покрыта росой. Однако запах горелого сыра продолжал висеть в воздухе рядом с домом и над засыпанным пеплом, разоренным двором, где кули наводили порядок. Гвен не отпускала от себя Хью и напряженно ждала появления Макгрегора.

В гостиную вошла Верити:

– Один из кухонных кули пострадал во время пожара.

– Сильно?

– Я не знаю. *Annu* не сообщил подробностей. Пойду поищу Макгрегора и спрошу, что ему известно.

– Скажешь мне?

– Конечно.

Как раз когда появилась Флоранс Шуботэм – она привезла флан с беконом, – Гвен заметила на верхней террасе сада Макгрегора: он, размахивая руками, говорил с Верити. Гвен отклонилась назад, чтобы видеть их, но самой остаться незамеченной. Однако трюк не удался – Макгрегор выхватил ее взглядом из тени и мрачно уставился на нее. Гвен напряглась. Именно этого она и ожидала.

Флоранс была последним человеком, которого она хотела бы видеть, но в каком-то смысле присутствие гостьи было на руку Гвен, так как избавляло ее от нападок Макгрегора хотя бы на некоторое время. Скоро они поговорят, а пока она не станет сама искать с ним встречи.

– Я приехала, как только смогла, – сказала Флоранс, сочувственно тряся подбородками. – Говорят, боковое крыло вашего дома выгорело целиком.

– Нет. Пострадала только сыроварня.

– Мне грустно слышать это.

Гвен пришлось остаться с гостьей и занимать ее. Дворецкий по приказанию хозяйки принес чай в лучшей фарфоровой посуде и трехъярусную подставку с пирожными. Флоранс принялась за

угощение, от которого лишь слегка припахивало дымом, а Гвен тревожилась все сильнее. Рано или поздно ей придется спросить Макгрегора о пострадавшем при пожаре.

– Будем ли мы иметь счастье видеть вашу милую кузину Фрэн в ближайшее время? – спросила Флоранс.

– В ближайшее время – нет, хотя она обещала как-нибудь приехать.

– Вы, конечно, скучаете по ней и по своему супругу. – Миссис Шуботэм изобразила сочувствие на лице и понизила голос. – Надеюсь, с Лоуренсом все в порядке. Я слышала, он потерпел большие убытки во время краха Уолл-стрит.

– Не беспокойтесь, Флоранс. С Лоуренсом все в порядке, и со мной тоже. – Гвен показалось, миссис Шуботэм с трудом скрыла разочарование, что слухи не материализовались в том красочном виде, на какой она рассчитывала. – Мы с нетерпением ждем его скорого возвращения, – продолжила Гвен.

Она не упомянула ни о телеграмме, которую Лоуренс сегодня утром прислал своему агенту в Коломбо и в которой сообщал, что, вероятно, пробудет в отлучке дольше, чем рассчитывал, ни о том, что сама она не известила его о ночном пожаре.

После отъезда Флоранс Гвен открыла окно, однако запах гари все еще отравлял воздух, и она быстро закрыла его вновь, после чего отправилась искать Верити и Хью. Она собиралась держать сына рядом с собой, но во время визита Флоранс мальчик ускользнул на улицу. Гвен шла между кустами и деревьями по саду и звала его, потом остановилась на нижней террасе, глядя на разбросанные по озеру островки. Над водой еще держалась тонкая полоска тумана, свежий ветер охлаждал кожу. Она услышала звук шагов и голос Хью, обернулась и увидела приближавшегося Макгрегора, который вел мальчика за руку.

– Мистер Макгрегор... – проговорила Гвен.

– Миссис Хупер... – Он отпустил руку Хью, и тот бросился к ней.

– Как самочувствие того мужчины? – спросила она, делая над собой усилие, чтобы не выдать волнения.

– С ним сейчас фармацевт.

– Какое неудачное стечение обстоятельств, – сказала Гвен.

Управляющий покачал головой:

– Более чем неудачное. С намеренным уничтожением имущества нельзя мириться. Надеюсь, на этом все закончится. Но я бы посоветовал вам пока что держать парнишку поближе к себе.

– Будем надеяться, это не был злой умысел. Вероятно, пожар вспыхнул случайно, вы не думаете? Когда столько факелов горело рядом с домом.

– Я в этом сомневаюсь. Но вам очень повезло, что огонь заметили вовремя. – Макгрегор развернулся и стал уходить, но, сделав несколько шагов, остановился. – Я знал: что-нибудь вроде этого обязательно случится. К счастью для вас, мужчина еще жив.

Гвен сцепила руки, чтобы подавить нарастающий гнев:

– Что вы имеете в виду?

– А то, что именно такие вещи происходят, когда люди лезут не в свое дело.

– Это вы на меня намекаете? – Управляющий наклонил голову, и лицо его окаменело. Гвен шагнула к нему, все ее усилия сохранять спокойствие пошли прахом. – Вообще-то, мистер Макгрегор, я не считаю, что совершила ошибку, оказав помощь той маленькой девочке. Только человек с каменным сердцем может думать иначе. И все это случилось не из-за меня, а из-за вас. Дни, когда работников пороли за всякую мелочь, остались в прошлом, а если здесь это не так, то позор вам.

– Вы закончили?

– Не совсем. Вам очень повезет, если Цейлонский трудовой союз не ухватится за эту историю. Вы испорченный человек, который видит в людях только дурное. Я верю в доброту и справедливость по отношению к людям, невзирая на цвет их кожи.

Лицо Макгрегора болезненно сморщилось.

– Это не имеет никакого отношения к цвету.

– Конечно имеет. Все в этой стране связано с цветом. Помяните мои слова, Макгрегор, все это вернется вам сторицей, и тогда ни одному из нас не придется мирно спать в своей постели.

С этими словами Гвен, высоко держа голову, протопала вверх по ступенькам, ведя за собой Хью. Она не доставит Макгрегору удовольствия видеть свои переполненные слезами глаза.

В ту ночь Гвен спала беспокойно: ей снились вылезающие из озера мужчины, которые махали горящими факелами. Лоуренс тоже снился: будто он был с ней в лодочном сарае, прядь волнистых волос упала ему на глаза, когда он склонился к ней. Волоски на руках блестели в лунном свете, щеки усыпаны веснушками. Она обхватила его руками за шею и положила ладони ему на затылок, но потом вдруг поняла, что он на нее не смотрит – он смотрит сквозь нее. Сон был мрачный, тревожный, а утром первым делом Гвен услышала новость, что обгоревший при пожаре мужчина скончался.

Весь день она провела, пытаясь разузнать, кто его родные, и придумать, чем может помочь. Гвен помнила этого молодого мужчину, почти мальчика, улыбчивого и всегда готового услужить. У нее разрывалось сердце от мысли, в каких мучениях он умер. Когда она столкнулась в саду с Макгрегором, тот настоял, что обо всем позаботится сам.

– Но он был одним из моих домашних кули.

– И тем не менее, миссис Хупер, я не могу допустить сентиментальности в такой деликатный момент. Нужно подумать и об отдаленных последствиях.

– Но...

Макгрегор ничего больше не сказал, коротко кивнул и пошел в противоположном направлении. Гвен уставилась на воду, не зная, что еще она может предпринять.

Глава 25

В следующие недели атмосфера оставалась напряженной, в доме царило уныние. Гвен старалась ради Хью вести себя как можно более естественно, но скоро стало очевидно, что Верити начала прикладываться к бутылке. По вечерам она запиралась в своей комнате и часами не показывалась, временами Гвен слышала из-за двери всхлипы. Днем Верити была раздражительна, срывалась даже на Хью. Пару раз Гвен пришлось сделать ей замечание, после чего она слышала, как золовка топает среди ночи по комнате Лоуренса. А когда она спускалась оттуда, худая, бледная, окутанная меланхолией, то слонялась по дому как неприкаянная.

Отыскать подход к этой девушке было ох как непросто! Гвен начинала беспокоиться за ее рассудок. Перепады настроения – это одно, но такая глубокая депрессия! Когда Гвен попыталась спросить, что с ней творится, Верити зажмурила глаза и покачала головой. Казалось, она не хотела поддаваться каким-то чувствам, и в конце концов Гвен решила, что лучше ее не трогать. Если несчастье Верити посчитать заслуженной карой, равносильной «воздаянию» за страдания Гвен, то месть не принесла ей удовлетворения: несчастная золовка вызывала у «отмщенной» жалость.

Отношения с Макгрегором тоже не давали покоя. Гвен старалась не встречаться с ним, но с помощью Навины ей удалось войти в контакт с семьей погибшего кули. Оставшиеся до приезда Лоуренса пустые, безотрадные недели она занималась хозяйством, согласовывала с поваром меню, следила, чтобы возвращались без утрат отданные в стирку вещи, и строго вела счета. Однако все это не избавляло ее от чувства вины за смерть кули и неуверенности в собственной безопасности.

В ветреные дни, когда деревянный каркас бунгало скрипел и стонал, Гвен слышала шаги своего отсутствующего ребенка. Она застывала в полной неподвижности, будто ждала, что ветер принесет ей какие-нибудь вести, или, чтобы избавиться от наваждения, принималась составлять список хранившихся в кладовке вещей. Для таких случаев годилась любая отупляющая работа.

Однажды утром Гвен вошла в кухню и застала там Макгрегора – он сидел один и был весьма угрюм.

– Мистер Макгрегор, – сказала она и развернулась, чтобы уйти.

– Выпейте со мной чашку чая, миссис Хупер, – отозвался он менее резким, чем обычно, тоном. – (Гвен от удивления замялась.) – Не бойтесь, я не укушу.

– Я ничего такого и не подумала.

Макгрегор принес вторую чашку и налил ей чая. Гвен села напротив.

– Много лет я работаю здесь, – произнес управляющий, не глядя на нее.

– Лоуренс говорил мне.

– Я знаю этих рабочих. Но тут приезжаете вы и хотите все изменить. Как это, миссис Хупер, не зная ничего, вы желаете все переделать? – (Гвен начала было отвечать, но он поднял руку, и она ощутила запах виски в его дыхании.) – Дайте мне закончить. Дело в том, и это ужасно... это не дает мне спать по ночам...

Последовала долгая пауза.

– Мистер Макгрегор?..

– Дело в том, что после всего случившегося... вы, вероятно, были правы насчет порки.

– Разве это так плохо?

– Для вас, может, и нет...

Гвен поискала подходящий ответ:

– Что вас на самом деле беспокоит?

Макгрегор молча покачал головой. Снова наступила тишина, он, по-видимому, обдумывал свою следующую фразу, напряженно двигая челюстью. Не имея представления, что творится в душе этого человека, Гвен всегда видела только его неприветливую наружность.

– Что беспокоит меня, если вам интересно узнать, так это моя неспособность подладиться к переменам. Я отдал жизнь чаю, так долго был частью всего этого процесса... он вошел в мою плоть и кровь, вы понимаете? Поначалу мы не придавали значения порке. Мы и за людей-то их не считали, по крайней мере за таких, как вы и я.

– Но они люди, не так ли, и один из них погиб.

Макгрегор кивнул:

– Я давно уже изменил свое отношение. Я не жестокий человек, миссис Хупер. Просто пытаюсь быть справедливым. Надеюсь, вы это понимаете.

– Уверена, мы все способны меняться, если сильно захотим, – сказала Гвен.

– Да, – согласился Макгрегор. – Если захотим. Я был здесь счастлив, но, нравится вам это или нет, наши дни сочтены.

– Мы должны идти в ногу со временем.

Он вздохнул:

– Они не захотят нас, понимаете, когда придет время. Несмотря на все, что мы для них сделали. И тогда настанет конец всему.

– И может быть, из-за того, что мы им сделали.

– Вот я и не знаю, как лучше поступить.

Гвен взглянула на Макгрегора, который сидел с пораженческим видом, понутив плечи:

– Как сейчас дела с рабочими?

– Тихо. Думаю, смерть кули потрясла их так же, как нас. Никто не хочет остаться без работы.

– А те, кто устроил поджог?

– Об этом все молчат. Мне нужно либо устроить большое шоу с привлечением властей, либо сделать широко известным, что я верю, будто пожар вспыхнул случайно. Это против правил, но пусть последний инцидент сойдет за несчастный случай.

– Вы не боитесь, что будут еще какие-нибудь проблемы?

– Кто знает? Но могу поклясться, настоящие проблемы начнутся в Коломбо. Тамошние рабочие многое могут потерять.

Гвен вздохнула. После этого они оба некоторое время молчали. Понимая, что сказать действительно больше нечего, Гвен встала:

– Спасибо за чай, но я должна найти Хью.

Большую часть свободного времени Гвен проводила с сыном. Иногда они играли в солдатиков, двигая армию против врага – обычно одной из собак. К несчастью, собаки не понимали своей роли побежденных солдат и бегали кругами, вместо того чтобы лежать мертвыми на поле битвы. Хью топал ногой и кричал на них:

– Лежать, Спью! И ты тоже, Боббинс. Джинджер, тебя убили!

Сегодня Хью «летал» по гостиной, раскинув руки, – он изображал британский триплан и старался вызвать у себя головокружение.

– Мама, ты тоже будешь самолетом. Например, немецким «альбатросом», и мы устроим схватку в небе.

Гвен пожала плечами, представив себе столкновение самолетов в воздухе.

– Дорогой, мне что-то не хочется. Пусть лучше тетя Верити нам почитает. – (Верити взяла книгу, и Хью уселся рядом с ней на диван.) – Что это за книга? – спросила Гвен и нахмурилась, заглянув поверх плеча Верити.

Сама она предпочитала Беатрис Поттер и считала, что выбранные Верити сказки Андерсена могут напугать малыша. У них давно были разногласия по этому поводу. Верити отстаивала свою точку зрения:

– Хью не младенец. Разве он только что не летал по комнате, изображая из себя бомбардировщик?

– Летал.

– Ну так что же? Истории Андерсена иногда печальны, но в них создан такой восхитительный сказочный мир. Я не хочу, чтобы Хью упустил это.

– А я не хочу, чтобы он был напуган на всю жизнь.

– Но, Гвен, они намного лучше, чем сказки братьев Grimm.

– В этом ты права. Может быть, когда он немного подрастет...

Верити отшвырнула книгу Андерсена:

– Что бы я ни делала, тебе все не так, да?

Гвен опешила и испытала легкое раздражение.

– Почему бы не почитать «Алису в Стране чудес»? – Верити пожала плечами, и Гвен подала ей книгу. – Давай, Верити. Прошу тебя, не порть вечер. – Та молча уставилась на книгу; Гвен заметила на глазах у девушки слезы и подумала, что та, наверное, скучает по брату. – Что случилось? – спросила Гвен.

И Верити покачала головой:

– Так плохо просто не может быть, а?

Гвен подошла к ней, взяла за руки и слегка их пожала:

– Ну же, старушка, выше нос!

Верити подняла голову:

– Ты ведь знаешь, что я люблю Хью?

– Конечно. Об этом и говорить нечего.

Верити вздохнула и больше ничего не сказала.

Немного позже, как раз когда Алиса спускалась в кроличью нору, зазвонил телефон. Все трое подняли голову, но Гвен оказалась на ногах первой. Сняв трубку, она сквозь треск услышала голос, который сказал, что это агент Лоуренса из Коломбо и он получил телеграмму: Лоуренс прибудет ровно через неделю. Заберет ли его Макгрегор из порта? Гвен мысленно вознесла хвалу Господу и вернулась в гостиную. Ей хотелось бы подержать в секрете это теплое чувство еще немного, но Верити взглянула на нее и спросила:

– Кто звонил? – (Гвен улыбнулась.) – Ну же, говори! А то ты довольная, как слон.

Она не могла сдержаться:

– Лоуренс возвращается домой.

– Когда? Он ведь еще не в Коломбо?

Гвен покачала головой:

– Приедет через неделю. Он хочет, чтобы Макгрегор встретил его.

– Нет, – сказала Верити. – Это сделаем мы.

Не уверенная, хочет ли она ехать встречать мужа с его сестрой, Гвен скривилась:

– Тебе придется вести машину.

Хью подскакивал и хлопал в ладоши.

Верити встала, взяла его на руки и закружила.

– Я бы хотела устроить вечеринку по поводу его приезда, – сказала Гвен. – Тут было так мрачно, мы все заслужили немного радости.

– Но нам же нужно затягивать пояса.

– Она не будет роскошной.

Верити поставила Хью на ноги и отступила назад, а Гвен тем временем обдумывала свое решение.

– Из еды мы подадим только канапе и приготовим много пунша с медом и фруктами из сада. Это скроет, что алкоголь дешевый. Струнный квартет нам не нужен. Заведем граммофон. – Верити улыбнулась, и Гвен поняла, что уже много недель не видела свою золовку такой счастливой. – Мы потратим как можно меньше. Лоуренс рассердится, если дома его будет ждать шикарный прием. И нам нужно будет следить за приготовлениями, так что пусть лучше его заберет Макгрегор.

Верити замотала головой:

– Ты ведь не хочешь, чтобы Ник встретился с Лоуренсом первым и наплел ему историй? Из-за той девочки со сломанной лодыжкой он все еще винит тебя в пожаре и смерти кули.

– Я думала, он пришел в себя.

– Кто знает? Но ты ведь не хочешь, чтобы он поговорил с Лоуренсом прежде, чем ты выложишь ему свою версию событий?

– Полагаю, я сама могу сесть за руль.

– Гвен, я знаю, ты здесь рулила туда-сюда, но весь путь до Коломбо? Дорога нелегкая. Вдруг ты попадешь в аварию? – (Гвен понимала, что Верити права.) – Вот что я тебе скажу. Слуги привыкли к приемам на старый манер, роскошным, когда денег не жалели. Так что лучше ты оставайся и присмотри, чтобы все сделали по твоему вкусу. Проследишь за приготовлениями, а я встречу Лоуренса.

– Мне ужасно хочется поехать, но я не представляю, как оставлю Хью, когда все будут так заняты. – И, не желая протыкать пузырь счастья, в котором оказалась Верити, Гвен согласилась отпустить ее одну. – Хорошо. А теперь, раз это решено, давай составим список.

Два дня спустя Гвен поднялась рано. Она стояла в халате у окна своей спальни и любовалась скопившейся между деревьями туманной дымкой такого глубокого темно-зеленого цвета, какой только можно себе вообразить. Она любила озеро, вид окружавших его холмов и звук плещущейся у берега воды. Что бы ни случилось в будущем, она всем сердцем молилась, чтобы им не пришлось покидать Цейлон. Для нее этот остров стал прекраснейшим местом в мире, и хотя она скучала по родителям, плантацию Хупера считала своим домом.

Немного позже Гвен прошлась по верхней террасе, где мальчики уже накрывали стол к завтраку, села в уютное ротанговое кресло и принялась следить за скакавшими по гравийной дорожке птицами. Вскоре к ней ненадолго присоединилась Верити – сказала, что уезжает в Коломбо раньше, чем они планировали. Ей нужно сделать кое-какие личные покупки, прежде чем она встретит Лоуренса в гавани. На самом деле, находясь в Коломбо, Верити надеялась посмотреть выставку работ Сави Равасингхе. Его с восторгом приняли ценители искусства в Нью-Йорке, так что он теперь редко появлялся на Цейлоне.

Это означало, что она будет отсутствовать дней пять и надеется, что Гвен не против.

Гвен покачала головой. Обрадованная, что теперь ей реже придется встречаться с Сави, она тем не менее покрывалась мурашками при каждом новом упоминании о художнике.

– Поезжай. Только привези своего брата целым и невредимым.

– Говорят, в порту снова бастуют. Это еще одна причина приехать заранее.

Гвен вздохнула. Из-за резкого притока населения в Коломбо возник дефицит риса, отчего в этом году уже бастовали трамвайщики, забастовка в порту грозила быть более масштабной. Но, кроме того, Гвен понимала, что ранний отъезд Верити не даст ей возможности изменить свои планы насчет встречи Лоуренса, если, конечно, ей не захочется провести всю дорогу до Коломбо в машине наедине с Макгрегором.

– Так я поехала. – Верити встала, чмокнула Гвен в щеку, махнула Хью, игравшему на газоне с Джинджер, и ушла.

Гвен уже столько времени прожила, тая в сердце свой секрет, что первоначальная душевная мука из-за потери дочери превратилась в тупую, но неотступную тоску. Ей было легче наедине с собой, без Верити она могла дать хоть немного воли своим запертым в сердце переживаниям. Интересно, как сейчас выглядит ее дочь? Коренастая крепышка вроде Хью или хрупкая и миниатюрная, как мать?

Ей снова захотелось сходить в деревню, и она нервно зашагала по комнате, складывала на груди руки, расцепляла их, качала головой, замирала и прислушивалась к домашним звукам, взвешивая в голове свое решение. Воображение рисовало Гвен мирную жизнь в деревне под аккомпанемент собачьего лая и коровьего мычания, однако, хотя ее тянуло найти возможность сходить туда, воспоминание о последней неудачной попытке останавливало. Наконец она опустилась в кресло у окна, обхватила себя руками и закрыла глаза, представляя, как Лиони купается в озере. Потом вообразила, как маленькая девочка подбежала к ней, завернулась в мягкое полотенце и, улыбаясь матери, обняла ее.

Гвен заливалась слезами, пока боль не утихла, а потом, утерев глаза, сполоснула лицо. Может, в один прекрасный день, когда Хью

станет старше и отправится в школу, она уговорит Навину, чтобы та отвезла ее.

Глава 26

Гвен послала двух мальчиков на чердак, велев притащить оттуда все, чем можно украсить вечеринку. Пока они выполняли поручение, она обшарила редко используемую и довольно облезлую комнату для гостей. Под кроватью нашла фейерверки, а в платяном шкафу – кучку пыльных бумажных фонариков. Один или два были порваны, а остальные нужно было только почистить пушистой щеткой.

Заглянув в старый комод, Гвен увидела большой плоский пакет, засунутый в самую глубину ящика. Она его вытащила и положила на кровать, развязала веревку, сняла бумагу. Внутри оказалось прекраснейшее красное шелковое сари, вытканное золотыми и серебряными нитями. Гвен поднесла его к свету и рассмотрела изысканный тонкий орнамент из птиц и цветов, тянувшийся вдоль всего края. Это было сари Кэролайн – то, в котором она изображена на портрете. Некоторое время Гвен любовалась им, думая о Кэролайн и Томасе, и слегка расчувствовалась, глаза защипало от слез, но ей не хотелось ни ворошить прошлое, ни усложнять настоящее, а потому она завернула сари в бумагу и убрала обратно в ящик.

Мальчики принесли с чердака флаг. Он был выцветший, но Гвен велела выстирать его и повесить сушиться. Садовник выкопал с боковых грядок в саду распустившиеся цветы и пересадил их в вазоны на задней террасе, а Навина принесла полные специй плошки из атласного дерева и курильницы для благовоний, которые расставили повсюду.

Гвен занялась составлением меню. Никакой экзотики, только традиционные цейлонские лепешки и хлебцы: цветочный, рисово-кокосовый, *кири роти* и другие простые блюда.

Как только все в доме было улажено, Гвен задумалась, что надеть. Ей хотелось выглядеть особенно милой к возвращению домой Лоуренса, и она выбрала платье, подходящее к ее глазам, приятного темно-фиолетового оттенка. Некоторое время назад она купила шелк в Коломбо, взяла с собой картинку из журнала «Вог» и попросила портного-сингала, который часто шил им одежду, скопировать ее. Готовое платье еще не доставили из Нувара-Элии, но если ей не

представится случай забрать его самостоятельно, она все равно рассчитывала, что его привезут к нужному времени.

В суматохе подготовки несколько дней промелькнули быстро, наполненные переделками в последний момент, новыми решениями, мелкими проблемами и разбирательствами с поругавшимися слугами. Навина заботилась о Хью, пока Гвен распоряжалась, куда поставить цветы и сколько зажечь свечей. Она надеялась, что вечеринка поднимет всем настроение, в том числе Макгрегору.

Настал день приезда Лоуренса. Гвен провела его нервно – следила за последними приготовлениями и выбирала костюм для Хью: в чем же он будет встречать отца? Когда она посадила его у окна и попыталась подровнять ему челку портновскими ножницами, мальчик едва мог усидеть на месте.

– Не ерзай, – сказала Гвен, – или я выколую тебе глаз.

Хью захихикал и изобразил, как вынимает у себя глаз.

Гвен рассмеялась. Они еще ни разу не разлучались с Лоуренсом так надолго, и неудержимый восторг Хью перед встречей с отцом был заразителен.

Ближе к вечеру, всего за час до начала вечеринки, Навина вошла в спальню с большой плоской коробкой. Привезли платье. Гвен открыла коробку, сняла белую оберточную бумагу и задержала дыхание, осторожно извлекая наружу прекрасное творение портновского искусства. Оно было совершенно. Не слишком короткое, с расклешенной юбкой и лифом, расшитым оловянными жемчужинками. Она наденет подходящие к ним жемчужные серьги и бусы. К счастью, за работу было уплачено до того, как начались их финансовые проблемы, а значит, ее не упрекнут в неоправданной трате денег. Гвен приложила платье к себе и покружилась.

– Вы будете выглядеть очень красиво, леди, – улыбнулась Навина.

Гвен посидела рядом с Хью, пока тот играл с лодочками в ванне. Когда его наконец убедили, что пора вылезать, она обернула распаренного сынишку большим полотенцем и прижала к себе, но он вывернулся, заявив, что он уже не ребенок. Когда Хью был одет в белый костюмчик, как настоящий джентльмен, она с трепещущим сердцем села перед туалетным столиком.

Ровно в шесть, как только свет начал меняться, Гвен была готова, напоследок брызнула любимыми духами на убранные волосы. Флаг

был поднят, свечи зажжены, пунш приготовлен, в воздухе носился нежный запах дымящихся коричневых палочек. Начали прибывать гости, дворецкий провожал их на террасу, к уличному павильону сбоку от дома.

Вечеринка была не слишком многочисленной: несколько чайных плантаторов с женами, подруг Верити и приятелей Лоуренса из Горного клуба в Нувара-Элии. К семи часам большинство приглашенных собрались. Люди бродили вокруг дома, беседовали группками, прогуливались у озера. Хью прохаживался среди гостей, предлагая жареный кешью из серебряной чаши, и очаровал всех безупречными манерами и милой улыбкой. Не хватало только Лоуренса – и Верити, конечно. Они должны были появиться гораздо раньше шести вечера, и у Гвен начали зарождаться дурные предчувствия.

Она играла роль заботливой хозяйки, кивала гостям, помогала им находить темы для разговора, поинтересовалась здоровьем Флоранс, поболтала с Пру. Но время шло. Пробило восемь часов, потом девять. Сердце Гвен заколотилось, и ее стало подташнивать от беспокойства. Подали еду, а виновника торжества все не было. Гвен начала думать, что этот званый ужин был ужасной ошибкой, и боролась с обуревавшими ее противоречивыми чувствами: ей хотелось видеть Лоуренса; она боялась того, что могла наговорить ему Верити о гибели кули; беспокоилась, правильно ли поступила, устроив эту вечеринку.

Дороги были опасны, особенно по ночам, а Верити к тому же любила погонять. Гвен охватило беспокойство, не случилось ли с ними какой беды. Она уже видела лежащую в кювете или на дне ущелья перевернутую вверх дном машину. Охваченная паникой, она села на скамейку у озера – его вневременная красота подействовала на нее успокаивающе. А потом, когда она уже перестала надеяться, что Лоуренс и Верити приедут сегодня, услышала, что к дому подкатила машина. Это наверняка они! Больше никому.

Гвен побежала к дому, следом за ней поспешили несколько гостей, среди которых были доктор Партридж, Пру и Флоранс.

– Вот и они, – сказала последняя.

– Лучше поздно, чем никогда, – заметил доктор.

Гвен не могла говорить. Когда она увидела вылезавшего из машины мужа, по ее щекам заструились слезы. Он напряженно

огляделся, и у нее замерло сердце. Она не двигалась, мгновения казались ей вечностью. Все молчали. Гвен задержала дыхание, а в голове у нее пронеслось: «Верити взвалила вину на меня. Лоуренс больше никогда и ничего мне не доверит». Казалось, вся жизнь вспышкой падающей звезды промелькнула у нее перед глазами – сотни воспоминаний, тысячи разных моментов. Гвен судорожно подыскивала оправдания, пыталась придумать, как ей объяснить свои поступки, но что поделаешь, когда все уже сказано: из-за нее погиб человек.

Лоуренс обошел вокруг машины, и она почувствовала себя совсем маленькой, ей захотелось развернуться и убежать или чтобы земля разверзлась под ногами и поглотила ее. Невыносимо, что Лоуренс так плохо думает о ней. Гвен смахнула слезы со щек и внимательно посмотрела на мужа. Лицо у него было мягкое, вокруг глаз собрались морщинки. Он широко улыбнулся, обхватил ее руками, оторвал от земли и закружил, шепнув в ухо:

– Я так соскучился по тебе. – (Она все еще не могла произнести ни слова.) – Вижу, ты устроила небольшую вечеринку в честь моего возвращения, – сказал Лоуренс и поставил ее на ноги. – Мне нужно переодеться. Поездка была нелегкая.

– Пустяки! – Гвен крепко обняла мужа, не беда, что рубашка у него насквозь пропиталась потом. – Там, за домом, есть еще люди.

– Замечательно, – сказал Лоуренс. – Чем больше, тем веселее.

По другую сторону машины с бесстрастным лицом стояла Верити, но Гвен с облегчением выдохнула. Все будет хорошо.

Когда гости разъехались и Лоуренс с Гвен остались одни, он рассказал ей, как складывались дела. Хотя акции медных копей в настоящее время ничего не стоили, он нашел партнера, который согласился вложить средства в новую плантацию. Они еще не выбрали из трясины и впереди их ждут трудные времена, но если произведут необходимые изменения, то, скорее всего, выживут.

– Ты не говорил мне, насколько плохо обстояли дела, да? – сказала Гвен.

– Я не мог. Да и по правде, сам тогда не представлял.

– Значит, все эти разговоры о том, что мы никогда не продадим дом... – (Лоуренс приложил палец к губам.) – Ты, кажется, говорил, что в нынешней ситуации инвестора найти не удастся.

– Да, верно, но это кое-кто, кого ты отлично знаешь.

Гвен вскинула брови:

– Неужели мой отец? Но у него нет таких денег. Ему пришлось бы продать Оул-Три.

– Нет, это не он.

Гвен погладила Лоуренса по небритой щеке, ощутив ее колкость.

– Тогда кто? Скажи мне.

Он усмехнулся:

– Мой новый партнер – твоя кузина Фрэн.

Она скорчила гримасу:

– Я тебе не верю. С чего бы Фрэн вкладывать деньги в чайную плантацию? Она ничего в этом не смыслит. И вообще не любит чай.

– Когда-нибудь Фрэн получит от своего вложения хороший доход, но она сделала это ради тебя, Гвен. Чтобы мы не потеряли плантацию. Она вкладывает деньги только в новую часть, не в мою старую семейную плантацию, и благодаря этому мне не придется ничего продавать – ни плантацию, ни дом.

Гвен испытала невероятное облегчение.

– Ты просил ее помочь?

– Нет. Мы встретились за ланчем, я описал ей ситуацию, и она сразу сама предложила. Ну ладно, – сказал Лоуренс, глядя Гвен по волосам, – довольно об этом. Как ты жила здесь?

– Тут были кое-какие проблемы. Я...

Лоуренс запустил пальцы в ее волосы и откинул назад ее голову, чтобы заглянуть ей в глаза:

– Если ты о пожаре, Верити уже все мне рассказала.

Гвен резко вдохнула:

– Верити несчастна. Я за нее беспокоюсь.

– Кажется, с ней все в порядке. Может, немного тревожна, и только. Но я очень горжусь тобой.

– Правда?

– Гвен, ты помогла пострадавшей девочке единственным доступным тебе способом. Ты очень хорошая, добрая женщина.

– Ты не считаешь, что я вмешалась в отношения с рабочими?

– Это был ребенок.

– Значит, тебе известно о погибшем кухонном кули?

– К любому смертельному случаю на плантации нужно относиться с большой серьезностью, а этот произошел при очень неприятных обстоятельствах...

– Это было ужасно, Лоуренс.

– Но ты не виновата. Ты поступила так, как подсказывало тебе сердце. Утром я поговорю с Макгрегором.

– Думаю, он тоже переживает.

– Я поговорю с ним. Бывает, ситуация выходит из-под контроля и мы не можем предсказать последствия. И не обязательно возлагать на кого-то вину, но важно понять, что иногда даже незначительный опрометчивый поступок запускает цепь ужасных событий.

– Мой опрометчивый поступок?

– Нет, Гвен. Я так не думаю.

О, какое облегчение! Муж не сердится на нее, все переживания и тревоги последних недель наконец ослабили хватку. Гвен заплакала. Лоуренс обнимал ее и гладил по спине, а когда она подняла голову, то увидела, что и у него глаза на мокром месте.

– Это было трудное время для всех нас, и смерть всегда печальна. Думаю, моей главной задачей в ближайшее время будет налаживание отношений со всеми, начиная с тебя.

Гвен улыбнулась, а Лоуренс вынул шпильки из ее волос, черные кудри рассыпались по плечам.

– Я так старалась, Лоуренс.

– Знаю. – (Она прикоснулась к ямочке на его подбородке и снова ощутила колкость щетины.) – Мне побриться?

– Нет. Я хочу тебя таким, как есть.

– Ты сегодня очень хороша, – сказал Лоуренс, накручивая на палец локон ее волос.

Сперва Гвен застенялась, как в тот раз, когда они впервые встретились в Лондоне. Вспомнив об этом, она улыбнулась и отдалась в руки мужа – пусть раздевает.

Он был мягок и нежен, и они занимались любовью очень медленно, не спеша. Потом долго лежали обнявшись, и наконец Гвен почувствовала, что сердце у нее успокоилось.

– Ты дорога мне, Гвендолин. Я не всегда умею выразить свои чувства, как мне хотелось бы, но надеюсь, ты это знаешь.

– Знаю, Лоуренс.

– Ты такая маленькая и хрупкая, даже после всего, тоненькая и изящная, как девочка. Ты всегда будешь моей девочкой, несмотря ни на что.

Гвен заметила, что голос мужа стал серьезным; лицо его было совсем рядом, и он, казалось, внимательно вглядывался в нее.

Лоуренс вызывал в ней такую глубокую любовь, важнее ее не было ничего. Гвен улыбнулась, подумав о мелких символах их совместной жизни: его теплой руке, когда она беспокойно спала по ночам; как он пел, сильно фальшивя, думая, что его никто не слышит; как сильно он верил в нее. Когда это чувство любви проникало в нее до самой глубины души, Гвен чувствовала себя в полной безопасности, защищенной от любых несчастий. Если бы она его не встретила, то никогда не узнала бы, что такое любовь, а с этой любовью она расцвела как женщина и как жена. Бороться стоило, и теперь они будут смотреть в лицо грядущему вместе. Начнут сначала. Она не спросила, виделся ли он с Кристиной, пока был в отъезде.

Часть четвертая

Правда

Глава 27

1933 год

Гвен наклонилась подобрать карандаши, оставленные Хью на полу в обувной кладовке, повернула голову и глянула через окно на мужчин, которые строили бамбуковый помост рядом со старой сыроварней. Потребовалось столько лет, чтобы приступить к делу, но теперь, по крайней мере, начало было положено. Объяснить, с чем связана отсрочка, Гвен не взялась бы, разве что они без конца спорили, как использовать это помещение, один раз даже серьезно обсуждалось предложение о его сносе.

Она прошла через столовую. Светившее сквозь горизонтальные жалюзи августовское солнце раскрасило стены желтыми полосами. На улице щебетали птицы, а бедняга Хью, уже семилетний, сидел за столом и чесал голову, решая примеры. Гвен хотела, чтобы он поднаторел в математике и английской грамматике до того, как отправится в школу в Нувара-Элию, откуда будет возвращаться домой на выходные.

Лоуренс толкнул дверь:

– Как дела?

Гвен скривилась:

– С арифметикой он не дружит.

– Должен признаться, я тоже был с ней не в ладах.

Она улыбнулась:

– Вообще-то, Лоуренс, наш сын очень здорово рисует. Как ты думаешь, может, ему брать частные уроки?

– Я думаю, частные уроки математики будут лучшим вложением средств.

Гвен вздохнула. Хью рисовал гораздо лучше, чем Лиони, но она хранила все каракули маленькой девочки, которая пыталась изобразить человеческие фигуры, а выходили какие-то чудища с огромными головами, и животных, которые получались такими странными на вид, что в них было не узнать ни одно живое существо. Только по ночам, оставаясь наедине с собой, Гвен осмеливалась рассматривать рисунки дочери. Но с момента доставки последнего прошло уже много времени, и Гвен, забеспокоившись, послала Навину узнать, не

случилось ли чего. Бывало, дети пропадали из окрестных деревень, а потом оказывались в качестве дешевой рабочей силы на рисовых полях.

Она взглянула на Лоуренса: если бы они могли поговорить по душам! А то после его возвращения из Америки и той знаменательной вечеринки четыре года назад все их беседы так или иначе сводились к деньгам.

– Все не так плохо, – улыбнулся он. – В этой чертовой депрессии есть кое-что хорошее: она заставила профсоюзы умерить требования. Люди слишком обеспокоены возможностью потерять работу, чтобы упорствовать в радикализме. Я знаю, нам нужны перемены, но мы должны найти правильный способ сделать это.

Гвен потеряла лоб. Несмотря на то что триста рабочих-иммигрантов вернулись в Индию, перепроизводство и экономическая депрессия обрушили цены на чай. Множество бедняков потеряли работу, а вместе с ней и тот небольшой достаток, который имели; уровень нищеты просто ужасал.

– Наша главная проблема сейчас – что делать с работающими на плантации тамилами, – продолжил Лоуренс. – Большой ошибкой было не дать им права голоса. Это усилило у них ощущение несправедливости по отношению к себе.

Гвен кивнула. После пожара напряжение так до конца и не улеглось, мелкие вспышки недовольства происходили по всему Цейлону. В 1931 году разногласия обострились в связи с тем, что всем, кроме рабочих-тамиллов, дали право голосовать.

– Не понимаю, почему их до сих пор считают временными поселенцами.

– Вот именно. Как я сказал, от этого только хуже, – добавил Лоуренс.

Хотя Гвен приходилось тщательно следить за домашними тратами и строго их ограничивать, в сравнении с рабочими она все равно жила в невероятной роскоши. С детства вся ее жизнь, каждый вдох, каждое сказанное слово, каждая мысль были нацелены на то, чтобы стать женой и матерью, и она в этом преуспела. Но видеть, как надежды Лоуренса на возрождение перечеркиваются снова и снова, было грустно. Хотя он и ворчал, когда отец Гвен вызвался платить за школу

Хью, пока они не встанут на ноги, она с радостью приняла это предложение.

– Есть новости от Фрэн? – спросил Лоуренс.

– Она приедет через пару месяцев.

– Я рад. Мы многим обязаны твоей кузине. – Он потрепал сына по голове. – А теперь постарайся ради мамочки, Хью, тогда завтра я возьму тебя с собой на фабрику. Договорились?

Глаза мальчика засияли.

– Лоуренс, почему Верити опять здесь? Кажется, она просто не хочет оставить нас в покое.

Верити то и дело являлась к ним без приглашения под всевозможными нелепыми предлогами: то у нее в доме трубу прорвало и невозможно вымыться, то у нее голова разболелась от запаха рыбы. Выйдя замуж, она не перестала цепляться за брата, теперь в ее отношении к Лоуренсу проглядывало какое-то отчаяние, и Гвен чувствовала, что такое поведение должно подпитываться некими серьезными причинами.

Лоуренс насупился:

– По правде говоря, я и сам не знаю.

– Ты не мог бы выяснить, что случилось? Она слишком часто приезжает сюда для женщины, недавно вышедшей замуж. Ей нужно как-то разобраться в своих проблемах с Александром, а не сбегать к нам из раза в раз.

– Я попробую, но сейчас должен дать тягу – еду в Хаттон на грузовике.

– Не на «даймлере»?

Лоуренс отвел глаза:

– Он все еще в гараже, ждет ремонта.

После ухода Лоуренса Гвен села на стул напротив сына и погрузилась в мысли о золовке. Хотя Верити так и не избавилась от перепадов настроения, она в конце концов вышла за Александра Франклина, человека достойного, но скучного. Они жили на побережье, где у него была рыбная ферма. Этот брак шесть месяцев назад стал сюрпризом для всех, но Гвен испытала громадное облегчение и надеялась, что семейная жизнь поможет Верити выправиться. Однако, похоже, ее надежды не оправдались.

Хью покусал кончик карандаша и нацарапал на листке новый ответ. Арифметика давалась ему нелегко, и Гвен беспокоилась, как он справится с учебой. Волосы у Хью потемнели и теперь лежали точно как у Лоуренса: на макушке два вихра и чуб спереди. Глаза у мальчика тоже были отцовские – темно-карие, а кожа оставалась светлой, как у нее. Он продолжал говорить о своем воображаемом друге Уилфе как о реальном мальчишке, и Лоуренсу это не нравилось.

Только Гвен собралась исправить ошибку сына в счете, как в комнату вошла Навина и остановилась у дверей.

Гвен взглянула на нее.

– Леди, можно поговорить с вами?

– Конечно, входи.

Однако Навина кивнула на дверь, и Гвен, видя встревоженное выражение лица старой *айи*, немедленно пошла за ней.

Гвен сидела на скамье под изогнутым пологом воловьей повозки и крутила на пальце обручальное кольцо. Прошло семь лет с того дня, как она ездила в сингальскую деревню, тем не менее в памяти у нее сохранилось все до мельчайших подробностей. Они проехали мимо места, где она по ошибке свернула с дороги во время своей отчаянной прогулки под дождем, и вскоре оказались на изрытой ямами грунтовой дороге, над которой нависали согнутые постоянными ветрами деревья.

В лесу стояла тишина и царил зеленоватый сумрак, но, когда они выехали на открытое место, воздух наполнился знакомыми запахами угля и специй, точно так же как в тот раз. Навина не остановилась у реки, где берег был обрывистый, а вместо этого проехала через всю деревню к тому месту, где берег едва возвышался над уровнем воды и русло было шире. Сегодня река выглядела мутно-коричневой, а не прозрачной и искрящейся, как тогда, и слоны в ней не купались. Лишь несколько детей плескались у берега – зачерпывали воду глиняными горшками и выливали себе на голову.

Гвен вышла из повозки и наблюдала за детьми, которые перекликались и тарасились на нее. Через пару минут они перестали обращать на нее внимание и вернулись к прежнему занятию. У самых маленьких были круглые животы, а ребра сильно выпирали из-под кожи. Сколько им лет, сказать было трудно, наверное от трех до

одиннадцати-двенадцати. Гвен сконцентрировалась и попыталась найти среди них семилетнюю девочку.

– Сегодня сильный ветер, – сказала Навина и указала на противоположный берег, где вылезала из воды какая-то девочка.

– Лиони?

Старая *айя* кивнула.

Гвен не отрывала от малышки глаз. Какая же она худенькая! Одета в хлопковый *саронг*, вымокший от купания. Волосы завязаны лентой и мокрой черной дорожкой змеятся по спине.

– Она выглядит неплохо, разве что худовата, – сказала Гвен и повернулась к Навине. До сих пор *айя* сказала только, что есть проблема. И все. – Так в чем дело?

Навина принялась объяснять, но Гвен так увлеклась наблюдением за девочкой, которая соскользнула в воду и поплыла обратно через реку, что перестала слушать. Сперва головка ребенка виднелась над водой, но через минуту девочка нырнула и полностью скрылась под водой.

– Она плавает как рыба, – сказала Гвен скорее себе, чем Навине.

– Подождите, леди.

Наблюдая за расходящимися в стороны дорожками, которые оставались позади плывущей девочки, Гвен изумлялась тому, как легко, почти без усилий перелетела она с дальнего берега реки на ближний.

Навина похлопала ее по руке:

– Вот.

Лиони выбралась из воды. Гвен прищурила глаза, сиюсья рассмотреть, в чем проблема, но только когда девочка пошла вдоль берега, поняла.

– Она хромот.

– Да.

– Что с ней случилось?

Навина пожала плечами:

– Это не вся проблема. Приемная мать больше не может держать ее у себя. Она больна, и ее собственные двое детей поехали жить к бабушке.

– Так кто же присматривает за Лиони сейчас?

– С прошлой недели никто.

– Позови ее сюда.

Навина поманила девочку и окликнула ее. Та продолжала идти и, казалось, вовсе не обращала на них внимания, но потом все-таки оглянулась, посмотрела на обеих женщин, сделала несколько неловких шагов по направлению к ним и замерла на месте.

Айя заговорила с ней по-сингальски, и девочка замотала головой.

– Что? – спросила Гвен. – Почему она не идет?

– Дайте ей пару минут. Она думает.

Гвен следила за девочкой, видела, что та колеблется, и понимала: видимо, она, обладая, как все местные дети, сильными инстинктами, почувствовала в происходящем нечто необычное.

– Скажи, что мы не причиним ей вреда.

Навина снова заговорила, на этот раз Лиони подошла ближе, хотя и повесив голову.

Гвен поморщилась, видя, как хромота затрудняет движения девочки.

– Думаешь, ей больно?

– Да.

В голове у Гвен все поплыло, на мгновение она закрыла глаза, а открыв их, увидела, что девочка подошла к повозке и остановилась в паре футов от нее. Солнце осветило лицо Лиони, и Гвен заметила, что, хотя глаза у девочки были карие, но с фиолетовыми крапинками, как у нее самой.

– И никто не может взять ее к себе?

Навина покачала головой:

– Я спрашивала, леди.

– Ты уверена?

Айя не отвечала. Гвен попыталась обдумать ситуацию, но охватившая ее паника сковала ей горло и грудь, не давала ясно соображать. Бедняжка металась в поисках решения, но мысли разбегались и возвращались к одному и тому же – образу дома. Смыкая веки, Гвен видела только чайную плантацию и все, что ей удалось создать там за прошедшие годы. Ее пугало не одно только собственное падение, но и мысль о боли, которую она причинит Лоуренсу. Она уткнула лицо в ладони. Ей нет и не будет прощения, никогда, но если Навина не сможет найти дом для Лиони...

Подняв голову, Гвен почувствовала запах горящих дров и готовящейся еды, но никто не будет готовить для Лиони.

– Значит, никто ее не возьмет? – (Айя покачала головой.) – Даже за деньги?

– Они боятся девочки, вот в чем дело. Она не такая, как они.

Гвен закрыла глаза и прислушалась к окружающим звукам, в голове у нее крутилась только одна мысль.

– Мы не можем оставить ее одну.

Осознав с полной ясностью, что она должна сделать, Гвен задохнулась от страха. Вытерла потные ладони о юбку и, несмотря на самые дурные предчувствия, решилась. Она не оставит свою дочь одну. Вот что. Другого выбора нет. Гвен собралась с духом, сглотнула и произнесла:

– Вот и хорошо. Значит, она поедет с нами.

На морщинистом лбу Навины отобразилась ее тревога.

– Когда волосы у нее сухие, они завиваются колечками, как у меня? – спросила Гвен, и сингалка кивнула. Гвен прикусила изнутри щеку и почувствовала вкус крови. – Если мы будем заплетать ей волосы и одевать просто, никто не заподозрит, что она имеет ко мне какое-то отношение. Только необычный цвет глаз, и все, но кто станет искать сходство, верно?

Навина колебалась.

Гвен удалось отогнать от себя страх, и в ней мгновенно возникло первобытное желание – быть матерью своему ребенку.

– Значит, решено. Мы скажем, что она твоя родственница, приехала поучиться обязанностям горничной и помощницы няни. Объясни ей это, пожалуйста.

Навина заговорила с девочкой мягким, успокаивающим тоном, а Гвен слушала напряженно, сосредоточенно – так, будто от этого зависела ее жизнь. Сперва Лиони замотала головой и отступила назад, но Навина схватила девочку за руку и указала на ее больную ногу. Та опустила глаза, потом взглянула на Гвен и произнесла что-то по-сингалски.

– Что она сказала?

– Она спрашивает, сможет ли плавать, если поедет с нами.

– Скажи ей, что она сможет плавать в озере каждый день.

На этот раз, услышав слова Навины, Лиони заулыбалась.

– Я объяснила ей, леди. Она знает, что ее приемная мать умирает и у нее никого больше нет. Конечно, она считает ту женщину своей матерью и очень грустит.

Комок встал в горле у Гвен, она кивнула, но сказать ничего не смогла. Девочка потеряла свою семью. Гвен сглотнула, и Навина, видя, в каком она состоянии, дала ей немного времени, чтобы оправиться, а сама занялась девочкой. Гвен затошнило от чувства вины и стыда. Она попыталась убедить себя, мол, все получится, но не могла отрицать, что испытывает вполне реальный страх, который разливается по ее телу вместе с сочувствием к ребенку.

– У нее много вещей?

– Совсем мало. Я пойду с ней. Вы ждите здесь.

Навина и Лиони ушли, а Гвен стала рассматривать улицу. Над головой в ветвях деревьев носились и верещали белки. Две женщины в белых кофточках и разноцветных сари несли на голове большие корзины. Еще одна остановилась рядом с повозкой и заглянула внутрь. У нее были полные губы, аккуратный носик и сильно подведенные глаза. Гвен быстро прикрыла лицо краем шарфа.

Для нее Цейлон был местом, где сбывались мечты британцев, где наживали состояния, где жили английские семьи и у них рождались дети и где ее жизнь изменилась так, как ей не представлялось в самых диких фантазиях. Но здесь был и другой мир, где девочки бегали в хлопчатобумажных майках и заношенных до дыр юбках, малыши возились в грязи и людям не хватало еды.

Лиони была одета, как другие девочки, когда Навина привела ее назад, и несла под мышкой небольшой сверток.

Гвен посмотрела на небо. На горизонте появились темные дождевые тучи. Им повезет, если они доберутся до дому, пока не разразилась гроза.

На обратном пути, а он был долог, Гвен так тошнило, что Навине пришлось дважды останавливать повозку, чтобы леди вырвало в кусты. Но между приступами тошноты они с *айей* успели составить план.

Когда повозка подкатила к дому, Гвен помогла Лиони спуститься и прикрыла ее от дождя своей шалью. С колотящимся сердцем она взглянула на входную дверь и решила войти в дом со стороны озера,

через веранду. Меньше шансов быть замеченными, даже если ради этого придется вымокнуть.

Навина занялась упряжкой, и Лиони хотела остаться с ней. Но Гвен покачала головой и взяла девочку за руку, боясь, что та станет упираться, но малышка повесила голову и покорно пошла с ней.

Они проскользнули мимо гостиной. У окна стояла Верити в струящемся желтом платье и, казалось, наблюдала за садовником, который стриг лужайку. Она подняла руку, чтобы поприветствовать Гвен, и замерла, так и не махнув; в ее позе отобразилось написанное на лице удивление.

Порыв ветра пронзил Гвен, и, стуча зубами от страха, она кивнула Верити и поспешила дальше. Ей не терпелось поскорее отвести девочку в детскую. Черт! Конечно, как же без Верити. Дворецкий весь день присматривал за Хью, и сейчас Гвен слышала топот и крики сына наверху – он играл в железную дорогу, как она и рассчитывала. Какую реакцию вызовет у него появление в доме другого ребенка, можно было только гадать.

Гвен жестами пригласила Лиони войти в дом вместе с ней, только остановилась на миг, чтобы закрыть окна и дверь спальни изнутри. Взяла сухую шаль, сняла с плеч Лиони мокрую, а потом они прошли через ванную комнату в маленький коридор, и осталось всего мгновение до того, как они окажутся в детской, их временном убежище.

Войдя, Гвен сразу, пока не потеряла храбрости, задернула шторы, ограждая себя от любопытных взглядов тех, кто мог заметить их прибытие, после чего, опустив голову, прислонилась к стене. Как ей справиться с ситуацией под бдительным оком вездесущей Верити? Она выровняла дыхание и закрыла глаза, чтобы преградить путь слезам. Навина еще не пришла, но Гвен знала: *айя* собирает свои вещи, чтобы перенести их в детскую, где они с девочкой будут спать.

Пытаясь снять с Лиони мокрую одежду, Гвен знаками показала ей, чего от нее хочет, но девочка молча покачала головой и устала на нее.

– Ты Лиони, – сказала Гвен, тыча ей в грудь. – Я Гвен. Я леди.

Она рискнула произнести несколько слов на сингальском, но без всякого результата. Замялась. Лиони глядела на нее с сомнением и хмурилась. Гвен тоже чувствовала себя неловко. Она ничего не знала

об этой девочке – ни о ее характере, ни о том, как та жила все эти годы, что она любила, а что нет. Гвен протянула руку к своей дочери, но девочка опустила глаза в пол и не отозвалась на ее жест. К горлу Гвен опять подкатил ком. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Лиони видела ее плачущей.

Гвен снова попыталась раздеть Лиони и была потрясена мыслью: как же трудно будет девочке привыкнуть к новой жизни и как сильно ей самой придется поработать над собой. Чувство неловкости возросло, когда она услышала голос Верити в коридоре, за дверью спальни. Гвен содрогнулась, до боли ясно осознав, в каком опасном положении оказалась.

Глава 28

Все еще одетая в халат, Гвен разложила на кровати всю свою одежду и два или три сари, которые ей особенно нравились. Становилось все труднее найти недорогого портного, и она намеревалась попросить Навину, чтобы та перешила кое-какие ее вещи. Времена повсюду оставались трудными, достать новую ткань было нелегко, к тому же стоило это очень дорого. Не так давно Фрэн написала ей, что в Лондоне повсюду открываются магазины готового платья, и Гвен обрадовалась, что ее отношения с кузиной по крайней мере отчасти восстановились без упоминаний о Равасингхе.

Гвен читала, что так же, как Лоуренсу удалось упростить процесс производства чая, так и модные дома заменили дорогие натуральные ткани новыми, более дешевыми. Фрэн особенно любила американские прозрачные чулки и прислала свою довольно дерзкую фотографию в платье из искусственного шелка, слишком открывавшем ноги.

Большинство платьев Гвен были из натурального шелка и ужасно устарели. По словам Фрэн, никто уже в Лондоне или Нью-Йорке не покажется на люди в коротком платье с бахромой по подолу, какие носили модницы в двадцатые годы. Она даже прислала экземпляр журнала для домохозяек, чтобы доказать это.

Гвен изучила страницу, на которой журнал открылся. Некоторые девушки были в костюмах, состоявших из юбки и жакета с простыми блузками, или в коротких кардиганах и длинных юбках с запахом. Выглядели они неброско, и Гвен легко могла представить, как выбивается из общего ряда Фрэн, но такая одежда подошла бы Верити, добавила бы элегантности ее долговязой фигуре. Если она уберет волосы и чуть подкрасит губы, ей это пойдет. Сама же Гвен, будучи миниатюрной, предпочитала короткие юбки двадцатых годов.

Но сегодня ее цель – не осовременить свой гардероб, а решить, какие вещи Навина может разрезать, чтобы сшить одежду Лиони. Гвен выбрала несколько шелковых платьев, но тут же забраковала их. Служанка, одетая в шелк, привлечет внимание. Одно дело – заботиться о дочери издали, и совсем другое – взять ее в свой дом. С момента появления в доме Лиони Гвен не смыкала глаз, и живот у нее так

сжимался от нервного напряжения, что она почти ничего не ела. Она вздрагивала от каждого звука за дверью и понимала, что нужно найти способ, как избавиться от нараставшего внутри страха.

Гвен взяла свои старые хлопчатобумажные домашние платья – застиранная ткань стала мягкой, что подойдет ребенку, – и сложила стопкой несколько вещей: две или три юбки и любимое, но сильно порванное красное английское платье с вышивкой. Перекинув отобранную одежду через руку, Гвен отнесла ее в детскую.

Навина сидела на полу, перед ней лежали счеты. Лиони передвигала костяшки и считала на сингальском, а няня повторяла числа по-английски.

– Не пора ли познакомить ее с остальными домашними слугами? – спросила Гвен.

Навина подняла на нее глаза:

– Леди, не ломайте себе голову. Я это сделаю.

– Я сказала Лоуренсу, что тебе пришлось взять к себе и привезти сюда осиротевшую родственницу, – продолжила Гвен.

Она с трудом сдерживала дрожь в ногах, скармливая мужу эту ложь, и, когда он оторвался от чтения газеты и нахмурился, крепко ущипнула себя, чтобы не расколоться.

– Дорогая, у Навины нет родственников. Мы ее семья.

Гвен вздохнула:

– Ну, оказалось, у нее все-таки есть эта единственная родственница. Какая-то отдаленная племянница.

Наступила тишина, в продолжение которой Гвен суежилась, борясь с нервозностью, одергивала юбку, поправляла шпильки в волосах.

– Мне что-то не нравится это, – сказал Лоуренс. – У Навины доброе сердце, и я подозреваю, кто-то наплел ей сказок про какую-то пропавшую родственницу, а она и поверила. Я сам с ней поговорю.

– Нет! – (Он удивленно взглянул на жену.) – Ну, ты же сам говорил, что за дом отвечаю я. Позволь мне самой разобраться с этим.

С легкой улыбкой на губах Гвен ждала ответа. Лоуренс немного помолчал, а потом сказал:

– Хорошо. Но я считаю, нам нужно постараться и найти девочке более подходящий дом.

Вспомнив эти слова мужа, Гвен нахмурилась и снова посмотрела на Навину:

– Лоуренс недоволен, и Верити любопытствует, как лиса. – (Старая *айя* покачала головой.) – Ты тоже считаешь, что моей золовке нельзя доверять?

– После смерти прежней леди девочка была несчастна. Несчастливые люди могут быть плохими. Испуганные тоже.

– А Верити чего-то боится? – (Навина пожала плечами.) – Что ее пугает?

– Я не могу сказать... – Голос сингалки смолк, и наступила тишина.

Айя не сказала больше ни слова. Она редко выдавала свои потаенные мысли, особенно если они касались семьи, хотя Гвен хотелось, чтобы Навина была более откровенной. Сама она не могла придумать никаких объяснений страху Верити, кроме боязни потерять брата, хотя это могло бы пролить свет на причину ее депрессии и отчаянного нежелания разлучаться с Лоуренсом.

– Я ничего не сказала Хью, и он пока не видел Лиони. – (Навина опустила голову и продолжила урок.) – Может быть, ты сводишь ее прогуляться по саду, когда Хью ляжет отдыхать, – добавила Гвен.

За десертом Лоуренс распечатывал письма. Ничего особо интересного для Гвен, кроме очередного послания от Фрэн, в которое был вложен фотоснимок с новейшими образцами женской одежды. Судя по тону письма, отношения между ними совершенно наладились, и Гвен это очень обрадовало.

Лоуренс развернул какой-то цилиндрический пакет. Это оказался свернутый в трубку журнал; извлеченный из упаковки, он сам по себе скрутился обратно и лежал на белой скатерти.

– Что за черт?! – воскликнул Лоуренс, беря его в руки и расправляя. – Похоже, какой-то американский журнал.

– Можно мне встать из-за стола, мама? – подал голос Хью.

– Да, но не бегай, пока пища не уляжется. И не подходи один к озеру. Обещаешь?

Хью кивнул, хотя Гвен недавно видела, как он пытался удить рыбу с узкого выступа у кромки воды.

Когда мальчик вышел из комнаты, Лоуренс сильнее сдвинул брови.

– Там есть какая-нибудь записка? – поинтересовалась Гвен; Лоуренс поднял журнал, встряхнул его, и изнутри вывалился конверт. – Ну вот, – сказала Гвен. – От кого это?

– Подожди минуточку. – Он разорвал конверт и уставился на письмо, высоко подняв брови. – Это от Кристины.

– Боже! Что она пишет? – Гвен пыталась говорить спокойно, но впервые за многие годы почувствовала смятение при упоминании имени Кристины.

Лоуренс пробежал глазами записку и посмотрел на жену:

– Она пишет, что у нее для нас есть прекрасная идея и я должен изучить журнал и догадаться.

Гвен вытерла губы и положила десертную ложку. Живот подвело, и едва ли она могла бы съесть еще хоть кусочек пудинга.

– В самом деле, Лоуренс! Неужели не хватит с нас идей Кристины?

Он бросил на нее быстрый взгляд, отреагировав на резкость тона, покачал головой и стал листать страницы.

– Это не ее вина, ты знаешь. Никто не предвидел краха Уолл-стрит.

Гвен выпятила губы, но оставила свое мнение при себе.

– Так что там в журнале?

– Если бы я знал. Кажется, сплошной мусор. Бесконечная реклама крема для обуви, мыльного порошка и прочего попеременно с кое-какими статьями.

– Ты думаешь, она стала владелицей журнала?

– Не похоже. Она пишет только, что у нее есть идея, которая принесет нам состояние.

– Но что интересного для нас в этом журнале?

Лоуренс отбросил его в сторону и собрался уходить. Гвен спросила, можно ли ей взять «даймлер», чтобы съездить в Хаттон. С тканями она разобралась. Теперь ей были нужны пуговицы и нитки.

Лоуренс остановился у двери, взявшись за ручку, и молчал, выставив вперед подбородок.

– Так можно? – повторила вопрос Гвен.

Он еще немного помедлил.

– Вообще-то, я еще не оплатил счет из гаража.

– Почему?

Лоуренс слегка покраснел и отвел глаза:

– Я не хотел говорить. Мы немного превысили бюджет в прошлом месяце, и все наличные ушли на зарплату рабочим. Скоро все наладится. После очередного аукциона.

– О, Лоуренс!

Он коротко кивнул и, уже собравшись выйти из комнаты, быстро обернулся и продолжил:

– Совсем забыл: Кристина еще написала, что скоро приедет обсудить с нами свою идею. Она спрашивает, можно ли ей остановиться у нас на пару дней.

Лоуренс тихо прикрыл за собою дверь, и Гвен осталась одна. В полном ужасе. Она и без того уже была на пределе, пытаясь устроить Лиони в доме и не вызвать подозрений, а теперь еще к ним едет Кристина. Выдержит ли она, если Лоуренс опять поддастся чарам американки? Несмотря на все его уверения, что между ними ничего нет, Гвен с опаской относилась к Кристине, и подозрения, что та до сих пор вынашивает планы в отношении Лоуренса, только усиливали испытываемое ею напряжение. Прислонившись к стене, Гвен закрыла глаза.

По закону подлости к вечеру Навина слегла в лихорадке, и Гвен, совсем павшей духом, пришлось самой заботиться о Лиони. Сперва дело не клеилось. Силясь держать эмоции под контролем, Гвен была резка и не церемонилась. Девочка упиралась, плакала и не желала отходить от постели *айи*. После того как Навина погладила ее по руке и пошептала что-то ей на ухо, Лиони наконец сдалась и пошла вслед за Гвен по коридору. Неизвестно, какие слова подобрала старая сингалка, но девочка, инстинктивно уловив в них сочувственные нотки, успокоилась.

Придя в спальню, Гвен перебрала вещи Лиони. Одежда была вся на ней, плюс к этому ножной браслет из бусин, просторная майка и кусок обтрепанной ткани.

Гвен отвела девочку в ванную. Хотя Навина выкупала ее, Гвен хотела сама хорошенько вымыть дочку, прежде чем знакомить ее с Хью. Смущаясь и мешкая, она перебирала полотенца и переставляла с

места на место мыльницы, потом, не желая, чтобы Лиони заражалась ее нервозностью, собралась. Она думала, девочка заартачится, но когда ванна наполнилась до половины, Лиони запрыгнула в нее, не раздевшись. Одежда прилипла к телу, и малышка выглядела совсем худенькой, с хрупкой шейкой и длинными кудрявыми, кое-где спутанными волосами.

Гвен вздохнула, все еще не зная, как себя вести. Когда она налила немного шампуня на волосы дочери и потерла их пальцами, чтобы появилась пена, то почувствовала, что вот-вот расплачется. Но девочка захихикала, и у Гвен немного отлегло от сердца.

После купания Лиони с трудом сняла с себя одежду. Гвен дала ей большое белое полотенце, а сама ушла в детскую, чтобы найти какую-нибудь старую рубашку Хью.

Навина, бедняжка, крепко спала и выглядела очень бледной. В таком возрасте нелегко переносить подобные испытания. Виновато взглянув на старую *айю*, Гвен услышала крик и кинулась обратно в свою спальню.

Красная как рак Верити трясущимся пальцем тыкала в Лиони, держа в другой руке полотенце. Гвен пронзил страх.

– Она пыталась украсть полотенце, – заявила Верити.

Голая девочка стояла у кровати, прижав руки к груди, и испуганно тарасила глазенки; с ее волос на пол капала вода.

У Гвен от мучительной тоски сжалось сердце; она расправила плечи и так разозлилась, что едва сдержала порыв ударить Верити.

– Ничего она не украла. Я купала ее в ванне. Отдай полотенце.

Верити не отдавала.

– Что?! Оставив Хью снаружи одного?

– С Хью все в порядке, – сказала Гвен, отмахиваясь от упрека золовки, подошла к ней и выхватила у нее полотенце, потом присела на корточки и завернула в него Лиони.

– Ты с ума сошла? Она не может находиться в твоей комнате, Гвен. В ней же кишмя кишит.

– Что ты имеешь в виду?

– Вшей, Гвен. Насекомых.

– Она чистая. Я ее вымыла.

– Ты говорила, она здесь, чтобы помогать Навине. Она служанка. Ты не можешь обращаться с ней так, будто она нам ровня.

– Я ничего такого и не делаю! – рывкнула Гвен и встала. – И знаешь что, Верити, раз уж это теперь мой дом, а не твой, я была бы тебе очень признательна, если бы ты не вмешивалась в мои дела. Навина больна. Эта девочка одна на всем белом свете. Я просто делаю доброе дело, и если тебе этого никак не усвоить, то чем скорее ты вернешься к своему мужу, тем лучше. – Верити побагровела и ослабилась, но некоторое время молчала; Гвен снова присела, чтобы вытереть девочку, и глянула поверх ее плеча. – Почему ты все еще здесь?

– Ты не понимаешь, – сказала Верити так тихо, что Гвен ее едва расслышала. – Я не могу вернуться.

– Что?

Верити покачала головой и выскочила из комнаты.

Гвен подавила гнев. Момент для появления Лиони в доме выдался самый неподходящий. Обстановка накалялась. Именно в то время, когда ей так нужны покой и тишина, чтобы без свидетелей поближе познакомиться со своей дочерью, ей начнут задавать вопросы, придется кого-то кормить, развлекать и рассказывать, как дела. Меньше всего ей хотелось сейчас терпеть общество Верити, не спускающей с нее глаз, и Кристины, которая спит и видит, как бы заманить в свои сети Лоуренса.

Гвен попыталась изобразить уверенность, хотя внутри у нее все клокотало, и взяла Лиони за руку. Ей по-прежнему было неловко из-за цвета кожи девочки, но ее чувства не в счет, главное сейчас – устроить малышку в доме и не выдать себя. Слишком многое стояло на кону.

По дому разносились звуки ударов мяча о наружную стену – это Хью развлекался. Он, вероятно, услышал ее шаги, потому что, когда Гвен вывернула из-за угла дома, он уже перестал бросать мяч и смотрел на нее, уперев одну руку в бедро. В этой позе он был точной копией отца, и сердце у Гвен подскочило.

– Это Лиони, – пересекая террасу, сказала она, стараясь, чтобы слова ее прозвучали совершенно естественно. – Она родственница Навины, будет жить здесь и помогать ей.

– Почему она так смешно идет?

– Она хромает, и все. Думаю, у нее что-то с ногой.

У самого Хью ноги были крепкие, на шортах пятна от травы. Он любил скатываться вниз по шедшей слегка под уклон террасе и

останавливаться у самого края газона. Хью широко улыбнулся редкозубым ртом, и Гвен улыбнулась в ответ, умилившись его здоровому румянцу и полоске грязи на крепком носу. В сравнении с ним стоявшая чуть поодаль Лиони выглядела такой хрупкой.

– Она умеет играть в мяч?

Гвен снова улыбнулась, притянула сына к себе и обняла его:

– Ну, вообще-то, она здесь не для того, чтобы играть с тобой, Хью.

Он насупился:

– Почему нет? Она не знает как? Я могу ее научить.

– Может быть, не сегодня. Но завтра она пойдет с тобой купаться.

Она плавает как рыба.

– Откуда ты знаешь?

Гвен постучала себя пальцем по носу:

– Просто я сверхъестественное существо, которое знает и видит все.

– Не говори глупостей, мама! – засмеялся Хью. – Это Иисус.

– Знаешь, у меня есть отличная идея. Почему бы тебе не вернуться в дом и не поучить Лиони английскому? Займешься этим или тебе сейчас не сидится на месте?

– О да, мамочка, пожалуйста, я займусь, потому что еще не насиделся.

Гвен засмеялась этой дежурной шутке и снова наскоро обняла Хью, но Лиони не присоединилась к веселью. Она молчала, глядя на них исподлобья. «О боже! – вздохнула про себя Гвен. – Это будет нелегко. Надеюсь, она не подумала, что мы смеемся над ней».

Несмотря на все свои опасения, Гвен была вынуждена признать, что изголодалась по дочери. Она непрестанно следила за ней, но разница между тем, кем была эта девочка и кем должна была быть, казалась непреодолимой. Болезненно переживала Гвен и то, что ее чувства к Лиони были несоизмеримы с любовью к Хью. Хотя когда она дала им волю и захотела приласкать девочку, то не знала, как это сделать. Ей нужно было понять, как чувствует себя Лиони в новом доме и что она думает о случившемся с ней, но прежде всего – сделать так, чтобы девочка освоилась и перестала дичиться. Гвен потерла саднящие глаза ладонями. Какая мука – вспоминать, что она бросила свою дочь беспомощным младенцем! Однако теперь нужно

наверстывать упущенное. Больше всего Лиони сейчас нуждалась в материнской любви.

Навине стало лучше. Гвен томила в своей комнате в плену у противоречивых чувств и страха, что может выдать себя, если ее слишком часто будут видеть рядом с дочерью. Время тянулось медленно, каждый раз, взглядывая на часы, Гвен удивлялась, что птицы все еще щебечут. Неужели теперь она будет постоянно жить, затаив дыхание и беспрестанно оглядываясь через плечо? Но сколько бы Гвен ни сидела взаперти, ее не покидало чувство, что она час от часу приближается к случайности, которая положит конец всему.

Услышав голос Хью, Гвен подошла к окну. Мальчик нашел где-то обтрепанную скакалку и пытался научить Лиони прыгать через нее. Каждая попытка девочки заканчивалась тем, что она путалась в веревке. По-видимому, это ее не расстраивало – она хихикала, когда Хью осторожно вызволял ее из пут. У Гвен разрывалось сердце от мысли, что Хью играет со своей сестрой, не зная этого, и так счастлив.

Во двор вышла Навина, но Гвен не прервала наблюдений, только сделала шаг назад от окна, чтобы оставаться невидимой. Несмотря на протесты Хью, *айя* увела девочку, и вскоре в детской послышались голоса. Гвен немного подождала, а потом прошла туда и увидела, как старая сингалка учит Лиони складывать одежду. Она немного постояла, не причастная к действию. Лиони запела что-то на сингальском, а Навина стала тихонько ей подпевать, мурлыча себе под нос.

– Что это было? – спросила Гвен, когда они закончили.

– Детская песенка, но, леди, ребенок очень быстро устает и к тому же кашляет.

– Дай ей микстуру. Вероятно, она просто привыкает к переменам в жизни.

Услышав шаги в коридоре, Гвен занервничала и торопливо вышла из детской.

Назавтра утро выдалось чудесное. Гвен стояла на нижней террасе сада и ощущала, что сам воздух поет – не комары, не пчелы и не плещущая у берега вода. Но потом, наблюдая за слетающимися на озеро птицами, она поняла, что кто-то и правда поет. Голос был живой

и звонкий, похожий на свист, и доносился он из воды. Гвен пригляделась, но никого не увидела.

Сзади к ней с криком подбежал Хью:

– Мама, я надел плавки! – (Она развернулась и поймала его.) – Я видел, как она ушла. Хотел пойти с ней, но она не стала ждать.

– Кто, дорогой?

– Новая девочка.

– Ее зовут Лиони, милый.

– Да, мамочка.

– И ты говоришь, она плавает в озере?

– Да, мамочка.

Гвен кольнул страх, она задержала дыхание, окидывая взглядом озеро. Вдруг Лиони добралась до другого края, нашла реку, которая течет через деревню, и поплыла туда? С ней что угодно могло случиться. Мысль эта парализовала Гвен. Она обводила глазами воду, к голове прилила кровь, в ушах зашумело, и на какую-то долю секунды ей даже захотелось, чтобы река забрала девочку. Но через мгновение, ужаснувшись самой себе и придя в полное смятение, она не могла поверить, что была способна подумать такое.

Кто-то потянул ее за рукав.

– Смотри, мама, – говорил Хью. – Она на острове. Только что вылезла из воды. Мамочка, она очень хорошо плавает, правда? Я так далеко не могу. – (Гвен облегченно вздохнула.) – Можно я пойду купаться? – спросил Хью.

Ему было велено всегда спрашивать разрешения, и Гвен подумала: как же она сможет позволять Лиони плавать, когда ей вздумается, а от Хью требовать, чтобы тот соблюдал заведенное правило? Девочку вода влекла как магнит, и Гвен опасалась, что для нее не купаться – все равно что перестать дышать.

Крепыш Хью бултыхнулся в воду, подняв кучу брызг. Недостаток в скорости плавания он с лихвой компенсировал шумом: его крики и визг не смолкали, пока Лиони не приплыла назад. Прежде чем выбраться на берег, она покружилась в воде, и волосы расплылись вокруг ее головы, как у пляшущего дервиша. Когда дети вылезли из воды и отряхнулись, Лиони закашлялась. Хью смущенно уставился на нее, но заулыбался, когда кашель прекратился и девочка улыбнулась ему.

– А где Уилф? – спросила Гвен.

– О, он такой зануда. И вообще не любит плавать.

– Пойдем домой и попросим *анну* приготовить блины?

– А девочка может... – (Гвен нахмурилась.) – То есть Лиони может пойти с нами?

– Вероятно, только один этот раз.

Хью взял Лиони за руку, она не возражала, и дети понеслись к дому. Гвен смотрела на них, и сердце у нее на миг замерло: она ощутила такое глубокое чувство к этой маленькой девочке, какого до сих пор не испытывала. Глаза ее увлажнились, но тут она увидела спускавшуюся к ней по ступенькам Верити.

– Лоуренс попросил меня передать, что хочет поговорить с тобой в гостиной.

– О чем?

Верити фальшиво улыбнулась:

– Он не сказал.

Гвен поспешила в дом и застала Лоуренса стоящим с зажатой под мышкой газетой. При звуке шагов он обернулся, лицо его ничего не выражало. «Он знает, – успела подумать Гвен во время молчаливой паузы, – и вышвырнет меня из дому». Она окинула взглядом комнату, ища повод для начала разговора.

– Я...

Он перебил ее:

– Я видел Хью вместе с девочкой. Я думал, мы все решили.

Онемев от напряжения, Гвен не сразу нашлась с ответом.

– Прости?

Лоуренс сел и откинулся на спинку дивана:

– Я думал, мы решили, что девочка в доме не останется.

Гвен с трудом удержалась от вздоха облегчения. Он не знает. Она встала позади дивана, чтобы погладить его по плечам, но еще – чтобы скрыть от него лицо.

– Нет, – сказала Гвен. – Мы договорились, что я улажу это дело. И я этим занимаюсь, но она нездорова. Кашляет.

– Это заразно?

Гвен собралась с духом:

– Думаю, нет, а Хью скучно одному.

Она перестала массировать ему плечи и отступила назад. Лоуренс оглянулся на нее:

– Дорогая, ты знаешь, я с радостью помог бы, если бы эта девочка действительно была родственницей Навины.

– Знаю, но почему ты не хочешь предоставить это мне?

– Перестань, Гвен. Как я уже говорил, мы знаем, что у Навины нет родных. И я предпочел бы, чтобы Хью не привязывался к этой девочке слишком сильно.

Гвен на мгновение замялась, прежде чем ответить:

– Я не понимаю.

Лоуренс был озадачен.

– Разве это не очевидно? Если они подружатся, он будет сильно скучать, когда она уедет. Так что чем скорее это произойдет, тем лучше. Неужели ты не согласна?

У Гвен болезненно застучало в висках, она уставилась на мужа. Как ей на такое согласиться?

Он протянул к ней руку:

– С тобой все в порядке? Ты сама на себя не похожа. – (Гвен покачала головой.) – Я понимаю, ты хочешь как лучше, но...

Она сорвалась:

– Это нечестно, Лоуренс! Правда. Куда она, по-твоему, должна уйти?

Дольше справляться с чувствами было невозможно, сердце у нее разрывалось, и все старания защитить Лоуренса и их брак, казалось, рушились. Она не хотела, чтобы Лиони уехала, но Лоуренс не представлял, через какие муки проходит его жена, через что она проходила все эти годы. Он был прав – она хотела как лучше, но не понимал, что найти баланс в конфликте интересов мужа, сына и дочери – это было выше ее сил. Совершенно не владея собой, Гвен вылетела из гостиной, громко хлопнув дверью.

Глава 29

Некоторое время после этого Лоуренс вел себя тихо. Всякий раз, как она входила в комнату, он поднимал на нее глаза, будто ждал каких-то слов. Но будь она проклята, если станет извиняться за свой срыв! Понимая, что решение привести Лиони к себе в дом может стать тяжелой ошибкой в ее жизни, Гвен пыталась найти какой-то выход, но безуспешно.

Под предлогом поездки на собрание Женского благотворительного союза она посетила приют в Коломбо, переполненный детьми и пропахший мочой. После этого Гвен не могла спать по ночам. Конечно, она очень хотела сохранить свой брак, но отправить Лиони в эту дыру – нет, это невыносимо!

В течение следующих нескольких недель Лоуренс время от времени интересовался, как продвигаются поиски нового дома для девочки, и Гвен всякий раз удавалось переводить разговор на другую тему, но нервы у нее были на пределе. Тем временем Хью с наслаждением помогал Лиони учиться. Она уже понимала простые команды на английском и могла попросить нужную ей вещь. Однако девочка быстро утомлялась, и до отъезда Хью на учебу осенью Гвен регулярно приходилось искать предлоги, чтобы разлучать детей хотя бы на часть дня. Хью не испытывал ни капли ревности, наоборот, был совершенно очарован Лиони, и, если она плохо себя чувствовала и оставалась в постели с кашлем, его с трудом удавалось держать вдали от нее.

Другое дело – Верити. Не вдаваясь в объяснения своего нежелания возвращаться к мужу, она жила у них, и в день рождения Лоуренса, когда Хью пришел пить чай в гостиную и привел с собой Лиони, Верити сердито поглядела на брата. Хотя Гвен считала, что носить сильно облегающую одежду немного неприлично, ее золовка выглядела эффектно в длинном узком платье. Гвен про себя удивилась: откуда у Верити деньги на дорогие наряды? Ее муж был не особенно богат.

– Я этого не допущу, – сказала Верити. – Эта девочка не член нашей семьи, а это семейное празднование дня рождения. И вообще,

Лоуренс, почему она все еще живет здесь? Ты, по-моему, собирался поговорить об этом с Гвен.

– Обойдемся без сцен, Верити.

– Но ты говорил...

Гвен отреагировала быстро. Сжав руку в кулак, чтобы сдержать гнев, она сказала Хью:

– Прости, дорогой, но твоя тетя Верити права. Скажи Лиони, чтобы она пошла к Навине. Для нее там найдется занятие.

Хью с кислой миной сделал, что ему велели. А Верити тем временем продолжала ворчать по поводу того, что Лиони находится в доме.

Досадуя на постоянное вмешательство золовки в ее жизнь, Гвен оборвала ее жалобы:

– Вообще-то, мы с Лоуренсом обсудили это, и он предоставил мне разбираться с ситуацией. Позволь напомнить тебе еще раз, Верити, что хозяйка здесь – я и с момента замужества ты находишься в нашем доме на положении гостя.

– Остановись, Гвен, – сказал Лоуренс.

– Нет. Я не остановлюсь. Ни ради тебя. Ни ради Верити. Хозяйка я здесь или нет? Мне осточертело, что твоя сестра без конца сует нос в мои дела. Пора ей вернуться к мужу.

Лоуренс попытался обнять ее за плечи, но Гвен в гневе отмахнулась от него.

– Ну ладно, дорогая. Сегодня мой день рождения.

– Мама, я не хочу, чтобы тетя Верити уезжала! – запротестовал Хью.

Гвен посмотрела на стол, накрытый для четверых, где на крахмаленной дамастовой скатерти был выставлен лучший фарфор и разложены серебряные столовые приборы. Она подавила в себе злость.

– Хорошо, дорогой. Мама и папа обсудят это позже. Давайте пить чай.

Времена, когда шампанское лилось рекой, остались в прошлом. Когда *анну* принес фруктовый торт на серебряном подносе, запивали его только чаем. А подарки, которые раньше громоздились горой почти до потолка, теперь составляли лишь небольшую кучку.

– Давайте обойдемся без поисков, – сказал Лоуренс.

– Ну уж нет, – возразила Верити.

Гвен вздохнула. Если Верити хотела, значит так тому и быть. Она подошла к буфету, порылась в разных праздничных принадлежностях и нашла полоску плотной черной ткани, которой завязала Лоуренсу глаза.

– Теперь покрути папу три раза, – распорядился Хью.

Идея состояла в том, что груда подарков волшебным образом исчезает и Лоуренс ищет их вслепую, если хочет развернуть хотя бы один.

Именинник стал бродить по комнате, натываясь на вещи, чем вызывал взрывы хохота у Хью. Лоуренс стоял на четвереньках и ощупывал ладонью пол около двери, когда они слышали стук каблучков. И замерли.

– Ну, скажу честно, я надеялась, что вы обрадуетесь встрече, но падать ниц – это уж чересчур. Не думала, что доживу до этого дня.

Лоуренс сорвал с глаз повязку и встал, приглаживая волосы:

– Кристина!

– Она самая.

– Но мы тебя не ждали раньше следующей недели, – сказала Гвен.

Хью топнул ногой и покраснел:

– Она все испортила! Папа так и не нашел свои подарки.

– Ах! – воскликнула Кристина. – Может быть, я смогу это исправить. У меня тоже есть подарки.

Лоуренс и Гвен обменялись взглядами.

– Ты знала, что у Лоуренса сегодня день рождения? – спросила Верити.

– А вы как думали? Но подарки у меня для всех, не только для Лоуренса. Мой человек ждет в коридоре. – Она развернулась и щелкнула пальцами; вошел сингал в длинном белом одеянии, нагруженный пакетами из магазинов. – Простите, у меня не было времени на упаковку. – Кристина сунула руку в одну из сумок, вытащила из нее что-то вместе с вешалкой и протянула Гвен.

Та взяла, развернула и подняла вверх костюм – жакет и юбка, точно такие, как она видела в журнале для домашних хозяек.

– Я решила, это подойдет к твоим глазам, – сказала Кристина. – Такой приятный сиреневый оттенок. Хью, эта железная дорога для тебя.

Она положила на стол коробку, и мальчик с сияющими глазами провел рукой по картинкам, где были изображены паровоз и вагоны.

– Что нужно сказать Кристине, сынок? – проговорил Лоуренс.

Хью с трудом сумел оторвать взгляд от подарка:

– Большое вам спасибо, американская дама.

Все засмеялись.

– Верити, – продолжила Кристина, – для тебя я купила сумку из крокодиловой кожи. Думаю, тебе понравится.

– Спасибо. Не стоило.

– Я никогда не делаю того, что стоило. Это просто шутки ради. – Она подмигнула Лоуренсу и послала ему воздушный поцелуй. – А теперь очередь именинника. Для тебя у меня есть нечто особенное, дорогой. Хотя, боюсь, ты не сможешь взять это в руки.

– Это машина? Вы подарите папе новую машину? Он не сможет взять ее в руки.

– Нет, мой милый, ты думаешь, нужно было подарить ему машину?

– Да!

– Вообще, если вы не возражаете, я немного устала. И подарок для твоего папы подождет, пока ты не ляжешь спать.

Хью собрался было возразить, но Гвен, раздраженная внезапным появлением Кристины, чего нельзя было искупить никакими подарками, взглядом заставила его умолкнуть.

– Хью пора принимать ванну. Кристина, если ты не против, Верити отведет тебя в комнату для гостей. Увидимся позже. Мы сейчас не переодеваемся к ужину.

– Но вы должны. Я настаиваю. Все-таки сегодня особенный день.

Гвен кивнула, испытывая смесь раздражения и подозрительности, и взяла Хью за руку:

– Мы уходим. Ты сегодня можешь искупаться в моей ванне.

Хью хлопнул в ладоши и восторженно лопотал всю дорогу до ее спальни. Набирая воду в ванну, Гвен не могла не думать, как дела у Лиони. Хотя девочка стала выглядеть немного лучше, хромота ее усиливалась день ото дня. Если так будет продолжаться и дальше, она не сможет выполнять те небольшие задания, которые нашла для нее Навина. Все они были придуманы исключительно для вида и не имели значения, но нужно было поддерживать иллюзию.

На ступне у Лиони была инфицированная рана, которую Навина обработала травяной настойкой и перевязала. Гвен надеялась, что хромота исчезнет, когда рана затянется, но этого не произошло. Через пару дней доктор Партридж приедет осмотреть Хью, и она решила, что попросит его взглянуть и на Лиони тоже.

После ужина они пили кофе в гостиной, когда Кристина поделилась с ними своей великой идеей. Верити сидела на покрытом леопардовой шкурой диване рядом со столиком, где стояли напитки. Лоуренс облокотился на каминную полку, а Гвен примостилась на стуле с другой стороны дивана, приглядывая за бутылкой бренди. Шторы они не задернули, и за окнами виднелся сад, залитый светом почти полной луны.

– Бренды, – с широкой улыбкой провозгласила Кристина, откинувшись в кресле и положила на пол рядом с собой нечто похожее на завернутую в коричневую бумагу картину.

– Прости? – не понял Лоуренс.

– Бренды. Вот что сейчас в ходу. – Она встала, подошла к нему и положила руку ему на плечо, потом, приблизив к Лоуренсу лицо, заглянула ему в глаза. – Ты не посмотрел журнал, который я прислала, дорогой?

– Лоуренс его посмотрел, – едко произнесла Гвен, стараясь сохранять спокойствие. – Но ни он, ни я не поняли, что ты имела в виду.

Кристина, улыбаясь Лоуренсу, повернулась к Гвен:

– Что вы заметили в журнале?

Гвен обвела взглядом комнату. Кроме подарков, Кристина привезла несколько букетов, которые были элегантно расставлены в хрустальных вазах. Аромат цветов наполнял воздух.

– Там была уйма рекламных объявлений.

Кристина захлопала в ладоши:

– Молодец!

– Ты предлагаешь нам давать рекламу? – спросил Лоуренс, отходя от нее. – Это не слишком оригинальная идея, уж прости меня за прямогу.

Кристина откинула назад голову и рассмеялась:

– Дорогой, я американка. Твоя прямота меня, разумеется, не задевает. Какие вы, англичане, забавные!

Лоуренс выпятил подбородок, и Гвен захотелось кинуться к мужу и покрыть поцелуями любимую ложбинку. Она сдержалась и вместо этого обратилась к Кристине:

– Может, ты объяснишь нам, забавным англичанам, что имеешь в виду?

– Дорогуша, не обижайся. Я не насмехаюсь над вами. Я считаю вас абсолютно восхитительными людьми, тебя и твоего мужа, ну, ты знаешь, какого я о нем мнения... Но да, ты права, давайте ближе к делу. – Гвен, задержавшая дыхание, медленно выдохнула, а Кристина продолжила: – В Америке, несмотря на депрессию, некоторые люди гребут деньги лопатами. Чем крупнее компания и чем проще продукт, тем лучше.

– Ты говоришь о мыльном порошке и креме для обуви, рекламу которых мы видели в журнале? – уточнил Лоуренс.

– Да, именно о них... и о чае. Подумайте о «Липтоне».

Гвен покачала головой:

– Но там не было рекламы чая.

– Exactamundo, chérie^[3]. Моя идея – создать бренд «Хупер». Вы превратитесь из производителей и оптовых поставщиков чая в торговую марку.

Лоуренс кивнул:

– Люди тяжело переживают экономический спад, но им все равно нужно стирать одежду и чистить обувь. Вот в чем твоя идея.

– Да. Им приходится покупать чай каждую неделю. Но это работает, только если фирма крупная.

– Мы не сможем произвести такой большой объем, – покачал головой Лоуренс. – Даже если выжмем все возможное из трех плантаций. Не вижу, как это сможет работать.

– Лоуренс, мой дорогой и забавный англичанин, которым я восхищаюсь, которого уважаю и люблю... – она огляделась, – тут как раз и вступаю в дело я. – (Гвен раздраженно сглотнула.) – Огромных прибылей не ждите, но вы будете продавать то, что люди покупают часто, без чего не могут обойтись. – Кристина помолчала. – Скажите мне, как вы справляетесь в эти трудные времена? – (Лоуренс кашлянул и опустил глаза в пол.) – Вот. Значит, нам нужно придумать что-то

новое. Пачка чая есть в каждом доме, и я хочу, чтобы на этой пачке было написано: «Хупер». Если нам удастся стать вторыми после «Липтона», мы хорошо поднимемся.

Возмущение клокотало в горле у Гвен. Чего на самом деле добивается эта женщина? Она играет с ними? Внушает им свою идею и убеждает, что способна ее реализовать? Или вернулась, чтобы снова попытаться счастья с Лоуренсом? Гвен хотела, чтобы Кристина убралась из их жизни, и однажды уже пыталась добиться этого, но нельзя позорить Лоуренса, устраивая сцену ревности. Ее первым побуждением было сделать суровое лицо и твердо отказаться.

– Нет, – сказала она. – Давай закончим обсуждать твою безумную идею. Лоуренс уже сказал, что мы не можем произвести столько чая.

Кристина не дрогнула:

– Не вы, дорогая. Вы будете скупать его по всему Цейлону. Заключать сделки с другими плантаторами. Мы будем упаковывать чай и рекламировать его как сумасшедшие. Вам не нужна большая маржа при большом объеме товара.

– У меня нет денег на капитальные вложения, – сказал Лоуренс.

– У тебя нет, зато у меня есть. Я куплю акции компании «Хупер», а ты используешь эти средства, чтобы начать бизнес.

Гвен встала на трясущиеся ноги и подошла к Лоуренсу. Голос ее, когда она заговорила, тоже дрожал.

– А если ничего не выйдет? Что тогда? Мы не можем больше рисковать.

– Рисковать буду я, не вы. Помяни мои слова, дорогуща, за этим будущее. Рекламная раскрутка в Америке набирает обороты. Ты же видела журнал, верно?

– Я совсем не уверена, что меня радуют обрисованные тобой перспективы, – сказала Гвен.

– Нравится это тебе или нет, но вам предстоит заработать миллионы. И это на самом деле просто.

– Может, ты и права. Есть у нас время подумать? – спросил Лоуренс, беря жену под руку.

Гвен вздохнула. Американка опять завоевывала ее мужа, и она ничего не могла с этим поделать.

– У вас два дня. Потом я уезжаю. Нужно действовать быстро, а если нет, вместо нас это сделает кто-нибудь другой. – Кристина встала,

одернула свое очень дорогое на вид платье и повернулась к Гвен с убеждающей улыбкой. – Тебе нравится мое платье? – (Гвен буркнула в ответ что-то невнятное.) – Готовое, дешевле грязи, даже не шелк. Мир меняется, ребята. Вы или успеваете вскочить на подножку, или нет. Ну, у меня сегодня был длинный день, так что я более чем готова рухнуть в постель.

Верити, не подававшая голоса, тоже встала, нетвердо держась на ногах, и заговорила слегка заплетающимся языком:

– Я думаю, это прекрасная идея, Кристина.

Гвен хотела сказать, что ее это никоим образом не касается, но придержала язык, а Кристина ответила Верити:

– Спасибо. – И добавила: – Забыла сказать, Лоуренс: тебе и Гвен придется поехать в Нью-Йорк. Это поможет сделать бренд известным и уважаемым.

– Правда? Это обязательно? Надолго?

– Абсолютно необходимо, ненадолго. И разумеется, все расходы я беру на себя.

– А как же Хью?

– Он ведь будет в школе? Разве нет?

Гвен нахмурилась:

– Зачем тебе это, Кристина, если все возможные потери лягут на тебя?

– Затем, что никаких потерь не будет. В этом я уверена... И еще потому, что я люблю вас обоих. Вам пришлось нелегко, и я сильно переживала из-за неудачи Лоуренса в Чили. Хотя я уверена, когда депрессия закончится, вы вернете свои деньги, и, разумеется, не без прибыли. – (Гвен медленно кивнула. Какой у нее выбор, кроме как отдаться на волю обстоятельств и будь что будет.) – Рекламная кампания будет вестись из Нью-Йорка, поэтому им нужно увидеть ваши лица. Кстати, о лицах, чуть не забыла. Верити, не могла бы ты развернуть ту небольшую картину, что лежит у дивана?

– А я-то думал, это мой подарок, – сказал Лоуренс.

– В некотором роде, – сказала Кристина, когда Верити сняла коричневую бумагу.

– Ну что ж, давайте взглянем, – проговорил Лоуренс.

Верити подняла на него глаза:

– Это картина Сави Равасингхе.

Сердце Гвен упало. Она так и не спросила Сави напрямик о случившемся той ночью, и воспоминание об этом постепенно оказалось погребенным в глубинах ее сознания. Но теперь, когда в доме появилась Лиони, подзабытая обида вновь всплыла на поверхность, а тут еще и виновник всех бед присылает весточку.

Лоуренс нахмурился, а Верити повернула картину и держала ее на вытянутой руке, чтобы всем было видно.

– Это тамилка – сборщица чая, – сказал Лоуренс.

Гвен залюбовалась великолепным алым цветом сари, которое сияло на фоне яркой зелени чайных кустов, и была вынуждена признать, что картина очень хороша. Глядя на нее, Гвен чувствовала, как ее шея и лицо заливаются краской, и надеялась, что никто этого не заметит, но, разумеется, Верити заметила и спросила:

– Что с тобой, Гвен?

– Мне просто жарко, – ответила она и помахала рукой перед лицом.

Лоуренс молчал, а Кристина вещала, мол, ей кажется, это отличный образ для упаковки чая «Хупер». Его напечатают на пачках, на гигантских рекламных плакатах, поместят в журналах.

Когда она замолчала, Лоуренс подал Гвен руку.

– Ты дала нам пищу для размышлений. Продолжим разговор завтра. Надеюсь, ты хорошо выспишься.

Все разошлись по своим комнатам, и Гвен погрузилась в раздумья. Если дело касалось Кристины, в ее уме оставалось совсем мало места для разумных доводов, и в тот момент ей казалось, что американка принесла с собой ветер, который сметет ее дом.

Глава 30

Той ночью и следующей Гвен слышала, как Лоуренс ходит по своей комнате. Ее раздражало присутствие в доме Кристины, нервировали упоминания имени Сави Равасингхе, и ей очень хотелось, чтобы муж пришел к ней в постель, чтобы она могла прижать его к себе. Но он не появлялся. К тому же и Верити, державшая сторону Кристины, не спешила уезжать. Все были поглощены обсуждением бренда, и тему отъезда Верити больше никто не поднимал.

Пока взрослые были заняты своими делами, Гвен позволила Лиони и Хью играть в ее комнате. В окно спальни бил солнечный свет. Вместе с Навиной Гвен сидела за столом, ей припекало сзади шею и плечи. Близнецы скакали на кровати и повторяли какую-то считалку, похожую на сингальскую версию «Шалтая-Болтая», а она думала о Кристине: приезд этой женщины сказался на Лоуренсе, он отдалился от нее.

В окно Гвен видела, как они сидят рядышком на скамейке в саду, и пыталась убедить себя, что темой их беседы был исключительно и только новый бренд. Тем не менее ее охватило ощущение внутренней пустоты и заброшенности, она оказалась отлученной от мужа в собственном доме. Для нее дом был не просто местом. В это понятие входили ее связи со всем, к чему она прикасалась, что видела и слышала. Это была спокойная уверенность в окружающем мире, в безопасности исхоженных путей. Ткань бытия, связующие нити, запахи; цвет чая в чашке по утрам; то, как Лоуренс отбрасывал в сторону газету перед уходом на работу; топот Хью по лестницам, раздававшийся тысячу раз на дню. Но теперь происходило что-то необычное, земля уходила из-под ног, все изменилось.

Ее бросило в жар, и на какое-то мгновение она возненавидела Кристину почти так же сильно, как ненавидела Сави Равасингхе, но еще противнее было ощущать, что они превратили ее в такую ревнивую и запуганную женщину. Ей захотелось куда-нибудь скрыться, но она взглянула на детей и устыдилась, злость ее утихла.

– Осторожнее, Хью! – крикнула Гвен. – Не забывай, что у Лиони больная нога.

– Да, мама. Поэтому она скачет только на попе.

В дверь постучали, и вошла Верити:

– Я подумала, тебе следует знать, что Лоуренс согласился на предложение Кристины.

Гвен потерла шею:

– Боже мой, правда?!

– Им нужна твоя подпись на каком-то документе. Потом понадобится еще. – Она помолчала и взглянула на детей, которые притихли и неподвижно сидели на кровати. – На твоём месте я бы избавилась от этой чумазой девчонки.

– Не вполне понимаю, что ты имеешь в виду.

Верити склонила голову набок и, криво улыбаясь, продолжила:

– Слуги шепчутся. Они не понимают, почему к этой девочке такое особое отношение. Ты сама знаешь, какие они.

Гвен хмуро глянула на нее:

– А я думала, ты собираешь свои вещи.

Верити снова улыбнулась:

– О нет. Ты, Гвендолин, может быть, его жена, вторая жена, а я его единственная сестра. Я еду играть в теннис с Пру Бертрам. Пока.

– А как же твой муж? Разве можно так с ним обходиться?

Верити пожала плечами:

– Это тебя совершенно не касается.

– Это правда? – спросила Гвен у Навины, когда Верити ушла. – Насчет слухов?

Старая *айя* вздохнула:

– Это ничего не значит.

– Ты уверена?

– Я говорю им, это хорошо, что у Хью есть друг.

В коридоре послышался шум, а за ним – звук шагов. Гвен испуганно оглянулась.

Навина щелкнула языком:

– Это один из слуг, леди.

Хью и Лиони снова запрыгали на кровати, и внимание Гвен рассеялось. Предостережение Верити не давало ей покоя. С того момента, как она привела в дом Лиони, жизнь ее разладилась. Пойманная в ловушку собственных страхов, она каждый раз вздрагивала, стоило ей услышать скрип половиц, и испуганно озиралась, ожидая худшего. Гвен до такой степени извела себя

мыслями о возможных ужасных последствиях своего решения, что перестала отдавать себе ясный отчет в происходящем.

Ей был нужен Лоуренс, чтобы вспомнить, кто она, но вместо этого они все сильнее отдалялись друг от друга. Гвен чувствовала, что распадается на части, боялась находиться рядом с мужем, чтобы случайно не выдать себя, и в то же время нуждалась в нем больше, чем когда-либо. Если Лоуренс был нежен с ней, она раздражалась и вела себя с ним резко; если был отчужден, беспокоилась, что Кристина снова завладела им.

Вдруг раздался грохот. Гвен вскинула глаза и, увидев, что Лиони упала с кровати и лежит на полу, не издавая ни звука, вскочила со стула:

– Ты толкнул ее, Хью?

Мальчик густо покраснел и заплакал:

– Нет, мама, это не я!

Гвен подбежала к девочке, опустилась на пол и положила ее голову к себе на колени, а Хью слез с кровати и уселся на корточки рядом с ними.

– Прости меня, Хью. Ты не виноват. Я перестала следить за вами.

Она погладила Лиони по щеке и заглянула ей в глаза. Девочка моргнула, и по ее щеке покатились одинокая слезинка. У Гвен едва не остановилось сердце. Она смотрела на свою дочь, не замечая цвета ее кожи и впервые думая о ней как о своей плоти и крови. В этот момент абсолютной ясности время словно замерло. Это была ее дочь, которой она не могла подарить любовь и которую отдала в чужие руки, как нежеланного щенка. Чувство вины за содеянное и понимание, что она никогда не сможет открыто признать девочку своей, надрывали ей сердце. Гвен издала сдавленный стон, борясь со слезами, потом обняла одной рукой Хью и прижала обоих детей к себе. Сердце дико стучало, и она в порыве любви поцеловала Лиони в обе щеки. Подняв глаза, Гвен улыбнулась Навине, но *айя* застыла в неподвижности, взгляд ее был прикован к двери, а рот приоткрыт.

Гвен сидела на полу спиной к двери, все ее внимание было приковано к детям, и она не заметила, что кто-то вошел, теперь же услышала, как Лоуренс кашлянул.

– Девочка упала, – торопливо проговорила Навина.

Гвен подняла Лиони и осторожно положила ее на постель, чувство вины отбрасывало длинную тень: если Лоуренс видел падение, значит и остальное тоже не укрылось от его глаз.

Он стоял молча и смотрел.

Гвен пыталась вспомнить, сказала ли что-нибудь вслух или мысли носились только у нее в голове? Страх сковал ей язык, перехватил горло, она сглотнула и попробовала выдавить из себя что-нибудь вразумительное.

Лоуренс откашлялся и обратился к Навине:

– Позвони доктору Партриджу. Пусть он приедет.

Он подошел посмотреть на девочку, и Хью взял его за руку:

– Папа, она мой лучший друг.

– Она просто упала. И ударилась, я думаю. Вот и все, – сказала Гвен, силясь не выдать страха.

Что видел Лоуренс? Что он слышал? Ее кожа покрылась мурашками. Она потеряла голову, потом шею и плечи. Это не помогло. Мурашки ползли и ползли. Ей захотелось кричать.

– Партридж смотрел, что у нее с ногой? – испугав Гвен, спросил Лоуренс, и она кивнула. – И?..

Ей удалось обрести голос.

– Он решил, что ничего страшного. Обещал еще раз приехать. Но откуда ты знаешь? Тебя тогда не было.

– Макгрегор сказал. – Хотя выражение лица Лоуренса было вполне обычным, что-то промелькнуло в его глазах. Он пристально посмотрел на Гвен, и у нее напрягся живот. Прошло несколько мгновений, прежде чем он заговорил: – Ник сказал, ты, кажется, переживаешь из-за этого ребенка.

Гвен сглотнула. С чего она решила, что Макгрегор не следит за ней?

– Она такая милая, и мне жаль, что ей пришлось жить с чужими людьми в столь юном возрасте.

– В ее возрасте я учился в пансионе в Англии.

– И ты знаешь, что я об этом думаю.

Некоторое время Лоуренс молча смотрел на нее. Она не представляла, что творится у него в голове. Если она его потеряет...

Стояла напряженная тишина. Пытаясь успокоить нервы, Гвен сконцентрировалась на дыхании.

– Хью скоро уедет, – наконец сказал Лоуренс. – И тогда мы решим, что делать с девочкой.

Гвен отвернулась, чтобы муж не увидел ее слез.

– Нужно подписать кое-какие документы. Они в столовой. Приходи туда после визита врача. И кстати, мы отправимся в Америку вскоре после Кристины. Она уехала сегодня.

«Уехала. Она уехала».

Час в ожидании доктора Гвен пила чай и раскладывала пасьянсы с Хью. Лиони спала, а когда проснулась, молчала и отказалась и от фруктов, и от воды. Сердце Гвен подскакивало всякий раз, стоило ей слышать шаги в коридоре. Она боялась, что это вернулся Лоуренс. Когда Партридж наконец появился, Лиони совсем ослабела.

Доктор поставил на пол свой чемоданчик.

– Будет неплохо, Гвен, если *айя* уведет отсюда Хью.

– Нет! – топнув ногой, завил мальчик. – Я хочу остаться. Она моя подруга, а не ваша или мамина.

– У меня есть леденцы. Если ты будешь хорошим мальчиком и пойдешь с Навиной, я дам тебе один.

– Они желтые?

– Да, и розовые.

– Только если Лиони тоже получит один, такого же цвета, как мой.

– Полностью согласен, старик.

– И вы обещаете не делать ей больно?

– По рукам.

– И можно нам потом пойти купаться? Ей нравится летать.

– Летать?

Хью кивнул:

– Так она говорит о плавании.

Навина увела мальчика играть в мяч, а доктор подвинул стул к кровати и внимательно осмотрел Лиони, осторожно ощупал ее и мягко погнул ногу.

Гвен стояла у него за спиной и, когда девочка встретилась с ней взглядом, улыбнулась. В глазах малышки она прочла зарождавшееся доверие. Это не укрылось от Партриджа. Он посмотрел на Лиони, а потом на Гвен. Она молилась про себя, чтобы он не заметил цвета глаз

девочки – смесь карего с фиолетовым – и ее темных кудряшек, разметавшихся по подушке.

– Вы ничего не хотите мне сказать, Гвен? – (Она задержала дыхание. Если бы он только знал, как ей хотелось облегчить душу после стольких лет молчания.) – Я имею в виду – о падении.

Гвен выдохнула:

– Она скатилась с кровати. Они прыгали. Это моя вина. Не стоило забывать, что она слабее Хью. Я отвлеклась.

– Хорошо. Вероятно, это слабость, вызванная недостаточным питанием. Кормите ее посытнее, вот мой совет.

– О, какое облегчение! И больше ничего? Ничего заразного?

– Ничего. Только шок от падения.

Месяц спустя Гвен в своей спальне паковала вещи Хью, отправлявшегося в школу. Она тщательно продумала, что он будет носить в свободное от занятий время, и подготовила одежду на любую погоду. Его форму привезли накануне из Нувара-Элии. По два комплекта всего, что было перечислено в списке, а он был длинный. Она была благодарна отцу за то, что он взял на себя расходы на обучение внука, хотя в глубине души ей вообще не хотелось, чтобы Хью уезжал.

Мальчик угрюмо сидел на старой лошадке-качалке, которая теперь стояла в спальне Гвен.

– Можно мне поехать с тобой на Дикий Запад?

– Мы едем не на Дикий Запад, а в Нью-Йорк.

– Но там все равно будут ковбои, разве нет?

Гвен покачала головой:

– Думаю, скорее ты увидишь ковбоев в Нувара-Элии, чем я в Нью-Йорке.

– Это нечестно. Разве ты не можешь сама учить меня арифметике и письму?

– Дорогой, тебе нужно получить хорошее образование, чтобы вырасти и стать таким же умным, как папа.

– Он не умный.

– Конечно умный.

– Ну, это не очень умно – говорить, что мне нельзя пойти с Лиони к водопаду.

Гвен знала, что где-то поблизости есть водопад, но слышала, что туда трудно подниматься, и никогда на это не отваживалась.

– Наверное, папа считает, что это опасно.

– Лиони любит воду. Ей там понравится. Я видел его. Туда можно подъехать на машине. Верити возила меня.

– На самый верх?

– Да, на самый верх. Я не подходил близко к краю.

– Ну, я очень рада это слышать. А теперь давай-ка помоги мне застегнуть этот сундук. Мне нужен сильный мужчина.

– Хорошо, мама, – засмеялся Хью.

Позже, когда она собирала свой чемодан, в комнату с широкой улыбкой на лице вошел Лоуренс. После отъезда Кристины в Нью-Йорк, где она энергично взялась за дело, он был занят встречами с плантаторами и заключением сделок. Гвен редко его видела и радовалась этому. Когда он был дома, то не подавал виду, что догадывается о причинах появления Лиони, хотя Гвен внимательно следила за ним, ища любые признаки, которые могли бы указывать на это.

– Привет, – сказал Лоуренс. – Я соскучился по двум своим любимым людям.

– Папа! – крикнул Хью, соскочил с лошадки и побежал обнять отца.

– Осторожнее, приятель! Папа устал. Ты же не хочешь сбить меня с ног, а?

– Хочу, папа, – засмеялся Хью.

Лоуренс улыбнулся и посмотрел на Гвен поверх головы сына:

– Я договорился, чтобы Хью первые несколько месяцев был на полном пансионе.

– То есть не приезжал домой на выходные? Лоуренс, нет! Ему это не понравится.

– Только пока нас не будет. Поездка в Нью-Йорк и обратно – нелегкое дело. Кстати, все уже готово. Кристина приобрела билеты.

– Хью, а теперь беги поиграй, – сказала Гвен. – Не хочешь испытать новые качели в саду?

Мальчик надулся, но ушел. Как все подрастающие дети, он чувствовал, когда между родителями назревает ссора.

Лоуренс стоял спиной к свету. Гвен посмотрела на него, прикрывая ладонью глаза от яркого солнца, бывшего в открытое окно.

– Навина могла бы присматривать за ним на выходных.

– Думаю, у нее хватит забот с девочкой. – Он глубоко вдохнул. – Я надеялся, к этому моменту мы сумеем как-то уладить дело с этим ребенком.

– Я пыталась.

– Не сомневаюсь.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего, только то, что сказал. Чего ты такая обидчивая? Должен заметить, с тех пор как девочка живет здесь, ты стала очень вспыльчивой. В чем дело? – (Гвен покачала головой.) – Ну ладно. Я хочу поговорить с тобой насчет Верити, – сменил тему Лоуренс. – Я сказал ей, что она не может оставаться в доме, пока нас нет. Она должна вернуться к Александру.

Обрадованная этой новостью, Гвен задышала свободнее:

– Вот и хорошо. Кажется, ты обо всем подумал. Она сказала тебе, что у нее за проблемы с Александром?

– Намекнула на какие-то сложности.

– Какие сложности?

– Ты не догадываешься?

– А должна?

– Я сказал ей, что нужно уладить проблемы с мужем. По правде говоря, это ее взбалмошное поведение продолжается уже слишком долго. И она опять стала много пить. Теперь за нее отвечает ее муж, а не я. – («Аллилуйя!» – мысленно возгласила Гвен и едва удержалась от аплодисментов.) – Мы решим, что делать с девочкой, когда вернемся. Знаю, я говорил, что мы позаботимся о Навине в старости, но не планировал распространять эти заботы на ее взявшихся из ниоткуда родственников, если девочка действительно ей родня.

– О, Лоуренс, конечно она ее родственница.

– Что-то в этом есть странное. Я послал за семейным архивом, который собирала моя мать, на всякий случай, вдруг там обнаружится что-нибудь, что прольет свет на ее происхождение. Какой-то намек на связь девочки с Навиной.

– Сомневаюсь, что там найдутся какие-то объяснения. Навина сама не знала о существовании этого ребенка.

– Знаю. Я говорил с ней.

У Гвен заколотилось сердце.

– И что она сказала?

– Ничего нового, помимо того, что нам уже известно. – Лоуренс помолчал. – Гвен, ты очень бледная.

– Все хорошо. Может, немного устала.

Она заметила тревогу в глазах мужа, но успокоилась, когда он перевел взгляд на платья, разложенные на постели.

– Они все красивые, но не бери с собой много вещей. Думаю, тебе будет приятно услышать, что Кристина поведет тебя по магазинам на Пятой авеню. Она считает, ты с удовольствием обновишь гардероб, купишь что-нибудь модное.

Гвен расправила плечи и, уперев руки в бока, сердито посмотрела на него:

– Кем она себя возомнила, эта чертова Кристина?! Я не бедная родственница, которая нуждается в подачках. Мне не нужно, чтобы она водила меня за покупками.

Лоуренс выпятил подбородок:

– Я думал, ты обрадуешься.

– Ну, ты ошибся. Мне надоело ее покровительство. И твое тоже.

– Дорогая, прости. Я понимаю, ты расстроена из-за отъезда Хью.

– Я не расстроена! – отрезала Гвен.

– Дорогая...

– Не приставай ко мне со своим «дорогая»! Я вовсе не расстроена. – И она разразилась слезами.

Он подошел к ней и обнял за плечи. Она отбивалась, но он держал ее крепко, и ей было не вырваться. Она не могла сказать ему о своих настоящих чувствах к Лиони, и хотя по Хью, конечно, будет ужасно скучать, но ему-то, по правде говоря, наверняка понравится в школе. Страшила ее необходимость оставить дом и девочку на такое долгое время, к тому же она ни секунды не верила в то, что Верити останется в стороне от происходящего.

– Мы вернемся быстро, ты не успеешь оглянуться, дорогая. – Лоуренс приподнял ее голову за подбородок и поцеловал в губы, и Гвен так захотела его, что не могла произнести ни слова. – Запереть дверь? – с улыбкой спросил Лоуренс.

– И окно. А то будет слышно. – Гвен оглянулась на заваленную одеждой постель.

– Об этом не беспокойся, – сказал Лоуренс, сгреб все в охапку и свалил кучей на пол, потом подошел к двери и запер ее.

– Лоуренс! Все вещи выглажены!

Он не обратил внимания на протестующий крик жены, поднял ее, закинул себе на плечо и отнес к кровати. Она засмеялась, когда он бросил ее на постель, и принялась помогать ему снимать с себя одежду.

Глава 31

Гвен раздвинула тяжелые парчовые шторы. Выглянув из окна их номера в отеле «Савой-Плаза» в первое утро пребывания в великом городе, она была удивлена, увидев деревья и каменистый берег блестящего под сентябрьским солнцем озера. Гвен сама не знала, чего ожидала от уличной картинке, но точно не прекрасного солнечного утра или вида на такой гигантский парк в центре Нью-Йорка.

Она оглянулась и обвела взглядом комнату. К глянцеvitому черному, серебристому и оттенкам зеленого пришлось привыкать, но ей понравились геометрические формы и угловатые линии. Бóльшую часть одной стены занимала картина. Гвен не была уверена, как интерпретировать жирные черные мазки на кремовом фоне, которые, очевидно, не изображали ничего конкретного, но это произведение искусства заставило ее вспомнить Сави Равасингхе. Кристина предлагала как-нибудь заглянуть на его последнюю выставку в Гринвич-Виллидже, но Гвен не хотелось этого делать. Там была представлена серия его работ с изображениями простых жителей Цейлона, занятых повседневным трудом, а не обычные портреты богатых красавиц. Именно на этой выставке Кристина углядела картину, подходящую для презентации чайного бренда «Хупер». Но Гвен все равно решила не ходить, сославшись на головную боль, и рассчитывала, что Лоуренс останется с ней.

Избавившись от постоянного напряжения, к которому она привыкла дома, Гвен испытывала неудержимый восторг. «Будь молода и прекрасна!» – неслось из радиоприемника. Песня отвечала ее настроению: Нью-Йорк – самое подходящее место для этого. Лоуренс уже ушел на встречу с Кристиной, и Гвен стала прикидывать, чем бы ей заняться. Чтобы отвлечь себя от мыслей о том, что Лоуренс проводит время наедине с банкиршей, она взяла гляцевый номер журнала «Вог» и пробежала глазами изображения новых модных платьев, потом накинула жакет, подхватила сумочку и отправилась гулять. Лоуренс обещал вернуться к двенадцати, так что у нее оставалось еще часа два свободного времени.

Выйдя на улицу, Гвен взглянула на здание их отеля. Кристина забронировала для них номер в «Савой-Плазе», потому что эта

гостиница была оживленнее, чем ее старшая сестра по другую сторону Пятой авеню, и по ночам тут можно было слушать музыку в баре. Вчера вечером они приехали такие усталые, что не хотели ничего. Гвен немного оробела от вида здания: ряд арочных окон на первом этаже, островерхая крыша в тюдоровском стиле с двумя трубами и мощная конструкция всего дома резко контрастировали с постройками на Цейлоне, которые в сравнении с ним казались изящными и элегантными.

Было шумно, автомобили гудели, лавируя между троллейбусами, двухэтажными автобусами с бензиновыми двигателями и более современными на вид одноэтажными. Гвен заметила на той части дороги, которую Кристина называла тротуаром, знак, напоминавший гигантский леденец на палочке, и, приглядевшись, поняла, что это автобусная остановка. Она присоединилась к толпе мужчин в мягких фетровых шляпах и попыталась шагать так же спокойно и беспечно, как они, на ходу раздумывая, куда бы направиться. Такси безопаснее, решила Гвен. Автобус мог завести ее куда угодно. Но потом, не успев еще махнуть рукой и остановить таксомотор, она заметила кремовый автобус со стеклянной крышей и рекламной надписью на боку: «Тур по достопримечательностям Манхэттена». Не колеблясь ни секунды, Гвен встала в очередь за билетом.

Устроившись на удобном месте, она смотрела на мелькавшие за окном улицы и подслушивала разговор сидевшей впереди пары. Мужчина рассказывал об адвокате, который попал под суд за то, что накопил золота на двести тысяч долларов. Куда мир катится! Его спутница – жена, как решила Гвен, – бормотала в нужных местах: «Да, дорогой», но было ясно, что ее заворожил вид за окном так же, как и Гвен, и до жалоб мужа ей нет никакого дела.

Тем не менее упоминание о золоте навело Гвен на мысли о причинах, которые привели их с Лоуренсом в Нью-Йорк. Как бы ей ни хотелось воображать, что они с мужем совершают туристическую поездку, это было не так. Сегодня он пошел на встречу с Кристиной в банк, а завтра они втроем отправятся в рекламное агентство, после чего посетят юридическую контору. Вечером им была обещана череда развлечений. От одной мысли об этом у Гвен дух захватывало. Лоуренс очень хотел заглянуть в джаз-клуб, а Гвен предпочла бы какое-нибудь

шоу. Автобус проехал мимо рекламных щитов мюзикла «Сорок вторая улица» и театра «Стрэнд». «Надо купить билет», – подумала Гвен.

Это было не единственным расхождением во мнениях. Лоуренс и Кристина постоянно препирались по поводу того, какое рекламное агентство лучше подходит, и временами даже напоминали старую супружескую пару. Наконец спор свелся к выбору между агентством Джеймса Уолтера Томпсона и «Мейсфилд, Мур и Клементс» на Мэдисон-авеню. Агентство Томпсона изобрело для одного из своих клиентов сэндвич-гриль с сыром, и это невероятно впечатлило Кристину, тогда как «Мейсфилд, Мур и Клементс», по слухам, планировало запустить первое в истории коммерческое радиошоу, и это было еще лучше. Привыкшая к неспешному ритму жизни на Цейлоне, Гвен не успевала соображать.

Любуясь сменявшимися перед глазами улицами и зданиями, Гвен, однако, была настолько погружена в свои мысли, что удивилась, когда тур вдруг закончился и она снова оказалась где-то рядом с парком. Выйдя из автобуса, она увидела Лоуренса, который вел Кристину к входу в отель, поддерживая ее за локоток. Менее нуждавшуюся в поддержке женщину Гвен с трудом могла себе представить.

– Лоуренс! – крикнула она и, решив не обижаться, проглотила раздражение. Уличный шум заглушил ее голос, и муж не обернулся. Через несколько мгновений она нагнала их и, слегка запыхавшись, спросила: – Как все прошло?

Лоуренс улыбнулся и поцеловал ее в щеку:

– Мы составили генеральный план.

– И завтра к десяти утра идем в рекламное агентство, – добавила Кристина, беря под руки их обоих, как будто все в полном порядке. – Не пообедать ли нам сейчас? Нас с Гвен ждет изнуряющий поход за покупками, Лоуренс, а тебя – новый костюм.

К вечеру Гвен вернулась из закупочного тура по «Сакс» и «Дому Хейвса». За окном темнело, на улице зажглось электрическое освещение, и высящиеся вокруг здания украсились орнаментом из крошечных желтых прямоугольников. Лоуренс расслабленно сидел в гостиной их номера в одном из двух квадратных кожаных кресел и курил трубку. Посыльный внес сумки Гвен и поставил их у двери. Дав

ему чаевые, Гвен устроилась в кресле напротив мужа и блаженно вытянула усталые ноги.

Никогда в жизни она еще так не уставала от хождения по магазинам, но в результате обзавелась тремя восхитительными нарядами, так что теперь не будет отставать от моды. Честно говоря, ей понравилось. У нее теперь было вечернее платье – нежно-бежевое, с фиолетовой полосой у выреза и рукавами как крылья бабочки, отлично скроенные блузка с юбкой цвета зеленого горошка и деловой костюм. Все вещи были длиной до середины икры и плотно облегли грудь. Кристина настояла на покупке перчаток и шляпы к костюму. Шляпа была с жесткими полями, и это лучше подходило к лицу Гвен, чем ее прежние головные уборы, напоминавшие формой колокольчики. Она радовалась, что взяла с собой боа из лисьего меха, оно придаст шика готовой покупной одежде.

– Лоуренс, ты заметил, что среди коридорных и лифтеров почти нет белых? – Она потерла лодыжки и ненадолго замолчала. – Некоторые из них совсем черные, а другие карамельного цвета.

– Не могу сказать, что заметил, – отозвался из-за газеты Лоуренс. – Полагаю, некоторые из них вполне могут быть потомками белых рабовладельцев.

– Это было обычным делом? – (Лоуренс кивнул, не отрываясь от чтения.) – Ты читаешь про адвоката, которого осудили за накопленное золото?

– Да, и тут есть интересная статья об этом Гитлере в Германии. Там у них гигантская инфляция. Он, вероятно, сумеет с ней справиться.

– Ты и правда так думаешь? Я слышала, он во всем винит еврейских банкиров.

– Может, ты и права. Откуда ты все это узнала?

– Да так, слушала всякие разговоры краем уха. – Наступила недолгая пауза, Лоуренс читал, а Гвен выжидала подходящего момента. – Позвонить, чтобы нам принесли чая? – спросила она. Он не ответил, и Гвен позвонила, потом зажмурилась, решая, как бы ей заговорить о том, что ее больше всего занимало. – Лоуренс, я тут подумала...

– О боже, – сказал он и улыбнулся ей, потом свернул газету и отложил ее в сторону.

– Раз я буду руководителем новой компании, пусть и только номинально, тебе понадобится, чтобы я подписывала документы, верно? – (Он кивнул.) – Я подпишу все, что ты скажешь, конечно подпишу.

– Я в этом не сомневался.

– И я буду всеми силами поддерживать это начинание, но при одном условии. – Брови Лоуренса подскочили вверх, но он ничего не сказал, и Гвен продолжила: – Если мы заработаем много денег...

– Не если, а когда!

– По словам Кристины – да.

– Думаю, она права.

– Ну так вот, если мы преуспеем, мне бы хотелось улучшить условия жизни наших рабочих. Пусть, к примеру, детям будет легче получить медицинскую помощь.

– Это все?

Гвен набрала в грудь воздуха:

– Нет. Еще я хочу улучшить их жилищные условия.

– Хорошо, – сказал Лоуренс. – Хотя я считаю, что уже многое улучшил по сравнению с временами моего отца. Теперь об этом страшно и подумать, но, знаешь, тогда было принято во время охоты на крокодилов использовать в качестве приманки пухленького темнокожего ребенка. – (Рука Гвен подлетела ко рту.) – Охотники сторговывались о цене за ребенка, потом привязывали его или ее к дереву, чтобы выманить крокодила из воды.

– Я тебе не верю.

– Боюсь, это правда. Крокодил кидался к ребенку, а охотник, сидевший в засаде, стрелял в него и убивал. Ребенка отвязывали, и все оставались довольны.

– А если бы охотник промахнулся?

– Ну, тогда крокодил славно бы пообедал. Возмутительно, да?

Гвен опустила глаза и покачала головой, не в силах поверить в услышанное. Лоуренс вздохнул и снова взялся за газету, но не развернул ее.

Гвен сделала медленный вдох:

– Я считаю, что устраивать школу, когда не решены проблемы с медицинской помощью и жильем, – это бессмысленная трата времени. Мы должны улучшить и то, и другое, и третье, только тогда что-то

реально изменится в их жизни. Представь, каково это – жить в такой нищете.

Лоуренс немного подумал.

– Мой отец считал, они счастливы тем, что имеют работу и о них заботятся.

– Он считал так, потому что хотел в это верить.

– Отчего ты заговорила об этом именно сейчас?

– Оттого, что мы побыли здесь. Мне захотелось сделать что-то для наших людей, вот и все.

Лоуренс раскрыл газету и резким движением расправил ее, хлопнув листами.

– В принципе я не возражаю, – сказал он. – Но на это потребуются капитальные вложения, так что мы займемся этим, только если прибыль позволит. А теперь, дорогая, можно я почитаю газету?

– Это в ней будет наша реклама?

– Завтра узнаем.

– Ужасно захватывающе, правда? – сказала Гвен и откинулась на спинку кресла.

Она взяла в руки какой-то журнал, быстро перелистала его и, наткнувшись на одну любопытную статейку, засунула журнал под мышку. Такое нужно читать в одиночестве.

В ванной она сделала это, кусая ноготь на большом пальце, а потом открыла тумбочку, вынула маникюрные ножницы и аккуратно вырезала заметку, после чего бросила журнал в мусорную корзину.

В конторе фирмы «Мейсфилд, Мур и Клементс» Лоуренса, Кристину и Гвен проводили в зал для совещаний с рядом окон, глядевших на деловую улицу.

Уильям Мур был в агентстве креативным директором. Он с улыбкой кивнул гостям, одновременно указывая на несколько дизайнерских разработок, приколотых к доскам на двух больших мольбертах. Пока происходило знакомство и обмен приветствиями, Гвен изучала трансформацию, которой подверглась картина Сави Равасингхе. Она приучила себя не выдавать сложных эмоций, возникавших у нее при упоминании имени художника, но не реагировать на его работы было сложнее. Картина и раньше была превосходна, но теперь, когда ее краски сделались ярче, она засияла и

образ женщины в красном сари на фоне яркой зелени налился жизненной силой.

– Трудно будет такое не заметить, – с широкой улыбкой заявил мистер Мур, ослепляя их устрашающе белым оскалом.

– Это прекрасно, – согласилась Гвен.

– Ну, нам нужно поблагодарить Кристину за эту великолепную идею. Художник уже видел эскиз и, кстати говоря, тоже доволен.

– Значит, так будет выглядеть упаковка с чаем. А что насчет рекламной кампании? – спросил Лоуренс, выдвигая стул из-под большого овального стола.

Они все расселись, и Мур дал им лист с планом. Девушка принесла кофе и булочки.

– Это список журналов и газет, на которые мы нацеливаемся. Радиостанции тоже включены. Мы начнем с нового года.

– Впечатляет, – кивнул Лоуренс.

Мур поднялся и перевернул по листу на каждом мольберте, чтобы показать клиентам эскизы рекламных щитов и крупных рекламных объявлений в журналах. Улыбка не сходила с его лица.

– Идея состоит в том, чтобы растиражировать этот образ повсюду. Мы хотим глубоко внедрить его в умы американцев, и цвет – это пока самое лучшее, что должно ассоциироваться с чаем Хупера. Цвет сари женщины, цвет чайных кустов и так далее, хотя и в оттенках сепии это тоже хорошо смотрится.

– А конкретная дата запуска кампании? – спросила Кристина, закуривая сигарету.

– В начале нового года. Я только хочу уточнить все детали. Мы намерены сделать упор на провенансе.

– На чем, простите?

Он повернулся к Кристине:

– На происхождении – откуда наш продукт. В данном случае это чистый цейлонский чай с богатым ароматом.

Пока они пили кофе, в чем Гвен усмотрела иронию ситуации, Мур показывал ей другие рекламные объявления, недавно помещенные на уличных щитах и в журналах. Рассматривая картинки, Гвен услышала, что Лоуренс и Кристина говорят о новых инвесторах, которых ей удалось привлечь. Она взглянула на безупречный макияж американки, ее глянцевитые ногти и элегантно уложенные волосы. Кристина, как

обычно, была в черном, только на шею повязала красный шарф и туфли тоже надела красные. В некотором смысле эта женщина восхищала Гвен, она знала все богатые семейства и не стеснялась использовать свои связи.

В разговоре возникла пауза. Раздался звонок по внутренней телефонной линии.

– Извините, я на минуточку, – сказал мистер Мур и вышел.

– Ну, что ты думаешь, Гвен? – спросила Кристина. – Восхитительно, а?

Гвен широко улыбнулась:

– Честно сказать, я ослеплена этим блеском.

– И это только начало. Подожди, когда мы станем первыми заказчиками коммерческих радишоу.

– Это тоже в нашем раскладе?

– Пока нет, но будет, можешь не сомневаться.

Мур вернулся в комнату вместе с более молодым худощавым мужчиной. Волосы его были гладко зачесаны назад, костюм сидел безупречно, но он имел привычку то и дело поправлять галстук и шаркал ногами. Мур сделал глубокий вдох и впервые не улыбнулся. Неловкость ситуации нарастала. Лоуренс встал, явно ощущая, что произошли какие-то перемены и это требует его вмешательства. Атмосфера в комнате изменилась с восторженного, полного надежд ожидания на молчаливую неопределенность. Гвен и Кристина переглянулись.

– Боюсь, возникли небольшие затруднения. – Они все заерзали на стульях, а Мур поднял руку. – Ничего серьезного, и я надеюсь, мы как-нибудь выкрутимся. – (Гвен посмотрела на Лоуренса, у того выдвинулся вперед подбородок.) – Как я сказал, надеюсь, ничто не помешает нам двигаться дальше.

Напряжение нарастало, и Гвен, видя, что Лоуренс раздражен, не удивилась его резкому тону, когда он заговорил:

– Не помешает? Что вы имеете в виду? Просто объясни нам, приятель, в чем состоит это небольшое затруднение.

Мур с серьезным лицом обвел всех взглядом, будто выгадывал время, соображая, в каких выражениях преподнести свою новость.

– Ну, дело в том, что мы получили кое-какие сведения от своих доверенных лиц в другом агентстве. К несчастью, все те места,

которые мы собирались вам предложить, выкупил другой бренд.

– Бренд чего? – спросила Кристина.

Мур взглянул на свои ботинки, хрустнул костяшками пальцев и только после этого ответил:

– Чая... Боюсь, это чай.

У Гвен поникли плечи. Она знала: все складывалось слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– На рынке найдется место для бренда «Хупер». Я в это верю. Есть множество мелких фирм, которые продают чай. Но это означает, что нам придется запускать свою кампанию позже.

– И позволить им обойти нас? – спросил Лоуренс, потирая переносицу.

Рекламщик не улыбался, лишь неловко сглотнул.

– Если мы хотим составить конкуренцию «Липтону», главное – заявить о себе первыми, – сказала Кристина. – Кажется, я с самого начала ясно дала это понять.

– Я понимаю, – промямлил Мур, пытаясь выдавить из себя улыбку. – К сожалению, мы не причастны ко всему, что делают другие агентства. Мы стараемся как можем.

– Молитесь, чтобы не оказалось, что это один из ваших людей шепнул другому агентству о наших планах, – поджав губы, проговорила Кристина.

Гвен встала:

– Это не имеет значения. Кто бы что кому ни говорил, мы не уступим первенства в этом деле. – Кристина попыталась было перебить ее, но Гвен подняла руку, чтобы ее остановить. – Дайте мне закончить. Мы не уступим первенства. И запустим свою рекламную кампанию раньше конкурентов. Если вы сможете организовать, чтобы наши объявления были опубликованы в декабре, а не в январе, то наша сделка остается в силе. Если нет, все прекращается.

Лоуренс улыбался, а Кристина тарасилась на нее с разинутым ртом.

Во время краткой паузы Мур оглядел лица своих клиентов.

– Ну? – сказала Гвен, сляясь не обращать внимания на запорхавших в животе бабочек.

– Дайте мне срок до завтра. Где я смогу вас найти?

Настроение в тот вечер было не такое праздничное, как они рассчитывали. Кристина отложила встречу с юристом, который не слишком этому обрадовался. Он готовил контракты в крайне сжатые сроки, а теперь они пылились у него на столе и ждали подписания. Кристине удалось кое-как объяснить ему причины отсрочки; меньше всего им сейчас было нужно, чтобы инвесторы охладели ко всему проекту. Но они понимали: если Муру не удастся уладить дело и запуск кампании будет отсрочен, важное преимущество перед соперником будет утрачено.

Гвен, одетая в новое вечернее платье, была в приподнятом настроении, когда Кристина привела их в клуб «Аист» на Восточной Пятьдесят первой улице. Ближе к ночи там должен был выступать Кэб Кэллоуэй, и Лоуренс, как новообращенный любитель джаза, в предвкушении удовольствия сиял улыбкой, пробираясь сквозь толпу публики. Кристина на ходу кивнула какой-то женщине в атласном платье в цветочек.

– Кто это? – спросила Гвен, когда они разминулись с ней.

– Одна из Вандербильтов. Тут только деньги и гламур, дорогая.

Был как раз перерыв в выступлениях музыкантов, и Кристина, одетая в черный атлас, с блестящими светлыми волосами, покачивая бедрами, подошла к одному из трех музыкантов, сидевших за столиком в глубине зала, и поцеловала его в щеку, оставив на ней красный отпечаток напомаженных губ.

– Подвиньтесь, ребята, – сказала она. – Это мои друзья с Цейлона.

Бармен принес им несколько бокалов пива.

– С этой бурды не развеселишься, в ней и четырех градусов нет, – сказала Кристина и подмигнула бармену. – Нельзя ли ее немного оживить?

Гвен слушала, как Кристина болтает со своими приятелями. Пиво принесли вторично, на этот раз приправленное водкой, и Гвен поперхнулась от первого же глотка.

– Скоро введут полный запрет, – прошептала Кристина. – Это ужасное пойло – промежуточная мера.

Гвен глотнула еще разок, но бабочки не перестали трепыхаться у нее в животе. Кристине же, казалось, все нипочем – она выглядела оживленной и беспечной, как будто в ее в жизни все в полном порядке, и Гвен почувствовала, что почти не знает эту женщину. Здесь, в Нью-

Йорке, она была стопроцентной американкой, не то что на Цейлоне. Сперва Гвен благоговейно трепетала перед ней, потом ревновала к тому, как легко она умеет очаровывать Лоуренса, а после того как купленные мужем акции резко упали в цене, злилась на Кристину. Теперь ее гнев немного поутих, и Гвен удивилась, обнаружив, что искренне восхищается американкой – ее жизненной силой и решительностью. Нужно было обладать немалой смелостью, чтобы явиться к ним с новой идеей, после того как предыдущая с треском провалилась.

Один из музыкантов встал, и Кристина пересела поближе к Гвен.

– Я так рада, что мы зарыли топор войны, – сказала она и пожала ей руку.

– Топор?

– Да ладно тебе, сама же знаешь, что я ужасно ревновала, когда Лоуренс вернулся из Англии с новостью, что женился на тебе.

– Ты ревновала его ко мне?

– А кто удержался бы? Гвен, ты красавица, причем красота твоя природная, мужчины это обожают. – (Гвен покачала головой.) – Разумеется, я рассчитывала, что Лоуренс будет счастлив с тобой как с матерью его детей и со мной в роли своей любовницы.

– Ты так думала? – У Гвен перехватило дыхание. – Он дал тебе повод для этого?

Кристина рассмеялась:

– Вовсе нет, хотя не от недостатка попыток с моей стороны.

– Он когда-нибудь... То есть вы с ним когда-нибудь...

– После вашего брака? – (Гвен кивнула.) – По-настоящему нет. Хотя один раз были близки к этому. На том первом балу в Нувара-Элии.

Гвен закусила губу и вонзила ногти в ладони. Она не заплачет.

Кристина протянула к ней руку:

– Дорогая, не настолько близки. Просто поцелуй.

– А сейчас?

– Все давно уже в прошлом. Поверь. У тебя не было поводов для беспокойства, хотя, признаюсь, я хотела, чтобы ты думала, будто они есть.

– Зачем?

– Наверное, меня это забавляло, к тому же я не люблю проигрывать. Но ты мне верь, когда я говорю, что теперь люблю вас обоих. – (Гвен слегка нахмурилась.) – Это правда. В любом случае у меня теперь роман с этим очаровательным басистом. – Она кивнула в сторону своего соседа и чмокнула его в щеку.

Гвен рассмеялась, и Кристина подхватила ее смех. Устыдившись своих сомнений в Лоуренсе, она очень обрадовалась подтверждению, что он не поддался на искушение, и расслабилась – такой легкости на душе ей давно уже не доводилось испытывать.

Музыканты стали подниматься и брать инструменты, чтобы продолжить концерт. Басист поцеловал Кристину в губы и ушел, она улыбнулась ему. Участники группы стояли на сцене и перешучивались, а Гвен краем глаза заметила направлявшегося к ним мистера Мура, он был еще слишком далеко – не разглядеть, играет ли на его губах улыбка. Кристина тоже обратила на него внимание, протянула Гвен руку, и та, взяв ее, удивилась крепости пожатия. Очевидно, для банкирши эта сделка значила не меньше, чем для них с Лоуренсом. Женщины не сводили глаз с приближавшегося Мура, которому приходилось продирается сквозь компании кутил и увивать от танцующих пар.

В ту ночь Гвен и Лоуренс предавались любви с особым пылом и по большей части молча. После этого Лоуренс смотрел на нее с таким обожанием в глазах, что она удивилась, как можно было допускать хотя бы мысль о том, что он все еще испытывает какие-то чувства к Кристине. Гвен попыталась подсчитать все те маленькие и большие знаки любви, которые муж сделал ей за прошедшие годы: нефритовое ожерелье, подарок на день рождения, прекрасная индийская шелковая картина и десятки других незначительных, но продуманных сюрпризов – всего не перечесать. Благодарная мужу за каждую мелочь, она покрывала его лицо поцелуями.

– С чего это?

– Я очень счастливая женщина, вот и все.

– Это мне повезло с тобой.

Гвен улыбнулась и сказала:

– Мы оба везунчики, – потом встала и пошла в ванную.

Вечер прошел превосходно. К счастью, новости Мур принес хорошие, думала она, включая воду, чтобы сполоснуть лицо. Ему удалось передвинуть некоторых клиентов, которые подавали рекламу на декабрь, и хотя особо бурного эффекта от кампании ожидать уже не приходилось, все равно этого хватит... пока. Они повторят свой выход еще раз в феврале, зажав конкурента между двумя волнами рекламы.

Выключив воду, Гвен услышала телефонный звонок в спальне. Дверь ванной была чуть приоткрыта, и она поняла, что Лоуренс уже снял трубку.

– Ты знаешь, что я об этом думаю. – Он говорил негромко, но внятно. – Почему тебе так важно обсудить это именно сейчас? Помоему, мы обо всем договорились. – Последовала пауза, пока говорил человек на другом конце провода, потом опять раздался голос Лоуренса: – Моя дорогая, ты знаешь, что я тебя люблю. Пожалуйста, не плачь. Мне есть дело. Но этого просто никогда не будет. Эти дни остались в прошлом. Я уже объяснил тебе, как все должно быть. – (Еще одна недолгая пауза, в этой тишине Гвен слышала тревожный, выжидательный стук собственного сердца.) – Хорошо, посмотрим, что можно сделать. Конечно я люблю тебя. Но ты должна наконец прекратить все это. – (Гвен обхватила себя руками.) – Да, как только смогу. Обещаю.

Она согнулась пополам. Кристина обвела ее вокруг пальца как дурочку.

Глава 32

На борту корабля Гвен набралась храбрости и заговорила с Лоуренсом о том телефонном звонке, но он пробурчал в ответ что-то невразумительное насчет работы и отвернулся. Гвен отчаянно хотелось, чтобы муж признался: Кристина до сих пор сходит по нему с ума, и чувствовала себя глубоко уязвленной тем, что супруг не был с ней откровенен. Однако устраивать ссору в море, когда будет некуда деться друг от друга, – это плохая затея. А по приезде домой они почти сразу столкнулись с Верити, от которой разило табаком, алкоголем и немытым телом, так что все остальное отошло на дальний план.

Дворецкий открыл дверь и не смог помешать Верити ввалиться в гостиную, где Лоуренс и Гвен отдыхали на следующий день после окончания их долгой и утомительной поездки. От Макгрегора они уже знали, что Верити наплевала на распоряжения брата, регулярно приезжала в непотребном виде и оставалась в доме на ночь или две. У нее был свой ключ, но к тому моменту, как Макгрегор узнавал о ее приезде, Верити успевала уехать.

При виде своей немытой-нечесаной сестрицы Лоуренс встал. С трудом сдерживая недовольство, он спросил ее, что происходит. Верити рухнула в кресло, сцепила руки на коленях, повесила голову и заплакала.

Гвен подошла к ней и опустилась на пол рядом с креслом:

– Скажи нам, в чем дело.

– Я не могу! – со стоном произнесла Верити. – Я такого натворила.

Гвен протянула руку, чтобы утешить золовку, но та ее оттолкнула.

– Это из-за Александра? Можем мы чем-то помочь?

– Никто мне не поможет.

Лоуренс терял терпение:

– Я не понимаю. Зачем ты вышла за него замуж, если несчастна с ним? Он достойный человек.

Верити снова застонала, на этот раз в ее стоне слышалось непритворное горе.

– Это не из-за него... не из-за него... ты не понимаешь.

Лоуренс нахмурился:

– Тогда что? Что не так?

– Пожалуйста, Верити, скажи нам, – подключилась к увещаниям мужа Гвен. – Как мы можем помочь, если ты ничего не объясняешь?

Верити что-то пробормотала и снова залилась слезами. Гвен и Лоуренс обменялись тревожными взглядами. Лоуренс явно не знал, как поступить, тогда Гвен решила взять дело в свои руки и постаралась уговорить золовку, чтобы та облегчила душу:

– Ну давай, дорогая, наверняка все не так ужасно.

Ответа не последовало. Тишина тянулась бесконечно.

Гвен встала и посмотрела в окно, на озеро, задумавшись о Верити. Девушка потеряла родителей, это верно, но то же самое случилось с Фрэн, однако эти две женщины абсолютно разные: Фрэн полна жизни и готова покорить весь мир, а Верити взбалмошна и не уверена в себе. Теперь, что бы с ней ни случилось, казалось, наступил критический момент. Услышав голос Верити, сдавленный от душивших ее эмоций, Гвен обернулась.

– В чем дело? – потребовал ответа Лоуренс. – Что ты сказала насчет Хью?

Верити подняла глаза и закусил губу:

– Мне очень жаль.

Бедняжка была так бледна, что Гвен посочувствовала ей, но она не слышала сказанных ею слов, а Лоуренс, судя по его лицу, слышал. Он подошел к сестре и, взяв за обе руки, поднял с кресла:

– Повтори это, Верити! Повтори, чтобы Гвен слышала. – Лоуренс отпустил ее, и она рухнула в кресло, уткнув лицо в ладони. Верити молчала, и он опять заставил ее встать. – Скажи это. Скажи! – твердил он, багровея; она мгновение глядела на него, потом попыталась дрожащими руками закрыть лицо. – Боже, ты скажешь сама или я вытрясу из тебя это!

– Мне очень жаль. Мне очень жаль.

– Что такое? – Гвен шагнула вперед.

Верити понурила голову:

– Это сводит меня с ума. Не могу простить себя. Я люблю его, понимаете? Вы должны мне верить.

– Я не понимаю, – сказала Гвен. – Это о Сави Равасингхе? Ты что-то с ним сделала? – (Верити покачала головой.) – Что, Верити? Ты

меня пугаешь.

– Скажи ей! – рявкнул Лоуренс; последовала пауза, Верити что-то мямлила. – Громче!

– Хорошо! – взвизгнула она, а потом очень громко, напирая на каждое слово, проговорила: – Я не возила Хью на прививку от дифтерии!

Гвен нахмурилась:

– Но как же так? Ты возила! Разве не помнишь? У меня жутко разболелась голова, и ты поехала.

Верити покачала головой:

– Ты меня не слушаешь.

– Но Верити...

– Я не возила его. Ты что, не понимаешь? Я не возила его! Не возила!

Верити зашмыгала носом, и Гвен почувствовала, что кровь отхлынула от ее лица.

– Но ты сказала, что сделала это, – глухим голосом произнесла она.

– Я поехала к Пру Бертрам и взяла с собой Хью. Там собралась компания. Мы напились, и я забыла.

Лоуренс едва сдерживался, чтобы не ударить ее. Он сжал руку в кулак и стукнул им по спинке дивана. Верити попыталась схватить его руку, но он оттолкнул ее:

– Убирайся! Видеть тебя не могу!

– Прошу тебя, не говори так. Пожалуйста, Лоуренс!

Гвен задышала часто и неглубоко. Неужели это правда? Комната поплыла у нее перед глазами, предметы потеряли очертания, фигуры Лоуренса и Верити слились с окружающей обстановкой. Гвен встряхнула головой.

– Почему ты не сказала? Можно было сделать прививку в другой раз, – заявил Лоуренс.

Верити принялась обкусывать ногти:

– Я боялась. Ты разозлился бы на меня. Вы оба разозлились бы.

Гвен стояла неподвижно, задыхаясь от ярости. Все ошеломленно молчали, и Гвен понимала: нужно сдержаться, иначе потом она пожалеет о том, что натворила. В ее душе бушевала буря, и все же она заметила застывший в глазах Лоуренса ужас.

– Значит, мой сын едва не умер из-за того, что ты напилась? – ледяным тоном проговорил он и уставился на свою сестру, которая снова залилась слезами. – И вместо того чтобы сказать нам правду, ты поставила под угрозу жизнь Хью! Ты знаешь, как опасна эта болезнь?

– Знаю. Знаю. Я думала, с ним ничего не случится. И так и было, верно? Простите меня. Мне очень жаль.

– Почему ты теперь говоришь нам об этом?

– Никак не могу забыть. Я не могла спать из-за этого. И когда увидела больную местную девочку, это напомнило мне о болезни Хью... Я не могла этого вынести.

Гвен сверкнула на нее глазами:

– Ты не могла этого вынести? Ты хоть представляешь, что значит потерять ребенка?

Потом, оставив попытки сдержать себя, она кинулась на свою золовку и стала с безнадежным отчаянием колотить ее кулаками по спине. Верити съежилась и прикрыла голову руками. Гвен разжала кулаки, руки ее безвольно опустились, она прерывисто задышала, и наконец из ее груди вырвалось сдавленное рыдание. Лоуренс тут же подошел к ней, и она покорно позволила ему увести себя. Она села на диван и начала раскачиваться взад-вперед, а он позвонил в колокольчик, вызывая слуг.

Всем существом Гвен овладела новая мысль. Через несколько мгновений она подняла глаза:

– Мой рецепт. Это ты изменила его, Верити?

Та вдруг закричала и заплакала одновременно:

– Ты здесь чужая! Это мой дом! Я не хотела, чтобы ты хозяйничала здесь!

Лоуренс обмер, лицо его исказилось мукой.

– Ты могла убить ее, – еле слышным голосом произнес он.

Гвен зажмурилась и услышала, как Лоуренс велел своей сестре убираться из дома и не ждать от него больше ни пенни.

Второе неприятное открытие было сделано через неделю, по прошествии семи нелегких дней. Был конец октября. Скоро пойдут дожди. Лоуренс надолго уходил из дому гулять с собаками и возвращался очень поздно. Гвен возмущала его способность сбежать от царившей в доме атмосферы обреченности. Она хотела, чтобы Верити

ушла от них, но не так, и ее настолько потрясла открывшаяся правда, что она не могла с упреком произнести: «Я же тебе говорила». Она злилась на Верити и в то же время жалела ее: что теперь с ней будет? Эта мысль не давала Гвен покоя, и среди всего этого сумбура она так и не нашла в себе сил спросить Лоуренса о случайно подслушанном в Нью-Йорке телефонном разговоре. Утешало ее лишь сознание того, что они не скоро снова встретятся с Кристиной.

Доктор Партридж стоял у окна в тихой детской и смотрел на озеро:

– Какой прекрасный вид! – Он подошел к Гвен, сидевшей на стуле рядом с кроватью и державшей Лиони за руку в ожидании диагноза.

Она позвонила Партриджу, как только заметила, что осанка девочки изменилась, но доктор был в отъезде и смог приехать только сейчас.

Он поднял руки Лиони, а когда отпустил, они сами собой упали. То же случилось с ногами. Потом проверил коленные и лодыжечные рефлексы. Реакции почти никакой. Партридж кашлянул, повернулся к Гвен и знаком подозвал ее к окну. Она встала, оглянулась на Лиони, которая лежала, уставившись в потолок.

– Новости неважные, – понизив голос, сказал доктор. – Боюсь, ее состояние вызвано не тем, что я предполагал сначала.

Гвен взглянула на озеро и попыталась через силу улыбнуться:

– Но в прошлый раз, когда вы ее осматривали, то сказали, что с ней все будет хорошо.

– Это не недостаток питания.

Улыбка застыла на губах Гвен.

– Но она поправится?

– Полагаю, у этой девочки болезнь, вызывающая общее истощение организма. Бывает ли, что ей трудно дышать? Или, может, она болела какими-то респираторными инфекциями? – (Гвен кивнула.) – И вы сказали, у нее изменилась осанка? – (Закусив губу, Гвен молчала.) – Трудно быть до конца уверенным, но я думаю, что дегенерация позвоночника вызывает истощение мышц. – (Гвен закрыла ладонью рот.) – Мне очень жаль.

– Но есть же какое-то лечение? Вы ведь можете что-то сделать?

Партридж покачал головой:

– Если я прав, то это некая форма мышечной атрофии, и, вероятно, состояние девочки будет только ухудшаться. Боюсь, наиболее вероятный прогноз – возникновение сердечной недостаточности.

Гвен, силившаяся сдерживать эмоции, согнулась пополам, как будто ее ударили в живот.

Партридж протянул руку, но она ее не взяла. Если она примет его сочувствие, все, что хранится под замком в ее душе, вырвется наружу, и тогда конец спокойствию. Гвен глубоко вдохнула и спросила:

– Можем мы что-нибудь сделать для бедного ребенка? – Она старалась говорить спокойно, насколько это было возможно, и крепко держалась за спинку стула. – У Лиони никого нет, понимаете. Только Навина... и мы.

– Я пришлю для нее кресло-каталку.

Губы Гвен разжались, и она судорожно крикнула:

– Нет!

– Если вам нужно мнение еще одного специалиста...

– Но она сможет плавать, правда?

Доктор улыбнулся:

– Какое-то время. Вода облегчит боль и снимет нагрузку на ноги и позвоночник.

– Но что дальше?

– Я покажу *аие*, как массировать девочке ноги. – У Партриджа слегка дернулся подбородок. – А вы сами решайте.

Гвен замялась:

– Джон, я вот подумала: если бы девочка оказалась в нашем доме раньше...

– Можно ли было избежать этого состояния? Вы это имели в виду?

Она кивнула и на миг задержала дыхание.

Партридж пожал плечами:

– Трудно сказать. Люди рождаются с этим недугом. У взрослых болезнь развивается медленно, принимает хроническую форму. Мы мало знаем об этом заболевании. А у таких юных созданий, как эта девочка, болезнь прогрессирует быстро.

– И?..

– Отвечая на ваш вопрос, скажу: я сомневаюсь, что, появившись девочка в доме раньше, это что-нибудь изменило бы.

Как только Партридж ушел, Гвен тоже легла на кровать и, поглаживая горячий лоб Лиони, сказала:

– Все хорошо. Все будет хорошо.

Следующим утром Навина настояла, чтобы Лиони осталась в детской, где она могла бы неотрывно приглядывать за ней. *Айя* была права. У Гвен имелись другие обязанности, и она не могла все время находиться при девочке.

Оставшись в комнате одна, Гвен вернулась мыслями к тому вечеру в клубе «Аист». Ей казалось, что поездка в Нью-Йорк была сном, дивным видением, залитым ярким светом и омраченным только телефонным звонком, но все равно восхитительным. Зачем звонила Кристина, Гвен сейчас не интересовало.

Она выглянула в окно своей спальни и посмотрела на озеро, надеясь, что взгляд на ровную гладь воды подарит ей ощущение безмятежности. Вместо этого на фоне бледной воды она увидела силуэт Лоуренса и не сразу сообразила, что он несет на руках Лиони, а Хью и собаки идут за ним. Вид мужа, несущего на руках их ребенка, вызвал в Гвен такое сильное чувство, что она совсем позабыла о своих страхах. Она накинула шелковый халат, запахнула полы и вышла через французское окно на веранду.

В воздухе носились птицы и висел назойливый комариный писк. Гвен немного постояла, прислушиваясь и наблюдая за птахами, которые деловито сновали вокруг своих гнезд. Из-за мутной дымки тумана сад выглядел запущенным, цвета сливались друг с другом, как на картине художника-импрессиониста. Высоко в небе парил орел, день обещал быть прекрасным. Гвен следила за своей маленькой семьей, достигшей берега озера. Сегодня оно было серебристым посередине и темно-зеленым по краям, местами в воде отражались затенявшие озеро деревья.

Спью выскочил из воды и кинулся к Гвен, а Джинджер крутилась на месте, гоняясь за своим хвостом. Гвен наклонилась погладить собаку, но та подскочила и царапнула лапами по ее ноге. Каждый раз, как Гвен касалась ее носа, она успевала лизнуть ей пальцы розовым

языком. Халат Гвен намок, поскольку Джинджер терлась об него влажной шерстью, и стал пахнуть псиной.

Лиони обхватила Лоуренса рукой за шею. Сделав последние несколько шагов до края воды, он остановился. Целая флотилия бакланов снялась с места, когда Лоуренс опустил девочку в воду. Мгновение ничего не происходило. У Гвен замерло сердце. У берега было неглубоко, так что ребенку не грозила опасность утонуть, но Гвен с ужасом видела, что она не двигается.

Лоуренс стоял наготове, а Хью вошел в воду по другую сторону от Лиони, готовый помочь, если что-то пойдет не так. Несколько секунд девочка не шевелилась, потом вдруг перевернулась и заработала руками. Побарахтавшись немного, она обрела устойчивость в воде и быстро поплыла. Гвен омыло волной облегчения, она спустилась по ступенькам к озеру. Услышав ее шаги, Лоуренс обернулся.

– Какой ты молодец, – с улыбкой сказала она, переполненная благодарностью.

Выражение его лица озадачило ее, а голос прозвучал ворчливо:

– Партридж сообщил мне о ее состоянии. Я знаю, как ты к ней привязана. Честно говоря, я тоже стал привыкать, что она тут, с нами.

Гвен сглотнула, не решаясь заговорить. Непонятно, что заставило Лоуренса изменить отношение к девочке, этому не было никаких причин, и Гвен, хотя и обрадованная, была в то же время смущена. Муж подошел к ней и взял ее под руку. Вместе они наблюдали за тем, как плывет Лиони.

– Не стоит позволять ей заплывать слишком далеко, – сказала Гвен.

– Не волнуйся. Случись что, я сразу буду там. Когда теряешь любимых людей, хорошо понимаешь, как много значит семья.

– Ты не расскажешь мне, что случилось в тот день? С Кэролайн?

– Ты уже знаешь, – напряженным голосом ответил Лоуренс.

– Да. Но я думала... Прости меня за расспросы, но ты говорил, это случилось не на озере. И я думала, где же она утонула? Ты об этом не упоминал.

– Потому что я ненавижу это место. Она прыгнула в омут под водопадом с Томасом на руках. Плыть и держать ребенка было невозможно. Навина все видела. – (Гвен попыталась представить, что чувствовал Лоуренс, но это слишком тяжелое горе, которое не описать

никакими словами.) – Какое-то внутреннее чутье подсказало Навине, что дело неладно. И она пошла следом за Кэролайн. Если бы не она, едва ли мы когда-нибудь узнали бы, что случилось. Иногда я думаю, может, было бы лучше ничего не знать.

Гвен обдумала его слова и немного погодя сказала:

– Тогда ты до сих пор воображал бы себе разные ужасы.

– Наверное, ты права, – кивнул Лоуренс.

– Навина не могла остановить ее?

Он уставился в землю и покачал головой:

– Все случилось очень быстро.

– Кто вытащил их? Навина?

Лоуренс положил руку на грудь и глубоко вдохнул, потом посмотрел на Гвен. Он как будто разом постарел. Она раньше не замечала, сколько седины в его волосах.

– Прости. Не надо было спрашивать. Ты мог бы не говорить мне.

Прикрыв глаза рукой от солнца, Гвен заглянула в глаза мужу.

– Не в том дело...

– А в чем?

Он покачал головой:

– Навина прибежала за нами. Макгрегор вытащил Томаса, а я – Кэролайн. Странно, но она была в своем любимом платье. Восточный шелк цвета морской волны. Она оделась как на вечеринку. Будто хотела этим что-то сказать.

Сердце Гвен болезненно сжалось, но она промолчала. Некоторое время Лоуренс тоже не произносил ни слова. Казалось, его переполняют какие-то мысли. Гвен чувствовала, он хочет сказать что-то еще, и ждала.

– Пороги почти сразу разделили их. Томаса отнесло всего ярдов на двадцать, но он уже был мертв. – Лоуренс вытер лоб тыльной стороной ладони. – Прежде чем уйти из дому, она аккуратно сложила все детские вещи в ящик, который ты нашла.

– Мне очень жаль, – произнесла Гвен и прильнула к нему.

«Жаль во многих смыслах», – подумала она, и ей захотелось столько всего сказать Лоуренсу. Сказать правду: когда она услышала его разговор по телефону, то поняла, что это Кристина; хотела, но не сказала. Она сосредоточилась на дыхании и оставила свои мысли при себе. Момент был неподходящий.

В воскресенье вечером Хью отправили обратно в школу, а в среду утром Макгрегор повез их обоих в Колумбо встречать Фрэн. Когда они добрались до места, Лоуренс велел Гвен оставаться в центре, так как на окраинах, в более бедных районах, вспыхнули беспорядки.

– Я не боюсь толпы, – нахмурилась она.

– Я серьезно, Гвен. Сходи в магазин и сразу возвращайся в отель. На базар даже не суйся.

Пока Лоуренс организовывал отправку дополнительных партий чая на Западное побережье Америки, где его упакуют в новом цехе, открытом Кристиной, Гвен занялась кое-какими необходимыми покупками. Меньше всего в тот вечер она ожидала встречи с Верити, которая, едва держась на ногах, облитая духами с ног до головы, плелась по веранде отеля «Галле-Фейс» и помахивала в воздухе сигаретой.

– Дорогая, вот и ты, – запинаясь, проговорила она и криво улыбнулась Гвен. – Я слышала, что вы будете здесь, но, боюсь, ты разминулась со своей кухней. Она еще вчера укатила вместе со своим муженьком.

– Что ты такое плетешь? – спросила Гвен и неохотно подошла к своей золовке. – У Фрэн нет мужа.

– Теперь есть. – Верити плюхнулась на ближайший стул. – Фу-у, я совсем запыхалась.

Выглядела она очень неопрятно: жидкие каштановые волосы прилипли к голове, их явно следовало вымыть, одежда была мятая.

Гвен протянула ей руку:

– Поднимайся. Отведу тебя в номер. Люди смотрят. Тебе нельзя оставаться здесь в таком состоянии.

– У меня нет номера.

– В таком случае где ты сегодня ночевала?

– Встретила одного парня. Довольно милый. У него голубые глаза. – Она помолчала, похоже намеренно, чтобы усилить драматический эффект. – А может, карие.

Гвен ошетичилась, понимая, что Верити только того и нужно. В ее поведении не просматривалось и намек на раскаяние, словно той ужасной сцены дома просто не было.

– Мне плевать на этого парня, какие бы глаза у него ни были, – сказала Гвен. – Ты пойдешь в наш номер. Сейчас же!

Кое-как ей удалось дотащить Верити до лестницы, не подняв слишком большого шума, но, когда они дошли до середины первого пролета, Верити остановилась – и ни с места.

– Давай шевели ногами, – сказала Гвен и дернула ее. – Мы еще не дошли.

Верити поднялась на ступеньку выше, глянула на Гвен сверху вниз и ткнула ее пальцем в грудь:

– Думаешь, ты такая умная.

Гвен посмотрела на наручные часы и вздохнула:

– Я вообще не считаю себя умной. А теперь давай поторопимся. Я хочу, чтобы ты протрезвела к приходу Лоуренса. Ты прекрасно знаешь, он не хочет встречаться с тобой, и, доводя себя до такого состояния, только уменьшаешь шансы, что он изменит свое решение. Галлон кофе тебе поможет.

– Не-а. Сперва ты меня выслушаешь.

Они посмотрели друг на друга, и на душе у Гвен стало скверно. Это будет нелегко. Ей не терпелось увидеться с Фрэн, но сперва нужно принять ванну: после дня, проведенного в Колombo, ее волосы и одежда изрядно пропылились. Вспомнив о своей кухне, Гвен подумала: а вдруг Верити сказала правду, и если так, то за кого же Фрэн вышла замуж, не обмолвившись ни словечком?

– Так ты слушаешь меня? – выгнув брови, спросила Верити, оборвав мысли Гвен.

Та ощутила несвежее дыхание золовки, вздохнула и с нескрываемым сарказмом произнесла:

– Ну выкладывай. Какое ужасающее открытие ты для меня приготовила?

– Через минуту тебе будет не смешно. – Верити сделала шаг и покачнулась.

– Давай-ка ускоримся и доведем тебя наконец до номера. Пошли. Топ-топ. Пока ты не свалилась с лестницы. Ты и так вся в грязи. – (Верити устала на Гвен и что-то пробормотала.) – В чем дело?

– Я знаю. – Верити прищурила глаза и улыбнулась.

– Верити, это становится нудно. Ты уже рассказала о Фрэн. Так что там у тебя еще? Говори, пока у меня не лопнуло терпение.

Гвен попыталась подтолкнуть ее наверх, но Верити очень медленно кивнула, с решительным видом взглянула на нее и, уцепившись за перила, не сдвинулась с места.

– Я знаю, что Лиони – твоя дочь.

В оглушительной тишине Гвен стояла неподвижно и, как ей казалось, мыслила четко. Подвела реакция тела – ее бросило в жар, и в голове будто пчелы жужжали. Вдруг она поняла, что чувствует человек, которого обуревают желание убить кого-то. Всего пара шагов, легкий толчок – и этой стерве конец. Пьяное падение с лестницы, несчастный случай. Вот что напишут в газетах. Жгучая ненависть охватывала Гвен все сильнее, она уже протянула руку к перилам. Всего пара шагов вверх и легкий толчок. Но мысль эта исчезла так же быстро, как возникла.

– Ну что, заткнулась, да? – сказала Верити и затопала вверх по ступенькам.

Гвен оцепенела от ужаса и будто разучилась дышать. Она вцепилась в перила и в панике, как выброшенная на берег рыба, хватала ртом воздух. «Наверное, именно так я сейчас и выгляжу – издыхающей рыбиной», – промелькнуло у нее в голове. Нелепый образ словно бы напомнил ее легким, как совершать свою работу, и Гвен удалось прийти в норму.

Она дошла следом за Верити до лестничной площадки и молча указала на дверь номера, все еще не отваживаясь заговорить. Верити, цепляясь ногой за ногу, проплелась мимо и, развалившись в кресле, мрачно уставилась на узорчатый паркет. Потом подняла глаза на Гвен, которая, чтобы отвлечься и унять сердцебиение, взялась перебирать рубашки Лоуренса.

– Ты складываешь ее уже в третий раз. Я же говорила, тебе будет не до смеха.

– Что?

– Я слышала твой разговор с Навиной. Незадолго до того, как ты привезла эту полукровку в дом Лоуренса.

– Ты, должно быть, ослышалась. Ну вот что, я заказала кофе, так что ты сейчас его выпьешь и перестанешь молоть чепуху.

Верити покачала головой, сунула руку в сумочку и, вытащив оттуда несколько листков с рисунками углем, помахала ими в воздухе:

– На самом деле вот это дало мне ответ на все вопросы.

Сердце у Гвен подпрыгнуло. Понимая, что дрожь в голосе выдаст ее страх, она подбежала к Верити и попыталась выхватить у нее рисунки Лиони.

– О нет! – протянула та и отдернула руку. – Я оставлю их себе.

Один листок порвался, и Гвен наклонилась поднять клочки бумаги. Это дало ей пару секунд, чтобы взять себя в руки, прежде чем она снова оказалась лицом к лицу со своей противницей.

– Как ты посмела рыться в моих вещах! В любом случае я не знаю, что ты себе напридумывала по поводу этой находки.

Верити засмеялась:

– Я прочла эту увлекательную статейку про женщину в Вест-Индии, которая родила близнецов с кожей разного цвета. Она спала со своим мужем, разумеется, но еще и с хозяином. Думаю, Лоуренсу будет интересно. А тебе разве нет?

Наступила долгая пауза. Гвен пыталась разобраться в своих эмоциях. Что это? Злость, да, и страх, но было что-то еще. Жуткое чувство опустошения, какого она никогда еще не испытывала. Судя по рисункам, Верити могла заключить, что Лиони училась грамоте в маленькой деревенской школе: на двух последних картинках она написала о белой леди, про которую ей рассказывала приемная мать. Белая леди, которая когда-нибудь может прийти за ней. Для Гвен эту фразу перевела Навина, но Верити сама понимала сингальский.

– Если он спросит Навину напрямую, она ему скажет, ты знаешь, – заявила Верити.

– С меня хватит! – отрезала Гвен больше для себя, чем для Верити, и открыла окно.

Она попыталась унять сердцебиение, глядя на зеленый луг, который тянулся за отелем, на пересекающую его дорогу, на растения, вылезавшие из щелей волноотбойной стенки. Но когда до нее донесся смех детей, запускавших воздушного змея, глаза защипало от слез.

В дверь постучали.

– Вот и кофе. Побудешь мамочкой? – поинтересовалась Верити. – Это очень кстати, а я так устала, что с места не могу сдвинуться. – Когда официант ушел, Гвен разлила кофе по чашкам; Верити прихлебывала из своей. – У меня есть предложение. Выход для тебя, если хочешь. – (Гвен покачала головой.) – Если ты обещаешь, что мне вернут мое содержание, я ничего не скажу Лоуренсу.

– Это шантаж.

Верити наклонила голову:

– Дело твое. – (Гвен села и стала искать какой-нибудь ответ, который положил бы конец всему этому. Она глотнула горячего кофе и обожгла губы.) – Ну давай теперь сменим тему. Ты не хочешь узнать, за кого вышла Фрэн? Я так понимаю, тебе еще ничего не известно?

– Если это очередная ложь...

– Какая ложь. Я видела их вместе, а когда она засекла, что я смотрю на кольца у нее на пальце, что ей оставалось? Огромный бриллиант в окружении сапфиров – помолвочное кольцо и еще золотое обручальное, что само за себя говорит. У мужчины на пальце тоже было такое, хотя он постарался спрятать руку за спину.

Гвен скрестила руки на груди и откинулась назад, размышляя, что еще ее ждет.

– Так кто он?

Верити ухмыльнулась:

– Сави Равасингхе. – Гвен смотрела, как на лице Верити играют солнечные зайчики и боролась с желанием задушить мерзавку. Та расхохоталась. – Отец твоей малышки – ведь это он, да, Гвен? Кто еще? Ты не знакома больше ни с одним цветным мужчиной. Кроме слуг, разумеется, но я не думаю, что даже ты пала бы так низко. Ты могла обвести вокруг пальца всех, но я вижу тебя насквозь. – (Гвен хотелось завывать, в голове у нее отчетливо прозвучала мольба: «Прошу тебя, пожалуйста, не говори Лоуренсу».) – Флоранс сказала, что она видела тебя на балу с Сави. Вы поднимались вверх по лестнице, и ты ездила встречаться с ним одна, когда Фрэн болела. Он теперь совладелец доли Фрэн в плантации. Лоуренсу это не слишком понравится, а если я к тому же расскажу ему о твоей дочурке, ну, я уверена, он позволит мне вернуться домой.

– Хорошо. – Гвен встала. – Я поговорю с ним о твоем содержании.

– Значит, это правда? Лиони – твоя дочь?

– Я этого не говорила. Ты передергиваешь. Просто хочу помочь тебе.

Гвен понимала, что ее голос звучит неестественно, и подтвердило это поведение Верити – она откинулась назад и разразилась хохотом:

– Ты такая предсказуемая, Гвен! Я не слышала твоего разговора с Навиной. Однажды девочка сидела рядом с тобой, солнце осветило

ваши лица, и я увидела сходство. У нее твои черты, Гвен. Потом я обратила внимание на волосы. Обычно они заплетены, но после купания, когда они высыхали, то завивались колечками, как у тебя. – (Гвен попыталась перебить ее.) – Дослушай меня. После этого я стала наблюдать за вами, когда вы вместе, и твои чувства к ней стали очевидны. Я обыскала твою комнату, когда вы были в Нью-Йорке, и нашла коробку и ключ. Ответь, Гвен, зачем тебе прятать рисунки какой-то местной девчонки? Почему они так ценны для тебя, что ты держишь их под замком? – (Кровь бросилась в лицо Гвен, она нагнулась и подняла с пола пушинку.) – Найдя рисунки, я уже была уверена, но в любом случае твое поведение и твои ответы сейчас не оставили у меня никаких сомнений. Это был Сави Равасингхе, верно? Он отец этой убудочной девчонки. Интересно, как отреагирует на это твоя кузина!

Гвен встала, заправила за ухо выбившийся из прически локон и попыталась говорить ровным тоном:

– Не понимаю, почему ты так хочешь навредить мне. Неужели тебе безразлично, как сильно будет страдать твой брат? – (Тишина.) – Ну?

– Я люблю Лоуренса.

Гвен боялась, что может сорваться.

– Тогда зачем ты это делаешь?

– Мне нужны деньги.

– Но почему? У тебя ведь есть муж.

Верити на миг прикрыла глаза и резко втянула ноздрями воздух:

– Я не хочу закончить, как ты.

– Что ты имеешь в виду?

– Забудь. Просто поговори с моим братом.

– А если не поговорю, ты готова разрушить нашу жизнь?

Верити вскинула брови:

– Я надеюсь, что мое содержание будет регулярно поступать мне на счет со следующего месяца. В противном случае Лоуренс узнает все.

– Ты прекрасно понимаешь, что, пока бренд не будет раскрыт, Лоуренс не сможет этого сделать.

– Значит, тебе предстоит решить кое-какую дилемму.

– Я знаю, что ты крала деньги из домашнего бюджета. Как, по-твоему, отнесется к этому Лоуренс? Когда я была больна, запасы исчезали из кладовой, а потом вдруг появлялись. Ключ во время моей болезни был у тебя, как и до моего приезда. Это могла быть только ты.

– Это было хорошо. Мы с *анну* продавали кое-что и делили выручку. Но потом – вот это номер! – ты решила разобраться со счетами. Но тебе нелегко будет это доказать. Я скажу Лоуренсу, что брала в долг, да все равно, когда я поведаю ему о твоей дочурке, думаешь, его будет интересовать остальное?

– Объясни мне, почему тебе так нужны деньги? Что происходит у вас с Александром?

Верити замкнулась в себе:

– Я уже говорила. Это для меня не выход.

– Ладно, попробую уговорить Лоуренса, чтобы он позволил тебе снова жить с нами.

Она посмотрела на свою золовку, но та заснула.

Гвен понимала, что нужно увести Верити из отеля до возвращения Лоуренса, и чувствовала себя так, будто живет где-то на границе между реальностью и ночным кошмаром, в который по неосторожности попала. Она цеплялась за надежду, что угрозы Верити были пустыми и явились всего лишь следствием ее нетрезвого состояния, но в глубине души сознавала, что эта женщина способна на все.

Чтобы не пропустить появления Лоуренса, Гвен шагала взад-вперед перед окном, поглядывая на часы, и выкурила несколько вонючих сигарет Верити, отчего нервная тошнота только усилилась. Ее душил страх, хотелось выплакаться и хотя бы в слезах найти облегчение, однако Гвен подавила это желание вместе с остатками надежды, что все закончится хорошо. Она не знала, верить ли ей истории о замужестве Фрэн, но если это правда, тогда сестра больше не являлась единственным на свете человеком, с которым ей хотелось поговорить.

Глава 33

К моменту возвращения Лоуренса в «Галле-Фейс» Верити ушла, а Фрэн так и не появилась. Гвен провела беспокойную ночь, слушая шум океана и снова и снова прокручивая в голове слова Верити. Уснула она только перед рассветом и проспала всего час или два.

Они уехали домой без Фрэн. Гвен уютно устроилась на заднем сиденье, а Макгрегор и Лоуренс сидели впереди и говорили о делах. Лоуренс был раздражен тем, что Фрэн не подала о себе весточки, однако, зная, как она непредсказуема, не захотел тратить время на ожидание. Гвен не обмолвилась ни о встрече с Верити, ни о предполагаемом замужестве сестры. Ей хотелось уснуть, хотя бы для того, чтобы забыть о своих проблемах, однако ее дремота была нарушена внезапной остановкой: примерно в миле от отеля движение машин застопорилось из-за какой-то суматохи на улице. Рикшам удавалось кое-как прокладывать себе путь, а машины застряли накрепко.

– Что за черт!.. – воскликнул Макгрегор, затормозив и опустив водительское стекло.

В кабину вместе с привычными запахами и шумом улицы ворвались крики и свист. Это пока не вызывало особой тревоги. Только несколько человек что-то скандировали. Магазины оставались открытыми, по улице шли пешеходы.

– Вам что-нибудь видно? – спросила Гвен.

Макгрегор покачал головой.

Лоуренс открыл дверцу со стороны пассажира, и тут уже шум обрушился на них в полную силу.

– Кажется, дело серьезнее, чем я думал. Похоже, тут какая-то демонстрация. Я вылезу и посмотрю. Ник, ты оставайся в машине, вдруг появится возможность проехать.

– О Лоуренс! – воскликнула Гвен. – После твоих слов! Вдруг там какая-то проблема?

– Все будет хорошо, – пожал он плечами.

Лоуренс ушел, они остались ждать. Гвен задыхалась от жары, от тесноты в машине и навалившихся на нее тревожных мыслей. Она попросила Макгрегора отпереть дверцу, хотела высунуться наружу и

посмотреть, не видно ли Лоуренса. Макгрегор отказался, стук его пальцев по рулю действовал на Гвен угнетающе и усиливал ее клаустрофобию. Шум на улице стал громче. Откуда-то сзади донесся бой барабанов. Гвен обернулась. К машине приближалась группа людей, они на ходу выкрикивали какие-то лозунги. Снова посмотрев сквозь лобовое стекло в надежде отыскать взглядом мужа, Гвен увидела, что спереди на них тоже надвигается людская масса – эти демонстранты размахивали в воздухе палками. Позади них толпилась куча перепуганных детей в белой школьной форме. Гвен вжалась в сиденье – о ужас! – они оказались в центре потасовки зажатými между противниками.

– Проверьте, закрыто ли у вас окно, – скомандовал Макгрегор, когда какой-то мужчина ударил кулаком по капоту машины и зло засмеялся. – Быстро! Это не против нас, скорее всего, но лучше нам не попадать под перекрестный огонь.

– А как же Лоуренс?

– Ничего с ним не случится.

Теперь уже машина окончательно превратилась для них в западню. Оставалось только следить за развитием событий: противники сошлись позади них. Услышав звон разбитого стекла, Гвен посмотрела сквозь заднее стекло:

– Боже, они кидают друг в друга бутылки! Надеюсь, детей уведут отсюда.

В воздухе замелькали камни и куски бетона. Завизжали женщины, раздался голос из репродуктора. Стычка продолжалась, потом вспыхнула другая, торговцы стали поспешно закрывать ставнями витрины лавок, люди перекликались и убегали в переулки и боковые улочки. В воздухе запахло дымом – кто-то разжег на дороге костер.

У Гвен одеревенели плечи и шея.

– Я боюсь за Лоуренса.

– Если он не потерял рассудок, то укрылся где-нибудь.

Гвен пыталась высмотреть в толпе мужа, и тут к машине подбежали трое мужчин, они налегли на нее с одного бока и стали раскачивать.

Едва владея собой от ужаса, Гвен только и сумела пролепетать:

– Макгрегор!

– Я, к хренам собачьим, убью этих ублюдков! Они хотят перевернуть нас.

Никогда еще Макгрегор не выражался так при ней. Но он на этом не остановился – вытащил пистолет и нацелил его на нападавших. Этого хватило. Один из мужчин потащил двоих других прочь, и они влились в толпу, которая медленно двигалась мимо них по улице. Наконец дорога впереди немного расчистилась, и Макгрегору удалось начать движение. Несколько человек с резаными ранами и разбитыми головами сидели на тротуаре, но позади машины ситуация все ухудшалась.

– Где же полиция, ради бога! – воскликнула Гвен.

Она снова принялась искать глазами Лоуренса, но увидела его только тогда, когда они оказались почти напротив школы, откуда все началось. Он стоял у дверей с какой-то женщиной, которая, похоже, была ранена. С более близкого расстояния Гвен различила, что у нее из ссадины на лбу течет кровь. Гвен открыла дверцу и отчаянно замахала Лоуренсу. Тот направился к ним, ведя женщину под локоть. Наконец появилась конная полиция и принялась разгонять толпу дубинками. Гвен вздохнула с облегчением, увидев, что детей увели в здание школы.

Только Лоуренс успел усадить женщину, не отнимавшую рук от головы, на заднее сиденье, как раздался выстрел.

– Ник, увози нас отсюда! – скомандовал Лоуренс. – Гвен, у тебя есть что-нибудь вытереть кровь?

– Вот все, что есть. – Она сжала руку женщины и принялась своим шарфом промакивать ей лоб.

Женщина застонала и посмотрела на нее:

– Я учительница. Никто не думал, что до такого дойдет.

Лоуренс велел Макгрегору ехать в больницу, потом обратился к Гвен:

– Это все из-за того, какой язык должен быть главным на уроках.

– Правда?

– Образованные тамилы по традиции получают лучшие должности на государственной службе, и сингалы считают это несправедливым. Они хотят, чтобы основным языком был сингальский.

Гвен не могла скрыть, как она расстроена. Сперва Верити, а теперь вот это.

– Зачем? – спросила она. – Зачем насилие? Неужели это так важно?

Учительница-сингалка посмотрела на нее:

– Когда мы получим независимость, будет очень важно, какой язык станут преподавать в школе.

– Разве нельзя преподавать оба? – (Женщина покачала головой.) – Ну, как бы там ни было, я надеюсь, эту проблему можно решить без дальнейшего кровопролития.

– Это ерунда! – фыркнула сингалка. – Люди вроде вас, которым никогда и ни за что не приходилось бороться, понятия не имеют, как это бывает.

Когда они приехали домой, Лоуренс сказал, что в связи с произошедшими волнениями ему нужно написать несколько писем и поэтому, чтобы не тревожить Гвен, он будет спать в своей комнате. Ночь Гвен провела беспокойно. Угрозы Верити преследовали ее и во сне, а утром она села перед туалетным столиком и посмотрела на свое отражение в зеркале: волосы спутаны, без косметики вид совсем бледный. Взяв в руки щетку, она принялась энергично расчесываться, потом слегка наругалась. Темные кудри встали дыбом, красные пятна на щеках на фоне белой кожи выглядели устрашающе. Она смыла их и заплела косу, потом принялась тереть щеки – и терла, и терла, будто хотела стереть свой страх. Учительница ошиблась. Ей, может, и не выпало на долю бороться за счастливую жизнь, но защищать ее приходилось, и теперь, раз Верити известна правда о Лиони, настал решающий момент этой битвы.

Гвен достала шкатулку, где хранила рисунки, и, разумеется, когда стала искать ключ, который держала отдельно, его на месте не оказалось. Она потрясла коробку. Пусто. Перерыла ящики туалетного столика, повибрасывала все, что попадалось под руку, и бросала, пока не засыпала пол вокруг шпильками, булавами, заколками и расческами. Потом обыскала свой рабочий стол, прикроватную тумбочку, сумки. Не то чтобы это было теперь так уж важно, но Верити забрала ключ. Сморгнув слезы, Гвен вцепилась в ручки кресла и почувствовала себя так глубоко уязвленной этим вторжением в ее

личную жизнь, что пожалела о своей нерешительности – надо было столкнуться мерзавку с лестницы.

На следующий день позвонила Фрэн. Она извинилась, что не смогла поехать с ними, потому как была в Хаттоне – мол, возникла кое-какая загвоздка, – и очень скоро к ним приедет. Все это почти ничего не объясняло. «Типичная Фрэн», – подумала Гвен. Кузина также сообщила, что приготовила им большой сюрприз, и Гвен про себя взмолилась: лишь бы это не был проезд вместе с ней Сави Равасингхе.

Пока Лоуренс сидел в гостиной, погруженный в чтение статьи о вчерашних беспорядках, Гвен на цыпочках прокралась в спальню мужа. Там стоял знакомый запах мыла и лимона. Она включила свет и огляделась в поисках фотографии Кэролайн. Ее не было на столике, но Гвен все равно ощущала присутствие этой женщины, словно та просто ушла со сцены и пропустила свой следующий выход.

Она открыла большой платяной шкаф из красного дерева и провела рукой по висевшей в ряд одежде. Брюки, пиджаки, вечерние костюмы, рубашки. Взяв одну из накрахмаленных сорочек, Гвен вытащила ее наружу. Ничего от Лоуренса на ней не осталось. Тогда она выдвинула ящик и нашла в нем голубой шелковый шейный платок, к которому прицепился волосок мужа. Гвен понюхала ткань. Это лучше. Если ей придется выложить Лоуренсу правду, пусть при ней ночью будет какая-нибудь его вещь.

Свет мигнул и погас. Гвен сунула платок в карман, нашла путь к двери по полоске света, падавшего в комнату из холла, и проскользила ладонью по отполированным перилам, спускаясь вниз. Когда она пробежала изгиб лестницы, на глаза ей попалось стоящее в прихожей кресло-каталка. Его появление в доме вызвало у нее такую смесь смятения и чувства вины, что она с тех пор к нему не подходила. Ей была невыносима мысль о том, что тело ее ребенка изувечит болезнь, и она продолжала молиться о чуде.

От беспокойства Гвен не могла оставаться на одном месте и пошла к Лоуренсу. Все так перемешалось у нее в душе. Ей хотелось увидаться с Фрэн, но вдруг это правда, что она вышла замуж за художника? Гвен взяла журнал с кофейного столика. Был выходной

день. Лоуренс, увлеченный чтением газеты, не замечал вертевшегося вокруг Хью.

Гвен вспыхнула от досады:

– Лоуренс, может, ты позанимаешься с сыном? Сделайте модель аэроплана или еще что-нибудь.

Он поднял глаза и постучал пальцем по газетному листу:

– Там произошло побоище, ну, помнишь – в Коломбо. Есть убитые. Лишь бы это не повлекло за собой более серьезные события. – (Гвен закрыла глаза, вспомнив сцену на улице Коломбо. Это было ужасно, но сейчас ее волновало другое.) – Поговорим о более приятных вещах. Скоро мы увидим здесь рекламу нашего чая.

– Аэроплан, Лоуренс. Всегда я должна замечать? Хью скучает. Разве ты не видишь?

У Хью было три литых чугунных самолетика фирмы «Хабли», но в Нью-Йорке Лоуренс купил игрушечный самолетик нового типа – отлитый из металла под давлением и еще один – из прессованной стали. Гвен знала, что они с Хью пытались скопировать эти модельки, вырезав их из бальзового дерева – прочного, но легкого в обработке.

Лоуренс сложил газету:

– Похоже, ты нервничаешь, Гвен. Что-нибудь случилось? Если это из-за беспорядков...

– Нет! – отрезала она. – Только если ты забереешь Хью, чтобы он не болтался у меня под ногами, я успокоюсь. Я просто взволнована предстоящей встречей с Фрэн.

Муж посмотрел на нее и кивнул, но Гвен видела, что он ей не поверил.

– Хорошо, – сказал Лоуренс. – Пойдем, Хью. Обувная кладовка ждет нас, старик.

Гвен через силу улыбнулась.

После ухода Хью и Лоуренса она снова принялась за журналы – брала в руки то один, то другой, но ни на чем не могла сосредоточиться. Наконец, измучившись этим неумемным беспокойством, она решила осмотреть кресло-каталку. Чем дольше Гвен откладывала это, тем более страшные призраки, связанные с его появлением в доме, мерещились ей. Она прошла в прихожую, провела пальцами по кожаным подлокотникам, ощупала подголовник и понажимала на педаль тормоза.

Мысль, которая терзала Гвен во время уличных беспорядков, о том, что скажет Лоуренс, если Фрэн и правда вышла замуж за Сави Равасингхе, теперь вызвала пульсацию в висках. Она покрутила шеей, пытаясь избавиться от неприятного ощущения, но почувствовала себя так, будто сидит на вулкане перед самым началом извержения – извержения, по окончании которого от ее семьи останутся одни ошметки.

Звонок в дверь прервал ее мысли. Так как она уже находилась в прихожей, то открыла дверь сама. На крыльце стояла Фрэн с небольшим чемоданчиком в руке. Она была в восхитительном пальто с рукавами «летучая мышь» из какой-то похожей на гобелен ткани и в рубинового цвета шляпке, но без перчаток. Гвен посмотрела на ее безымянный палец. Бриллиант в окружении сапфиров и золотое обручальное кольцо. Верити не соврала.

Гвен не смогла изобразить удивление и посмотрела прямо в глаза сестре. Лицо Фрэн немного изменилось. Она выглядела как будто мягче, словно любовь сгладила углы и острые края.

Улыбка дрогнула на губах Фрэн.

– Эта стерва уже сказала тебе, да? – (Гвен кивнула.) – Я просила ее молчать. Хотела сообщить тебе сама.

Склонив голову набок, Гвен вглядывалась в лицо сестры:

– И конечно, на свете не существует таких вещей, как письма, телефоны или телеграф!

– Прости.

– Слушай, Фрэн, меня знаешь, что смущает? Почему ты ничего не сказала мне до свадьбы?

– Я была уверена, что ты не одобришь мой выбор. И мне не хотелось услышать это в твоём голосе, когда я была так дико счастлива.

Гвен раскрыла объятия:

– Иди сюда. – Когда они обнялись, Гвен отстранилась и, держа кузину от себя на расстоянии вытянутых рук, спросила: – Так ты счастлива?

– Бесконечно.

– И тебя не беспокоит... – Гвен замялась, не уверенная в том, что на самом деле хочет сказать. – Так ты не против...

– Его пестрого прошлого? Конечно нет. Не забывай, мы живем в эпоху модерна. В любом случае я тоже кое-что успела испытать, и ты можешь стереть с лица это ошарашенное выражение, Гвендолин Хупер. Мы отлично подходим друг другу – я и Сави.

Гвен засмеялась:

– О Фрэн! Мне интересно, как отнесется к этому Лоуренс. – (Последовала пауза.) – И тебя не волнует, что Сави может увлекаться своими натурщицами?

– Ничуть. У нас обоих яркое прошлое, но сейчас мы просто хотим быть вместе.

– А Кристина знает?

– Кристине Сави не нужен, – засмеялась Фрэн.

– Я знаю. За ней сейчас увивается какой-то музыкант, но по-настоящему она хотела только Лоуренса. Ты знаешь, что она тоже вложила в дело?

– Да, я видела ее в Нью-Йорке, на выставке Сави.

– Кристина не говорила.

– Я попросила ее. Хотела рассказать тебе о Сави сама.

Они прошли до конца коридора, и Гвен отворила дверь в комнату.

Фрэн бросила свое гобеленовое пальто на кровать и огляделась:

– Свежие фрезии. Мм! И окна на две стороны. Как мило!

– Ты можешь любоваться озером и садом. – Гвен помолчала, подошла к комоду и, вынув что-то из ящика, протянула сестре.

Та улыбнулась, взяла браслет и застегнула его у себя на запястье.

– Ты невероятно милая, я бы расцеловала тебя. Где ты его нашла? Наверняка в щели за диваном.

Гвен приподняла брови и пожала плечами:

– В магазине в Коломбо, хочешь верь, хочешь нет. У меня нет доказательств, но я подозреваю, его взяла Верити.

– Но зачем?

– Я не знаю. Чтобы напакостить, наверное. Никто не понимает, чем вызваны ее поступки.

– Ну да ладно. Я просто счастлива, что он нашелся. Спасибо. Спасибо тебе. Но почему ты не пришла на выставку Сави?

– У меня разболелась голова. И Лоуренс в результате остался со мной.

– Сави думает, что ты избегаешь встреч с ним. Он чем-то тебя обидел, Гвенни?

Гвен сглотнула и отошла к окну, но не ответила.

На следующее утро для Лоуренса прибыл большой коричневый сверток. Он лежал на столике в прихожей рядом с папоротником в горшке и ждал, пока адресат обратит на него внимание. Гвен подумала, что Лоуренс, вероятно, его не видел. Она взяла сверток в руки и стала рассматривать марки – кажется, английские, но их так сильно заштемпелевали в Коломбо и прочих местах, через которые он проходил, что сказать с уверенностью было трудно.

Сгорая от любопытства, Гвен отнесла посылку в гостиную и вручила Лоуренсу.

Он встал с кресла, взял ее, кивнув, и повернулся к двери.

– Что это, Лоуренс? Она довольно тяжелая.

Он оглянулся на ходу:

– Я еще не открывал ее.

– Но ты знаешь, кто мог ее прислать?

– Не представляю.

– Давай откроем ее сейчас.

Лоуренс кашлянул.

– Гвен, я занят. Мне нужно кое-что сделать у себя в кабинете. Вероятно, эта посылка как-то связана с чаем.

Может, виной тому был его отрывистый тон, но Гвен вдруг сорвалась:

– Почему ты не сказал мне, что Кристина все еще влюблена в тебя?

Лоуренс нахмурился, одной рукой он уже взялся за ручку двери. Молчание длилось всего мгновение, но ощущалось как вечность.

– Гвен, любимая, я много раз говорил тебе. Между мной и Кристиной давно все кончено.

Когда он вышел, она покусала щеку изнутри, потом бросила взгляд на озеро. Ей нужны более серьезные уверения.

Фрэн ушла гулять и не вернулась к обеду, поэтому, когда Хью лег отдыхать, Гвен решила, что настало время рассказать Лоуренсу о браке Фрэн и Сави Равасингхе. Все утро он провел в своем кабинете, а

прошлым вечером вообще уходил из дому, так что это была первая возможность. Гвен удивилась, когда он воспринял новость лучше, чем она ожидала, хотя был явно чем-то озабочен, и Гвен забеспокоилась: что еще его тревожит?

Не имело значения, что Сави был нежеланным гостем в их доме. Вообще-то, Гвен предпочла бы, чтобы в этом отношении все осталось по-прежнему. Фрэн сказала, что во время своего первого приезда в Коломбо в 1925 году останавливалась в его просторной квартире в районе Коричных садов. С тех пор их роман то затихал, то возобновлялся, и оба они в моменты затишья имели отношения с другими людьми. Хотя Гвен хотелось, чтобы Фрэн жила на Цейлоне, но она не могла удержаться от ощущения, что им лучше держаться как можно дальше друг от друга.

Она лежала на кровати и размышляла об этом, когда Навина привезла к ней на кресле-каталке Лиони. Это вошло у них в привычку. Каждый день, пока все в доме отдыхали, *айя* привозила девочку в комнату Гвен. Навина подняла ее из кресла, усадила на постель и вышла из комнаты. Это был бесценный час, когда они оставались одни, и Гвен дорожила им.

Она читала Лиони сказки. Перебирала по очереди все книжки, какие были в доме. Девочка говорила мало, но многое понимала. Когда Гвен взяла в руки сказки Андерсена, которые однажды Верити хотела почитать Хью, Лиони попросила ее отложить книгу.

– Мне нравится, когда вы рассказываете истории, леди.

– Давным-давно, – начала Гвен, на ходу придумывая сказку, – жила-была одна злая мачеха.

Девочка засмеялась и придвинулась к ней. Гвен убрала волосы с лица дочери, посмотрела на нее и, натужно сглотнув, продолжила.

Обычно она запирала дверь и старалась не уснуть. Но сегодня ее так вымотало беспокойство по поводу угроз Верити, что она об этом забыла, а вспомнив, хотела было подняться и сделать это, но тут как раз Лиони уснула и сама Гвен тоже уплыла в сон.

Проснувшись она от стука в дверь и не успела ответить, как вошла Фрэн. Она остановилась в дверях и удивленно уставилась на представшую ее глазам сцену.

Гвен посмотрела на сестру.

– Гвен, это кто с тобой в кровати? Больная родственница *айи*?

Голос кузины звучал неуверенно. Гвен, борясь с эмоциями, ощутила, что глаза ее увлажнились, и ничего не ответила. Она не могла солгать сестре.

Фрэн с озадаченным выражением на лице подошла к кровати и взглянула на девочку:

– Она очень красивая. – Гвен кивнула; Фрэн присела на край постели, а потом прилегла на бок и посмотрела в глаза Гвен. – Что происходит, дорогая? Почему ты не рассказываешь мне? – (У Гвен подкатил ком к горлу, она опустила голову и смотрела на атласное покрывало, пока оно не расплылось у нее перед глазами.) – Это действительно так ужасно?

Молчание длилось слишком долго.

– Я скажу тебе, – наконец выдавила из себя Гвен, подняв глаза и подтянув колени к груди. – Но ты должна пообещать мне, что никому не скажешь ни слова.

Фрэн кивнула.

– Лиони не родственница *айи*. – Мгновение Гвен боролась с сомнениями, но потом потребность выговориться взяла свое, и слова сами слетели с языка: – Она моя дочь.

Фрэн уставилась на нее:

– Когда я увидела, какая она красавица, у меня возникли кое-какие подозрения. Но, Гвен, кто же ее отец? Явно не Лоуренс.

Гвен покачала головой:

– Нет, но она близняшка Хью.

– Как это? Я не понимаю, – сказала Фрэн.

– Больше я ничего не могу тебе сказать. Раньше сказала бы, но теперь, когда ты...

Мгновение стояла мерзкая тишина.

Потом глаза Фрэн расширились от ужаса.

– Боже правый! Это не Сави? Неужели ты это скрываешь?

Гвен закусила губу, а Фрэн сильно побледнела и в недоумении терла лоб:

– Не могу поверить, что ты спала с Сави.

Они уставились друг на друга. Гвен прочла осуждение в глазах сестры и дрожащим голосом произнесла:

– Это не то, что ты думаешь.

– Сави знает о ребенке?

– Конечно нет. Но, Фрэн, успокойся, это было до того, как вы с ним сошлись.

Фрэн качала головой, не в силах поверить услышанному:

– Но как же Лоуренс? Неужели ты могла так с ним поступить?

Глаза Гвен стали горячи от слез.

– Лучше бы я ничего не говорила. Понимаю, это звучит глупо, но я не знаю, как все это произошло. Просто не могу вспомнить. – (Фрэн встала и принялась расхаживать по комнате, потирая запястья. Обе они долго молчали.) – Фрэн? Я знаю, ты злишься, но, пожалуйста, скажи что-нибудь.

– Я просто не могу в это поверить.

– Я ничего не могу вспомнить. – Гвен на мгновение опустила голову, потом посмотрела на сестру и продолжила: – Это случилось во время бала, после того как мы танцевали чарльстон. Я ужасно напилась. Сави проводил меня в номер. Я помню, он оставался со мной какое-то время, но что он делал потом, я не помню.

Фрэн резко прижала руку к груди и замерла на месте:

– Боже, Гвен! Ты хоть понимаешь, в чем его обвиняешь?

– Прости.

У глаз Фрэн собрались морщинки, лицо ее покраснело, и она направилась к двери:

– Ты ошибаешься. Этого не может быть. Сави не способен на такое.

Гвен протянула к ней руку:

– Не уходи! Пожалуйста, не уходи!

– Как я могу остаться? Он мой муж. Как ты могла?!

– Ты нужна мне.

Фрэн покачала головой, но не вышла за дверь – осталась стоять рядом с ней.

– Я даже не знаю, возможно ли, чтобы у близнецов было два разных отца, – сказала Гвен.

Долго стояла тишина.

– Это возможно, – тихим напряженным голосом произнесла Фрэн.

– Откуда ты знаешь?

– Я что-то читала об этом.

Гвен пристально посмотрела на нее:

– Про женщину, родившую близнецов от двух разных отцов где-то в Вест-Индии или в Африке? Это было во всех газетах.

По щекам Гвен потекли слезы.

– Ты говорила с Сави? – спросила Фрэн. – В тот момент, я имею в виду. Неужели тебе не хотелось узнать, что на самом деле произошло?

Гвен утерла глаза и шмыгнула носом:

– В тот момент я ни о чем таком не думала. Только когда родились близнецы и я увидела, что Лиони не белая. Мне нужно было немедленно решать, что делать с девочкой. Как я могла спрашивать о чем-то Сави? Ведь прошло столько времени.

– Я бы спросила.

– Я не ты.

– И ты все эти годы думала такие ужасные вещи о достойном человеке, когда должно быть какое-то другое объяснение?

– Я спрятала ребенка. Что изменили бы расспросы и объяснения? На самом деле могло стать еще хуже. Если бы я поговорила с Сави, он мог сказать Кристине, и очень скоро Лоуренс тоже обо всем узнал бы.

– Но ты, по крайней мере, не переживала бы на его счет.

– Даже если бы я его спросила, он мог солгать.

Лицо Фрэн перекопилось от гнева.

– Так теперь он еще и лжец?!

Гвен вздрогнула и повесила голову:

– Прости.

Фрэн потерла руки и сделала несколько шагов к Гвен, в глазах у нее стояли слезы.

– Слушай, я знаю Сави. Забраться в постель к пьяной или ничего не соображающей женщине – это не про него. У него могли быть романы, но он не аморален. – Гвен открыла было рот, чтобы возразить, но Фрэн подняла руку. – Дослушай меня. Я знаю, его моральные принципы могут не совпадать с твоими, но они у него есть. В любом случае половину той ночи – ночи на балу, Гвенни, – я разговаривала с ним, после того как ты ушла спать. Ты и правда думаешь, что он мог сотворить такое с тобой, а потом беседовать со мной как ни в чем не бывало? Нет! Поверь мне, это не мог быть Сави. Он чутко относится к женщинам, за что его и любят.

– Так что тогда?

– Если мы исключаем Сави, а мы должны, Гвен, должны его исключить, то как это случилось на самом деле?

Лиони кашлянула, и Гвен приложила палец к губам:

– Не разбуди ее.

Фрэн заговорила шепотом:

– Должна быть цветная кровь у кого-то из предков. Это единственное возможное объяснение.

Гвен воспрянул духом и издала робкий смешок:

– Ты правда так думаешь? Это возможно?

– Да.

Гвен ненадолго задумалась.

– Я наткнулась на одну статью в журнале, когда мы были в Нью-Йорке, о кровосмешении между черными рабами и белыми плантаторами в Америке.

– Да, это может проявляться через одно или два поколения. Люди не любят признавать такие вещи. Британцы пытаются объяснить подобные случаи наличием предков на континенте или просто прячут странного ребенка.

Гвен слабо улыбнулась сестре:

– О, Фрэн, надеюсь, ты права. Но я наверняка слышала бы что-нибудь, если бы это была правда.

– Может быть, да, а может, и нет... Но лучше бы ты доверилась мне раньше или рассказала еще кому-то.

– Любой человек решил бы, что тут дело в супружеской измене, как и ты подумала сначала. Люди не приняли бы этого ребенка.

– Я поспешила и пришла к неправильному выводу. Прости меня.

– Вот именно, и так поступил бы каждый. Если бы Лоуренс поверил, что я спала с другим мужчиной, особенно так скоро после свадьбы, это уничтожило бы его.

– Тем не менее ответ нужно искать среди предков. Мы обе знаем, что в нашей семье нет ничего, что могло бы дать объяснение.

Гвен вздохнула:

– Да знаем ли?

Фрэн склонила голову набок и задумалась.

– Когда я вернусь в Англию, то сделаю все возможное, чтобы найти ответ.

Гвен взгляделась в лицо сестры, ища в нем малейшие признаки сомнения.

– Но ты считаешь, что это пришло со стороны Лоуренса?

– Я не знаю. Но полагаю, тебе нужно поговорить с ним.

– Я не могу. Без доказательств. Я уже сказала, он решит, что я ему изменила. И никогда меня не простит.

– Похоже, ты не слишком уверена в его любви к тебе?

Гвен поразмыслила над этим.

– Он любит меня. Но дело в том, как устроена здесь жизнь. Стыд. Позор. Это покончило бы с нашей семьей. Я потеряла бы его, свой дом и своего сына. – Она сглотнула, и Фрэн, присев на постель, обняла ее. – Есть еще кое-что.

– Не торопись.

Гвен поборола приступ слезливости:

– Верити догадалась и грозит все рассказать Лоуренсу, если я не уговорю его снова взять ее на содержание.

– Боже правый, да это шантаж! Она задвинет тебя туда, куда всегда хотела задвинуть. Если ты ей уступишь, начнутся новые требования. Это нужно остановить, Гвенни. Ты будешь жить, опасаясь этой прохиндейки до конца дней. – Фрэн встала и открыла окно. – Господи, мне нужен воздух!

– Дождь уже идет?

– Ветер поднялся. Но ты столько времени просидела взаперти. Ты ужасно бледная. Нам обеим нужен воздух. Прогулка. Ты, я, Хью и его сестра в каталке. Я так понимаю, Хью и Лиони ничего не знают?

Девочка снова закашлялась и на этот раз проснулась. Гвен тихо заговорила с ней и пощупала ей лоб, размышляя о словах Фрэн. Сестра права: единственное, что ей остается, – это поговорить с Лоуренсом раньше, чем это сделает Верити. Но от мысли о том, чтобы открыться ему без доказательств, которые подтвердили бы ее идею, у Гвен голова пошла кругом.

Через несколько дней – они как раз заканчивали завтракать – привезли первую партию чая в новой упаковке. Лоуренс развернул бумагу и показал им. На упаковке рисунок выглядел еще лучше, чем в дизайнерских эскизах.

– По-моему, картина твоего супруга очень хорошо легла на упаковку, – сказал Лоуренс, глядя на Фрэн. – Надеюсь, мы увидим его здесь как-нибудь за ужином.

Сестры обменялись удивленными взглядами.

– Спасибо, Лоуренс, – сказала Фрэн. – Мне очень приятны твои слова. Я знаю...

Он остановил ее жестом руки:

– Для меня большая честь пригласить мистера Равасингхе в наш дом. Жаль, что мы пропустили его выставку в Нью-Йорке. Но постараемся побывать на следующей, где бы она ни проходила, правда, Гвен?

Она натянуто улыбнулась, чувствуя себя сбитой с толку. Почему его отношение к Сави ни с того ни с сего так радикально изменилось, притом что сам он выглядел подавленным?

После завтрака Лоуренс предложил прогуляться, пока не пошел дождь.

– Жду тебя на крыльце, – сказал он Гвен.

Сперва она собралась сама, потом вошла в детскую, где Лиони, сидя в кровати, рисовала водопад.

– Она не может рисовать долго, – сказала Навина. – Но стояла десять минут и смотрела на озеро.

– Это хорошо. Поможешь мне усадить ее в каталку? Ей нужно подышать воздухом, пока не пошел дождь.

– Она хочет увидеть водопад.

С тех пор как Хью впервые упомянул водопад, Лиони мечтала его увидеть и не раз приставала к ней с просьбами.

– Боюсь, об этом не может быть и речи.

Когда Лиони устроили в кресле-каталке, укутав ей ноги пледом, Гвен собралась вывезти ее на улицу и вдруг услышала шум отъезжающей машины. Она глянула в окно, и сердце у нее упало. Верити. Должно быть, она приезжала, чтобы исполнить свои угрозы. Лоуренс расхаживал взад-вперед перед крыльцом и ерошил руками волосы. У Гвен вспотели ладони, но потом ее охватило какое-то странное ощущение, и она поняла, что испытала облегчение. Все кончено, больше ей не придется лгать.

Увидев, как она выходит из дома, Лоуренс нахмурился и сухо сказал:

– Оставь ребенка на крыльце. Пусть Навина заберет девочку обратно в дом. Мы прогуляемся на холм.

Всю дорогу наверх он молчал. Когда они оказались на вершине и обернулись, у Гвен захватило дух от представшего перед глазами вида, как в первое утро на плантации, да и во все последующие. Все сверкало. Гвен вдохнула ароматный воздух и залюбовалась яркой зеленью покрытых чайными кустами холмов; плантация Хуперов теперь простиралась дальше, чем прежде. Вот их дом в форме буквы «Г», его задняя часть параллельна озеру, справа – открытая веранда, а с другой стороны – двор и дорожка, исчезающая за стеной из высоких деревьев.

– Это Верити приезжала? – наконец спросила Гвен, и Лоуренс молча кивнул. – Чего она хотела?

– Получить свои деньги, разумеется.

– Лоуренс, я...

– Если ты не возражаешь, – оборвал он ее, – я предпочел бы не говорить о своей сестре. – (Повисла пауза. Гвен глубоко вздохнула и снова устремила взгляд на панораму холмов.) – Красиво, правда? Прекраснейшее место в мире. Но счастлива ли ты, Гвендолин?

– Счастлива?

– Я имею в виду, когда всем тут заправляет Макгрегор, а я много времени провожу в Коломбо.

– Конечно я счастлива.

– Но тебя что-то беспокоит, не так ли? Я как будто перестал понимать тебя.

В тяжком вздохе Гвен отобразилась ее усталость. Это, наверное, наилучшая возможность открыть ему правду, но, когда она прищурилась и взглянула на мужа, печаль в его глазах почти лишила ее решимости. А главное, хотя Верити и побывала в доме, Гвен не знала, о чем она сказала, а о чем умолчала.

– Дело не в Кристине, верно? – очень мягко спросил Лоуренс и привлек ее к себе. – Тут тебе действительно не о чем беспокоиться. – Гвен подняла на него глаза, продолжая колебаться; он провел пальцами по ее волосам и посмотрел ей в глаза, обняв за талию. – Дорогая, правда...

Гвен перебила его:

– В Нью-Йорке она сказала мне, что между вами все было кончено еще до моего приезда.

– Я говорил тебе то же самое.

– И я ей поверила, но на самом деле она все равно хотела тебя, даже тогда?

– Когда?

– Я уже сказала. В Нью-Йорке. Разве не об этом вы говорили по телефону?

Лоуренс выглядел озадаченным:

– По какому телефону?

– Перед тем, как мы легли спать в последнюю ночь.

– Дорогая, мне тогда звонила не Кристина. Это была Верити.

Гвен отступила назад и уставилась на него:

– Но Кристина сказала мне, что она надеялась остаться твоей любовницей после того, как мы поженились.

– Это было невозможно. – Лоуренс поморщился. – Я знаю, она пыталась создать впечатление, будто между нами все еще что-то есть. Она любит провокации. Но клянусь, после нашей свадьбы у нее не было шансов! – (Слезы обожгли веки Гвен.) – Именно поэтому после нашей свадьбы я предпочел отправиться на Цейлон один – чтобы положить конец этой истории.

– Значит, ты уехал не по делам?

– Она поддержала меня после смерти Кэролайн. Я был раздавлен. Она помогла мне прийти в себя. Я должен был расстаться с ней мягко.

– Ты не любил ее?

– Я был привязан к ней, но это не любовь.

– Но почему ты был таким отчужденным, когда я только приехала сюда?

– Потому что я любил тебя и боялся.

– Чего?

– Я потерял Кэролайн. И думал, что не заслуживаю второго шанса. Наверное, я боялся потерять тебя.

Гвен утерла слезы радости, катившиеся по ее щекам, и пощипала кожу на виске, чтобы снять начинающуюся головную боль. Момент настал. Теперь ее очередь. Лоуренс протянул руку и погладил ее по щеке. Гвен взяла его руку и открыла рот, чтобы заговорить, но

замешкалась, и в этот миг, за долю секунды, которая могла изменить ее жизнь, осознала, что просто не может этого сделать.

Мир застыл в тишине, каркнула одинокая ворона. Досадуя на свою трусость, Гвен втянула носом лесной запах деревьев и попыталась собраться с мыслями. Она не могла просто выложить правду и смотреть, как все рушится. Лоуренс доверял ей, делился с ней самыми сокровенными чувствами, своими страхами, надеждами, горестями. Но потом кое-что еще пришло ей в голову.

– Почему ты изменил отношение к Сави и пригласил его к нам?

Лоуренс вздохнул:

– Вероятно, я ошибался насчет него, вот и все.

Гвен заметила на его лице выражение, которое ее встревожило: выражение глубокого страдания.

– Что с тобой? – спросила она.

Он сглотнул и отвернулся.

Гвен взвесила в уме слова Фрэн. Если ее сестра права и Лиони действительно не дочь Сави, тогда она сможет сказать Лоуренсу правду, но, может быть, не сейчас. После стольких лет молчания ей хотелось прокричать во весь голос, что она честная женщина и не совершала того ужасного, ужасного поступка, в котором себя подозревала. Но ей нужно еще немного подождать, подождать, пока она не найдет доказательств своей невинности.

Она прикоснулась к плечу Лоуренса, ощутив уверенность, что Верити еще не исполнила свою угрозу; в конце концов, если бы Лоуренс все знал, то не обращался бы сейчас с ней так мягко.

– Вообще-то, – сказала она, – я думаю, это, наверное, неплохая идея – вернуть твоей сестре содержание. Ясно, что она не вернется к мужу и ей нужно на что-то жить.

Лоуренс криво усмехнулся:

– Тебя это беспокоит? После всего, что она сделала...

– Она все равно твоя сестра. Мы можем поставить условием, что она уедет в Англию.

Послышался раскат грома. Гвен взглянула на небо.

Лоуренс медленно кивнул:

– Когда наш бренд начнет приносить доход, это будет возможно. Но ты ведь знаешь, что дом в Йоркшире сдан в аренду.

– Да, но срок аренды когда-нибудь закончится.

Гвен снова посмотрела на тучи, а потом на свои ноги. Уже почти наступил ноябрь, поздно для начала муссона. Она ткнула носком ботинка в сухую землю. Скоро она будет расползаться под ногами.

– Вчера я получил письмо из Англии. Съемщики намерены продлить аренду.

Гвен решила надавить на мужа по поводу содержания Верити.

– Нам никак не найти средств, чтобы выплачивать ей деньги до того, как бренд наберет силу?

Лоуренс озадаченно посмотрел на нее:

– Думаю, я могу взять в долг, если ты и правда считаешь, что это необходимо.

Гвен замялась. Ей не хотелось, чтобы Лоуренс влезал в долги, прежде чем они разделаются с запуском бренда, но, с другой стороны, так она избавится от наседавшей на нее Верити, и это позволит ей выгадать время.

Лоуренс посмотрел вверх:

– Пора сматываться. Сейчас ливанет. Поговорим о Верити позже.

Глава 34

Март 1934 года

Сезон дождей давно закончился, дни стояли ясные. Последние два месяца Лоуренс провел по большей части в разъездах, оставляя плантацию на Макгрегора, с которым Гвен так и не нашла общего языка. Когда Лоуренс возвращался домой, то казался немного замкнутым, его словно что-то беспокоило. Если Гвен спрашивала, в чем дело, он от нее отмахивался и говорил, что теперь, когда столько плантаций заброшено из-за падения цен на чай, главной заботой стали не возможные бунты среди рабочих, а распространение малярийных комаров.

Фрэн и Сави временно обосновались в Коломбо, пока решали, где им устроить постоянное жилье, а Верити, снова получавшая свое содержание, жила с друзьями в Канди и ждала, когда истечет срок аренды дома в Йорке. Гвен поставила условием возобновления ежемесячных выплат Верити ее возвращение в Англию. Это не означало, что золовка не сможет явиться на Цейлон и предъявить новые требования, но, по крайней мере, Гвен получила передышку.

Фрэн поговорила с Сави, и, пока Лоуренс был в отъезде, Гвен согласилась встретиться с ними обоими в Нувара-Элии. Сави хотел объясниться с Гвен наедине, и они решили прогуляться вдоль озера. Ей вообще не хотелось с ним видеться, но она понимала, что это необходимо.

Сави подошел к ней и протянул руку.

Гвен опустила глаза в землю и не взяла ее.

– Как дела в Коломбо? – спросила она, не глядя на него. – Мы видели начало беспорядков. – Последовала пауза. Гвен услышала вздох и сама стояла молча еще некоторое время. Подняв глаза, она увидела, что кожа у глаз Сави собралась в морщинки. – Простите, – сказала она.

Ноздри его затрепетали, и Гвен почувствовала, что он сдерживает гнев.

– Когда Фрэн сказала мне, я пришел в ужас. Я думал, мы друзья, Гвен. Как вы могли подумать, что я способен нанести вам такое оскорбление?

Гвен бросило в жар, и она снова повесила голову:

– Я не знала, что думать.

– И тем не менее приписали это мне. Ради бога, Гвен! Вы что, не можете даже смотреть на меня?

Она посмотрела и, видя боль в его глазах, сокрушенно покачала головой.

Сави щелкнул суставами пальцев, но ничего не сказал.

В этой напряженной атмосфере Гвен искала нужные слова, цеплялась мыслями за все подряд, но наконец нашлась:

– Я не хотела так думать о вас. Мне было плохо от этого, но я не могла найти другого объяснения. Мне очень жаль.

– Ох, Гвен!

Ее разобрал гнев, но скорее на себя, чем на него.

– Я начинаю любить Лиони. Вы знаете? Столько лет я отвергала ее. Вы можете представить, каково это? Хоть немного?

– И тем не менее, будь она белой, даже если бы я действительно сделал эту ужасную вещь, вы бы ни о чем не задумались.

– Это нечестно. Если бы девочка была белой, у меня не появилось бы причин думать, что она не дочь Лоуренса.

Сави вздохнул:

– Он всегда меня недолюбливал. Я не знаю почему.

– Лоуренс – человек разумный.

– Не в тех случаях, когда дело касается меня.

Гвен протянула ему руку. Он не взял ее, а вместо этого отошел к кромке воды. Гвен быстро сглотнула и бросила взгляд на собравшихся неподалеку птиц. Сави резко обернулся, и птицы, сорвавшись с места, понеслись над водой.

– Все эти годы вы жили в аду. Почему вы не поговорили со мной?

– Тогда я была очень молода и напугана. Я не знала, что делать. Пробыла здесь совсем недолго и вас почти не знала. – Гвен смотрела, как на шее у Сави пульсирует жилка, и ждала, когда он заговорит. Но он молчал, и она продолжила: – Я находила вас очаровательным. Даже очень, честно сказать. Лоуренс был холоден ко мне. Я чувствовала себя одинокой. Но потом, когда родилась Лиони, я возненавидела вас.

– Сожалею, если дал вам повод для этого, – с горечью в голосе произнес Сави.

Гвен посмотрела на него. Его искренность была крайне убедительной, но она не знала, как совладать со своими противоречивыми чувствами. Она испытывала невероятное облегчение, окончательно уверившись, что Сави не отец Лиони, и одновременно ужасалась тому, что могла так плохо думать о нем.

На глазах у него застыли слезы, но заговорил он с улыбкой:

– Подведем под этим черту? Я женат на вашей кузине, теперь ваш зять. Можем мы начать сначала?

– Мне бы этого хотелось.

Сави протянул руки, и Гвен подошла к нему, трепеща от облегчения, с влажными глазами. Когда они отстранились друг от друга, она утерла слезы. Сави взял ее руку и нежно поцеловал:

– Если я могу чем-то помочь... найти какие-то записи, посидеть в архивах в Коломбо. Разобраться, есть ли какие-нибудь сведения, которые помогут нам подобрать ключ к наследию Лиони. Под этим я, конечно, подразумеваю наследие вашего мужа.

– Спасибо вам, – улыбнулась Гвен. – Огромное спасибо! Не могу передать, как много это для меня значит. Простите.

– Я удивлялся, почему наши пути так редко пересекаются и вы сами на себя были не похожи в тот раз, когда я приезжал в ваш дом с Верити.

– Она привезла вас только для того, чтобы насолить мне.

– Думаю, вам стоит поговорить с *айей*. Часто слуги, много лет прожившие в доме, знают о семье больше, чем сами члены семьи.

Гвен убрала за ухо прядь волос, которую трепал ветер:

– Вряд ли Навине что-нибудь известно. Она первая убедила меня, что нужно отдать Лиони в деревню.

– Понимаю. Поиски могут занять какое-то время. Такие вещи обычно тщательно скрывают, но у меня есть хорошие связи, и если нам есть что искать, а я уверен, что есть, то мы это найдем. Я сообщу вам, как только узнаю что-нибудь конкретное.

– Спасибо.

– А теперь не хотите ли пообедать? Фрэн ждет нас.

– Благодарю, но я лучше немного посижу здесь.

Сави сложил ладони перед грудью и слегка поклонился, как при их первой встрече. Казалось, это было так давно.

Он ушел, а у Гвен, наконец освободившейся от чувства вины, закружилась голова. Но как странно все обернулось! Если бы Фрэн не познакомилась с Сави и не вышла за него, она, Гвен, никогда не узнала бы, что не совершала измены. Теперь она в этом уверена, но все равно нужно еще найти подход к Лоуренсу. Он должен узнать, что Лиони – его дочь. Оставался один вопрос: поговорить с ним сейчас или ждать, пока она откопает какие-нибудь свидетельства того, что в его семье есть цейлонская кровь.

Гвен покрутила в голове эту мысль. Нет, лучше подождать. Она плотнее завернулась в шаль, так как поднялся ветер, и едва могла поверить, что этот день близок. И все же, несмотря на радость, что ей больше не нужно таить в душе ненависть к Сави, ничто не могло стереть из памяти тот факт, что она отдала своего ребенка чужим людям. Гвен сидела на скамье, смотрела, как ветер гнет деревья на другом берегу озера Нувара-Элия, и никогда еще не чувствовала себя такой одинокой.

Как только Гвен и Лоуренс вернулись домой, они узнали, что новый товар под маркой «Хупер» после декабрьского появления в продаже стал пользоваться спросом, и, хотя цены на чай сильно упали, прибыли обещали быть значительными. Кристина тоже написала им из Америки, ее слова поддержали их позитивные ожидания: все будет становиться только лучше, уверяла их Кристина. Впервые Гвен слышала имя этой женщины, не испытывая ни малейшей неприязни.

Хью тоже приехал домой на выходные. Он свыкся с тем, что Лиони больше не может играть с ним на улице или плавать в озере, и все равно проводил рядом с ней долгие часы – читал ей книжки и учил разгадывать кроссворды.

Гвен наткнулась на них, сидящих рядышком в углу детской и таких счастливых, что сердце у нее на миг замерло. Обоим было по восемь, но выглядели они совершенно по-разному: Хью крепко сбитый и высокий, совсем как Лоуренс, а Лиони хрупкая и хорошенькая. С каждым месяцем она все больше начинала походить на Гвен. Ее английский улучшился, девочка теперь говорила с отличным произношением. Верити в доме не показывалась. Гвен чувствовала себя свободнее и могла уделять больше времени обоим детям.

Она улыбнулась и спросила:

- Что вы там делаете?
- Рисуем, мамочка, – отозвался Хью.
- Можно мне взглянуть?

Он подтолкнул к ней два листа, и Гвен присела на корточки, чтобы рассмотреть их. Хью довольно прилично изобразил аэроплан – такой, какие использовали во время Великой войны.

- Это немецкий самолет, – пояснил он.
- Очень хорошо.

Но, взглянув на второй лист, Гвен увидела, что Лиони опять нарисовала водопад.

- Она все время рисует водопад, мама.
- Да.
- Ты можешь отвезти ее туда, чтобы она посмотрела? Один раз-о-о-чек, – ноющим голосом протянул Хью.
- Я пришла сюда не для того, чтобы разговаривать про водопады, дорогой. Я пришла сказать, что пора мыть руки перед обедом.
- Можно Лиони пообедает с нами?
- Ты знаешь, что Лиони ест с Навиной.
- Я считаю, что это нечестно.
- Правда? Ну, вероятно, ты не откажешься обсудить это со своим отцом за обедом.

Хью улыбнулся ей:

- Ладно, мама, ты выиграла.

Гвен так и не привыкла спать в комнате Лоуренса. Когда он возвращался домой, то обычно ночевал в спальне Гвен. В последнюю ночь перед очередным отъездом ее тронула его нежность. После того как они позанимались любовью, он крепко поцеловал ее в губы и со слезами на глазах погладил по щеке.

- Ты знаешь, что можешь сказать мне все, Гвен.
- Конечно. А ты мне.

Он закрыл глаза, но она видела, что подбородок у него едва заметно подрагивает.

Они решили не тушить свечу – пусть сама догорит. Гвен смотрела в потолок в мерцающем свете и думала о словах Лоуренса. Может быть, лучше сказать ему правду про Лиони сейчас, хотя она еще ничего не узнала? Она начала, упомянув Хью. Лоуренс пробормотал

что-то в ответ, а потом почти мгновенно уснул. Гвен услышала его размеренное дыхание, повернулась на бок и прижалась к нему всем телом.

Их разбудили тихие всхлипы, доносившиеся из детской. Гвен пошарила рукой в темноте, ища выключатель лампы, откинула одеяло, спустила ноги на белый ковер и встала. Она посмотрела на часы. Три утра. Накинула на плечи халат, натянула теплые носки, радуясь, что Хью в школе и его ничто не потревожит.

Гвен прикоснулась к лицу Лоуренса:

– Я пойду. Тебе завтра в дорогу, так что спи.

Он промычал что-то и перевернулся на другой бок.

В детской над кроватью Лиони склонилась Навина.

– Она говорит, у нее болят ноги, леди.

Гвен нагнулась к дочери:

– Пододвинь стул, Навина. Я возьму ее на колени. Доктор велел тебе растирать девочке ноги, если появится боль, но сегодня я займусь этим сама.

Навина подтащила стул и, пока Гвен устраивалась на нем с ребенком, принесла из буфета бутылочку с ароматным маслом и налила немного на протянутую ладонь хозяйки.

– Трите нежно, леди. Как бабочка.

– Хорошо, не беспокойся. – Гвен не раз наблюдала за тем, как это делает Навина, и знала, какую силу нужно прикладывать.

Лиони продолжала хныкать и кашлять. Гвен массировала ей ноги и тихо напевала. Постепенно девочка успокоилась, закрыла глаза и уснула. Гвен не хотела будить ее, а потому остаток ночи провела на стуле с ребенком на руках и заметила, как одеревенело у нее все тело, только когда на рассвете в комнату заглянул Лоуренс.

– Я принес тебе чая, – сказал он и поставил чашку с блюдцем на маленький столик. – Ты, должно быть, устала.

– Немного застыла.

– Давай я положу девочку в постель. Ты позволишь мне?

Он смотрел на нее с такой заботой, что она молча кивнула.

Уложив Лиони, Лоуренс попросил Навину принести одеяло для Гвен.

Когда она встала, каждый мускул ее тела болел. Она потянулась и приложила палец к губам:

– Пусть спит.

– Я позову врача, если хочешь.

– Не нужно. Он ничем не поможет. Сильное обезболивающее он уже прописал. Велел давать его изредка, пока... – Гвен проглотила вставший в горле ком. – Она была такой прекрасной пловчихой.

Лоуренс обнял ее и отвел в спальню:

– Пожалуй, я все же позвоню доктору, если ты не возражаешь. Боюсь, мне скоро нужно будет уехать, чтобы успеть на поезд. Но до того я хочу тебе кое-что показать.

– Дорогой, прошу тебя, давай не сейчас. Я так устала, мне бы поспать хоть часок.

Приехавший доктор подтвердил, что пора увеличить дозу обезболивающего для Лиони.

– Не постоянно, – сказал он, – но если вы думаете, что это необходимо, то давайте.

– Ей ведь не станет лучше? – (Партридж покачал головой.) – Долго еще? – спросила Гвен, не сводя с него глаз.

– Кто знает. Она может протянуть еще немного... С другой стороны... – Он развел руками, изображая неуверенность. – Она еще может стоять?

– Да.

Когда пришло ясное осознание ситуации, Гвен охватило необыкновенное спокойствие. Раз осталось совсем мало времени, она скажет Лоуренсу, как только он вернется. Но до того она должна сделать для Лиони одну вещь.

После ухода врача Гвен принесла девочку в свою спальню, посадила на стул у окна и пошла за чистой одеждой в детскую. Увидев в руках вернувшейся леди свое платье, Лиони захлопала в ладоши. Это было одно из тех, что Навина перешла для нее из вещей Гвен, – ярко-красное, почти алое, с английским шитьем. У Лиони была и любимая красная шаль, и красные носки, которые она надевала с резиновыми сапогами. Хью всегда говорил, что она похожа на Красную Шапочку.

Когда Лиони была как следует одета, Гвен вышла посмотреть, вернулся ли Макгрегор, отвозивший Лоуренса на станцию. Увидев «даймлер», припаркованный у дома и с ключами в замке зажигания,

Гвен улыбнулась и сунула в карман ключи. Ни к чему оповещать управляющего, что она берет машину.

В комнате Навина суежилась вокруг Лиони.

– Думаешь, я поступаю правильно? – спросила Гвен старую *айю*.

Та медленно кивнула:

– Пусть один разок посмотрит на воду.

Они поехали. Гвен надеялась, что найдет поворот, который ей однажды показывала Верити, когда учила ее водить машину.

Гвен действовала в порыве чувств, но не жалела, что увезла Лиони из дому. Малышка столько раз просила. Нужно только проявлять осторожность, и все будет хорошо. По дороге Гвен размышляла о том времени, которое Лиони провела на плантации, и вспоминала, как она кричала: «Я летаю!», когда плавала, как весело кружилась, если ее что-то радовало.

Забывшись, Гвен чуть не проехала едва заметный среди густой растительности поворот. Ключья рваных облаков плыли по бледному небу, дул слабый ветерок. Она остановилась и опустила стекла, чтобы в окна вошел свежий запах мяты и эвкалиптов. Потом с особой осторожностью, чтобы Лиони не слишком трясло, поехала по изрытой ямами и усеянной камнями дороге.

– Высунься наружу, Лиони, – сказала Гвен. – Ты чувствуешь запах воды? Мы, наверное, уже близко.

Девочка высунулась и огляделась. Гвен видела в зеркале, как развеваются по ветру темные волосы дочери. Она поехала дальше, внимательно следя за дорогой, но вскоре уловила звук падающей воды и поняла, что они почти на месте.

– Ты слышишь? – громко спросила Гвен и обернулась к Лиони. Лицо девочки сияло от радости. Припарковав машину, Гвен вылезла, подошла к пассажирской дверце и открыла ее. – Я не могу подъехать ближе.

Она прислонилась к машине, а Лиони свесила ноги с края сиденья и жадно прислушивалась к шуму падающей воды. Через некоторое время девочка похлопала по руке Гвен, прервав ее мысли. Пришлось наклониться, чтобы понять, что та говорит.

– Я не вижу. Можно мне выйти?

Гвен нахмурилась. Доктор сказал, что, хотя девочке можно ходить или стоять минут десять, более долгие прогулки могут спровоцировать

боль.

– Нет, – сказала она. – Это опасно.

– Пожалуйста. Немножко ближе. Пожалуйста! – Лиони посмотрела на нее умоляющим взглядом.

– Это плохая идея. Посмотри отсюда.

– Я осторожно.

Увидев страстное желание в глазах дочери, Гвен сдалась. Если болезнь будет прогрессировать, как предсказывал врач, это, может быть, для Лиони единственный шанс увидеть, как падает вода.

– Хорошо, но я буду все время держать тебя, ладно? Я отнесу тебя туда, где будет лучше видно.

Вода промыла в камнях углубление в форме подковы. Гвен подошла с девочкой на руках ближе к его краю и остановилась на безопасном расстоянии от обрыва, но достаточно близко, чтобы видеть падающую воду.

– Не шевелись. Держись за меня крепко. Смотри туда. – Гвен указала вправо. – Видишь, вон там...

– Я буду осторожно.

Гвен глянула вверх. Облака сгустились и закрыли солнце. Пахло влажной зеленью, сырой землей и чем-то неопределенным от самой воды. «Какими-то солями, – подумала Гвен, – или еще чем-то, что вода впитала в себя по пути». Она услышала позади шум и оглянулась через плечо, но это была всего лишь пара обезьян, которые прыгали среди ветвей.

– Ты любишь воду, да? – громко сказала Гвен и покрепче обняла Лиони.

Девочка посмотрела на нее, лицо ее сияло от восторга.

Прошло несколько минут. Гвен не отрывала глаз от скалистых уступов напротив, где вода взлетала, прежде чем с грохотом упасть в омут, где утонула Кэролайн. Самого омута не было видно, Гвен могла только представлять себе пенящуюся внизу воду и отчаяние, которое испытывала ее предшественница.

В этот момент Лиони запрокинула голову и радостно засмеялась, потом подняла вверх руки. Ветер смахнул с нее красную шаль. Гвен нагнулась подхватить ее и ослабила свои объятия всего на пару секунд. Солнце выглянуло из-за облаков и ослепило ее ярким светом, отраженным от кристально чистой сверкающей воды. В лицо полетел

поднятый с земли ветром песок, а за спиной раздался рокот мотора. Глаза у Гвен заслезились, она пыталась удержать Лиони, но девочка выскользнула у нее из рук.

Пока Гвен протирали глаза, Лиони стояла, освещенная солнцем, спиной к водопаду. Снова сильно дунул ветер, девочка испуганно покачнулась и, растерявшись, сделала шаг назад, а не вперед. Гвен протянула к ней руку, Лиони пошатнулась под новым порывом ветра, раздувавшим ее красное платье и толкавшим малышку к бездне.

За долю секунды Гвен ощутила всю силу своей любви к дочери – абсолютной, до замирания сердца.

Лиони упала на колени.

– Не поднимайся! – крикнула ей Гвен и, встав на четвереньки, поползла вперед, чтобы схватить девочку.

Вдруг рядом оказался Лоуренс. Он сгреб Лиони в охапку и отнес к машине. Гвен, не вставая с колен, ошалело глянула вниз. Опасность была совсем рядом. Ветер стих, Гвен кое-как поднялась на ноги и кинулась к Лоуренсу.

– Дай ее мне! – крикнула она и крепко обняла трясущегося ребенка.

Никто не говорил ей, что быть матерью – это значит чувствовать любовь настолько безусловную, что от нее захватывает дух, и страх настолько ужасный, что потрясает до глубины души. Никто не говорил, как близки эти два чувства. В голову Гвен заползла пугающая мысль. Если бы у нее хватило смелости спрыгнуть вниз, все закончилось бы. Годы жизни под гнетом вины. Страх. Ненависть к себе. Все. Потом эта мысль пропала.

Но Лоуренс, должно быть, заметил что-то в ее лице.

– Нет, Гвен. Подумай о другом своем ребенке.

Все еще не придя в себя от пережитого шока, она слышала голос Лоуренса, но слов не понимала.

– Что ты сказал?

– Я сказал, подумай о другом своем ребенке.

Она уставилась на него. Все вокруг стихло. Застыв в этом мгновении, Гвен ощущала ласкающее дуновение ветра на щеках. Она огляделась, каждая деталь окружающего мира виделась ей абсолютно отчетливо, хотя она ни к чему конкретному не приглядывалась. Трава казалась какой-то не такой, словно ветер раскачивал ее стебельки

медленнее, чем обычно. А насекомые – их так много, но они как будто зависли в воздухе и не двигаются. И птицы перелетали с дерева на дерево как-то тяжело и неспешно. Вдалеке послышался шум. Какой-то крик. Кто это? Коза? Колокол звонит? На мгновение в голове у Гвен замерли все мысли, словно мир пришел ей на помощь, хотел спасти от боли, от сожалений о содеянном. Но боль не исчезла. И наконец вернулась полной мерой вместе со звуком падающей воды.

Гвен посмотрела на Лоуренса:

– Ты знаешь? – (Он кивнул.) – Давно?

– Нет.

– Я думала, ты уехал в Колombo.

Лоуренс с обеспокоенным видом покачал головой:

– Мне было нужно поговорить с тобой. Я не мог уехать. Слушай, в багажнике есть одеяла. Я сейчас отвезу вас домой. А машину мы с Ником заберем позже.

Гвен обернулась, посмотрела на то место, где стояли они с Лиони, и задрожала, представив, что могло случиться. Пока Лоуренс доставал одеяла, она держала дочь и, глядя ее по щекам, шептала ей все те слова, которые до сих пор не осмеливалась произнести. Говорила, как она виновата, просила прощения, повторяла это снова и снова. Хотя девочка едва ли понимала все эти слова, но смотрела в глаза Гвен и улыбалась.

Когда Лоуренс вернулся, Гвен взглянула на него:

– Это было безрассудно. Не стоило привозить ее сюда, но она так хотела увидеть водопад.

– Она в шоке. Все будет хорошо. Ты стояла довольно далеко от края. Из-за ветра тебе показалось, что вы совсем близко, но на самом деле опасности не было. Поехали отсюда.

Лоуренс взял Лиони и, прижав к себе, отнес в машину, усадил на заднее сиденье и погладил по волосам, сказав:

– Теперь все в порядке, малышка.

В небе с криком пронеслась какая-то птица, Гвен посмотрела на кусок ткани, который так и держала в руке, – красную шаль Лиони. Она подняла ее вверх и разжала руку. Ветер подхватил шаль и поволок в ущелье, играя с ней, как с воздушным змеем, мямл и трепал ее, пока та шла к неизбежному снижению. Мелькнув яркой точкой на фоне

сверкающей воды, шаль в последний раз трепыхнулась и исчезла из виду.

Глава 35

Пять недель спустя прекрасным майским утром Лиони тихо умерла во сне. Гвен проводила с ней бóльшую часть времени, гладила по лбу и берегла от жары. Потом они с Навиной вымыли ее и расчесали ей волосы. Гвен глубоко погрузилась в тоску, отстранилась от всего близкого и знакомого и уже не надеялась когда-нибудь выбраться из этого горя и вернуться к нормальной жизни.

Вскоре после инцидента у водопада Лоуренс захотел объяснить ей, как он узнал. Что-то обнаружилось в семейном архиве, сказал он, как и предполагала Фрэн, но Гвен была тогда так расстроена ухудшением состояния Лиони, что не могла углубляться в детали.

– Позже, – сказала она, – ты расскажешь мне все это позже, – разразилась слезами и выбежала из комнаты.

В тот момент она не могла обсуждать, почему отдала свою дочь чужим людям, слишком сильна была боль.

Теперь, не способная ни говорить, ни пить, ни есть, она больше всего сожалела о том, что слишком поздно поняла, как сильно любила Лиони. Больше она никогда ее не увидит, не погладит по волосам, не услышит ее голоса и не сможет восполнить того, что не успела ей дать. Это было самое худшее. Боль от утраты дочери не уменьшалась. Ей предстояло жить после смерти своего ребенка, это казалось физически невозможным. Ужасную шутку сыграл с ней безразличный мир.

Навина положила одетую в длинное белое платье Лиони в детской. Гвен стояла чуть в стороне и в немом отупении смотрела на девочку. Несколько слуг пришли положить цветы вокруг Лиони. Даже Макгрегор появился. Когда он вошел в комнату, горло Гвен сжалось. Она взглянула на него еще до того, как он посмотрел на Лиони, и увидела, что он очень бледен. Гвен сглотнула вставший в горле ком и подошла к постели. Макгрегор посмотрел на нее и протянул ей руку, в глазах его застыла боль. Гвен никогда еще не видела его таким и подумала, не вспоминает ли он тот день, когда хоронили Томаса.

Наконец все ушли, и Гвен, оставшись одна, прикоснулась к щеке дочери, холодной и такой бледной, какой она никогда не была при жизни. В тот момент Гвен благословляла свою душевную боль. Это было справедливое наказание. Она поцеловала Лиони в лоб, в

последний раз погладила ее по волосам, после чего отвернулась и вышла, едва дыша.

Хью ничего не сказали. Лоуренс решил, что для него лучше остаться в пансионе на несколько недель, пусть узнает об всем, когда приедет домой на каникулы. Так что, когда на следующий день хоронили Лиони, Хью не было.

Идя по расчищенной садовником дорожке к месту, где была могила Томаса, Гвен ничего не чувствовала, но едва не упала в обморок при виде глубокой прямоугольной ямы, ожидавшей, когда в нее опустят гроб с телом Лиони. Навина шла рядом с Гвен, обняв ее рукой за талию, поддерживая, как ребенка. Не в силах устоять на ногах, Гвен чувствовала себя старухой. Лицо Навины почти ничего не выражало. Интересно, о чем сейчас думает *айя*? – размышляла Гвен. В голове у нее промелькнула мысль, что слуги приучились не выказывать своих чувств.

Когда гроб опустили в могилу, Гвен пришлось бороться с желанием прыгнуть в яму следом за ним. Вместо этого она опустилась на колени и бросила вниз букет белых маргариток, который глухо стукнулся о крышку гроба. Она посмотрела вверх с почти невыносимым ощущением безнадежности и услышала за спиной плеск волн озера. Вот что припас для нее мир. Воду Лиони.

– Пожалуй, я пойду поплаваю, – произнесла Гвен, когда Лоуренс помог ей встать.

Он поговорил с Навиной, потом пошел вместе с Гвен в ее комнату, где стоял молча и смотрел, как она переодевается в купальник. Она с трудом снимала с себя плохо сидящее черное платье. Лоуренс не предлагал ей помощь и был прав. Гвен все равно не позволила бы. Похоже, он понимал, что она должна все делать сама, чтобы не разучиться совершать простейшие действия. Когда она была готова, Лоуренс пошел в свою комнату, переделся и вернулся за женой.

Вода показалась ей холодной.

– Ты согреешься, когда поплывешь, – сказал Лоуренс. – Махнем до острова?

Гвен зашла глубже и пустилась вплавь, чувствуя, что готова плыть и плыть, никогда не останавливаясь. На середине озера Лоуренс предложил ей отдохнуть на острове. Гвен согласилась, но, когда они выбрались из воды на берег, оказалось, что торчать на ветру слишком

холодно. Она посмотрела на их дом, который так любила, но где столько страдала, мучимая страхами.

– Давай поплывем к лодочному сараю, – предложил Лоуренс, вторгаясь в ее мысли. – Когда ты заговорила о купании, я попросил Навину приготовить полотенца, разжечь там камин и принести термос с чаем.

Гвен кивнула и поплыла назад уже не так быстро, силы ее истощались. Когда Лоуренс помогал ей выйти из воды и подняться по ступенькам к двери маленького домика, ноги у нее подкашивались.

Дрова только занимались в камине. Гвен села на пол у огня, прижала колени к груди и протянула ладони к теплу. Лоуренс завернул ее в большое махровое полотенце, а другим стал вытирать ей волосы. Она прислонилась к нему, и наконец из глаз ее полились слезы. Гвен прижалась к груди мужа, ощутила биение его сердца и зашмыгала носом. Она плакала об ушедшей из жизни Лиони и о том, что Лоуренс так и не успел признать по-настоящему свою дочь. Гвен плакала о том, что жизнь может дарить невероятную радость и наносить такие жестокие удары, которые, кажется, невозможно стерпеть.

Гвен прижималась к Лоуренсу, а он гладил ее по спине, возвращая чувствительность мышцам и коже. Так продолжалось долго. А потом, когда он осушил ее слезы, она испытала облегчение – часть боли ушла – и благодарность к мужу за душевную щедрость.

Они вместе сидели на полу. Гвен смотрела на огонь, а Лоуренс разлил чай по чашкам, добавив в каждую немного бренди.

– Не пора ли нам поговорить? – спросил он.

Последовала долгая пауза, и наконец, когда Гвен была готова, она посмотрела на него:

– Давно ты знаешь?

– О Лиони?

Она кивнула:

– Я знаю, ты пытался сказать мне раньше. Скажешь сейчас?

– Ты помнишь ту посылку? О которой спрашивала меня?

– Я почти забыла о ней.

Они помолчали.

– Я связался со своим поверенным в Англии и попросил его получить доступ в маленькую квартиру в нашем доме, которая не

сдана внаем. В ней хранятся разные документы того времени, когда мои родители часть года проводили там.

– Какие документы?

– Семейные бумаги. Моя мать любила этот старый дом, всегда мечтала провести в нем остаток дней, потому и держала документы там. – (Гвен кивнула.) – Я поручил поверенному найти их и прислать мне. Я знал, что Верити видела эти собранные матерью бумаги, но сам их никогда не просматривал. Это был просто порыв, правда. Верити однажды намекнула, что есть вещи, которых я не знаю о нашей семье. В тот момент, сказать по правде, я не поверил ей, но подумал: вдруг там найдутся какие-нибудь объяснения родства Лиони с Навиной? Я хотел выяснить, действительно ли они родня.

– И что ты нашел?

– Фотографии, письма, документы... и один очень затертый кусок пергаментной бумаги. – Лоуренс помолчал. – Свидетельство о браке моего прадеда Альберта. – (Гвен ждала продолжения.) – Мою прабабку звали Сумина. Она была родом не из Англии и даже не из Европы – она была сингалка. И умерла вскоре после рождения моей бабки. Родители ничего мне о ней не рассказывали.

«Наконец-то, – подумала Гвен, – вот она, правда, столько лет хранившаяся под спудом».

– Значит, у Лиони такой цвет кожи от нее?

– Думаю, да, – кивнул Лоуренс. – Если бы ты сказала мне, Гвен, мы могли бы выяснить это с самого начала. И дочь осталась бы с нами.

Гвен покачала головой:

– Мы были женаты совсем недолго и мало знали друг друга. Если бы я сказала тебе тогда, ты отослал бы меня прочь. Ты сделал бы это против своего желания, но это было неизбежно. Ты подумал бы, что я тебе изменила. – Краска отхлынула от лица Лоуренса, он хотел заговорить, но Гвен приложила палец к его губам. – Это правда. Мы не успели бы дойти до поиска другой причины.

Лоуренс ничего не отвечал, и из этого Гвен заключила, что ее слова попали в точку. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

Лоуренс глубоко вдохнул:

– Я расспросил Навину, и она подтвердила мои предположения – призналась, что ты родила близнецов. Это потребовало от меня

немалых усилий, поверь. Навина очень предана тебе. – Он замялся. – Господи, что тебе пришлось вытерпеть за все эти годы! Прости меня. – (Гвен быстро заморгала, чтобы сдержать слезы.) – Когда Верити явилась ко мне с рассказом о Лиони и твоём предполагаемом увлечении Сави Равасингхе и попросила вернуть ей содержание, я уже знал, что это неправда.

– Но ты сделал, как она просила, чтобы я решила, будто ты выполнил мое желание. – (Лоуренс кивнул.) – А Верити видела это свидетельство о браке?

– Мне очень жаль, Гвен. Уверен, что видела, но я не хотел говорить ей, что знаю про Сумину, пока не найду способ объясниться с тобой. – Он нахмурился. – Я просто не знал, как к этому подступить.

Гвен покачала головой:

– Верити знала правду и все равно пыталась шантажировать меня. Почему ей так нужны деньги?

– Думаю, она боялась замужества с Александром – вдруг у нее тоже родится цветной ребенок.

– Но она была влюблена в Сави?

– Сомневаюсь, что она его любила. Скорее дело в том, что в некоторых кругах смешанный брак считается достаточной причиной для появления на свет цветного ребенка. Ей нужны деньги, чтобы жить независимо. Она не такая сильная, как ты, Гвен, позор уничтожил бы ее. Когда ты не поддалась на ее требования, она явилась ко мне.

Гвен медленно выдохнула:

– Но я поддалась. Я попросила тебя вернуть ей содержание.

– Думаю, Верити не рассчитывала на это.

Гвен помолчала.

– Она воровала деньги, Лоуренс, подделывая счета. Наверное, копила на будущее много лет, пока я не сказала ей, что все знаю.

Лоуренс повесил голову:

– Не стану ее оправдывать.

Гвен отхлебнула теплого чая и задумалась над его словами.

Он поднял глаза:

– Думаю, я начал догадываться в тот день, когда нес Лиони к озеру, хотя не хотел признаваться в этом самому себе. Но когда доставили документы и у меня открылись глаза, я увидел, как она похожа на тебя.

Гвен волной окатило чувство утраты, такое сильное, что она не знала, как с ним справиться. Она понимала, что это навсегда, но ради Хью ей нужно найти в себе силы и жить дальше.

– Так что мы теперь будем делать? – спросила она.

– Жить дальше. Правду о Лиони знаем только ты, я и Навина.

– И Верити.

– Полагаю, Хью мы скажем об этом позже, когда он подрастет и начнет больше понимать.

– Может, ты и прав, хотя я думаю, он прекрасно понимает, что его подружка по играм на самом деле – его сестра. – Она помолчала. – А как ты поступишь с Верити?

– Гвен, а как, по-твоему, лучше поступить? Мне стыдно за нее, но я не могу совсем отвернуться от сестры. Боюсь, у нее серьезные внутренние проблемы. – (Гвен покачала головой, ей было почти жаль свою золовку.) – Мы можем вернуться в Англию, если хочешь, – сказал Лоуренс. – Несколько лет у нас еще есть, но, думаю, когда Цейлон получит независимость, другого выбора не останется.

Гвен посмотрела на него и улыбнулась:

– Помнится, я говорила: если твое сердце принадлежит плантации, то и мое тоже. Цейлон все еще наш дом. Может, нам удастся что-то здесь улучшить. Давай останемся, пока нас не вынудят уехать.

– Я сделаю все, что смогу, лишь бы загладить прошлое. Все прошлое.

– Давай проложим хорошую дорожку к их могилам и расчистим вид на озеро оттуда. – (Лоуренс кивнул.) – Можно посадить цветы, – добавила Гвен, давась слезами. – Оранжевые бархатцы.

Он взял ее за руку. Она прильнула к мужу и посмотрела сквозь окно на озеро, там собирались водяные птицы – цапли, ибисы, аисты.

– В бумагах моей матери я нашел еще одну вещь, о которой не знал.

– О?

– Мать Навины и моя бабка были кузинами.

Гвен была потрясена.

– А Навина знает?

– Я так не думаю. – (Они немного посидели молча.) – Ей хорошо жилось здесь, – сказал Лоуренс.

– Да.

– Но мне больно оттого, что у меня было так мало времени с Лиони и я не имел шанса полюбить ее.

Гвен сделала глубокий вдох:

– Прости.

– Я тебя не виню. По крайней мере, она была счастлива в то время, что провела здесь.

– Все могло быть гораздо лучше.

Лоуренс устался в пол и снова заговорил приглушенным голосом:

– Есть еще кое-что, и я не знаю, сможешь ли ты простить меня за то, что я не сказал тебе этого раньше. – (Гвен закрыла глаза. Что еще может быть?) – Мне было стыдно. И теперь я ужасно сожалею. Это касается Кэролайн.

Глаза Гвен распахнулись.

– Да?

– И Томаса. – Лоуренс замолчал, и Гвен заметила, что у него на шее пульсирует жила. – Понимаешь, сын Кэролайн, мой сын... Томас. Он тоже был цветной. – (Гвен ахнула и прикрыла ладонью рот.) – Прости, что не сказал тебе. Думаю, именно это довело Кэролайн до края. Она была такой красивой и чувствительной женщиной. Я бы сделал для нее что угодно, но эмоционально она была очень хрупкой. Вскоре после рождения Томаса она стала много плакать и иногда испытывала панические атаки. Это приводило ее в болезненное состояние. Я сидел с ней ночи напролет, пытался как-то успокоить... но ничего не получалось. Что бы я ни делал, все было напрасно. Гвен, видела бы ты ее загнанный взгляд. У меня надрывалось сердце.

– Она говорила с тобой?

– Нет, хотя я пытался пробиться к ней. Помимо родных, о Томасе знали только Партридж и Навина. Мы не показывали его другим слугам, хотя Макгрегор, конечно, все узнал, когда достал Томаса из воды. Верити была дома. На каникулах.

Гвен слегка отстранилась от него и покачала головой:

– Верити знала?

– Это ужасно на нее подействовало.

– И многое объясняет.

Лоуренс кивнул:

– Вероятно, поэтому я всегда относился к ней так снисходительно.
– Почему Навина мне не сказала?
– Я умолял ее никогда не говорить об этом.
– Но именно она предложила мне отдать Лиони в деревню.
– Она видела, что случилось с Кэролайн. Наверное, она очень не хотела, чтобы ты пошла по тому же пути. – Он помолчал и ненадолго прикрыл глаза, прежде чем продолжить. – Боюсь, это еще не все, за что меня можно винить.

– Это не твоя вина.

– Моя, – покачал он головой. – Когда я увидел Томаса, то почувствовал себя обманутым и обвинил Кэролайн в связи с Сави Равасингхе, он ведь писал ее портрет. Она все отрицала, но я не поверил ей. – (Гвен крепко сжала губы и зажмурилась от ужаса.) – Клянусь тебе, я все равно любил ее и изо всех сил старался ей помочь!

Гвен открыла глаза и пристально взгляделась в его лицо:

– Боже мой, Лоуренс, ты наверняка мог сделать больше!

– Я пытался, честно, пытался. Но она совершенно перестала следить за собой. Я помогал ей мыться, одеваться, даже кормить ребенка. Я делал все, что только мог придумать, лишь бы вывести ее из мрака, и полагал, что мне это удалось, потому что незадолго перед смертью она как будто оправилась настолько, что я решился оставить ее на целый день... – Наступила пауза, Лоуренс быстро сглотнул. – Но я ошибся... это был тот день, когда она лишила себя жизни. Страшно то, что даже после ее смерти я не верил, что она мне не изменяла. А ведь если бы я поверил ей, это могло бы спасти ее.

Гвен вдруг поняла, о чем он говорит.

– Ты считаешь, она убила себя из-за тебя?

Он кивнул, сморщился и смахнул с глаз набежавшие слезы:

– Она все время говорила правду, хотя я понял это только после того, как послал за бумагами своей матери и узнал о Сумине. Я хотел поговорить с тобой, рассказать все о Кэролайн и Томасе... но чувствовал себя так, будто это я сам отвел их к водопаду и столкнул вниз. Я не мог говорить об этом с тобой.

Едва веря своим ушам, Гвен пришла в полное смятение. Она смотрела на Лоуренса, которого трясло от нахлынувших эмоций. Этот момент тянулся, казалось, целую вечность.

Когда он снова заговорил, голос у него дрожал.

– Как мне жить с этим, Гвен? Простишь ли ты меня когда-нибудь? – (Она понурилась.) – Дело не только в смерти Кэролайн. Она считала, что должна забрать с собой нашего ребенка, что не может доверить мне заботу о нем, крошечном беззащитном младенце. – Гвен слушала, как свистит ветер и плещутся волны у берега озера, и чувствовала себя раздавленной; Лоуренс взял ее за руку. – Я знаю, нужно было сказать тебе с самого начала, но я был уверен, что потеряю и тебя тоже.

Гвен забрала у него руку и на миг задержала дыхание. Потом она заговорила, и в ее голосе звучала печаль.

– Да, Лоуренс, тебе нужно было это сделать.

Она замолчала и долго не могла найти в себе сил, чтобы продолжить. Если бы Лоуренс с самого начала рассказал ей о Томасе, вышла бы она за него замуж или нет? Она была так молода тогда, действительно слишком молода.

– Мне невероятно жаль, что тебе пришлось пройти через все это в одиночестве. Я сожалею об этом сильнее, чем о том, что случилось из-за меня с Кэролайн. Я так любил ее.

Гвен закрыла глаза:

– Бедная, бедная женщина.

– Ты простишь меня за то, что я не открыл тебе всего?

Гвен пыталась свыкнуться с услышанным, она видела, что Лоуренс сидит, опустив плечи, подперев голову руками и уставившись в пол. Что сказать ему? Снаружи птицы умолкли и даже ветер стих. Ей нужно принять решение, которое может положить конец всему. Теперь ей многое стало ясно, однако образы прошлого теснились в ее голове, и она ощущала столь сильное чувство утраты, что не могла отвечать.

Тишина тянулась и тянулась, но наконец Гвен снова взглянула на мужа и увидела всю глубину его горя. Это помогло ей принять решение. Не ей было прощать или не прощать его.

– Ты должен был рассказать мне. – (Лоуренс поднял глаза и быстро сглотнул.) – Это была ошибка. – (Лоуренс наморщил лоб и кивнул.) – Мне нечего сказать по поводу Кэролайн, судьбу ее уже ничто не изменит. Тебе нужно научиться как-то жить с этим. Но, Лоуренс, ты хороший человек, если ты и дальше будешь винить себя в ее гибели, она от этого все равно не оживет.

Он протянул к ней руку, но она не сразу взяла ее.

– Ты не один совершал ошибки, я тоже сделала одну ужасную... Отдала свою дочь в чужие руки. – Глаза защипало, и она захлебнулась собственными словами. – А теперь ее нет.

Гвен взяла Лоуренса за руку посмотрела ему в лицо. Она знала, что творит с человеком жизнь под гнетом вины и страха. Это приносит боль. Такую сильную боль. Она подумала о том, что выстрадал Лоуренс. Вспомнила день своего приезда на Цейлон и ту девушку, которая стояла на палубе корабля и познакомилась с Сави Равасингхе. Вся жизнь была тогда перед ней, без намека на устрашающую хрупкость счастья.

Она вспомнила момент величайшего умиротворения, когда смотрела на сморщенное личико своего новорожденного сына, на его ручонки, которые вздрогнули и затряслись при его первом крике. Потом, будто это было вчера, она вспомнила, как разворачивает теплое одеяльце Лиони. И вновь испытала потрясение от вида этих крошечных пальчиков, круглого живота и темных-темных глаз.

Она подумала о годах вины и стыда, но также и о том, что было прекрасно в ее жизни на Цейлоне: о бесценных моментах, когда запах корицы смешивался с ароматом цветов; о пробуждениях по утрам в холодное время, когда от вида искрящейся на траве росы дух ее воспарял; о муссонах с их бесконечной завесой дождей и о блеске чайных кустов, который менялся с их окончанием. А потом по ее щекам вновь заструились слезы, и вместе с ними из сердца излились воспоминания, которые она лелеяла в душе с особой нежностью: Лиони, как рыбка, плывет через озеро к острову, кружится в воде и поет. Свободная.

Для такой маленькой девочки Лиони оставила по себе долгий след; ее призрак не исчезнет просто так. Гвен этого не допустит.

Лоуренс ласково гладил ее по волосам, как маленького ребенка, а она думала о Кэролайн и вдруг почувствовала такую близость с ней, что у нее перехватило дыхание. И наконец она вспомнила момент, когда перестала замечать цвет кожи дочери. Гвен почувствовала тепло руки Лоуренса у себя на голове и поняла, что будет до конца дней хранить в сердце последние слова Лиони: «Я люблю тебя, мама».

Так сказала девочка вечером, перед тем как умерла.

Гвен вытерла слезы и улыбнулась, глядя на стайку снявшихся с озера птиц. «Жизнь продолжается, – подумала она. – Бог знает как, но

продолжается». И понадеялась, что однажды, может быть, если ей повезет, она сумеет простить себя.

От автора

Идея написать эту книгу возникла у меня благодаря рассказам моей свекрови Джоан Джеффрис о детстве, проведенном ею в Индии и Бирме в 1920-е и в начале 1930-х годов. Она вспоминала разные истории, которые передавались в ее семье из поколения в поколение, в том числе об индийских и цейлонских плантаторах, и я задумалась об отношении к вопросам расы, в частности о типичных предрассудках того времени.

Следующим толчком стало знакомство с аудиоколлекцией Центра южноазиатских исследований Кембриджского университета. Там я обнаружила удивительные записи голосов, которые перенесли меня в то время. Написав развернутый план романа, я отправилась на Шри-Ланку. Хотя Хаттон, Дикойя и Нувара-Элия – это реальные населенные пункты, плантация Хупера – собирательный образ нескольких таких мест и помещена на большую высоту над уровнем моря, чем настоящие Хаттон и Дикойя. Жила я в бунгало чайного плантатора в гостиничном комплексе «Цейлонские чайные тропы» рядом с искусственным водоемом. Это, конечно, не описанное в романе озеро.

Среди окутанных туманами романтических холмов чайной плантации моя героиня могла бы вести невероятно роскошную жизнь, но я создала препятствие, которое подвергло испытанию на прочность ее убеждения относительно расовых различий, помогло раскрыть отношение к этому вопросу в колониальном обществе и показать, какой трагедией такая история могла обернуться для жены чайного плантатора.

С точки зрения медицины нет препятствий к тому, чтобы двое мужчин стали отцами гетерозиготных близнецов, но относительно рождения у белой пары цветного ребенка наилучшим образом задокументирован случай Сандры Лэйнг, родившейся у белых родителей-африканеров в Южной Африке в 1950 году. Девочка имела темную кожу, густые, сильно курчавые волосы и обладала прочими характерными чертами негроидной расы. Если вы хотите узнать больше о Сандре, обратитесь к книге Джудит Стоун «Когда она была белой. Правдивая история семьи, разделенной из-за расы» (Judith Stone «When She Was White: The True Story of a Family Divided by Race»),

или к страницам 70–73 книги Гэри Янга «Кто мы, и имеет ли это значение в XXI веке» (Gary Younge «Who Are We – and Should It Matter in the 21st Century?»).

В начале колониальной эпохи для британцев-мужчин было обычным делом отправляться на работу в Индию или на Цейлон и брать там в жены туземную женщину, так как считалось, что в этом случае человек осядет на новой земле и будет легче находить общий язык с местным населением. Со временем ситуация изменилась, особенно в связи с открытием в 1869 году Суэцкого канала. Больше незамужних белых женщин начали совершать путешествия, чтобы поймать на крючок богатого жениха, и отношение к потомкам смешанных браков стало менее терпимым; помимо прочего, считалось, что они могут быть не так лояльны к Короне.

Те, кто знаком с историей Шри-Ланки, заметят, что я изменила датировку двух событий, чтобы они лучше вписались в ход повествования. Одно из них – это мятеж, вызванный разногласиями по поводу того, на каком языке должно вестись преподавание в школе, а второе – «цветочная битва».

Благодарности

Я в долгу перед Эндрю Тейлором из «Цейлонских чайных троп», Шри-Ланка, за фантастический тур на чайную фабрику «Норвуд», где я так много узнала о чае и о былых временах на Цейлоне. Без сотрудников «Цейлонских чайных троп», которые так прекрасно дали нам ощутить атмосферу колониальной жизни, эта книга была бы менее аутентичной. Мы останавливались в прекрасном Каслри, расположенном рядом с озером в чайном краю, где я почти каждый день утыкалась носом в какую-нибудь историческую книгу из обширной местной библиотеки. Отдельная благодарность нашим «дворецким» и Надире Вирасингхе за рассказы о растущих в прекрасном саду гостиничного комплекса «Цейлонские чайные тропы» деревьях, цветах, травах и живущих там птицах. Спасибо нашему водителю/гиду Сударшану Джаясингхе и Марку Форбсу из Коломбо за экскурсию по городу, а также сотрудникам отеля «Галле-Фейс», где мы останавливались, приезжая в Коломбо. Вся поездка была великолепно спланирована Ником Кларком из «Experience Travel».

Я благодарна за массив информации, который можно найти в Интернете, особенно в YouTube, для визуализации представлений о Шри-Ланке в прошлом и настоящем. Одно произведение мемуарной литературы оказалось для меня особенно полезным: «Вокруг и около чая. Когда Шри-Ланка была Цейлоном» Дэвида Эббельса (David Ebbels «Round the Tea Totum: When Sri Lanka was Ceylon», AuthorHouse, 2006). Из этой книги я почерпнула богатейший материал для описания повседневной домашней жизни на плантациях, особенно о том, как было принято укладываться спать и как ритуализированно проводилась уборка.

Наконец, выражаю самую теплую благодарность моим неутомимым агентам Кэролайн Хардман и Джоанне Свейнсон, а также моему редактору Венетии Баттерфилд, равно как и всей команде издательства «Penguin», так усиленно работавшей для того, чтобы эта книга была опубликована. Спасибо всем.

Книги, которые были мне особенно полезны во время работы над романом:

Dictionary of Sri Lankan English by Michael Meyler, www.mirisgala.net

19th Century Newspaper Engravings by R. K. de Silva, Serendib Publications, London 1998

Vintage Posters of Ceylon by Anura Saparamadu, W. L. H. Skeen & Company 2011

Ceylon Under the British by G. C. Mendis, Asian Educational Services Third Edition 1951

Sri Lankan Wildlife by Gehan de Silva Wijeyeratne, Bradt Travel Guides Ltd, UK 2007

Sri Lanka in Pictures by Sara E. Hoffmann, TFCB 2006

---

notes

Примечания

1

Канди – государство, существовавшее в центральной части острова Шри-Ланка с XV по XIX в. В 1815 г. оккупировано британскими войсками и включено в состав королевской колонии Цейлон.

2

Памятные цветы – акции борцов за независимость Цейлона, которые устраивали в противовес ежегодной продаже маков 11 ноября, в день подписания в 1918 г. Компьенского перемирия, послужившего прологом к окончанию Первой мировой войны. Цейлонские активисты продавали в этот день цветы тюльпанного дерева и направляли доходы на поддержку нуждавшихся местных жителей.

3

Exactamundo — исковерканное на испанский манер английское *exactly* — именно; *chérie* — дорогая (фр.).

Table of Contents

[Дайна Джеффрис Жена чайного плантатора](#)

[Пролог](#)

[Часть первая Новая жизнь](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Часть вторая Тайна](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Часть третья Борьба](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Часть четвертая Правда](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[От автора](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)